Министерство образования Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение “ Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева”

Г.Ф. Быконя

Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII - начале XIX в. (демографо-сословный аспект)

Красноярск
2007

УДК 93 (18-19) (571.5); 351-755
БКК 63.3
Б 95

Ответственный редактор:
Н. И. Дроздов,
доктор исторических наук, профессор
Рецензенты:
Л. М. Дамешек,
доктор исторических наук, профессор
А. Р. Ивонон,
доктор исторических наук, профессор

Быконя Г. Ф.
Б 95 Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII - начале XIX века (демографо-сословный аспект) : монография / Г. Ф. Быконя ; Краснояр. гос. пед. ун-т им В. П. Астафьева. - Красноярск, 2007. - 416 с.
ISBN 978-5-85981-287-5

В монографии на обширном архивном материале впервые комплексно освещаются вопросы формирования сословного статуса казачества, нетабельной бюрократии и рядового состава регулярной армии. На активно осваиваемой восточной окраине при отсутствии помещиков – землевладельцев эти служебно-сословные разряды неподатного населения вместе с дворянами- чиновниками и духовенством выступали носителями отношений феодально-крепостнической эксплуатации централизованного типа. Однако превращение их в местную бюрократию даже феодального типа к началу XIX в. еще не было завершено. В чисто классовом отношении они входили в промежуточную служебную прослойку и были связаны в большей или меньшей степени с производительным трудом.

Книга рассчитана на историков- специалистов, аспирантов, студентов, учителей и всех тех, кто интересуется историей Сибири.

Печатается по решению редакционно – издательского совета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева

Работа выполнена при финансовой поддержке КК НФ 2004. Проект № 11F0115F. Автор благодарен за спонсорскую поддержку в издании книги землякам Игорю Александровичу и Юрию Александровичу Сиротининым.

ББК 63.3

© Красноярский государственный педагогический университет им. В. П.Астафьева, 2007

© Быконя Г. Ф., 2007

ВВЕДЕНИЕ

Сибиреведение, как одно из напрвлений российской исторической науки, стремительно развивается и в ширь, и в глубь, что вполне правомерно. Необычайно важная роль сибирского региона для судеб Европейской России была уже понята в «мудром и безумном осьмнадцатом столетии» его великим современником – Михаилом Васильевичем Ломоносовым. В настоящее время становится всё более очевидным, что темпы и характер развития Сибири имеют судьбоносное значение для всей России. Между тем, веками господствующий класс через государственный аппарат, выкачивая из Сибири огромные богатства, видел в ней, кроме возможности иметь новый запас прочности и «второе дыхание», дешевую ледяную тюрьму для всех противников господствующего социального порядка. Трудовое же население и в крепостническую эпоху, и в годы столыпинщины искало за Уралом сказочное Беловодье, где живут по принципу «вольный человек на вольной земле». Именно в этой огромной Восточной или Азиатской России выковался с XVII-XVIII вв. знаменитый сибирский характер, вобравший в себя все базовые, асинхронно и дистадиально выработанные, черты русской ментальности IX-XVIII вв., что позволило ему столь весомо заявить о себе и в XIX и в XX в. в годы страшных для Отечества испытаний.

В свете выше сказанного сибиреведческие сюжеты в отечественной исторической науке особенно привлекательны как в теоретическом, так и конкретно – фактологическом планах, ибо дают довольно редкую возможность полнее раскрыть через единичное и особенное общее.

Данная работа является продолжением монографии «Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – нач. XIX в.; (Формирование военно-бюрократического дворянства)», изданной в 1985 году. Она базируется на теоретических основах анализа сословно-классовой структуры позднефеодальной российского общества, сформулированных в диссертации (в виде научного доклада) на соискание ученой степени доктора исторических

наук, защищенной в 2002 году на тему: «Формирование и особенности сословно-социального статуса военно-бюрократического дворянства Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в.».

Основной вывод этих работ – нельзя все российское дворянство считать классом эксплуататоров – феодалов. Все беспоместные, особенно служилого происхождения, армейские и казачьи обер-офицеры, не говоря уже о классных чиновниках – личных дворянах, по размерам своего жалования не являлись корпоративными феодалами, а выступали лишь министерствами, то есть, в классовом отношении служебным социальным слоем.

Лишь некоторых из них из-за служебных злоупотреблений в материальной сфере можно считать нелегальными членами общегосударственной корпорации феодалов. Из них же в силу незаконности обладания своими значительными средствами только единицы могли в качестве частных лиц завести хозяйство помещичьего типа и стать носителями частно-феодального уклада, то есть выступать своего рода нелегальными частными феодалами». Эту возможность пытались реализовать на окраинах огромной Российской империи. Эти феодально-крепостнические замашки, естественно, встречали противодействие со стороны имущих и сословных низов, а в отдельных регионах и местных властей согласно директивам центра. В Сибири эти коллизии проявлялись особенно остро, ибо верховная власть видела в огромной зауральской окраине свою казенную вотчину и запрещала помещичье землевладение.

Обращение к теме данного исследования имеет известную актуальную научную, и практическую значимость. Оно будет способствовать пониманию сути нашего перестроечного времени, когда реанимировались монархические партии и организации российского дворянства, возродились казачьи войска, проводятся земельная и управленческая реформы, всё более острым становится вопрос о месте и роли госбюрократии и её соотношения с муниципальными органами и низовым самоуправлением, остро дискутируются вопросы

экономических приоритетов современного общества и характера его эволюции.

Объект данного исследования – низшие и низовые разряды военно-бюрократического аппарата управления на восточносибирской окраине Российской империи, представленные казачеством, неофицерским составом регулярных частей и затабельными чиновниками.

Предметом же исследования является процесс формирования этих разрядов, их положение и сословно-классовая сущность. До петровских времен они назывались «служилые люди по прибору» и «приказные люди». Поскольку эти термины отражали лишь функционально-ролевую функцию их и юридическое положение, а не социальную классовую сущность, то необходимо, на наш взгляд, выяснить, кем они являлись – чисто служебным населением, или часть их тоже выступали нелегальными феодалами, непосредственно примыкавшими к «черным» феодалам, о которых автор этих строк писал ещё в 1979 году.[1)]Их составляли имущие верхи тяглых сословий, которые сословно, то есть легально не входя в класс феодалов, являлись таковыми через кабалу своих собратьев по сословию (экономическое насилие) и ведущую роль в сословном общинном самоуправлении с его круговой порукой и карательными санкциями, (внеэкономическое принуждение).[1)] Советская историческая наука в этом вопросе ограничивалась лишь признанием имущественного неравенства, а не классового разложения феодального типа, хотя Маркс писал о наличии в европейском средневековье «чумазых лендлордов, а В.И. Ленин о крепостных при (имеющих крепостных). На наш взгляд неоправданно отсутствие специального понятия «служебное население» в специальной исторической литературе по XVIII-XIX вв., а казачество рассматривается обособленно. При системно-типологическом подходе неправомерно оставлять для них официальный термин «служилое население». Ведь это суперсословие объединяло только по функциональному признаку государственные службы различные по классовой сущности сословия и сословные разряды служилых людей «по отечеству» и «по прибору».

Территориальные рамки охватывают весь восточносибирский регион от Енисея до Тихого океана, что обусловлено его относительно автономным положением, особенностями естественно-географических условий, демографической обстановки, социально-экономического развития и правительственной политики.

По административно-территориальному делению на 20-е гг. XVIII в. собственно Восточная Сибирь и Дальний Восток входили в состав Енисейской и Иркутской провинций Сибирской губернии, а в первом десятилетии XIX в.- составили Туруханский, Енисейский и Красноярский уезды Томской губернии, всю Иркутскую губернию, Якутскую и Камчатскую области, а также управление Охотского порта.

Предлагаемая читателю данная работа является первым в отечественной истории исследованием этой темы как в масштабах всей страны, так и в заданных географических и хронологических рамках. Только в новейшем новаторском двухтомном труде Б.Н.Миронова «канцелярские служители» как часть российской бюрократии и вооруженые силы бегло и в общем плане характеризуются вместе как часть государственной машины. При этом мнение ученого, что затабельные канцелярские служители были «привилегированными крепостными государственных учреждений», а прочие неподатные недворяне тоже являлись казенными крепостными, вряд ли можно распространить на Сибирь.[2)]

Лишь одиночные фактологического плана статьи и разделы книг на Сибирь посвящались чиновничеству (С.М. Троицкий, В.В. Рабцевич) и солдатам (В.Н. Шерстобоев). Исключение составляла история казачества Сибири, которая традиционно привлекала внимание историков (об этом см. гл. IV).

Актуальность обращения к теме «Служебное население в Сибири в позднефеодальный период» состоит и в том, что в современной исторической науке, особенно за рубежом, их пытаются рассматривать как часть разночинцев

XVIII-XIX в., которые в значительно меньшей степени, чем считали представители буржуазно-демократического и марксистского направлений, входили в российскую интеллигенцию и играли ведущую роль в так называемом разночинском этапе освободительного движения. Так, американская исследовательница Эллис К. Виртшафтер, необоснованно включает разнородные податные и неподатные сословные разряды, по ее словам «социальные категории», в одно целое, и считает их наличие доказательством неопределенности и аморфности социальной структуры «позднеимперской (для XVIII в. - ? Г.Б.) России», и отсутствия в ней жестких рамок. При этом автора не смущают ни малочисленность выделенной ей общественной группы, ни качественная, составляющих ее «подгрупп», различная направленность социальных чаяний, например, у личных дворян с затабеленными чиновниками, с отставными солдатами, с бесприходным духовенством, с крестьянами-мануфактуристами, ни, наконец, серьезные региональные различия в их положении, особенно в Сибири по сравнению с Европейской Россией.[3)]

Работа написана преимущественно на новом архивном материале, почерпнутом в архивах, рукописных отделах библиотек и музеев Москвы, Ленинграда-Санкт-Петербурга, Костромы, Тобольска, Томска, Омска, Барнаула, Красноярска, Енисейска, Минусинска, Иркутска, Читы и Якутска. По своему характеру, происхождению и информационной насыщенности привлеченные источники самые разнообразные: законодательные акты из Первого Полного собрания законов Российской империи; делопроизводственные документы центральной и местной администрации, особенно Сената (Ф.248), Герольдмейстерской его конторы (Ф.286), Камер-Коммерц-и Ревизион-коллегий, Сибирского приказа (Ф.214), Сибирской губернской канцелярии (Ф.415), канцелярий Главного управления Сибирских и Казанских заводов, Нерчинского горного округа, Управления Сибирских и Казанских заводов, Нерчинского горного округа, провинций и уездов Восточной Сибири;

статистико-демографические, особенно ревизские материалы по первой-пятой переписям (Ф.350); окладные книги, исповедные росписи и метрические книги, формуляры и послужные списки чиновников, офицеров, унтер-офицеров и солдат (Ф.1349); материалы анкет Г.Ф. Миллера и В.Н. Татищева за 30-е-нач. 40-х гг. и М.В. Ломоносова с Г.Ф. Миллером за 60-е гг. XVIII в.; топографические описания и атласы Тобольского, Колыванского и Иркутского наместничеств за 1790, 1792, 1797-1798, 1805 и 1819 гг. (РГВИА, ГПБ РО, РГИА, ЛОИИ, ГИМ РО, ЦНБ РАН); опубликованные на немецком и русском языках дневниковые записки ученых-путешественников Д.Г. Мессершмидта, И.Ф. Табберта-Страленберга, И.Г. Гмелина, И. Георги, П.С. Палласа и Кочрена; воспоминания Т.П. Калашниковых и А.Е. Лабзиной, И.Ф. Парфентьева; рукописные историко-географические работы XVIII в. Т.И. Шмалева, Н.Ф. Богдановича и Щегорина; И.В. Якоби, Нордгауза, Э.Г. Лаксмана, А.И. Лосева; проекты И.А. Эверса с С.Г. Гарновским, генералов Лаврова, Г.Э. Штрандмана, полковника К.Ф. Казачковского и Г.С. Батенькова; материалы городовых летописей Иркутска, Енисейска и Якутска. Для раскрытия поставленной темы широко использовались имеющиеся документальные публикации дореволюционных авторов (К. Герман, Н. Семивский, П.Н. Головачев, Е.И. Сычевский, А.С. Сгибнев, А.И. Кытманов, Н.С. Щукин, А. Щербачев, Е.Д. Стрелов), советских и постсоветских исследователей.

Конкретная характеристика использованных источников, как и история изучения поднятых вопросов темы, дана по главам.

Примечания:

1) Быконя Г.Ф. По земельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII-XVIII вв. (Материалы к спецкурсу и спецсеминару). – Красноярск, 1979. Гл. 1.

2) Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского

общества и правового государства. Т. 2. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. С.134, 163.

3) Виртшафтер Эллис К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. – М.: Логос, 2002. Перевод с английского.

Глава.1. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И НЕПОДАТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Занимая верхние привилегированные и полупривилегированные этажи социальной структуры, дворянская и внеклассная бюрократия, регулярная армия, казачество, белое и черное духовенство выступали в обществе в различных ипостасях. Дворянство с 1762 г.- частично, а прочие, кроме отставных, поголовно находились на государственной службе по различным ведомствам и, являясь носителями централизованных форм эксплуатации, в той или иной степени одновременно олицетворяли собой собственно публичную власть, то есть обеспечивали общественный правопорядок, соблюдение личных, имущественных, гражданских и политических прав, а также защиту общегосударственных интересов. Вместе с тем, представители этих служебных разрядов, а также незанятые на службе члены их сословий, в качестве частных лиц выступали носителями частно - помещичьих и иных отношений эксплуатации, занимая неодинаковую роль в частном и смешанном секторах общественного производства, обмена и распределения. На отдаленных северной и сибирской колонизируемых окраинах страны в силу эколого-демографических и социально-политических условий функция обеспечения общих корпоративно-классовых интересов всей господствующей верхушки стояла у неподатного населения особенно остро. Центральная власть, в первую очередь, старалась получить побольше дохода от своих богатых окраин, и сквозь эту призму рассматривала все прочие задачи, стоявшие перед государством в этих регионах.

1.1. Колонизационная деятельность русских властей в Восточной Сибири.

Главным отличительным признаком неподатного населения была обязательная служба в военном и гражданском, а также в духовном ведомствах (для природных дворян она была необязательной с 1762 по 1796, и с 1801 гг.) Служба носила в принципе потомственный характер, ибо дети мужского пола в их семьях, а также в семьях отставных военных чинов, включая казаков, духовенство и гражданских чиновников, тоже предназначались для службы.

Такие специфические условия Восточной Сибири, как необозримые необжитые пространства, этническая пестрота коренного населения и постоянный приток вольных переселенцев и ссыльнокаторжных извне, приграничное положение, возможности получать огромные доходы от добычи драгоценных и цветных металлов, от промысла ценного лесного и морского зверя, а также от меновой торговли с Китаем, особые сложности в решении фискально-полицейских задач - все эти факторы публично-правового и корпоративно-феодального характера определяли ведомственный состав и численность нетяглого русского населения региона.

Возросла в ХУШ в. необходимость урегулирования пограничных вопросов и обеспечения безопасности южно-сибирских границ. В ХУШ в. процесс присоедине-ния Восточной Сибири еще не закончился, поэтому заметное место уделялось решению задач общегосударственного характера. После установления первой русско-китайской границы по Буринскому соглашению и Кяхтинскому миру в 1727-1728 гг., фактически до 80-х гг. отлаживалась пограничная служба в этом, почти не заселенном русскими, порубежном крае. Много сил и средств потребовалось для строительства

военных редутов, крепостей и караулов (более I00) по «Абаканской, Иркутской ,Селенгинской и Нерчинской границам», формированию и размещению в пограничной полосе и по ближним к ней городам полевых и гарнизонных частей и иррегулярных казачьих команд. Об этом писали Н.Н.Бантыш-Каменский, А.П. Васильев, 0.И. Сергеев, В.Л. Беспрозванных, Г.Ф. Быконя[1]. Почти до конца ХУШ в. правительство военными мерами старались привести в покорность «немирных» чукчей, и коряков, пока не пришло к вывод, что худой мир лучше всякой доброй ссоры, и самое лучшее оставить эти народы в покое.[2]

Крупные Первая и особенно Вторая Камчатская экспедиции, а также многочис-ленные «секретные» морские экспедиции второй половины ХУШ в. и первое кругосветное путешествие И.Ф.Крузенштерна начала XIX в. способствовали расширению научных знаний об арктической зоне Сибири, северо-западе Азии, Северной Америке и ближней к российским берегам акватории Тихого океана. Были попытки установить добрососедские отношения с Японией и Испанией (посольство Лаксмана, деятельность Н.П. Резанова, изучение японского языка в Иркутске). Расширились дипломатические, торговые и культурные связи с Китаем, о чем свидетельствуют учреждение кяхтинской меновой торговли, деятельность русских торговых консулов в первой трети ХУIII в., посылка казенных караванов, посольства Измайлова, графа Головкина, работа русской духовной миссии в Пекине.

В экономической области местная администрация обязана была осуществлять непосредственные хозяйственно-организаторские, хозяйственно-попечительские и финансово-фискальные мероприятия. Они определялись рядом задач как публично-правового, так и корпоративно-классового порядка. В районах, где продолжался процесс огосударствления территории, то есть в южной приграничной полосе, Якутско-Охотском крае, на Камчатке и в Северной Америке, а также в зоне, связы-вающего

окраину с центром, Московско- Сибирского тракта казна обеспечивала определенный уровень постоянного населения, брала на себя функции создания и развития тех отраслей хозяйства, которые в силу экологических или экономических причин были невыгодны или непосильны частному крупному предпринимательству, или мелкому производству. В рамках изучаемого периода в Восточную Сибирь правительством было перемещено не менее 100-120 тыс. душ мужского пола, из которых обжились около половины. Русское население выросло в 3,5 раза - от 34,6 тыс. душ мужского пола в 1760г. до 120,6. тыс. в 1795 г., что явно выше естественного прироста, который составлял 12 - 16 чел. на 1000[3].

На притрактовую полосу от Енисея до Иркутска и от него по трассе на Якутск и Охотск поступали ссыльные помещичьи крестьяне-посельщики и сибиряки-переведенцы с берегов Оби и Иртыша и среднего Енисея,[4] в приграничные уезды – «польские выведенцы» - раскольники, крестьяне и разночинцы Западной Сибири, записанные в выписные казаки; часть верстанных городовых казаков с семьями из Красноярского, Илимского, Иркутского и Нерчинского уездов; на территорию Нерчинских горных заводов - сибиряки-переведенцы; выявленные по Сибири и Уралу беглые уголовные, политические преступники, осужденные на каторжные работы, а с 1760г. - сосланные в зачет рекрутов из Европейской России посельщики.[5] Население таких районов, как Забайкалье, Якутско-Охотский край и Камчатка в ХУШ в., как установили советские историки Ф.Г.Сафронов, В.А. Александров и Г. П. Жидков, в основном пополнялись за счет принудительной колонизации.[6]

Эти далеко не простые задачи по увеличению хозяйственно-самодеятельного трудового населения и развитию государственного хозяйства в целом подчинила себе другую - карательно-полицейскую по выявлению и возврату беглых крестьян и самовольных переселенцев.[7] Так выявленных по второй ревизии в Восточной Сибири российских беглых, в

том числе помещичьих крестьян, отправили не на прежние их места жительства, а на кабинетские Алтайские заводы.[8]

В XVШ в. государственный сектор в экономике края развивался интенсивно. В новозаселённых местах южной Сибири, а также в Забайкалье, Якутско-Охотском крае и на Камчатке местная власть организовывает землепашество, предоставляя поселенцам подмогу и возвратную ссуду семенами, инвентарем и тяглым скотом. В приграничной полосе Восточной Сибири в середине 50-х годов силами казаков и солдат были заведены «солдатская» и «казачья» пашни, которые просуществовали до 70 гг.[9] До 100 дес. выросла к 1744г. пашня на среднем Енисее у Красноярских заводов.[10] На основе хозяйств приписных и поселенных крестьян до конца изучаемого периода заводское хлебопашество в объеме более 3700 десятин сохранялось и в Нерчинском горном округе, хотя оно было убыточным. [11] Важно отметить, что в этих районах, где это было выгодно, казна сохраняла или вводила «государеву пашню», эту по выражению В. И. Шункова, своеобразную «барщину на государство». Пашенные крестьяне своим инвентарем и тягловой силой не только обрабатывали десятинную пашню, которая определялась в среднем как 1/4-1/5 их «собинной» запашки, но и выполняли на ней весь цикл полевых работ. Под надзором выборных старост, назначаемых приказчиков присудов-комиссарств и контролем воевод, они сооружали и обслуживали также казенные тока, мельницы, крупорушки, хлебные амбары и т.д. При этом воеводы, заводские власти и верхушка назначенной и выборной низшей администрации грубо вмешивались не только в производственную, но и в личную жизнь сибирских землепашцев. Таким образом через принудительный труд присваивалось высокое естественное плодородие прежде нетронутых сибирских земель, реализовывалась государственная земельная собственность.

В целом же в XVIII в. государственный сектор в земледельческом

производстве Сибири, который составлял в 1745г. до 10- 15 % всего пахотного клина за Уралом, сворачивался из-за успехов народной колонизации. В 1728 г. во многих старопахотных районах, в том числе на Енисее (кроме новоосваиваемой территории Красноярского уезда) «государева пашня» была заменена оброчным хлебом по 9,5 четвериков с ревизской души, а в 1762г. ликвидирована совсем. Оказалось выгодней не только в социальном, но и в экономическом планах вместо пашни или подушного провианта брать оброчные деньги (1 рубль с ревизской души) и на них закупать у крестьян необходимое количество провианта для винокурения, снабжения войск, малохлебных районов, а также заводов.[12] Попытки же и. о. иркутского губернатора Земцова вместо ежегодного сбора четверикового хлеба на случай неурожаев вновь ввести по присудам общественные «экономичес-кие поля», успеха не имели.[13]

Во внеземледельческих же отраслях экономики Восточной Сибири государ-ственное присутствие явно расширялось. Как и в ХУII в. местные власти, напоминая приказчиков крупного многоотраслевого вотчинного хозяйства, практически в каждом ново-открываемом уезде заводили казенные кузницы, медные, столярные и бондарные мастерские, хлебные и пильные мельницы, винокурни, солеварни, налаживали судостроение,[14] регулярные сухопутные и водные пути сообщения, перевозку казенных грузов, доставку почты.[15] Строительные работы и обслуживание обычно возлагались на местных казаков и ссыльнокаторжных. В отдельных случаях набранные туруханской, якутской и камчатской администрацией пешие и морские артели пытались вести казенный промысел ценной пушнины.[16] С конца XVII-начала ХУШ в. казна, а затем семейство Романовых, ограничивая, а иногда запрещая частное горнорудное предпринимательство, заводит крупное производство железа, меди, серебра, свинца, золота: на реке Каштак притоке Кии (бассейн среднего Чулыма) в 1697-1699 гг. - Каштацкий завод[17]; в Восточном Забайкалье с

1701г. - Аргунский завод, а позже крупные Нерчинские заводы казенные до 1787г. и в 1796-1800гг.)[18] (см.Прил.I, табл.1), на среднем Енисее в 1737-1744 гг. Луказский и Ирбинский (в 1737 -1744, 1762-1767, 1771-1791 гг.) заводы.[19] В Якутии на реке Тамге с 1732-1756 гг. действовал Якутский завод[20]. На Камчатке в 1770-е гг.- функционировал Верхнекамчатский завод.[21] По данным Топографических описаний в 1797 г. в Восточной Сибири насчитывались следующее предприятия, составляющие казенный сектор в производящей экономике края: шесть серебряных заводов с 90 рудниками в Нерчинском горном округе; три солеваренных завода в Иркутской губернии (Иркутский, Селенгинский, Усть-Кутский) и два (Спасский с Троицким)- в Приенисейском крае (см.Прил.I,табл.2); шесть промысловых соляных озер (Вилюйское, Борзинское, Якутское - за Байкалом, и три в верховьях Чулыма - Божеозерское, Степное, Тагарское или Караклеевское); шесть крупных винокуренных заводов (Красноречинский, Боготольский и Каменский - в Средней Сибири; Илгинский, Николаевский и Александровский - в Иркутской губернии); наконец Петровский железоделательный завод, Тельминская суконная фабрика близ Иркутска (казенная с 1793г.) и канатная прядильня.[22]

По подсчетам видного специалиста по истории сибирской промышленности эпохи феодализма Д.И. Копылова, в конце ХУШ в. казне и Кабинету принадлежали 36 предприятий или 62% общего за Уралом числа мануфактур, из них 19, то есть больше половины, -в Восточной Сибири.[23] Не случайно, что к концу ХУШ в. приписное к заводам население Урала и Сибири составляло 90% всех приписных крестьян страны.[24]

Важно отметить, что казенное и кабинетское предпринимательство велось в ведущих и наиболее прибыльных горнорудной и винокуренной отраслях промыш-ленности. По данным статистика начала XIX в. Голицына в конце ХУШ в. Нерчинские сереброплавильные заводы

ежегодно давали по 300-500 пудов драгоценного металла и по 40 тыс. пудов свинца. Все серебро и золото, выплавленное на Нерчинских и Алтайских заводах с 1725 по 1807 гг., оценивалось более чем в 113 млн.руб.[25] Доходным было и винокурение, объем которого в 80-х - начале 90-х гг.. ХУШ в. достигал до 170 тыс. ведер простого и двойного вина ежегодно. В эти же годы продукция сибирского казенного солеварения составляла около 230 тыс. пудов (см. Прил.I,табл.5,6).

Государственные металлургические заводы и мануфактуры, солеварни и винокуренные предприятия занимали ведущее место в своих отраслях, а в целом, вместе с казенным (позже заводским) хлебопашеством, составляли государственный сектор общественного производства в тогдашней Сибири. Он непосредственно основывался на ресурсах хозяйств пашенных и приписных крестьян, на труде ссыльно-каторжных и мастеровых (из последних некоторые были наемными). Широко привлекались для казенно-ведомственных производственных и транспортных нужд и другие категории трудового населения Сибири, а также казачество.

Следует особо оговорить, что в политэкономической науке натуральные повинности и оброки государственных крестьян эпохи феодализма долгое время безосновательно связывали только с чистыми налогами[26]. Однако без всевозможных личных отработок и служб, связанных с отвлечением труженика от своего хозяйства, то есть с волевым присвоением рабочего времени, а также без изымания из его хозяйства части овеществленного труда не смогло бы существовать само государственное хозяйство а оно, как признают те же политэкономы, в принципе могло быть только феодального типа. Именно его нуждами, а не объемом услуг публичной власти населению, определялись масштабы натуральных повинностей и платежей. Вот почему в порайонном плане тяготы одной и той же натуральной повинности могли быть

несоизмеримыми, причем номенклатура тягла сохранялась. Таким образом, натуральная часть феодального фиска выступала не только условием, но и составной частью государственного хозяйства, а отношения у крестьян и ремесленников с государством в процессе ее выполнения являются производственными отношениями не только в сферах распределения и обмена, но и в сфере непосредственного материального производства. Естественно, что в тех регионах, где носителем феодальных отношений через казенный сектор экономики является непосредственно само государство, там его хозяйственно-попечительская функция по отношению к хозяйствам тружеников явно выступает ярче, чем в районах с господством помещичьего землевладения. Вполне логично поэтому, что на современном уровне теоретического осмысления наследия классиков марксизма-ленинизма, ряд ученых пришли к выводу, что еще К.Маркс относил даже хозяйственное попечительство и государственное управление экономикой к базисным, а не надстроечным явлениям.[27]

В Сибири особенно отчетливо проступала социальная сущность взаимосвязи государственного производственного сектора с хозяйствами тружеников. Одна подводная с дорожной повинности в необъятной и слабозаселенной Сибири (напомним, транспорт относится к производительным силам) были в десятки раз тяжелее, чем в европейской России. Государственных крестьян за символическую плату принуждали возить различные хозяйственные грузы и чиновников, (ямщиков на восток от Енисея не выделяли), строить и ремонтировать здания различных присутственных мест, канцелярий, контор, мосты, почтовые станции и станки, продавать по твердой низкой цене хлеб, масло, пеньку, судовые снасти и мешки, поставлять деготь, смолу, мох, молоть казенный хлеб и т.д. Нередко извращалась даже патриотическая суть рекрутской системы, когда собранных с целых провинций и губерний Восточной Сибири новобранцев, полностью отправляли на заводские работы или превращали

в хлебопашцев в приграничных безлюдных местах. Именно в Сибири широко практиковалась отработка подушных и оброчных недоимок на казенных заводах, рудниках, фабриках и строительстве. Такая коммутация сверху денежной формы ренты-налога в натуральную отработочную её форму - яркое свидетельство того, что верхи и низы тогдашнего общества отчетливо понимали однотипность денежных платежей и различных натуральных повинностей. Поскольку успех любых мер властей в любой форме и в любом районе Сибири зависели от наличия там населения, уровня хлебопашества, ремесел и состояния транспортных путей, то казенные хозяйственно-попечительские меры носили всеобъемлющий характер. Разнообразные действия администрации относились не только к условиям, но и к самому процессу производства в хозяйствах крестьян и ремесленников. В этом случае хозяйственно-попечительская политика публичной власти была однотипна вмешательству помещика в хозяйственную деятельность крепостного крестьянина. Это обстоятельство именно на материале позднеефеодальной Сибири подметил еще в 40-е гг. академик Н.М. Дружинин. Он в частности, писал: «Идея казенного «попечительства возникла не самостоятельно: она была заимствована из сложившейся практики крупного частновладельческого хозяйства».[28] Правда, ограниченный хронологическими и тематическими рамками своего исследования, ученый необоснованно связывал появление казенного попечительства и вообще государственного феодализма только с поздней стадией российского феодализма. По его мнению, «в наказах сибирским воеводам XVII века мы находим *зародыши* (выделено нами - Г.Б.) идеи «попечительства» о крестьянах, нужно было обеспечить сохранение и воспроизводство рабочей силы для обработки десятинной государевой пашни; именно поэтому воеводы обязаны были охранять их судом и расправою и истреблять в их среде всякое воровство».[29] Правительство постоянно требует от местных властей, чтобы род занятий и место

жительства соответствовали их сословной принадлежности.[30] Всем разрядам крестьян настойчиво, хотя и безрезультатно, спускались минимальные показатели их хозяйств, например заводским - по две десятины посева на ревизскую душу, а государственным в Иркутской губернии в 70 гг. XVIII в.: «на мужа с женой три десятины, а холостому в полы».[31] От крестьян требовали расширения посевов конопли, льна, выделки широких холстов. По выражению Н.П. Ерошкина, «благожелательное попечительство»[32] воевод, затем чинов казенных палат, горного начальства и губернаторов выражалось и в хозяйственных мерах: в наделении крестьян землей, переселении их на казенные места, устройстве хлебозапасных магазинов, распространении среди крестьян новых культур (конопли - в середине XУIII в., картофеля - в конце XVIII в.), новых методов обработки земли, новых орудий труда (при Петре 1, кос-литовок), агротехнических знаний, насаждений полезных промыслов (пильных мельниц- с 60-х гг., пчеловодства- в конце ХУШ в.), распространении хлебопашества и скотоводства на северные районы Восточной Сибири и Камчатку (опытнические туруханская, якутская, оленёкская, вилюйская пашни).[33] Известный уже нам Бем в 70 гг. первым акклиматизировал на Камчатке хлебные злаки, завез туда лошадей, крупный рогатый скот. Через несколько лет у местных жителей в хозяйствах уже было больше коров и лошадей, чем в казенных стадах и табунах.[34]

С позиций теории экономики, на наш взгляд, правомерно говорить о сущест-вовании в Сибири XУII-начале XIX в. нескольких вариантов (типов) особого казенно- хозяйственного уклада в сферах общественного производства, обмена и распределения, которые в изучаемое время, в условиях начинающего общего разложения феодально-крепостнической системы, заметно трансформировались в сторону государственного предпринимательства в неземледельческой сфере. Государство в нем выступало не только верховным, но и непосредственным земельным

крупным собственником, который через прямые хозяйственно-организаторские функции в сфере общественного производства непосредственно изымал феодальную ренту. Этот уклад по своей сути казенно-крепостнический в системе государственного феодализма, ибо основывался, согласно общегосударственным крепостническим принципам, на явно принудительном труде в системе государственного феодализма. Автор данных строк еще со второй половины 70-х гг. XX в. не разделял распространенный в литературе альтернативный подход к характеру государственного феодализма в Сибири - или крепостнический или черносошный.[35]

Некоторые историки и многие политэкономы считают, что непосредственное участие казны в развитии производительных сил Сибири, особенно совместно с частным предпринимательством, носит только публично-правовой характер, так как обеспечивает лишь общественно необходимые условия для экономического развития региона. Действительно, якобы отсутствие классово-эксплуататорских задач и централизованных форм ограбления тружеников, занятых на казенных предприятиях, можно связывать с убыточностью со второй половины XVIII в. Нерчинского заводского хлебопашества и в отдельные годы -казенного солеварения в Иркутском губернии. Однако об отсутствии эксплуатации не может свидетельствовать убыточность, вызванная бесхозяйственностью, произволом, казнокрадством и низкой производительностью принудительного труда. Хлеб поставлялся ниже рыночных цен мастеровым, администрации и воинским чинам на территории горного округа, а также гарнизонам Охотского порта и Камчатки, а соль продавалась по твердой цене ниже себестоимости во всех отдаленных местах Иркутской губернии.[36] Однако, как уже отмечалось, в самых доходных отраслях экономики, горном деле и винокурении, казна обеспечивала себе твердые позиции, а если и разрешала участие частного

предпринимательства, то с обеспечением себе гарантированных доходов, что нередко разоряло откупщиков-арендаторов (например, владельца завода и арендатора казенных рудников купца Сибирякова[37] и арендатора Ирбинского железоделательного завода купца-откупщика Савельева).[38] Вместе с тем, именно условия колонизуемой окраины обусловили сравнительно широкое, по сравнению с Европейской Россией, непосредственное участие казны и ее ведомств, в первую очередь Кабинета, в общественном производстве. Вообще, на наш взгляд, развитых своих форм государственно-хозяйственный уклад достигает лишь в отдельных регионах и на полярных крайних стадиях феодального способа производства, то есть носит характер регионально-стадиального явления, хотя в истории российского феодализма сам уклад появился на ранней его стадии в виде великокняжеского хозяйства и расширенно воспроизводился в условиях непрерыв-ной русской колонизации. Особенно он стал заметен на позднефеодальной стадии в XVII-ХУШ вв., когда явственно обозначилась относительная отсталость России от ряда западноевропейских стран. В принципе же классу феодалов в силу общего неразвитого уровня политической надстройки легче было изымать феодальную ренту не в производственной сфере, а в сферах распределения и обмена через систему фиска, путем получения прямых и косвенных налогов, а также использования разнообразных натуральных повинностей и сборов. Показательно, что к концу изучаемого периода по мере роста русского населения региона определилась тенденция к перераспределению слагаемых казенного сектора в общественном производстве и расширению в нем частного присутствия. Так, в захлестнувшей Сибирь с 30-х гг. Х1Х в. золотой лихорадке, правительство заняло только роль получателя промыслового налога-ренты с казенных золотоносных участков.[39]

Со второй половины ХУШ в. интенсивно стал развиваться, прежде занимавший скромное место в производящей сфере экономики, смешанный

сектор. Он был представлен окультуренными оброчными сельскохозяйственными и промысловыми угодьями,[40] арендованными у казны предприятиями в металлургической,[41] винокуренной[42] и солеваренной[43] отраслях, а также в мукомольном деле, строительстве судов и на транспорте.[44] При этом довольно слабая частная мануфактурная промышленность по существу тоже входила в смешанный сектор экономики Восточной Сибири. По обоснованному мнению Д.И.Копылова "первые частные мануфактуры возникали также с помощью государства", где обычно использовался тот же принудительный труд ссыльных и недоимщиков.[45] По своим масштабам выделялась деятельность Российско-Американской компании, получившей от казны в конце ХУШ в. монопольные права по хозяйственному использованию и управлению огромнейшей территорией Курильских и Алеутских островов, Сахалина и Северной Америки. При этом показательно, что Шелихов просил у Екатерины II воинскую команду до 1000 чел. для “лучшего обустройства”. Императрица солдат не дала, но разрешила нанимать добровольцев на морскую и охранную службу, в том числе дворян-офицеров. Интересно, что некоторые промысловые суда этой и предшествовавших ей частных компаний снаряжались на паевых с казной началах, а такой будущий ее крупный поставщик как первогильдей-ский купец Д.И.Лобанов с компаньонами был крупным винным откупщиком.[46]

Своеобразной составной частью смешанного сектора экономики Сибири являлись социально-экономические отношения в частях регулярной армии. Каждое подраз-деление (полки, гарнизоны, батальоны) имели свое развитое хозяйство, представляя собой во многом самообслуживающийся хозяйственный организм, в котором, кроме мастеровых рот, было занято до 1/4 - 1/3 строевого состава. Солдаты заготовляли фураж для казенных табунов и крупного рогатого скота, выполняли разнообразные строительные и ремесленные работы, занимались доставкой полковых

грузов, строили, обслуживали полковые мучные мельницы, а в отдельные годы даже обрабатывали полковую пашню.[47] В целом соотношение чисто казенного и смешанного секторов в экономике Восточной Сибири в течение изучаемого периода изменялось в пользу последнего за счет расширения сотрудничества с имущей верхушкой тяглого населения на основе товарно-денежных отношений. Однако это предпринимательское начало реализовывалось только с предоставлением откупщикам феодального характера привилегий, в том числе права прибегать к внеэкономическим санкциям. Это феодализировало нарождающуюся промышлен-ную буржуазию и держало ее на казенном поводке.

Система государственного феодализма, явно в большей степени по охвату и глубине, пронизывала сферы распределения и обмена. Каждый труженик города и деревни, кроме отдельных групп, не охваченных еще судом и фиском, типа бухтарминских и уймонских каменщиков на горном Алтае, подвергался в этих сферах централизованному ограблению феодального типа. Сфера распределения в тогдашнем обществе прежде всего характеризовалась системой фиска. Поскольку в Сибири государство выступало крупным корпоративным эксплуататором, то все три слагаемых части крестьянского и посадского тягла: общегосударственные денежные платежи в виде подушных и оброчных сумм, натуральные государственные повинности и земские мирские сборы раскладкой - все они во-первых, особенно широко взаимопроникали и взаимопереходили друг в друга, например, за многих раскладкой миром платили подушные; во-вторых, в каждой из этих частей, как уже выше отмечалось, особенно отчетливо выступала рентная сущность; в-третьих, официальные или чисто налоговые платежи, хотя и увеличивались (подушные деньги с 70 коп. до I рубля 70 коп. к концу века), но значительно в большей степени, чем в Европейской, России уступали по своей тяжести земским сборам[48], что естественно приводило к тому, что более видную роль в реализации

налогового пресса играла община. На сборы раскладкой «за убылых разными случаями и убогих» влияли повышенная подвижность сибиряков в благоприятных общих условиях для самовольной смены места жительства и рода деятельности, а также активная переселенческая политика властей, на добровольных и принудительных началах заселявших притрактовые районы и приграничные зоны.

Не составляли также исключения промышленные, промысловые и торговые налоги. Еще с 1681г., а при Петре1 особенно настойчиво, центральная власть насильно подключала сложные общеуездные посадские общины к взиманию с населения так называемых окладных сборов, которые стали отдаваться им на веру.[49] Таможенные, кабацкие и соляные доходы составляли основу окладных сборов, а к неокладным, состав которых все расширялся, относились сборы с различных хозяйственных занятий торговли и некоторые канцелярские сборы. Отмена ряда таможенных и мелочных сборов по стране в 1754 г. слабо затронула восточную окраину, так как сохранялись «в прежней силе сборы, которые учреждены для Сибири по упомянутым местам (заставам и таможням - Г.Б), и внутри Сибири».[50] Их состав увеличился, так как с 1764г. ввели по стране новые сборы для выплаты введенного внетабельной администрации жалования.[51]

Ликвидация этих обременительных сборов и связанных с их взиманием мирских служб была произведена в 1787г. в связи с 25-летием царствования Екатерины II. Размеры оброчных сумм периодически пересматривались Камер-коллегией и устанавливались по средним данным за три года. Именно на эти камер-коллежские оклады (известны за I728, I732, I738, 1742, I756, I764 гг.) ориентировались, когда в Сибирском приказе, а позже в Камер-коллегии, заключался 3-х летний контракт с магистратами или откупщиками. Каждый раз шла ожесточенная борьба между сторонами за размер поправок к последнему камер-коллежскому

окладу. В случае завышения суммы, городскому миру или откупщику приходилось выкладывать недобор из своего кармана, а при заниженной оброчной сумме , собранные сверх нее средства не попадали в казну. Воеводы и губернаторы на местах представляли казенные интересы, поэтому обязаны были не допускать нарушения правил обложения и взимания оброчных сумм, препятствовать их утайке[52]. Результативности их действий с этой области придавалось большое значение при дальнейшем служебном назначении и отчете за прошлую службу.

Государственное присутствие в сфере обмена в наиболее чистом виде выступало в казенных монополиях на производство и продажу ряда товаров, а также реализации таможенных сборов в натуральном виде.

В ХУШ в. доходы казны от непосредственного участия в торговле особенно во внешней, значительно возросли и во второй половине столетия равнялись стоимости всей, ремесленно-промышленной продукции страны.[53] При Петре I состав государственных монополий был расширен: кроме вина, табака, мехов, шёлка, икры и клея список пополнили серебро, золото, соль, деготь, рыбий жир, ревень, поташ, смольчуг, смола, пенька, льняное семя, корабельный лес.[54] В последующее время этот перечень менялся, пока 31июля 1762г. Екатерина II не уничтожила многие монополии, в том числе на табак, шелк, на пушнину, ревень, смольчуг, на право торговли с Китаем, и Средней Азией[55].

Для Восточной Сибири наибольшее значение имели казенные монополии на такие самые доходные статьи торговли как вино, соль, пушнина, а также ревень. К продаже как и производству вина, как отмечалось, власти все шире привлекали откупщиков. Торговля солью обычно осуществлялась на вере. В том и другом случае местные власти (с 1762г. экспедиция по части винной и соляной при губернской казённой палате,) входили во все детали организации и реализации этих казенных монопольных товаров (строительство и ремонт губернских соляных и

винных магазинов, питейных домов и лавок по уездам, закупка через специальных офицеров и смотрителей нужных припасов; развоз питей и соли по сотням торговых точек; наем работников в винные и лавочные целовальники и сидельцы и надсмотр за ними[56].

В торговле ценной пушниной правительство до 60-х г. обходилось без посред-ников. Лучшая пушнина (соболя свыше 100руб, и чернобурые лисицы более 50руб.) отправлялась в Москву. В 1727т. казенную монополию на торговлю самой дорогой пушниной подтвердили, изменив критерии ее отбора (соболи - 20руб, лисы - 20руб.) и распространив ее на камчатских бобров[57]. В 1697 и 1706 г.г. ограничили, а указами 1731 ,1734 и I739 гг. вообще запретили частный торг "мягкой рухлядью" в Китае[58]. В этой стране пушнину еще с конца ХУП в. реализовывали через специальные казенные караваны. За время с 1702 по 1738гг. было отправлено II караванов, которые принесли прибыли, в среднем каждый по 90,8тыс. руб. (См.: Прил.I Табл.3). Товары для них собирал Сибирский приказ из находящейся в Москве и по сибирским уездам казенной пушнины, а также "иноземной" серебряной монеты, ревеня, бадьяна, посуды и т.д.

Возглавляли их комиссары (с 1731г. – агенты) из крупных российских купцов, а иногда из сибирских дворян или чиновников. В их распоряжении были целовальни-ки, работные и служилые люди (были выделены даже особые караванные казаки), всего от 10до 30 человек. Согласно Кяхтинскому трактату 1728 г, с караваном уже не могли ездить для торга русские купцы, так как частная торговля с Китаем переносилась в пограничные г.Кяхту и особую торговую слободу Цурухтайту. Накладные расходы по организации и содержанию каждого казенного каравана были значительными, достигая иногда до 64тыс. руб.[59] Доходность караванов снижалась и от того, что Китай, обставлявший торговлю с Россией рядом политических амбиций, нередко годами не пропускал их в Пекин (См.

Прил.I. Табл.4). В целом, по мнению видного специалиста в этом вопросе Б.Курца, государство не сумело эффективно использовать свою монополию на внешнюю торговлю пушниной с Китаем, а ликвидация частной пушной торговли была «победой китайских экономистов»[60].

В последующие десятилетия торговля казенной пушниной и собираемыми в виде таможенной пошлины товарами на Кяхтинском торге давала нередко самые крупные суммы по сравнению с другими отраслями государственного хозяйства (См. Прил.I, табл.4,5,6)

Еще одной доходной статьей в Восточной Сибири до сер. 50-х гг. была казенная торговля ревенем (с 1727 по 1732 г. объявлялась вольной, став таковой окончатель-но в 1760г.). Учрежденная ревенная комиссия в Иркутске закупала сырье и после специальной сушки отправляла это лекарственное и кулинарное растение в Москву, а оттуда его продавали обычно в Голландию по18 гульденов за фунт. Со временем, выбрав его в Забайкалье, перешли к транзитной торговле среднеазиатским и китайским ревенем. Когда же через Кантон в Европу стали вывозить крупными партиями китайский копытчатый ревень, то цены на него упали. Голландцы Цельсы, как. главные оптовые покупатели, в 1748г. давали по 10 гульденов, а затем цена на ревень упала до 2 гульденов. Сократился и объем закупок. Нарушая контракт в 1749-1750гг. вывезли не 800-700 пудов в год, а лишь 710 пудов за оба года. Когда же Сенат, в 1758 г. отказавшись отпускать им ревень, распорядился его продавать внутри страны по 100 руб. за пуд, то его скоро накопилось в одной Кяхте свыше 8 тыс.пудов. Тогда, избегая убытков, разрешили большую торговлю ревенем, а в Амстердам Сенат направил своего торгового агента для продажи казенных его запасов.

В стадиально-типологическом плане производственные отношения в смешанном секторе общественного производства, а также государственно - феодальное ограбле-ние в казенных и смешанных сферах распределения и

обмена следует классифицировать как корпоративно-феодальный уклад в общественном производстве, ослож-ненный через чистый фиск и торговлю, формами централизованного ограбления. Этот корпоративно-феодальный уклад не содержал в своей основе крепостнических крайностей. Поскольку главным объектом эксплуатации выступали черные, а с XVIII в. - государственные крестьяне, а также трудовые слои горожан, то-есть крестьянские и посадские общины, то этот уклад называют «черносошным», ибо во всей стране, не говоря уже о Сибири, он был ведущим до принятия Соборного Уложения, окончательно закрепившего крепостническую систему в масштабе всей страны. В Сибири этот уклад оставался главным и в XVIIIв., сочетаясь с мелкой крестьянской собственностью, патриархально-родовыми отношениями у народов Сибири и ранне-буржуазными связями.[61]

Специфические условия Сибири, которые отмечались выше, вынуждали центральную власть мириться с вносимыми на местах коррективами в общую крепостническую стратегию и терпеть разнотипные аграрные отношения. Казна относительно быстро отказывается от отдельных наиболее грубых форм эксплуатации. Похожие на помещичьи, по выражению П.И. Малахинова, «военно-феодальные воеводские хозяйства» завести так и не удалось. Неуклонно возрастает численность оброчных крестьян. В старожильческих уездах «государева пашня» заменяется в 20-е г.г.XVIIIв. оброчным подушным провиантом, а с 1762г. ликвидируется повсеместно, кроме Нерчинского горного округа.

Из экономических соображений власти разрешили вольный захват свободных неокультуренных угодий. Хотя существовали нормы отвода, размеры хозяйственно используемых земель очень часто не ограничивались, что приводило к существова-нию вненадельных и утаенных от прямого поземельного налога-ренты угодий, «эмбриональная прибыль» с которых присваивалась самим земледельцем. Сам факт утайки

не вызывал какого-либо особого наказания. Обнаруженные самовольно используемые угодья просто облагались тяглом, либо передавались, если были желающие, другим лицам. Периодическим пересмотром размеров десятинной пашни и оброчных платежей власти фактически легализовывали наличие у сибирских землепашцев неотягощенных рентными отношениями различных сельскохозяйственных угодий, которые по экономической своей сути являлись мелкокрестьянской частной собственностью.

В полном противоречии с провозглашенным Соборным Уложением принципом наследственного закрепления земледельческих занятий за крестьянским классом-сословием, в Сибири отводились земли всем «охотно желающим». Во время первич-ного заселения «земельную дачу» случалось даже оформляли в общее держание «всем пашенным крестьянам, и посадским, и служилым людям, которые в том селе жительство имели»[62] .

До конца рассматриваемого времени постоянно нарушался общегосударственный курс на общинное сословное землепользование с коллективной ответственностью и взятием поручных записей. Во всех районах Сибири преобладало индивидуально-подворное землевладение. Возникшие для совместного введения нетронутых земель в хозяйственный оборот повальные земельные сообщества были разносословными и, в лучшем случае, лишь регистрировались властями, являясь по меткому выражению В.А. Александрова, «компромиссом между общинным и индивидуальным землевладением».[63]

Во время первичного освоения (в Западной Сибири до второй половины XVIIв., а Восточной - до 80-х гг.) власти официально даже не пытались запрещать частные сделки с землей. В формулярах и содержании выдаваемых данных, отводных памятей и прочих земле- устроительных документах, обычно не упоминалось о запрете распоряжения отводимыми

угодьями.[64]

Местные и даже центральная власти считались с распространением у земледельцев представления о "божьей" ничейной земле, право распоряжения которой принадле-жит тому, кто первым вложил в нее, хотя бы символически, свой труд.

Несмотря на то, что с конца ХУП в. в формулярах поземельных актов появляется сакраментальная фраза...что «угодьями владеть до указу, а на сторону другим никому не продавать и не заложить, и ни в какие крепости не укрепить, и за вклад в монастыри не отдавать», сибирские власти оформляли все виды распоряжения различными угодьями: передачу по наследству, обмен, куплю-продажу, аренду, срочный и бессрочный вклад, превращение в пустошь. Мало того и в ХУII в., и в ХУШ в. местные власти, решая поземельные споры крестьян и других податных людей, нередко руководствовались правовыми нормами поместно-вотчинного и ясачного землевладения.[65]

Сибирская администрация мирилась с тем, что через право на заимку более льгот-ный статус подворной и приусадебной земли переносился крестьянами на все сельскохозяйственные угодья. Принято считать, что, разрешая частные поземель-ные сделки в Сибири, правительство все равно сохраняло за собой верховное право распоряжения землей и не подрывало этим свою номинальную феодальную собст-венность. Действительно, допуская в фискально-хозяйственных целях движение земли, власти видели в этом лишь тактическое, а не принципиальное расхождение с общегосударственной поземельной политикой, ибо оформляемые на местах поземельные акты считались в то же время недействительными. Передаваемые по ним земли в принципе рассматривались «порожжими», которые, смотря по обстоятельствам, записывались в «дачу» служилым людям, в надел пашенным крестьянам, или оброчное держание.[66] Однако этот юридический нонсенс, делал местной юридической нормой те

экономические отношения, что вытекали из реальной свободы распоряжения землей. Относительно свободный перевод потребительной и меновой стоимости земли в ее денежный эквивалент в известной степени уравнивал землю с теми средствами производства, которые находились у тружеников в частной собственности. Местная сибирская юрисдикция легализовала и тем самым отчасти способствовала процессу перераспределения и мобилизации угодий первостатейными крестьянам и прочей имущей и служилой верхушкой, использованию ими земли в качестве источника обогащения через различные сделки и соединение ее принудительным и вольным путями с рабочими руками. Этим углублялась та существовавшая «правовая коллизия, когда государственному земельному праву противостоял сложившийся обычай потомственного владения и распоряжения угодьями».[67]

По мнению многих историков, несмотря на свои крепостнические устремления, правительство в условиях Сибири вынуждено было ставить вопрос не о личном прикреплении крестьян к земельным наделам, а лишь об обязательном обеспечении крестьянами тягла. При этом полностью прикрепить земледельца к крестьянскому тяглу так и не удалось, ибо он сохранял возможности перехода в посад или даже в казачество.

Как и крестьяне, рядовые служилые люди, посадские и появившиеся в ХУШ в. разночинцы тоже обладали реальной свободой хозяйственной деятельности, правом территориальной и межсословной миграции. Мало того, в отдельных и малодоступных районах русские труженики довольно долго лишь номинально и даже вообще не были охвачены государственной властью с ее судом и фиском, например, алтайские «каменщики». Почти безуспешными оказались все попытки властей, особенно настойчивые в 80 - 90-е гг. ХУШ в., привести в полное соответ-ствие с сословным статусом род занятий и место жительства сибиряков. Многие податные были связаны родственными узами с нетяглыми, а некоторые члены их семей

сами являлись таковыми. С другой стороны, после введения подушного обложения низшие и часть средних чинов местной бюрократии и белого духовенства считались податными. Расплывчатость и слабость сословных перегородок давали возможность почти всем категориям тяглого населения расширять свой официальный статус.

Сибирское трудовое население обладало правом непосредственного общения с аппаратом власти. Из-за отсутствия частных феодалов-дворян более видная роль, чем в центре страны, принадлежала в местном управлении Сибири сословно-пред-ставительному началу. После губернской реформы 1775 г. сибирские податные были даже представлены в губернском и уездном звеньях управления в лице заседателей верхних и нижних сельских расправ и нижних земских и совестных судов.[68]

Основная масса трудового населения Сибири в ХУП-ХУШ вв. одновременно, но в разной степени подвергалась со стороны государства феодальной эксплуатации крепостнического и черносошного типа, что позволяет утверждать, что процесс развития российского феодализма вширь шел нередко по линии частичного или даже полного восстановления уже изжитых в центре страны своих прежних форм.

Ведущая роль в Сибири черносошных отношений, явившихся во многом свое-образным продолжением социально-экономических порядков русского Поморья, на наш взгляд, дает определенные основания усомниться в безусловной истинности распространенного в литературе мнения о чисто крепостнической основе системы государственного феодализма в России[69]. В типологически-стадиальном плане «казенное крепостничество» можно считать крайней стадией, а феодальные отношения черносошного типа - исторически предшествующей стадией государственного феодализма. В Сибири же обе эти теоретически асинхронные стадии воспроизводи-лись одновременно. С другой стороны, система государственного феодализма, являясь в ХУШ в., сложной по

своей структуре, не исчерпывала собой всей совокупности социально-экономических отношений при феодализме.

Феодально-крепостнические отношения корпоративного типа развивались за счет патриархально-крестьянских отношений, сохраняющихся на еще неохваченных властью, судом и фиском территориях (например, общин уймонских и бухтармин-ских каменщиков), патриархально-родовых связей у народов Сибири, а также частно-помещичьих, кабально-феодальных и наконец, раннебуржуазных связей.[70]

Важным фактором, противоречиво повлиявшим на появление и развитие госу-дарственно-хозяйственного уклада и других форм централизованного взимания феодальной ренты, была ссылка. Ссылка в Сибирь, основанная на чисто феодальном принципе физической расправы и изгнания с основной государственной территории в уголовном, политическом, религиозном и классовом планах противников существующего социального правопорядка, в ХУШ в. явно в большей степени чем прежде, стала приобретать хозяйственно-фискальное значение.

Превращение Сибири, особенно заенисейской, в «ледяную тюрьму» затрудняло деятельность местной администрации и осложняло социальное развитие региона. На устройство ссыльных и каторжников затрачивались в целом значительные казенные суммы. Многие из них надрывались на казенных и кабинетских, а также на частных горных заводах, мануфактурах, солеварнях и винокурнях. Тем не менее часть ссыльных попадала в кабалу к купцам, зажиточным мещанам и крестьянам, или же превращались в дворовых местных чиновников, а другие оказывались в бегах и жили кистенем. Поэтому в ссылочном зауральском регионе от властей требовались дополнительные полицейские силы и меры для обеспечения личной безопасности и неприкосновенности имущества граждан. Сомнительная слава Сибири, как края каторги и ссылки, заметно

снижала общественную и нравственную оценку сибиряков и отрицательно влияла уже с XVII в. на сословный статус местных служилых людей. Не случайно, в первой половине XIX в. по мере роста общественного самосознания, молодая просветительски настроенная сибирская интеллигенция и буржуазия вместе с прогрессивно мыслящими, знакомыми с Сибирью российскими дворянами, типа енисейского губернатора А.П.Степанова, стали подавать свой голос против превращения Сибири в общероссийскую тюрьму[71]. Используя это устойчивое традиционное умонастроение в местном общественном движении, областники второй половины XIX в. выдвинули лозунг «Сибирь для сибиряков».

Во второй половине ХУШ в. ссылка стала заметно расширяться. Это было одной из причин усиления хозяйственно-политических и фискально-полицейских мер по отношению к хозяйственной деятельности крестьян, ремесленников и торговцев. В ведение казенной администрации с 1764 г. попадают бывшие монастырские крестьяне. Центральное правительство требует от местных властей более полной экономической реализации верховной государственной собственности на землю в виде бездоимочных платежей оброчной подати, ясака, несения особенно тяжелых в местных условиях натуральных повинностей. Поэтому административное деление Восточной Сибири становится более дробным, номенклатура учреждений расширя-ется, а число чиновников сильно возрастает - в 80 гг., не менее чем в 5 раз по сравнению со штатами 1763 г.[72] При этом показательно, что по губернской реформе, проведенной в Сибири в 1779-1783 гг., все отраслевые органы подчиняются наместническим правлениям и генерал-губернаторам, Эта известная децентрализа-ция местного управления сопровождалась значительным увеличением местных судебно-исполнительных и фискально-полицейских учреждений, пришедших на смену воеводским и губернским канцеляриям.

Вместе с тем в целях экономии средств на управление и для поддержания европейской славы просвещенной монархини Екатерина II несколько расширяет прежнее самоуправление в городе и деревне. В уездное и даже губернское звенья местного управления вводятся на казенном же сначала жалованье выборные лица из основных тягловых сословий и из ясачных людей (мещанские и сельские заседатели в нижних земских судах, верхних и нижних сельских расправах, совестных судах, ратманы в управах благочиния, гласные градские и шестигласных дум), то есть вводятся, как мы считаем, элементы местного сословно-корпоративного представи-тельства. Их появление можно классифицировать как первую попытку российского абсолютизма инкорпорировать в себя элементы развитых традиций общинного самоуправления трудового населения, чтобы глубже расколоть его через представ-ление имущим верхам города и деревни номинальных политических прерогатив. До этого они обычно использовались, кроме сферы производства в сферах распределе-ния и обмена. Так, частные лица и посадские миры получали на откуп или "на веру" право-обязанность взимания оброчных статей, таможенных пошлин, окладных и неокладных сборов. В сфере же обращения и обмена широко практиковалась откупная система по продаже казенных монопольных товаров, в частности вина, соли, пушнины, табака, ревеня, икры, рыбного жира, лосиных кож. Однако при Александре I, ликвидированное Павлом I, сословное представительство в местном управлении Сибири, получило номинальный характер.

Расширение и усложнение форм государственного присутствия в сферах непосредственного производства, распределения и обмена как во всей стране, так и в более заметных масштабах на ее восточной окраине, неизбежно повлекло и формирование соответствующей социальной инфраструктуры. Это выразилось в создании правительством системы

образования и подготовки кадров, здравоохранения и социального обеспечения. Первой сложилась школьная система сначала ведомственного, а с 1786 г. - и общеобразовательного типа. Восточная Сибирь в этом даже несколько опережала многие российские губернии. Так, в Иркутской губернии в 50-70 гг. насчитывалось четыре навигацких и геодезических школы. Уже в 1782 г. усилиями губернатора Ф. Клички в Иркутске открылась первая в стране губернская публичная библиотека, а в 1784 г., Красноярск, первый среди уездных городов России, тоже открыл свою публичную библиотеку, книжный фонд которой в основном составили книги зауряд-капитан-исправника С.М. Кашкарева, бывшего сотрудника академиков И.Г. Фалька, П.С. Палласа и И.Г. Георги.[73] Всего к 1826 г. в Восточной Сибири по данным видного специалиста по истории культуры Сибири феодального периода А.Н. Копылова, насчитывалось 16 общеобразовательных учебных заведений (гимназия, девять уездных училищ и шесть приходских).[74] Довольно рано появились за Енисеем и первые медицинские учреждения - в 30-х годах госпитали на Нерчинских заводах и при Якутском пехотном гарнизонном полку, в 40-х годах - основана Иркутская аптека. В 70-х гг. на одних Нерчинских заводах имелось четыре госпиталя, где работали такие крупные для России того времени медики как Ножевщиков, Томилов, Робек, братья Рослейны и др.[75]

Резкое возрастание присутствия и регулирующей роли российского абсолютизма на восточносибирской окраине в XVIII - начале XIX вв. обнаруживается и в изменении численности лиц, находящихся на государственной службе, то есть неподатного населения. За сто лет после введения подушной переписи, которая пересмотрела состав и численность находящегося на государственной службе и содержании нетяглового населения, оно выросло к 1823г. до 26172 душ м.п., т.е. в 1,8 раза (Прил. I, табл. 7,8). Именно они отвечали за реализацию политики центральной власти на местах и обеспечивали преимущество «государственного

интереса» в каждой сфере хозяйственной и социально-политической жизни региона в изучаемое время.

В функциональном плане русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII - начале XIX в., как и по всей стране, состояло из общегражданской и ведомственной бюрократии, регулярных войск, иррегулярного казачества и духовенства (Прил. I, табл. 8). Каждый из этих служебных разрядов имел свою ведомственную иерархическую организацию во главе с центральными органами и Синодом, которые в свою очередь были подконтрольны Сенату. В течение изучаемого периода шло, хотя и не очень последовательно, усиление ведомствен-ного управления, особенно линии финансов, полиции, государственных имуществ, горного дела и других наиболее доходных отраслей предпринимательства, внешней и внутренней торговли, путей сообщения, образования, здравоохранения и соцобеспечения. При этом такое мощное в Восточной Сибири ведомство, как горное, получило в свое ведение опре-деленную территорию с населением, по отношению к которому заводские власти одновременно выступали полностью или по отдельным вопросам общегражданскими властями.[76] Это был традиционно-феодальный, территориально-дворцово-вотчинный тип управления. Пространственно было обособлено и ведомство Кабинета (кабинетские горные округа, а с 1769 г. - ясачные земли). Другие ведомства, правда, не получили в свое исключительное заведование территории, однако за рядом из них тоже потомствен-но закреплялся приданный им людской контингент. Так было с личным составом вооруженных сил (с офицерами - до 1762 г.), которым заведовала Воинская Коллегия, а также с духовенством, во главе с Синодом.[77]

Другой, тоже чисто феодального типа, особенностью ведомственного управления являлось полное с 1764 г. (а заводского и кабинетского ведомства - с 1785 г.) подчинение всех местных его подразделений

общегражданской администрации во главе с губернатором. В Иркутской губернии губернатору были подконтрольны горная администрация Нерчинских заводов, Троицкая таможня, «пограничных дел канцелярия», губернские корчемная, полицмейстерская конторы, рентерея и соляное комиссарство. С 1783 г. они все отошли в ведение асессоров губернской казенной палаты. Поэтому широко практиковался обмен кадрами между различными ведомствами и между общегражданскими органами. Заметим, что такой архаичный универсализм должностных лиц не свойственен бюрократии буржуазного типа.

О результатах усилий этого служебного населения в финансово-экономической сфере дают некоторое представление ведомости о государственных доходах и расходах за 1781-1787 гг., опубликованные еще Л. Куломзиным. (См. Прил.I, табл.5,6). Подсчеты по ним показывают, что среднегодовой доход от Иркутской губернии за эти семь лет в среднем составлял 973490 руб., из них больше половины давали таможенный доход - 524731 руб. (без двух последних лет, когда кяхтинский торг был прерван), за ним шел питейный сбор -183596 руб., затем средства от подушного сбора - 130506 руб., от ясака - 32605 руб., с солеварения 8798 руб. (без трех убыточных лет), наконец прочие мелкие сборы давали по 6290 руб. Более 40% этих средств (425840 руб.) расходовали на месте, то есть в первую очередь на содержание аппарата власти и управления, казенные предприятия и многочислен-ные недвижимые имущества в виде зданий присутственных мест, хозяйственных и складских построек. Оставшаяся сумма поступала в центр. Хотя с Иркутской губернии в силу ее специфики чистого дохода получали меньше, чем с более населенной Тобольской губернии, но все же в эти годы около 550 тыс.руб. ежегодно изымалось из хозяйственного оборота региона.

Правящий класс крепостников-дворян России, как видим, подходил к освоению окраины страны в основном с узкосословными и подчиненными

интересам центра, социально-экономическими и политико-идеологическими установками. Об этом же свидетельствует отсутствие строгого разделения сфер должностной деятельности между различными ведомствами. Личный состав регулярных частей и казаков, кроме чисто военных целей, широко использовались для решения административно-налоговых и полицейско-карательных задач. Даже сельский клир с середины XVIII в., обязанный нарушать тайну исповеди и отмечать табельные лик особой службой, стал выполнять политико-идеологические и полицейские функции.[78]

Все вышесказанное приводит к выводу, что ведомственная организация управле-ния и распределения кадров в ней носила относительно условный характер, хотя тенденция к кристаллизации ее основ все же прослеживается на протяжении изучаемого периода. Поэтому по основному функционально-служебному признаку все неподатное население в Восточной Сибири можно разделить на гражданскую, военную и идеологическую бюрократию.

В целом ведомственный состав неподатного населения Восточной Сибири в ХУШ-нач.Х1Х в. представлен в табл. 8, Прил. I. Из нее видно, что по числу штатных чинов ведущее место занимало кроме военных и духовенства, обще-гражданское ведомство, которое в первую очередь отвечало за соблюдение социального правопорядка и поступление налогов, а также за сохранность и использование различных «государственных имуществ», направляло и контролиро-вало городское и сельское самоуправление, ведало через приказ общественного призрения, социальным обеспечением, здравоохранением и просвещением, координировало деятельность узковедомственных учреждений. За ним шло судебное ведомство, которое окончательно вычленялась из исполнительных органов по губернской реформе 1775 г. В отличие от судебных учреждений Европейской России судебные органы Восточной

Сибири в меньшей степени имели сословно-представительный характер, так как дворянские заседатели в них назначались, а не выбирались. Удельный вес гражданской бюрократии среди русских этого огромного малонаселенного края в конце изучаемого периода был в два раза выше всероссийского уровня, поскольку, во-первых, за Енисеем до начала XIX в. чиновники назначались не в два, как обычно, а в четыре звена местного управления (губернское, областное, уездное и низовое, состоящее из дистриктов-комиссарств); во-вторых, русское население восточно-сибирского региона даже к концу XVIII в. не сравнялось по численности с местным ясачным; и в-третьих, в каждой административно-территориальной единице положенный штат чиновников приходился на меньшую в несколько раз численность русского населения, чем в Европейской России.

Еще одной особенностью рассматриваемого региона являлось заметное место по численности штатов горного и таможенного ведомств, что объясняется их самой высокой доходностью.

Особое место по своему контингенту занимало военное ведомство. Кроме тради-ционных казаков, которые были в двойном ведении военных и общегражданских властей, сравнительно высокая численность военных чинов свидетельствует о повышенном участии армии в жизни региона, в частности о военно-бюрократи-ческом характере местного управления.

Итак, в результате политики центральной власти в «Азиатской России» сложились преимущественно государственно-феодальные отношения, выступавшие частью, но очень своеобразной, системы казенного феодализма страны. Его материальной основой, кроме фиска, выступал казенный сектор экономики, который был явно развитее и весомее на восточно-сибирской окраине. Его присутствие было более заметным и в сфере непосредственного материального производства, и в сферах обмена и распределения, составляя и казенно-крепостнический, и

черносошный(корпоративно-феодальный) уклады.

Проводниками этой политики и олицетворением названных укладов выступали все сословия неподатного населения, основную массу которого составляли казаки, низовая затабельная бюрократия и низшие чины частей регулярной армии. Однако успешность их усилий была относительной, ибо не были искоренены полностью другие нефеодальные уклады (типы) социально-экономических отношений (мелко-крестьянский уклад и патриархально-родовой у коренных народов Сибири.

1.2. Эволюция сословно-классовой политики феодального правительства по отношению к дворянству и прочему служебному населению России.

При феодализме сословная политика, как квинтэссенция социальной политики, наиболее отчетливо раскрывает подлинные устремления, взгляды и идеалы верхов общества, сущность общественного строя в целом. Сословный статус служебных людей, особенно дворянства, позволяет определить как сочетались защита узкосословных и классовых интересов верхушки общества с осуществлением функций публичной власти.

На наш взгляд, в правовом положении, или статусе служебного населения, следует выделять два пласта – служебный и частный. Первый характеризует объём прав и обязанностей, связанный со служебной деятельностью или местом в системе управления, то-есть функцией, поэтому его можно назвать функционально-должностным статусом. Частный пласт правового положения представляет собой их гражданский статус как частных лиц, то-есть членов общества вне служебных полномочий, и составляющих определенную корпорацию.

До возникновения и упрочения централизованного государства в России у основной массы феодалов эти две слагаемые их общего статуса были неразрывны, так как место в системе государственного управления было

наследственным и родовым. Поэтому историки и правоведы, разбирая сословный статус дворянства до середины XIX века эти два пласта не различали. В лучшем случае, как например В.О.Ключевский, говорилось о служебных полномочиях[79]. При этом с XVIII в. только одни привилегии без повинностей относили к сословному дворянскому статусу. Исключение составляли Н.А.Рожков, С.Ф.Платонов и Н.П. Павлов-Сильванский. Вряд ли это оправданно. На позднефеодаль-ной стадии в результате углубления общественного разделения труда между и внутри сфер общественного производства, распределения, обмена и управления в России складывалась политическая надстройка абсолютистского типа. Прежняя сословная структура и её критерии воспроизводства стали претерпевать значительные изменения. Как известно, старофеодальные нетрудовые основные сословия с Соборного уложения 1649 г., оставаясь служилыми, стали строго наследственными. От отца к сыну передавался не только законодательно закрепленный общий сословный статус, то есть совокупность гражданских, личных, имущественных и общеполитических прав и обязанностей, но также сфера и род деятельности, в том числе у «служилых людей по отечеству» права на командные должности в государственном аппарате и связанные с ним права и обязанности, иными словами функциональный статус. Это усилило местничество, официально отмененное в 1682 г. с усложнением и специализацией военного дела, а затем судебно-фискальной и хозяйственно-организаторской сфер, которые потребовали специальных знаний, умений и навыков. Новые, по терминологии В.О. Ключевского, «служебные полномочия», которые нередко уже не соответствовали старому общесослов-ному статусу того или иного феодала, периодически дополняли или изменяли путем юридического закрепления их за носителем. Личная заслуга-выслуга как источник сословной принадлежности, стала дополнять «породу», хотя происхождение во многом еще определяло род и содержание службы.

В реализации новой тенденции развития сословного строя многое, как

известно, сделал Пётр I, который с неукротимой энергией пытался в полном объёме решить важнейшую общенациональную задачу ликвидации относительной культурно-экономи-ческой отсталости России от самых развитых западноевропейских стран, ставших на путь буржуазного развития. Объективно прогрессивные преобразования Петра I, которого Ф.Энгельс называл «действительно великим человеком»[80] подготавливали условия для буржуазного развития страны, хотя существующий социальный порядок укрепился, а

положение господствующего класса упрочилось. Эта неизбежная в тогдашних конкретно-исторических условиях противоречивость реформ первой четверти ХУШ в. была отмечена еще В.И. Лениным, который писал, что «…Пётр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства».[81]

Естественно, противоречивым оказался и подход центральной власти к правящему классу. С одной стороны, с указом об единонаследии 1714г. расширились права дворян на землю и крестьян, хотя и с майоратными ограничениями, а частно-крепостнический режим распространился на новые десятки тысяч бывших черносошных крестьян. С другой стороны Петр I вновь, как нередко бывало до середины XVII в., открывает доступ к государственной, в первую очередь, военной службе выходцам из всех сословий. Но в силу общего уровня развития общества царь -реформатор был вынужден использовать именно дворянство в качестве главного орудия реализации своих преобразований. Он настойчиво его европеизирует, не ограничиваясь обрезанием бород и длинных боярских шуб, обучением грамоте и западному «политесу». В указном порядке впрягая лично каждого дворянина страны в пожизненную лямку гражданской и военной службы, царь Петр I добивался превращения их в знающих грамотных офицеров армии и флота, в организаторов казенных фабрик и заводов, специалистов горного дела,

металлургического производства, наконец, в радеющих об «общенародной пользе» гражданских администраторов.

Введением раздач земель с крестьянами только за служебное отличие, представлением дворянского статуса за успешную службу всем выходцам из непривилегированных и трудовых сословий, конфискацией поместий и исключением из дворян «нетчиков» Петр I по существу вводил как самостоятельный, новый, чисто служебный и личный критерий принадлежности к дворянскому сословию, по которому подлинное шляхетство в экономическом и юридическом смысле давала не только «порода», а и успешная государственная служба, то есть личная заслуга и выслуга. Когда в 1724 г. Военная коллегия запросила Петра I кого именно относить к «знатному шляхетству», так как дети дворян и офицеров служат в гвардии, а незнатные могли начинать службу и в полевых полках и предложила таковыми считать владельцев более 100 ревизских душ, то император наложил резолю-цию: «знатное дворянство по годности считать», то есть того, кто службой и высоким чином это доказал. По «Табели о рангах» сыновья знати вообще не получали рангов, «пока они нам и Отечеству услуг не покажут и за оные характера не получат».[82]

Этим все дворянство бюрократизировалось, а ведущий должностной слой классной гражданской бюрократии и все офицерство, благодаря разомкнутым сословным рамкам российского шляхетства, одворянивался. Как известно, офицерский корпус полностью, а гражданские чиновники – от VIII класса чинов и выше по «Табели о рангах» 1722 г. потомственно оказывались в рядах «благородного» сословия. Впервые дворянский статус обер - офицерам был введен указом 16 января 1721 г. –«все обер - офицеры, которые не из дворян, равно как их дети и потомки, суть дворяне и надлежит им дать патенты на дворянство». Пояснения к «Табели» уточняли, что воинские чины, «которые дослужатся до обер-офицерства не из дворян, то когда кто получит вышеписанный чин, оный суть дворянин и его дети, которые родятся в обер-

офицерстве; а ежели не будет в то время детей, а есть прежде, и отец будет бить челом, тогда дворянство давать и тем, только одному сыну, о котором отец будет просить». [83] При этом есть основания считать, что Петр I вскоре после принятия «Табели» уже подумывал расширить по гражданскому ведомству состав должностей - чинов со статусом потомственного дворянства, в частности включить туда секретарей воеводских канцелярий. Именной указ от 31 января 1724 г. гласил: «В секретари не из шляхетства не определять, буде же из подьяческого чина, кто какое знатное дело покажет и заслужит, (выделено мной – Г.Б.) то таких со свидетельства Правительствующего Сената производить секретарем, и чтоб кто будет секретарем, из таких давать шляхетство, как и в военной службе кто в прапорщики показан.[84] Верхушка посада была тоже обнадежена возможностью получить через участие в городском самоуправлении дворянство. В принятом 16 января 1721 г. «Регламенте главного магистрата» в главе 14 было сказано, что «показавшим радение в магистратской службе, можно просить государя о пожаловании в шляхетство».[85]. Природные же дворяне - землевладельцы, которые не подтверждали по службе своим чином - рангом шляхетства или совсем не служили, даже после указа о вольности дворянства 1762 г. официально несколько ущемлялись в политических правах и должны были подвергаться общественному порицанию со стороны своих местных дворянских корпораций. Например, при выборах в Уложенную комиссию 1767 г., по губернской реформе 1775 г. и «Жалованной грамоте дворянству» 1785 г. дворяне, не выслужившие офицерского чина, получали только право совещательного голоса и не могли избираться на должности в местные казенные и сословные уездные и губернские учреждения и органы. Природные дворяне не в офицерском чине могли оставить службу, воспользовавшись указом о вольности дворянства 1762 г., только прослужив 12 лет. В первую очередь, через бюрократизацию всего дворянского сословия Петр I в функционально - структурном, или иными словами техническом, отношении пытался создать на буржуазный лад

организованный и хорошо отлаженный аппарат власти и управления с его отраслевой специализацией, разделением властей и бюрократическим централизмом. Вместе с тем, будучи плоть от плоти своего класса, Петр I сохранил старый наследственный характер частного сословного статуса российского шляхетства, хотя сам лично крайне негативно к нему относился, о чем свидетельствует указ его о престолонаследии 1718 г., лишавший его потомков по мужской линии безусловных наследственных прав на российский престол. Ведь не только члены семей природных дворян, находящихся на службе, но и классные чиновники с У111 ранга и выше, а также все офицеры служилого происхождения с членами семей имели потомственный дворянский статус с правом собственности на землю и крепостных крестьян. Поэтому Петр I, жалуя за определенную личную службу права потомственного дворянства, не смог последовательно согласовать принципы личной заслуги и породы. Ставший двуединым критерий принадлежности к шляхетству, не был доведен до логического конца, ибо предусматривал выделение особого разряда личных дворян, статус которых: во-первых, оказался неопределенным – не было ясности получали ли они важнейшее право владеть населенными землями; во-вторых, этот статус носил пожизненный характер и не передавался по наследству, поэтому члены одной семьи оказывались в разных сословиях. У родившихся до получения отцом первого штаб-офицерского (УIII) ранга на гражданской или обер – офицерского чина на военной службе был довольно неопределенный сословный статус«обер-офицерских детей»[86]. У детей же гражданских чиновников, родившихся до получения отцом первого классного чина , сословное податное происхождение и принадлежность вообще не совпадало с новой сословной принадлежностью родителя. Такой по сословной принадлежности раскол многих семей личных и потомственных по выслуге дворян сильно осложнял внутрисемейные имущественные отношения и установление объема юридической дееспособности их членов. Затруднялся также контроль за соблюдением критериев воспроизводства сословной

структуры.

Таким образом в петровскую эпоху статус личного дворянина по своей природе являлся чисто функционально - должностным. Сословное происхождение и сословная принадлежность у личного дворянина не совпадали, а сам он занимал место в «юридическом и социальном отношениях промежуточное между потомственными дворянством и податными классами»,[87] будучи свободным от телесных наказаний, рекрутчины и личных податей. Природные дворяне в качестве рядовых в полках или затабельных чиновников до выслуги офицерского чина или VIII ранга, тоже оказывались носителями двух различных статусов: один определялся службой, а другой –породой. Представители знатных дворянских родов видели в этом явное умаление их чести и как могли протестовали. Об этом свидетельствует, например, случай с адмиралом Ф.М. Апраксиным. Петр I, раздраженный тем, что некоторые недоросли знатных фамилий, чтобы не учиться морской науке, определились в духовное Заиконоспасское училище, повелел всем его ученикам забивать сваи в морском порту. Ф.М. Апраксин, узнав о посещении порта Петром, прибыл туда раньше и перед появлением там царя, сняв Андреевскую ленту, принялся им помогать. Изумленный Петр I спросил: «Федор Матвеевич, ты адмирал и кавалер, как же ты вбиваешь сваи?» На что Апраксин ответил: -«Здесь бьют сваи мои племянники и внучата, а я, что за человек, какое имею в роде (выделено нами - Г. Б.) преимущество»[88].

Важно отметить, что при Петре I новому служебно – должностному принципу при- надлежности к дворянству был подчинен старый потомственный. Однако со времен дворцовых переворотов под прямым давлением самого дворянства процесс формирования вместо прежних наследственно-замкнутых разрядов «служилых людей по отечеству» нового служебного военно-бюрократизированного дворянства во многом пошел в ином направлении. В принципах воспроизводства российского шляхетства постепенно реабилитируется «порода», а обязанности превращаются в узко-

сословные привилегии. Дворянство, как известно, сумело расширить старые привилегии и обрести новые, в том числе отмену всех стеснений в передаче владельческих прав на крестьян и земли; полную свободу завещания, включая отмену майората; освобождение своей собственности от налогов и платежей; снятие ограничений в распоряжении лесами, минеральными богатствами, недрами (Жалованная грамота 1785 г.); приобретение винокуренной монополии (1754 г.); получение кредита через Дворянский банк; право присутствия (членства) в гражданских обществах; сословное самоуправление на уездном и губернском уровнях; право суда равными. В 60-е гг. во многом было снято традиционное, идущее от Уложения 1649 г.[89], запрещение чиновникам-дворянам и военным чинам по месту службы заниматься хозяйственно - предпринимательской деятельностью, ростовщичеством и откупом, заключать сделки, брать кабалы, покупать земли. Этот запрет неоднократно повторялся в ХУШ в. в наказах и в специальных правительственных актах, например, в указах от 23 июня, I июля и августа 1740 г., 25 августа 1744 г. и 23 апреля 1749 г.[90] Так, именной указ от 23 июня 1740 г. констатировал, что «губернаторы, воеводы и прочие судьи, так же секретари и канцелярские служители в противность Уложения деревни и земли и прочия недвижимыя имения на свои и посторонних надежных им людей, також и жен и детей своих, имена, покупают и в заклад берут у таких дворян и других чинов людей, которые сами и их все имение в полной их команде имеются». Поэтому запрещалось всем местным властям, независимо от их ранга, «где кто из них к делам определены, у дворян и других чинов людей, которые в тех же местах испомещены, деревень, земель, людей и крестьян покупать и под заклад брать, как на свое имя, так и на имя родственников или посторонних лиц».[91]

Сенатским докладом от 13 июня 1764 г. утвержденным именным указом, сначала уездным и провинциальным воеводам, а указом 27 января 1766 г. - и губернаторам, разрешили покупать земли и владеть ими в подведомственных им территориях. Снятие запрещения мотивировалось тем, что увеличение

жалования по только что изданным штатам гарантирует от злоупотреблений этих должностных лиц, желавших получить «акциденции» в виде земли. Заявлялось так же , что при новой государыне воеводы назначаются не «для получения от воеводства себе пропитания», но «по способности к исправлению полученных дел». По указу же от 28 января 1770 г. губернаторам, воеводам и приказным людям было разрешено «векселеваться» в губерниях, где они служат.[92]

Освободилось дворянство и от главной своей сословной обязанности -службы. Первое отступление от правила обязательной дворянской службы сделало правительство Екатерины I, отпустив без содержания из армии 2/3 офицеров, унтер – офицеров и рядовых из шляхетства[93]. При Анне Иоановне по манифесту от 31 декабря 1736 г. в мирное время один из членов семьи освобождался от службы для управления родовым имением. Кроме того бессрочную службу заменили 25 годами, и она должна была начинаться не с 15 лет, а с 20-ти[94]. Вместе с тем принцип пожизненной и личной службы, по крайней мере для беспоместных дворян, оставался в силе, так как уходящий в отставку по выслуге лет был обязан поставить за себя одного рекрута со 100 ревизских душ. Указом 1740 г. уточнялось, что те, кто имел 50 - 70 душ, вносили вместо рекрута 30 рублей, а 30-50 душ - по 20 рублей[95]. Учреждение в 1731 г. Шляхетского кадетского корпуса в принципе обнадеживало дворян насчет облегчения тягот военной службы в качестве рядовых и унтер-офицеров. Во времена Елизаветы распространилась практика записи дворян в полки в малолетнем возрасте. Как известно, знаменитый указ Петра Ш о вольности дворянства 18 февраля 1762 г. отменил службу как сословную обязанность. Для того времени это означало, что дворяне, оставшиеся уже по своему желанию в аппарате управления и армии, превращались в бюрократические кадры пробуржуазного типа. Ведь право свободного в юридическом, а не экономическом плане выбора рода деятельности и вытекающие из него договорные отношения является одним из основных признаков буржуазного

общества. Однако новый принцип государственной службы дворян утвердился далеко не сразу. Вопрос об отставке для чиновников и офицеров УШ и выше рангов в каждом отдельном случае придирчиво решался Сенатом и императрицей, а природных дворян не в классных чинах отпускали только через 12 лет службы руководители департаментов и ведомств.

Прогрессивно настроенные люди екатерининского времени, следуя заветам Петра I, не отделяя понятие «общества» от понятия «государства», тоже расценивали свою службу как патриотический долг. Так, идеальный герой гениальной комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» Стародум постыдным грехом своей молодости считал уход в отставку из-за того, что был несправедливо обойден чином[96]. Поэт Г. Р. Державин, в свою бытность министром юстиции в начале XIX в., придерживался таких же принципов. Обсуждая доклад Военной коллегии и мнение графа Потоцкого о службе дворян «в нижних чинах», он отстаивал правильное толкование пунктов 7,8 и 9 манифеста 18 февраля 1762 г., которые разрешали свободную отставку только лицам, выслужившим классные чины, а прочим потомственным дворянам, не подтвердившим свое дворянство чинами, до отставки следовало пробыть на службе минимум 12 лет[97]. Просветительские иллюзии насчет благодетельной власти, с которой необходимо сотрудничать, стали развенчиваться лишь в декабристский период. Только во времена молодого А. И. Герцена, писавшего об «удивительном союзе даже для ХУШ столетия... власти и мысли, императорских указов и гуманного слова, самодержавия и цивилизации», многие его современники с гордостью скажут, что из оппозиции к охранительному царизму они нигде не служат[98].

В целом указ о вольности дворянства рассматривался большинством его современников и в последующие десятилетия не как акт, дающий каждому представителю благородного сословия право свободно и альтернативно определять своё отношение к государственной службе, а как право самостоятельного выбора рода, времени и места несения этой службы.

Особенно отчетливо этот подход проявлялся у тех дворян, у которых государственная служба была основным или единственным источником средств существования.

По губернской реформе 1775 г. все провинциальные дворяне - помещики стали в потенции выборными и назначаемыми чиновниками местных управленческих звеньев. Павел I вообще отменил прежние дворянские вольности по отношению к государственной службе, вновь объявив её обязательной. Молодой же Александр I, перешагнув по дороге к трону даже через труп умерщвленного заговорщиками отца, поспешил подтвердить дарованные его бабкой, Екатериной II, дворянские привилегии. Вместе с тем идея обязательной службы «благородного» сословия как общественного и морально-этического долга, предполагавшая в принципе полное слияние неслужилой части дворянского класса с его военно-бюрократической прослойкой, облеченная в псевдопатриотический флер служения царю и отечеству, по-прежнему сохранялась и настойчиво проводилась во внутренней политике царизма.

Особо следует остановиться на возможности получения офицерских чинов или классных рангов выходцами из социальных низов. В условиях нарастающего разложения и кризиса феодального строя, сокрушительно воздействовавшего на землевладельцев - крепостников, политическая организация страны эволюционизировала от «просвещенного» абсолютизма Екатерины II через консервативно-романтический деспотизм Павла I и сомнительный двоедушный либерализм Александра I к охранительно-правовому царизму Николая I. Но на протяжении всех этих тактических поисков оптимальной для узкоклассовых задач внутренней политики верховная власть именно в военно-бюрократическом дворянстве видела наиболее организованную, надежную и послушную силу, способную в полном объёме сохранить незыблемым сословный строй и исключительные привилегии «благородного» всероссийского дворянства, возглавляемого первыми

дворянами страны - царской фамилией Романовых. Поэтому все более актуальной с середины ХУШ в. задачей становится забота о сословной чистоте дворянства, а значит личного состава государственного аппарата и офицерства. Для недворян дорога в обетованный шляхетский рай, открываемый, как известно, получением ранга коллежского асессора УШ класса на гражданской службе и чином прапорщика - на военной, становится все более длинной.

Уже правительство Елизаветы Петровны после сбора сведений об офицерах из дворян и не из дворян принимается за сословную чистку офицерского корпуса. Было отставлено много обер-офицеров из «солдатских и прочих нижних пород детей и крестьян»[99]. Усложняются возможности выслуги нижних чинов в их благородия. Для производства в офицерские и даже в унтер-офицерские чины неукоснительно обязательным условием стало знание грамоты. Прежде, судя по именным офицерским спискам, строго не выдерживалось распоряжение Петра I, подтвержденное в 1731 г., «чтоб безграмотных не производить, дабы каждый к обучению грамотному попечение имел не ленностное». Требование обязательной грамотности получило ярко выраженную сословную окраску.

В «Инструкции полковнику» 1764 г. в примечании к пункту 2 сказано, что «унтер-офицеров из недворян в офицеры не прежде аттестовать, как по 12 лет их службы, хотя они и пороков не имели, дворян же по полку ни в какие другие чины не производить, как только в подпрапорщики и в младшие сержанты, из которых чинов они должны преимущественно перед не дворянами идти в офицеры, невзирая не токмо на старшинство недворян унтер-офицеров против них ниже на чин их». Вместе с тем сверх комплекта запрещалось в унтер-офицеры производить кого бы то ни было[100]. Воинский устав 1796 г. был еще сильнее пронизан курсом, взятым центральным правительством на ограничение недворян к производству в офицеры. Подтверждался 12-летний срок выслуги недворян для получения офицерского чина и вводилась обязательная четырехлетняя служба рядовыми для производства в унтер-офицеры. Вслед за

тем указом 17 апреля 1798 г. вовсе запрещено было представлять унтер - офицеров из недворян не только в офицеры но даже в портупей-прапорщики и подпрапорщики, так как в этих последних званиях должны были состоять одни лишь дворяне[101]. Дворяне по военному уставу Павла I поступали на службу в войска сразу унтер-офицерами; первые три месяца они должны были служить за рядового, но в унтер-офицерском мундире. Не дворянин же мог быть произведен в унтер-офицеры не ранее четырех лет по выслуге в звании рядового, Затем дворяне из унтер-офицеров последовательно производились в подпрапорщики (юнкера), портупей - прапорщики и портупей - юнкера (эстандарт - юнкера в кавалерии и фанен-юнкера - в артилерии). Эти чины лица из недворян не получали. Из младших унтер-офицеров их переименовывали в старшие, а затем производились в фельдфебели (вахмистры). Никаких особых сроков выслуги для переименования из одного унтер- офицерского звания в другое не существовало. На каждую открывшуюся унтер-офицерскую вакансию ротный командир представлял трех кандидатов, из которых командир полка выбирал достойных, сам производил их в соответствующий чин. Со времен инструкции полковнику 1766 г. предпочтение отдавалось кандидату - дворянину. Командир полка обязан был «стараться иметь в каждой роте по крайней мере по одному из унтер - офицеров из дворян». Так как дворяне поступали на службу сразу унтер-офицерами и их разрешено было принимать без вакансий, то в войсках образовался значительный сверхкомплект этих чинов, особенно в гвардии, где унтер-офицерами могли быть только дворяне. Во избежании расходов Павел I приказал в 1798 г, «впредь принимать в полки дворян при отсутствии унтер-офицерских вакансий только на собственном их содержании[102]. Недворян могли производить в старшие унтер - офицеры только за выдающиеся военные подвиги. Производство в обер-офицерские чины совершалось по старшинству (кроме гвардии) и на вакансии, которые рассчитывались по каждому полку, батальону и для каждого чина особо. Число офицеров каждого чина до роты точно определялось штатами и положениями.

При убыли на это место представлялся к производству старший, а если он был недостоин, то следующий достойный по старшинству.

Право представления к производству во все обер-офицерские чины по инструкции полковнику 1766 г. предоставлялось командиру отдельной части, который предварительно обсуждал кандидатуру со всеми подчиненными ему штаб-офицерами. Но с их мнениями он мог не посчитаться, так как с 1766 г. на него одного возлагалась ответственность за правильность сделанного им выбора достойного кандидата на «убылое место».

На вакансию в первый обер-офицерский чин прапорщика (корнета - в кавалерии и подпоручика в артиллерии) командир полка или батальона обыкновенно представлял согласно Воинскому уставу 1766 г. старшего унтер-офицера из дворян (портупей-прапорщика или портупей-эстандарт и фанен – юнкера или подпрапорщика или юнкера), пробывшего на службе 3 года[103]. Если дворян, выслуживших этот срок, не было, или их было недостаточно для замещения всех обер-офицерских вакансий, то к производству в офицеры могли быть удостоены унтер-офицеры не из дворян, выслужившие следующие, установленные в 1766 г. сроки: 1) обер-офицерские дети и вольноопределяющиеся - 4 года; 2) солдатские дети, подьячие и из духовенства - 8 лет; 3) поступившие из прочих сословий по рекрутскому набору - 12 лет. Последних могли производить по Уставу Павла I прямо в офицерский чин корнета и подпоручика только «по отменным способностям и достоинствам» и при том, если они «не безобразны». Важно отметить, что какого-либо образовательного ценза для получения первого и последующих офицерских чинов не существовало, хотя наличие образования могло повлиять на производство. Это явно противоречило петровским заветам. Напомним, что придавая огромное значение во всяком деле знанию, Петр Великий в военном деле на первый план ставил знание и опытность».[104] Поэтому он установил новый порядок прохождения чинов для природных дворян. Прежде многие дворяне по знакомству с высшей администрацией, военной и гражданской,

записывались на службу офицерами в гарнизонные полки или же «для поручений» при губернаторах «к делам и посылкам». Петр I в 1712 г. приказал «молодых людей как в гарнизонные полки в штаб и обер-офицеры , так и в коменданты, и к делам и в посылки не употреблять», а высылать их на службу в полевую армию, на их место назначая через Военную канцелярию из числа «отставных за ранами и увечьем»[105]. При этом в 1714 г. он распорядился: «многие производят сродников своих, друзей в офицеры из молодых, которые с фундамента солдатского дела не знают, ибо не служили в низких чинах, а которые служили, только для лица по несколько недель или месяцев, того ради ... впредь сказать указ, чтоб из дворянских пород и иных со стороны отнюдь не писать, которые не служили солдатами в гвардии». Этот именной указ не распространялся на «солдат из простых людей», которые выслужили офицерский чин долгой службой в армейских полках[106].

В 1719 г. Петр I велел Военной Коллегии пересмотреть офицеров всех гарнизонных полков и всех, кто был произведен «противно воинским регулам», лишить офицерского чина, определив их к гражданским делам, заместив их теми, кто был уже не годен к службе в полевых частях[107]. Позже производство в гарнизонных полках унтер-офицеров в офицеры не допускалось во избежании производства недостаточно обученных шляхетских недорослей, а на открывшиеся вакансии назначали либо состарившихся офицеров полевых полков, или же заслуживших офицерский чин унтер-офицеров полевых частей[108].

С 1714 г. производство офицеров в следующий чин должно идти при наличии вакансии по старшинству достойного. Достойнейшего определяли общей аттестацией всех офицеров полка - для обер-офицеров, и генералами со штаб-офицерами нескольких расквартированных полков -для штаб-офицеров. Удостоенные к производству получали свидетельства за подписью участвующих в аттестации всех лиц, которые утверждались в новом чине вплоть до капитана включительно - полным генералом, в чине подполковника

генерал-фельдмаршалом, а в полковники – императором. Затем аттестационные свидетельства представлялись в Военную коллегию для получения патента на новый чин[109].

Позже с 1722 г. порядок производства по избранию был изменен, кроме производства в первый обер - офицерский чин и первый штаб-офицерский и все генеральские чины. Прочие чины давали без баллотирования по старшинству «по старости чина», причем производство проводилось не по отдельным полкам, а по нескольким, расквартированным в одном районе[110]. В полевых частях не менее 1/3 прапорщиков замещались унтер-офицерами недворянского происхождения, а по усмотрению командиров дивизий - до 2/3, остальные же замещались унтер-офицерами гвардии. С 1722 г. иноземцев принимали с понижением на один чин. Именным указом, объявленным 20 ноября 1796 г., производство в офицерские чины велено осуществлять во всех родах войск по старшинству, по вакансии и не иначе, с утверждения самого государя по представлениям Военной коллегии, основанном на единоличной аттестации начальников отдельных частей. Переводы в другие части при этом были запрещены, чтобы не запутывать счет старшинства и выслуги. Производство по выбору почти вовсе исчезает, оставаясь лишь в качестве исключительной награды за особые отличия преимущественно в военное время[111].

При Екатерине II распространилась практика производства в первый офицерский чин

«зауряд», вызванная нехваткой офицерских кадров в условиях военного времени. Для пополнения недокомплекта разрешили производить в офицеры унтер-офицеров из недворян, которые еще не выслужили двенадцатилетнего срока в унтер-офицерском звании, однако с условием, что старшинство для дальнейшего производства пойдет после выслуги узаконенного 12-тилетнего срока. Позже, производство «зауряд» распространили и на другие офицерские чины.

Нестроевые офицерские должности в армии, вновь как при Петре I, стали переводить при Павле I на гражданские классные ранги (аудиторы, провиантские чиновники, кригс-комиссары и т.д.)[112].

Офицерские патенты заготовлялись Военной коллегией и подносились императору, а патентами на чины гражданские ведал Сенат. Высочайше утвержденным докладом Военной коллегии в 1802 г. были унифицированы пути получения первого офицерского чина и ранга, дающего права дворянства. Дворяне - нижние чины, не дослужившиеся до обер-офицерского чина, могли быть уволены от службы или по выслуге двенадцати лет, или по болезни, подтвержденной медицинским освидетельствованием. При этом они, согласно указам Екатерины II 1762 и 1763 гг.награждались чином X1У класса, если служили беспорочно и не менее трех лет занимали строевые унтер-офицерские должности. Если они были ранены, то уход в отставку или в инвалидные команды с чином прапорщика не зависел от выслуги лет и должности.

Чин X1У класса получали и те дворяне, что просили не о полной отставке, а об «определении к статским делам». В этом случае необходима была выслуга обоих сроков. Этими же правами пользовались обер-офицерские дети. В вольно-определяющиеся могли поступить дети лиц недворянского происхождения, получивших обер-офицерский чин при отставке с военной службы или же на гражданской службе, дети академиков и их воспитанников, дети вольных иностранцев. Их могли увольнять со службы по выслуге 15-ти лет с награждением чином прапорщика в случае беспорочной службы, в том числе четыре года на строевых унтер-офицерских должностях. При уходе в отставку была не обязательна (для раненых) общая выслуга лет, но для перевода в инвалидную роту с чином прапорщика по-прежнему требовалось наличие четырехлетнего стажа службы унтер-офицера. В противном случае чин оставался тот же, в котором служили в полевом полку. Солдатские дети, разночинцы (церковники, вольноотпущенные) и рекруты по выслуге соответственно 15-ти и 25-ти лет тоже имели право получить в награду при

уходе в отставку первый обер-офицерский чин, если были грамотны и беспорочно прослужили не менее 12-ти лет на строевых унтер-офицерских должностях. Эти лица могли по желанию вместо отставки перевестись в инвалидные команды: унтер-офицеры - прапорщиками, а фельдфебели - подпоручиками. Для раненых общая выслуга лет была необязательной. Больные же, которые уходили в отставку до выслуги 20-ти лет, не имели права награждения чином обер-офицера[113].

Гражданская служба по сравнению с военной в ХУ111 в. давала еще меньше возможностей для перехода в высшее сословие[114]. Образцом для чинопроизводства в гражданском ведомстве являлась военная служба. Продвижение по классу чинов должно было происходить в строгой постепенности и с обязательной выслугой определенного числа лет в нижнем чине. Со временем классных должностей для всех выслужившихся чиновников стало не хватать. Поэтому, чтобы поднять заинтересованность чиновников в службе, центральная власть стала с 60-х г. шире использовать предусмотренное «Табелью о рангах» производство в чин - ранг независимо от должности и выше её по классу. Так, Сенатский указ от 14 января 1762 г. разрешил «находящихся в губерниях, и провинциях, и городах... канцеляристов» производить в регистраторы Х1У класса, но «с прежним их канцелярским жалованием», то есть, оставляя их на прежней должности. После двух попыток пересмотреть эту практику именным указом 13 сентября 1767 г. она была подтверждена для уже получивших чин, а впредь рекомендовалось, чтобы при назначении на новую должность ее класс и класс ранга-чина чиновника совпадали. Тогда же для перевода из ранга в ранг ввели срок выслуги 7 лет[115]. С целью по бюрократическому каналу ограничить приток разночинцев в ряды потомственного российского шляхетства по указу 16 декабря 1790 г. для перевода в чин VIII класса, дававшего «благородное» дворянство, требовалось прослужить в девятом ранге уже 12 лет, в то время как выслугу в обер-офицерских рангах от XIV до IX сократили до трех. Срок же выслуги первого

классного чина (XIV ранг) для лиц недворянского происхождения оставался равным восьми годам[116].

Преобладание со второй половины ХУШ в. дворянского общесословного, связанного с происхождением, статуса над функционально-должностным еще ярче выступает в изменении положения природных дворян в затабельных «нижних чинах». Так, в манифесте от 17 марта 1775 г. по случаю мира с Османской империей велено с ними за их «вины» поступать как с обер-офицерами[117]. «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. этот принцип подтвердила[118]. Пенсии раненым и увечным дворянам в нижних чинах , а также содержание их семей велено было определять как офицерам. Нижним чинам из дворян часто позволяли всяческие облегчения тягостей солдатской службы. Солдат-дворянин поручал слуге носить ружье и алебарду, ходил без мундира, вел праздную жизнь, особенно в гвардии. Разжалованные в рядовые офицеры тоже пользовались особыми льготами в силу своего происхождения. Дворяне в унтер-офицерских чинах и младшие офицеры обращались друг с другом как равные.[119]

Курс на сословное обособление личных дворян был другим важным средством обеспечения чистоты рядов шляхетства. При Петре I четко не был определен их статус и даже сам термин «личные дворяне» не был употреблен [120]. Из контекста его указов и практики следующих трех десятилетий видно, что классные чиновники Х1У - IX рангов сами лично обладали правами «природного шляхетства», в том числе владели населенными землями, но им запрещалось их передавать по наследству. Об этом свидетельствует седьмой пункт «Привилегии городу Оренбургу», данной 7 июня 1734 г., которым верхушке городового магистрата были пожалованы «статские чины» (бургомистру - IX класс, двум ратманам-Х класс) с правами пожизненного дворянства[121].

Когда правительство в ходе второй ревизии стало настойчиво требовать соблюдения дворянской монополии на владение населенными землями, то

среди категорий, не имевших права на дворовых и крестьян, личных дворян еще не назвали[122]. Со ссылкой на петровские указы в «Инструкции по межеванию» от 13 мая 1754 г. среди тех, кто не имел права приобретать населенные земли уже названы обер-офицерские дети, но в тоже время они могли их наследовать. Это видно из пункта 2-го главы 50-й той же инструкции, где сказано, что «если вотчины остались от умерших не из шляхетства, и были (они – Г.Б.) в военной и штатской (выделено нами - Г.Б.) службах, и дослужились обер-офицерских рангов и выше, и, будучи в службе, недвижимые себе получили по купчим и закладным и другим каким дачам и по крепостям..., то недвижимые имения отмежевать детям, рожденным в обер-офицерстве». За самими же чиновниками в обер-офицерских чинах Межевая инструкция безусловно признавала права на земли с крестьянами. Из пунктов 7-го и 9-го главы 30[й] следовало, что приказные служители, то есть гражданские чиновники, и военнослужащие, которые не из дворян и не имеют офицерских рангов, обязаны имеющиеся по любым обстоятельствам у них недвижимые имения продать в течение полугода, но дослужившиеся до обер-офицерства не из дворян, не подчиняются этому правилу[123]. Вокруг вопроса могут ли личные дворяне быть земле - и душевладельцами разгорелась борьба. В духе своей усиливающейся узкосословной политики елизаветинский Сенат 9 февраля 1758 г. уточнил положение Межевой инструкции 1754 г, в том смысле, что «состоящим не из дворянства в гражданских обер-офицерских рангах, яко то: протоколистам и регистраторам, бухгалтерам и тому подобным чинам, по точному об них (в Табели о рангах-Г. Б.) изображению, что дети их не суть дворяне, деревень равно с дворянами покупать и за собой иметь не велено». Этим же указом низших классных чиновников удельного ведомства по правам на землю впервые приравняли к офицерам, а лицам со штатскими обер - офицерскими чинами оставили земли, записанные за ними до Межевания 1754 г., но впредь приобретение населенных земель им запрещалось[124]. 24 мая того же 1758 г. Сенат уточнил, что «у придворных чинов деревни не отписывать»[125].

Точку поставил Сенатский указ от 23 ноября 1760 г., который разъяснял, что в указе от 9 февраля 1758 г. среди чинов, кому нельзя владеть землями, «следовало назвать всех в статской службе от прапорщика до капитана, включая учеников при Архитектурии , при Канцелярии строений по разным мастерствам», а так же офицеров геодезии, произведенных в чины после отчисления их в 1752 г. от Морской академии в ведомство Сената. Впервые четко и недвусмысленно было сказано, что «всех производимых по статской службе не из дворян в обер-офицерские чины ... с действительно военнослужащими в дворянстве не счислять, а деревень им за собой не иметь и дворянским правом не пользоваться»[126].

Таким образом, не при Екатерине II, как считалосъ в литературе, а еще при Елизавете статус личных дворян уже не включал в себя важнейший признак «действительного» или «лучшего» дворянства[127]. Подобный юридический прецендент имел место еще в 1752 г., когда указом 17 января купцы, пожалованные в высокие VIII и VII гражданские классы-ранги, были выключены из подушных списков, но остались числиться в купечестве и платили все, кроме подушных денег, платежи. Особо было подчеркнуто, что им «деревень не покупать и такого дворянства, какое в «Табели о рангах» изображено, не иметь, потому что они те чины получают не из таких служителей, о каких в той Табели о рангах явствует»[128].

Особое правовое положение личных дворян было закреплено Жалованной грамотой дворянству 21 апреля 1785г. Они не вошли ни в один из шести разрядов российского дворянства, и их не внесли в родословные дворянские книги по губерниям. Не допускались они к участию в корпоративной жизни дворян и их самоуправлению. Вместе с тем был сделан важный шаг в оформлении этого сословия и установлении его места в сословной иерархии по отношению к потомственному шляхетству. В «постановлении 20-м» статьи 19-й впервые вводилось правило, по которому личные дворяне в четвертом колене – «буде дед, отец и сын имели чины, приносящие лично дворянство или в третьем

колене - при беспорочной 20-ти летней выслуге отца и сына, внуку можно было просить о «действительном дворянстве». Особо было оговорено, что эта «милость» распространялась и на детей приказных служителей, которые не из дворян, но достигли классного чина». Вместе с тем и по Жалованной грамоте 1785г. сословный разряд обер-офицерских детей еще не слился с сословием личных дворян, ибо первые только по праву рождения не получали их статус. Это слияние было осуществлено манифестом от 10 апреля 1832 г., когда ввели звание личного и потомственного гражданина. Его по происхождению получили и дети личных дворян, и обер-офицерские дети, и сами личные дворяне.[129]

В целом к концу ХУШ в. сословие личных дворян стало своеобразным фильтром, в котором накапливались многие нежелательные по происхождению, несмотря на нередко высокие деловые качества, выходцы из разночинной и податной среды. В свою очередь, положение личного дворянина было предметом вожделений как бесклассных чиновников от пищика до канцеляриста многочисленных канцелярий, контор, экспедиций, уездных и земских судов, так и нижних чинов регулярной армии. Со времен Екатерины II распространяется практика допущения временного должностного дворянства различным «зауряд-секретарям» и даже некоторым выборным членам городского самоуправления. Их утверждали на классных должностях, дающих право на получение чина и статуса личных дворян, платили штатное жалование, но не присваивали соответствующий чин-ранг. Во время исполнения служебных обязанностей они могли пользоваться статусом личного дворянства, то есть были временными дворянами[130]. Несмотря на в целом ужесточившиеся требования к сословному происхождению классных чиновников, твердые сроки чинопроизводства по выслуге лет, должностное жалование, возможности получения дополнительных, хотя и незаконных, выгод от службы, - все это привлекало к государственной службе разночинцев и податных лиц, порождало обманчивую для подавляющего большинства

надежду на получение классных чинов и даже достижение верхних ступеней по служебной лестнице.

Правда, правовое положение служилых по происхождению потомственных дворян было буквально пронизано узко-сословным подходом верховной власти. После петровской эпохи разница в сословном происхождении весьма ощутимо давала о себе знать. По сути дела, выслуженное потомственное дворянство у беспоместных долго оборачивалось для их детей даже не личным дворянством, а промежуточным, неопределенным и даже тяглым состоянием. Большинство штаб - и обер-офицеров не из дворян не имели земли, крепостных и жили жалованием, но правительство, прекрасно зная об этом, ни прямо, ни опосредованно, через жалование не предоставляло их детям того сословно-дворянского образования и воспитания, которое автоматически обеспечивало бы им принадлежность к дворянскому сословию. Так, уже Инструкцией 1744 г. по проведению второй подушной переписи в 20 - м пункте всех детей, «определенных в монастырь на пропитание отставных штаб-, обер- и унтер-офицеров и рядовых», велено взять в солдаты, а матросских детей - в матросы. Непригодным же к военной службе .следовало « давать волю кто к какому делу похочет и к такому и писать». Тех же из отставных, кто пропитание добывает себе сам, то, если они сидят на пашне, - то писать всех, в том числе неспособных к военной службе, в крестьяне, а если они живут от других занятий - то в цеховые. Их детям, таким образом, предлагался не Кадетский корпус, где мест еще было крайне мало, а в лучшем случае солдатская служба. Совершенно иной подход к детям отставных штаб- обер- и унтер-офицеров и рядовых из природных дворян демонстрирует 21-й пункт той же «Инструкции». Их следовало, согласно указу от II декабря 1742г., просто переписать и тех, кому исполнилось II лет, отправить с паспортами в Петербург и Москву для разбора [131]. Получается, что только высокое имущественное положение офицера из разночинцев делало реальностью выслуженные ими дворянские права. Такой подход обозначился еще во времена Анны Иоанновны. Так, по «Штату» 1731 г,

при определении, сколько в гарнизонных школах «в год жалованья положено», малолетних офицерских детей не отличали «от прочих служилого чина людей[132], оговаривая при этом, что дети офицеров могут учиться в гарнизонных школах и на своем иждивении.

Правительство Екатерины П ничего в этом порядке не изменило, только в 1774 г. зарезервировало в гарнизонных школах страны для детей малообеспеченных офицеров и в нижних чинах дворян 1000 мест[133]. Показательно отношение самого военного ведомства к отставным обер-офицерам из не дворян. Так, в 1763 г, при заселении Оренбургской военной линии идущим на поселение отставным обер-офицерам Военная коллегия давала деньги «на проход» и ссуду в тех же размерах, что и рядовым отставным[134]. Со временем правительство окончательно утвердилось в принципе неподатности всех отставных чинов регулярной армии, но и тогда офицерские дети особо не выделялись Это видно, например, из именного указа от 23 января 1784 г. о том, что «всех поселенных отставных, как ис пехотных, так и конных полков детей их, положенных в оклад, из оного навсегда исключить, сообразно указу нашему от 25 января 1763 г., и впредь в тот оклад не полагать, да и исчисляющиеся на них недоимки подушных и прочих сборов не взыскивать».[135]

Приоритет «породы» сохранен и в определении характера поземельного статуса по отношению к казенным свободным землям. На служилых дворян юридически распространялся тот пункт 24 главы « Наставления к межеванию» 1766 г., по которому правами на землю они приравнивались к однодворцам. По этой инструкции дослужившимся из однодворцев и из других непривилегированных сословий « штаб и обер-офицерам следовало намеривать в однодворческих селениях только по 60 дес. земли на каждое семейство, а их крепостным крестьянам - по 15 дес. на ревизскую душу, как и прочим однодворцам». Следующий пункт «Инструкции» закреплял служилый и условный характер их землевладения, так как вышедшим в купеческое

состояние однодворцам отводить земли вообще запрещалось[136]. Между тем известно, что та же «Межевая инструкция» узаконила фактическое расхищение государственных земель Европейской России многими природными дворянами, которые за номинальную плату закрепляли за собой сотни и тысячи десятин земли свободных казенных угодий.

Этот же узкосословный принцип проявлялся и в указе Сената от 31 января 1784 г., запрещавшем заниматься высокодоходным винокурением тем однодворцам, а значит и всем недворянам, которые дослужились до обер-офицерского чина, но не имели собственного дворянского поместья. Мотивировка была предельно откровенной –их земли считаются казенными, а не «благоприобретенными»[137]. Явно сословной дискриминацией веяло от решения правительства по поводу крестьян, доставшихся по наследству от дворян разночинного происхождения. Сенатский указ от 22 апреля 1787 г. признавал права наследников, но по государственным платежам объявлял их одновременно казенными. Обязывая этих владельческих крестьян платить подушные и оброчные деньги, правительство ссылалось на пункты 15 и 18 главы 19 «Межевой инструкции» 1766 г., где было сказано, что казенные «однодворческие земли и крестьяне состояния своего ни в коем случае не переменяют». В заключение Сенат объявлял, что это правило остаётся действующим, и впредь велел им руководствоваться во всех губернских казенных платах и наместнических правлениях[138]. Дело, конечно, заключалось не в формулировках, принятой 20 лет назад инструкции, а в последовательной узкосословной политике дворянского Сената, который и в 80-е гг. по-прежнему считал потомственное дворянство служилого происхождения второсортным слоем российского шляхетства. Мало того, из-за несоответствия статусов обер-офицерских чинов-рангов по военному и гражданскому ведомствам часть офицеров, переходящих по необходимости (по болезни, ранам; возрасту, или свободному выбору на гражданскую службу, теряли свой потомственный дворянский статус, так как их чины переводили в гражданские. Эта практика

встречалась в правлении Елизаветы Петровны, а широкое распространение она получила в 80-е гг. Так, 18 мая 1788 г. именным указом обер-офицеры сохраняли право потомственного дворянина, если оставались в армии пожизненно. При выходе же в отставку по собственному желанию, их военные чины приравнивались к гражданским, и отставные обер-офицеры оказывались только личными дворянами[139]. Окончательно уравнивал обер-офицерские чины чиновников из военных со штатскими рангами именной указ Павла I от II января 1797 г. В нем, в частности, говорилось: «Всех состоящих, в статской службе с рангами службы военной повелением переименовать в классы службы статской, поступая таковым же образом и с теми, кои впредь из военной в статскую службу будут определяемы, считая старшинство со дня пожалования в тот самый ранг, из которого в класса статской службы переименуются»[140]. Этот указ, в первую очередь, задевал интересы и снижал правовое положение основной массы обер-офицеров служилого происхождения, так как у природных дворян менялся только функционально-служебный, а не общий статус.

Сословная ущербность служилого по происхождению потомственного дворянства проявилась и в политической области. Так, в выборах депутатов в Уложенную комиссию 1767 г., а так же в выборах чиновников по губернской реформе 1775 г, могли участвовать только те дворяне, что владели имением на праве собственности и получали с них 100 и более рублей дохода. Именно это цензовое положение применили в 1782г., к однодворцам в офицерских званиях в Курском и Орловском наместничествах. Сенат утвердил решение местных властей, мотивируя тем, что однодворцы владели. «не собственными, а жалованными для содержания ландмилиции землями», поэтому их к выбору на должности следует не допускать и вообще участие в выборах по дворянским собраниям им не разрешать.[141] Наконец, предпринимались попытки вообще отменить практику предоставления дворянства за чины. В поданном Екатерине II докладе, учрежденной 11 февраля 1763 г. «Комиссии о вольности

дворянской», предлагалось, чтобы выслужившие штаб- офицерские чины по гражданскому ведомству и офицерский чин по военному, не получали автоматически общего дворянского статуса. Пункт второй доклада, предложенного А.П. Бестужевым-Рюминым гласил: «Не в дворянстве рожденным, а достойным и заслуженным людям, которые в военной и статской службе дослужились до статского чина, по доказательству безпорочной их службы оставляется право просить о дворянстве». В особом изъяснении комиссия обосновала это серьёзнейшее отступление от 11-го и 15-го пунктов петровской «Табели о рангах», казуистической ссылкой на то, что классные чины даются различными ведомствами, а дворянство жалуется главой государства.

По мнению Комиссии равенство выслуженных дворян со «старыми дворянами... касается до почтения их в чинах, а в праве дворянском они участия иметь не могут, потому что некоторые не токмо обер-офицерские, но некоторые и штаб-офицерские чины в обеих службах производятся Правительствующим Сенатом, коллегиями, генералитетом и другими судебными местами, а напротив того, пожалование в действительные дворяне узаконено от коронованной главы, даваемым на то за собственноручным подписанием дипломом». Поэтому «всем и во всякой службе не из дворян происшедшим», какого бы высокого чина они ни достигли, следует «довольствоваться только преимуществами их чинов и жалованьем, а в праве дворянском по сим чинам участия не иметь, так и деревень не покупать без пожалования на действительное дворянство дипломов»[142]. О дворянстве можно просить через Сенат только императрицу.

Екатерина П руководствовалась этим положением во время своего правления по отношению к мануфактуристам и купцам[143]. О том, что это было не только мнение столицы (в комиссию входили граф Алексей Бестужев-Рюмин, граф Кирилл Разумовский, граф Михаил Воронцов, князь Яков Шаховский, Никита Панин, граф Захар Чернышев, князь Михаил Волконский, граф Григорий Орлов,

действительный статский советник Григорий Теплов) свидетельствуют наказы провинциальных дворян в Уложенную комиссию 1767 г. По справедливому мнению видного буржуазного историка, который внимательно проанализировал эти наказы, «прежде всего родовое дворянство настойчиво стремится замкнуться от нового чиновного дворянства петровской Табели. Старшая братья не хочет признавать дворянства по чину, а лишь по диплому (то есть монаршему пожалованию). Она особенно негодует на то, что новые пришельцы делают дворянству великий подрыв в покупке деревень, набивая цену на них»[144].

Верховная власть естественно не могла полностью принять их точку зрения, так как этим снимался бы важнейший стимул в службе. Тем более, что после указа о Вольности дворянству 1762 г. явно ощущался кадровый голод, поскольку, по данным некоторых историков, до половины всех дворян в гражданском и военном ведомствах ушли в отставку. Вместе с тем, как отмечалось выше, в последнее десятилетие правления Екатерины II явное предпочтение в службе и обществе отдавалось природным дворянам, а не служилым. Это связано с изменениями взгляда на дворянство самой императрицы. Если в своем «Примерном наказе» 1767 г. она утверждала, что суть дворянина заключается в высокой нравственности личности и беспорочной ее службе отечеству и монарху, то в «Жалованной грамоте» 1785 г. акцент уже сделан на природные добродетели дворян, унаследованные от начальствовавших в древности мужей[145]. Не случайно, из шести введенных «Жалованной грамотой» разрядов дворян служилые занимали самые непрестижные первые три: (роды действительных или пожалованных дворян, роды военного дворянства и роды восьмиклассного дворянства, а шестой, самый почетный разряд, составляли «древние роды»)[146].

Сословная продворянская политика в XYIII в.бурно развивалась и в ведомственном направлении. Пример подал Петр I, поставивший на голову

выше офицеров перед гражданскими чиновниками-дворянами. Согласно указу 1712 г. «для поднятия престижа военной службы (каждый дворянин –Г.Б.) почесть и первое место давал каждому обер-офицеру» под угрозой штрафа в треть жалования, а офицер штрафовался за уступки гражданскому чину[147]. В «Табели о рангах» статус офицера, как отмечалось, тоже был явно выше.

Престижность офицерского статуса и его большие преимущества привели к тому, что и другие ведомства стали добиваться для своих служащих офицерских чинов. Горное ведомство получило это право в 1731 г., Межевое - в 1756, а Путей сообщения - в 1830 г.[148]

Сословная политика в ХУШ - нач. XIX вв. по отношению к объему и содержанию прав и обязанностей природных и служилых дворян определялась не только их происхождением и родом службы, но и уровнем их имущественного положения. В ряде случаев от имущественного ценза зависели условия и содержание сословного воспитания и обучения, охват пенсионным обеспечением, а так же объём политических прав. Как выше отмечалось, только имевший доход с недвижимых имений 100 рублей и выше был членом дворянского собрания, и мог избирать и быть избранным в депутаты Уложенной комиссии и органы местного управления. Дворяне-владельцы тысячи и более душ крестьян с 1731 г. получили право обучать своих детей на дому, а прочие должны были отправлять недорослей в Шляхетский кадетский корпус, или прямо в полки и канцелярии. Беспоместные дворяне, как отмечалось, не могли реализовать свое сословное право на вино-курение. То, что уровень имущественного положения, как и объем сословных прав, определялся не общим доходом дворянина, а количеством крепостных крестьян или доходов с поместий, свидетельствует о сохранении старофеодальных критериев в этой области. Традиционным было так же стремление верховной власти поддерживать и укреплять принцип соответствия уровня материального положения, а так же рода занятий (службы) и места жительства общему

сословному статусу. Напомним, что казенное содержание служилых людей XVII в., в том числе размеры жалования, определялись породой - службой. Со времен Петра I прямопропорциональная зависимость между размерами жалования и чином-рангом, то есть сословным статусом стала предельно обнаженной. Дело дошло даже до мелочной регламентации внешнего образа жизни дворян, одежды и выездов. Так для борьбы со злоупотреблениями администрации молодой Петр I приказал даже конфисковывать богатую одежду у чиновников. В указе говорилось, что великому государю «ведомо учинилось, что многие служилые люди делают себе и своим женам и детям портища золотыя и серебряныя, а иные на собольих дорогих мехах, чего им по чину своему носить не положено (выделено нами - Г.Б.) и знатно, что те служилые люди, у которых такое излишнее дороге платье есть, делают не от правого своего нажитку, кражею нашея казны, у каких дел они бывают, или грабежом те богатства себе наживают …, а буде у кого, каким промыслом правым нажиток лишний сверх его лишних расходов явится, и те пожитки ему довелось держать на покупку себе ружья и панцирей, чтоб к нашей службе в.г. был всегда готов и к боям с неприятелем потребен..., а буде у кого такие портища впредь объявятся, и те портища велеть у них имать в нашу в.г. казну безденежно..., а им чинить наказания».[149]

С мыслью Петра о незаконности внесословного богатства перекликается требование Екатерины II в «Инструкции полковнику», 1764 г. пресекать непомерную роскошь офицерского обмундирования и следить, чтобы амуниция соответствовала чину и по стоимости[150]. Она была не оригинальна. Указом 21 декабря 1751 г. Елизавета Петровна разрешала первым пяти классам чинов носить золотые украшения, одежду из шелковых тканей и бархата с кружевами, но ценой материи не дороже четырех рублей за аршин. Прочие три класса чинов (от У1 до УШ включительно) могли себе позволить одежду из тканей не дороже трех рублей за аршин, а чиновники в обер-офицерских рангах до 2 руб. за аршин.

Такая явно узкосословная продворянская политика правительства, которая, в частности, проявилась в значительном отходе от главного принципа Табели о рангах приводила к известному парадоксу - нежелательному ослаблению контроля власти над служащими дворянами. Это возникало, когда приоритет отдавался норме общего, а не функционально - должностного дворянского статуса. Так, например, с 1775 г. природного дворянина в нижних чинах судили за служебные проступки не как нижнего чина, а как офицера, т.е. члена благородного сословия. Тот же смысл имеет право с 1787 г. рядовым и унтер-офицерам из дворян во внеслужебное время на равных общаться с офицерами. Явное предпочтение «природным» дворянам перед разночинцами в присвоении первого офицерского или классного чина-ранга и VIII класса - явление аналогичного порядка. Ущербный общий сословный статус выслужившихся и беспоместных дворян вызывал социальные конфликты с властью. Известно, что некоторые из них участвовали в движении Е.И.Пугачёва. Их судьба привлекала внимание А.С. Пушкина и Н.В.Гоголя (см., например, «Повесть о капитане Копейкине»), Вместе с тем в эволюции правового положения дворянства безусловно опережавшими темпами развивалась тенденция к усилению и усложнению функционально-должностного статуса. Успешная служба по Табели о рангах в сословном плане стала выступать эквивалентом «благородному» происхождению, ибо могла дать потомственный дворянский статус.

Определяющая роль службы в жизни дворянства хорошо осознавалась современниками и во второй четверти XIX в. Так известный цензор, академик А.В. Никитенко, родом из крепостных, утверждал, что «в России не служить, значит не родиться, оставить службу - значит умереть». В ведомственном отношении особый служебный статус наиболее рельефно выступал у военных. Плюсами их ведомственного статуса были старинная, ещё с XVII в., отсрочка дел по взысканию долгов, запрет кабал, неподсудность гражданским властям, явная льготность чинопроизводства для получения статуса потомственного

дворянства, цельность сословных рядов из-за отсутствия личных дворян, более высокий, нежели у гражданского ведомства, престиж военной службы, право на денщиков или дворовых людей для услуг на солдатских окладах, казенное попечительство и материальное содействие в воспроизводстве их рядов через кадетские корпуса, ведомственные училища, Военно-сиротский дом и полковые школы. Для обер-офицеров и даже штаб-офицеров служилого происхождения право на общесословный дворянский статус оказалось к концу XVIII в. не только номинальным, но и чисто ведомственным. По указу от 18 мая 1787 г. потомственное дворянство оставалось у обер-офицера только при его пожизненной службе в армии, когда он переводился из полевого полка в гарнизонный, а из него в городовую или казачью команду. У ушедшего же полностью в отставку военный чин приравнивался к гражданскому, и отставные обер-офицеры оказывались только личными дворянами.

Поскольку природный дворянин независимо от ранга службы имел еще потомственный шляхетский статус, то эта практика, по моему мнению, окончательно превратила обще-сословные потомственно-дворянские права служащих обер-офицеров в чисто ведомственное явление, т.е. в служебно-сословный статус.

В целом, положительный объём служебного статуса у классной гражданской бюрократии Сибири дважды сужался по направленно сверху вниз по лестнице чинов и классов. На этих двух уровнях по своей сущности временный служебный статус мог переходить в потомственный, т.е. в уже сословно более развитый статус сначала личных, а затем потомственных дворян. Не обусловленные личной службой, эти статусы выступали знаком новой сословной принадлежности. Только у природных дворян выслуженный статус мог совпадать со статусом по происхождению. Исключение составлял дворянин в нижних чинах и затабельных рангах.

Общесословной основой у российской бюрократии и военных чинов на всех

локально-сословных этажах к концу XVIII в.- началу XIX в. в принципе выступали следующие признаки: преимущественное наследственное право на занятость в управленческой и военной сфере, непринадлежность к тяглому состоянию и неподатность, личная свобода, право потомственной принадлежности к бюрократии при разомкнутых изнутри и снаружи рамках[151].

П р и м е ч а н и я к гл. 1.

1.Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1722 год.- Казань, 1882.С.144; Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк.- Чита, 1916. Т.2. С. 46-64; Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений.-М.,1983. С.81-83; Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.- Новосибирск: Наука СО, 1981. С.53-58.

2. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVIII- середине XIX вв.-М.: Наука, 1978. С.112.

3. Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири,/Географические особенности и проблемы.-Новосибирск: Наука СО. 1975. С.56-67; Быконя Г.Ф. К вопросу о соотношении источников прироста русского населения Сибири в XVIII в.//Хозяйственное освоение Сибири и рост её народонаселения (XVIII-XX вв.) –Новосибирск; Наука СО, 1979. С.107-117.

4. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. (XVII- первая половина XIX вв.) –Новосибирск: Наука СО.,1982.С.164-165.

5. Там же. С.157-160.

6. Там же. С.166.

7. ПСЗ. Т. XI. № 8833; Т. XУ. № 10974.

8. Булыгин Ю.С. Приписные крестьяне // Крестьянство Сибири в эпоху феодализма…С.262.

9. Быконя Г.Ф. Динамика посевных площадей и объемов хлебной продукции //Крестьянство Сибири в эпоху феодализма.-Новосибирск: Наука,

1982. С.190.

10. Быконя Г.Ф. Заселение русскими... С. 85,88

11.Жидков Г.П. Кабинетское землевладение. I747-I9I7 гг.-Новосибирск: Наука СО.1973. С. 110-112.

По четвертой ревизии одних поселенных крестьян из бывших мастеровых и посельщиков насчитывалось 9013 душ об.пола - См. Описание Иркутского наместничества 1792 года.- Новосибирск: Наука СО, 1988. С.49.

12. Шепукова Н.К. К вопросу об отмене десятинной пашни в Западной Сибири. // Экономика, управление и культура Сибири XVI - XIX вв.- Новосибирск: Наука СО, 1965. С.177-184.

13. РГАДА. Ф.248. Оп. 113. Д.330. Л. 27I-274, 331-332.

14. Еще в ХУII в. строительство речных судов (павозков, дощанников, набойных лодок) имело место в Приенисейском крае- у с. Ладейки близ Красноярска; на р.Кети - в 96 верстах по Енисею в деревнях Подпорожной, Стреловской, Казачий луг, Усть-Тунгуской. В ХУШ столетии судостроение возникло в Абаканском остроге (с. Новоселовом) и д. Подтесовой (См.: Копылов А.Н. Русские на Енисее в ХУIIв. Земледелие, промышленность, торговые связи Енисейского уезда.-Новосибирск: Наука СО, 1965. С.I34-I4l; ГИМ ОПИ. Ф. 443, Оп. 1. Д.36.). На территории будущей Иркутской губернии видные центры судостроения возникли на р.Илим (с 30г. в связи со Второй Камчатский экспедицией); на Ангаре около Иркутска; в деревне Бурдуковской (в 33 верстах от В-Удинска на Селенге). Для отправки только нерчинского свинца на казенных Кетской и Селенгинской верфях в конце ХУШ в. ежегодно строили от 75 до 140 дощанников - См. РГБ ОР. Ф.68. № 2031. «Описание строения судов, употребляемых для сплава свинца. Сочинено берг-гешвореном Фроловым. 1800». Л. 2-14. Со второй половины ХУШ в. судостроение под казенные грузы, в первую очередь нерчинские металлы, оказалось в руках подрядчиков-комиссионеров, которые брались за сплав водой серебра и свинца.

15. РГАДА.Ф. 248. Оп. 113.Д.1628.Л.26-29, 30-35.

16. В первой трети ХУШ в. иркутский дворянин И. Литвинцев по поручению нерчинского воеводы не раз организовывал путем раздачи денег покрученникам промысел пушнины для казны «по Киренге и Вилюю»: в 1706 году –600руб. на 150 чел.; в 1729г. -595 руб.; 1730 г. -1340 руб.; 1731г.-140 руб. - См.: РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д.13. Л. 1-9. В 1742-1765 г. в Мангазейском уезде насчитывалось 15 казенных промысловых зимовий.- См.: Словцов П.А. Историческое описание Сибири. кн. 2.-СПб., 1886. С. 71. В росписи служб казаков Иркутской провинции за 1763 г. отмечено, что они вели на Шантарских островах промысел пушных «зверей» в казну.- См.: РГАДА.Ф. 248. Оп. 113. Д. 1628. Л.30 об.- 31. В «Кратком о Камчатке объяснении» Т.И. Шмалева от 30 июля 1773г.,в частности, сообщалось, что из снаряженных на промысел к американским берегам судов, три были казенными -См.: РГАДА.Ф.248. Оп.1. Д.4002. Л.51.

17. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. -Абакан, 1957. С. 173; Быконя Г.Ф. Заселение русскими…С.42.

18. Кирилов И.К. Цветущее состояние Всеросийского государства. -М.: Наука,I977. С.290-29; Жидков Г.П. Кабинетское землевладение…С.61.

19. Карцов В.Г. Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII -начале XIX в.в.// Ученые записки Хакас.НИИЯЛИ.- Абакан,1963. Вып.9. С.94-120; Быконя Г.Ф. Заселение русскими... С.42-45.

20. Якутский завод построили для нужд Второй Камчатский экспедиции на реке Тамге, притоке Лены. Кроме плотины в него входили несколько «ручных печек», вододействую-щий колотушечный молот, кузница, три железных рудника, жилые и хозяйственные строения, всего по оценке 1744 г. - на 1138 руб. В год на нем получали «дельного железа» от 700 до 1400 пудов, себестоимость которого обходилась в 80 коп. пуд, а тонкое железо -от 90 коп. до 1 руб. 40коп. Работников (ссыльных и приписных крестьян), всего до 100 человек, Якутской заводской конторе поставляли местные воеводские канцелярии. Вешней водой в 1745-1746 гг. завод снесло, осталась одна кузница,

в которой изготовляли «железные вещи» для Анадырской секретной экспедиции. Указ о закрытии завода вышел 1756 г. после неоднократных попыток передать его в аренду частным лицам. Во второй половине ХУШ в. иркутские губернаторы не раз требовали «возобновить завод действием», но горное ведомство сопротивлялось, считая это убыточным делом.- См.: ГИМ ОПИ.Ф. 395.Оп. I. Д. 72. Л. 1-13.

21. Основанный по инициативе местного командира Бема, видного естественника своего времени, завод полностью удовлетворял местные казенные и частные нужды в железных изделиях. Функционировал только на принудительном труде ссыльных – См: Словцов П.А. Историческое обозрение… С. 255.

22. РГИА. Ф.1350. Оп. 312.Д.239.Л. 21-44об.; Д. 44. Л. 31об.-32, 34 об.-35. Петровский железоделательный завод (ныне г.Петровск-Забайкальский) был основан по именному указу от 1 февраля I788г. в связи с передачей Нерчинских заводов Кабинету. -См.: ПСЗ. Т. XXII. № I662I. С.1025-1027. Он должен был заменить поставки с далекого Ирбинского завода на Среднем Енисее. В 1794 г., по свидетельству И.Ф. Германа, завод состоял из «5 фабрик и двух мельниц, на которых по отдельности от жилых мест все работы выполнялась горными служителями и ссыльнокаторжными» - См.: Герман И.Ф. Указ соч. С.277,281. В 1800 г. по ведомости о передаче Нерчинских заводов вновь в ведомство Кабинета, на Петровском заводе показано 13 человек администрации, в том числе два в обер-офицерских чинах, 160 мастеров, подмастерьев и других заводских работников, 44 малолетних их детей, что находились у разбора руд за месячную плату в 50 коп., наконец 72 чел. ссыльных из которых 17 чел. работали «на заделной оплате». Действовали тогда пять горнов: один доменный, три молотовых и укладной. -См.: РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 34.9. Л.58-59.

Тельминская суконная фабрика была взята в казну у разорившегося иркутского купца Максима Серебрякова в 1793г. Её энергичный, но явно

авантюрного плана директор Новицкий сумел доказать Павлу 1, а затем и Александру1 необходимость и крайнюю выгоду резкого расширения вверенной ему фабрики. 20 декабря 1804 г. был утвержден её штат и “табель” о производстве сукна. В основном производстве намечено "занимать" 401 чел., а на вспомогательных участках - 43. Администрацию определили в 18 чел., в том числе шесть - в классных рангах. На станках ежегодно планировалось вырабатывать одного сукна 38тыс. аршин да каразеи 5217 аршин. Реально же, судя по «Ведомости о состоянии заводов и фабрик России», составленной в сентябре 1804 г., в прошедшем году, как показал заместитель директора фабрики И. Кох, на Тельминской казенной суконной фабрике было занято почти в 2 раза больше народу: по «суконному производству» -436 чел., да шляпников и простых рабочих - 300 чел. Показательно, что «старофабричных» насчитывалось всего 66 чел. (в суконном производстве-57 и «простых работах» -9), а прочие «все из присланных за преступления, а наемных не состоит».

В заведовании дирекции фабрики находился и новый казенный кожевенный завод в Биликтуйской слободе Иркутского уезда. По описанию производственное помещение было каменным, где располагалось 32 чана, 2 получана и 4 медных котла, при которых было три мастера и 34 рабочих-все " из присланных за преступления". Из других строений были флигель, лосиная кожевня, магазин, зольница и толчея для дуба - См.: РГИА. Ф.16. Оп.I. Д. 3. Л.683-695.

23. Копылов Д.И. Итоги развития мануфактурной промышленности Сибири в XVШв. (Размещение, структура, экономический строй). // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Выпуск 1./Сибирь в эпоху феодализма и капитализма. Темы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (13 -15 октябрь 1981 г.)-Новосибирск: Наука СО, 1981. С.45-47.

24. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т.2.- СПб., 1901. С. 100-103.

25. Голицын. Статистические таблицы Российской империи.-М., 1811. С.8-

9,19,23,96.

26. Полянский Ф.Я. Вопросы политической экономии феодализма. -М.: Изд-во МГУ, I980. С. 37-39, 58-61.

27.См. например: Пашков А.И. Развитие Лениным экономической теории социализма и коммунизма.//Ленинизм и экономические проблемы коммунистического строительства в СССР.- М., 1969. С.15; Годунов А.А. Введение в теорию управления -М.,1967.С.172-173, 178 и др. Малоубедительный критический разбор концепции базисных функций государства в сфере управления см.: Лапаева В.В. Вопросы права в научном наследии. К.Маркса.-М.: Юридич. лит-ра, 1982. С.53-54,114. Примеч.33-34. Загайнов Л.И. Социалистическое государство и законы экономики. М., 1971.

28. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа графа Киселева. Т. 1.- М., 1946. С.57.

29.Там же …С.60.

30.Подробнее см.: Быконя Г.Ф. Заселение русскими… С.247 ; Быконя Г.Ф. Особенности сословно-классового статуса торгово-ремесленного населения Сибири в ХУШ в.// Сибирь в прошлом настоящем и будущем. Выпуск I. /Тезисы, доклады и сообщения Всесоюзной научной конференции. (13-15 октябрь 1981г.)- Новосибирск СО, 1981. С. 42-44.

31. РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.330. Л.331об.

32. Ерошкин Н.П. Местные государственные учреждения дореформенной России (I800-1860 гг.) -М., 1985. С. 57.

33. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии… Гл.З; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма… С. 216-224.

34. Словцов П. А. Историческое описание… С.356.

35. Быконя Г.Ф. Проблема поземельных отношений русского трудового населения Сибири XVII-XVIII вв. в советской историографии//Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX-XX вв.) – Красноярск,1976. Вып.1. С.98-106; Быконя Г.Ф. Поземельные отношения

русского населения Восточной Сибири в XVII-XVIII вв. /Материалы к спецкурсу и спецсеминару.-Красноярск, 1979. Гл.I. Следует иметь в виду, что мануфактурная форма производства в казенном секторе экономики при таком подходе не является формационным критерием. Напомним, что еще на Всесоюзной дискуссии о генезисе капитализма в 1965 г. авторы основного доклада(руководитель авторского коллектива Н.И. Павленко) справедливо подчеркивали, что при сравнительно одинаковом уровне производительных сил, именно характер производственных отношений, определяет формационную принадлежность общества. - См.: Переход от феодализма к капитализму в России/ Материалы Всесоюзной дискуссии. - М.:Наука, 1969. С. 22-25. В 80-х гг. XX века в историко-философской литературе и системно-типологических работах тоже предостерегают от смешивания технологического способа производства с формационным способом производства .См. Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая./ Опыт системно-структурного анализа.- М.: Наука, 1986.Гл. 6; Данилова Л.В. Проблема формационной природы раннеклассовых обществ// Марксистско-ленинская теория исторического процесса / Исторический процесс: целостность, единство, многообразие, формационные ступени .-М : Наука, 1983. С. 355.

36. Лосев А.И. Описание Иркутской губернии.- ГИМ ОПИ. Щукинское собрание. Ф.193. Д.49. Отд. IX, XIII.

37.РГИА. Ф.468. Оп.20. Д.147. Л.1-8; Изгачев В.Г. Нерчинские заводы и горно-заводские крестьяне в XVIII в. Маш. Рукопись. Кн.2. –М.: НАИИ РАН. Ф.1. Д.107. Гл.12.

38. Быконя Г.Ф. Заселение русскими… С.201-203.

39. История Сибири. Т.2. /Сибирь в составе феодальной России.- Л. Наука ЛО, 1968. С.393-394.

40. В условиях огромной и малонаселенной Сибири местным властям не удалось сделать аренду казенных земель массовым явлением, хотя начиная еще с Петра I, центр настойчиво требовал выделения казенного фонда свободных

угодий и сдачи их в аренду «с наддачей». Так, в Енисейском уезде (по Ш ревизии более 13 тыс. душ мужского пола) по камер-коллежскому окладу 1764 г. было учтено лишь 19 случаев аренды казенных покосов, в том числе четыре коллективных. Сумма оброчных денег, внесенная 123 съемщиками, едва превысила 51 руб. В 1802 г. оброчная сумма с пахотных и сенокосных угодий в уезде выросла в пять раз, но оставалась незначительной - всего 243 руб. 30 коп. с 32 случаев аренды. В Красноярском уезде, где было 46 тыс. населения, в этом же году оброчные платежи составляли еще меньшую сумму - 195 руб. 65 коп. с 14 съемщиков земли.

В старожильческих уездах заенисейской Сибири оброчные земли встречались чаще, но в целом они составляли незначительную часть всех используемых угодий. По описаниям Иркутской губернии за 1797 и1798 гг. с оброчных пашен, сенокосов, а большей частью с омулевого промысла на Байкале (с «песков»), собирали по 800 статьям 8714руб. 5 3/4 коп., в том числе по переоброчке 1797 г. надбавили 3725 руб. 89 коп. Кроме того, было взято оброчным хлебом за пашни и сенокосы с 313 статей 9521 пуд 29 фунтов. В целом из 61900 ревизских душ Иркутской губернии пятая их часть так или иначе использовала оброчные угодья. Чаще всего арендовали ближние к селениям и городам сенокосы, арендаторами выступали горожане и монастыри.- См.: Быконя.Г.Ф. Поземельные отношения…С. 62-63.

41. Участие частных предпринимателей в казенной и кабинетской металлургической промышленности Восточной Сибири носило единичный характер, хотя и Берг-коллегия, и Кабинет постоянно пытались сдать убыточные заводы и рудники в аренду, или же вольным путем организовать поиск руд и доставку их на заводы.- См.: Словцов П.А. Историческое обозрение…С.197. Отпугивали значительные расходы, мануфактурного типа сложности производственного процесса, затруднения с рабочей силой, продовольствием, сбытом продукции, огромная зависимость от местной и горной администрации, неопределенный социальный статус. Показательна в

этом плана история сотрудничества с Берг-коллегией и Кабинетом семьи иркутских купцов Сибиряковых. Усилиями известного горного специалиста Шлаттера, который выяснял возможности расширения Нерчинских заводов, Сенат утвердил целую программу в «пользу вольного рудного промысла». В инструкцию начальнику Нерчинских заводов Н.Клеопину от 5 января 1758 г. вошли многие положения доклада Шлаттера. Там самокритично отмечалось, что «казенный прииск при добыче руд с вольными охотниками сравниться никогда никоим образом не может», поэтому следует компаниям в 4-6 человек разрешать горный промысел, предоставлять им казенную ссуду с «дачей умеренного числа людей на их щёт, дабы они в такую отдаленную сторону ехать и в то полезное для государства дело вступить отважились», выводить их из-под ведения воевод и защищать от произвола. Податных и приписных крестьян, которые сами займутся рудным промыслом и будут доставлять руду на заводы, освобождать от заводских работ и натуральных повинностей, а подати позволить вносить «одной натурой» - деньгами. После публикации в Нерчинском и соседних уездах Восточной Сибири к маю 1758 г. охотниками вольного рудного промысла вызвались быть иркутские первогильдийский купец Михаил Сибиряков и крестьянин А. Лопатин, нерчинский посадский К. Филиппов да пермский рудокопщик И. Кузнецов. Особенную активность проявил Сибиряков с компаньонами А. Лопатиным и унтер-штейгером Бачининым. С весны 1759 г. на добыче руд они задействовали уже несколько десятков «данных им горных служителей с прибавлением к тому партикулярных работников». К 1760 г. компаньоны истратили уже около 5 тыс., подрядившись ставить Нерчинским заводам с новооткрытых ими трех рудников руду с оплатой за каждый золотник выплавленного из ней серебра - по 7 копеек, если со ста пудов будет выходить по 2 фунта металла. Для развертывания работ и «свобождения от дальнего убытка» М. Сибиряков просил передать им еще казенный Новозерентуйский рудник, а так же дать ему «чин даурского рудного промыслу берг-комиссара». 13 января 1760г. канцелярия Нерчинского горного

начальства просила Берг-Коллегию утвердить ее соглашение с компанией Сибирякова и особым третьим пунктом поддержала его просьбу о чине. Аргументация была очень характерной: «Ему же Сибирякову для болшаго усиления и придачи охоты ему и другим на него смотря, к вольному рудному промыслу, в чем зависит интерес и чтоб удобно было ему командовать при рудном промысле работниками, иногда великим числом, в том числе и данными от здешней канцелярии горными служителями, и мог бы он голос иметь с надзиратели при казенных делах, где ему нужда случается, без презрения, и дабы впредь непослушания, посмеяния и нарекания, предписанныя работники и протчия ему делать не отважились (как то было, что некоторой из данных от здешней канцелярии горных служителей в случае бытия при горной работе, презирая называл ево с товарищем мужиками и свиньями, за что по изобличению оному и наказание учинено), дать чин даурского рудного промыслу берг-комиссара...с рангом прапорщика». Подчеркивалось также, что Сибиряков грамотен, выбирался бургомистром и нес другие общественные службы. Наконец, напоминалось, что в 1734 г. уже имелся подобный прецендент с присвоением чина пермскому рудопромышленнику П. Коркину. Берг- коллегия 15 октября 1760 г. ответила, что преждевременно ставить вопрос о чине, ибо, хотя Сибиряков старается, но пока основательного «ничего к пользе им не найдено».- См.: РГИА.Ф. 468. Оп. 20. Д. 147. Л. 1-9. Желанный чин ни Сибиряков, ни его дети, активно участвовавшие в промышленном освоении Восточной Сибири, не получили. Печальный финал этой обанкротившейся к 90-м гг.) семьи обстоятельно освещен в литературе.

Разорением окончилась и аренда московским купцом И. Савельевым Ирбинского железоделательного завода в 1774-1788 гг., хотя власти направили в его распоряжение до 500 посельщиков, 39 горных специалистов с кабинетских заводов на Урале, Алтае и Забайкалье и допустили его задолженность до 105 тыс. руб. –См.: Быконя Г.Ф. Заселение русскими...С. 96-98.

42. Непосредственным производителем вина казна выступала сравнительно

недолго и нечасто, хотя за монополию его производства в районах, где не было дворян-помещиков, держалась цепко. В конце 1698 г. правительство Петра I указало в сибирских городах, в частности за Енисеем, строить казенные винокурни и продавать вино, сообразуясь со спросом, а все частные по слободам закрыть.-См.: Словцов П.А. Историческое обозрение...С. 162. Но с 1727 г. право на выкурку вина и его продажу от имени казны передали магистратам, то-есть посадским мирам на веру, а те могли сдавать его на откуп желающим, но с обязательным утверждением в Москве. Недобор до установленной суммы оклада взимался с общеуездной посадской общины, а излишек оставался у города. С 1732 г. питейные откупа власти стали прямо отдавать в «компанию охочим людям». -См.: Прыжов И. История кабаков в России в связи с историей русского народа.— СПб., 1868. С. 252-260. Монополия дворян на винокурение, установленная в 1754 г., не распространялась на Сибирь до 1768 г. С этого времени наступило господство таких крупных откупщиков, как купец (позже капитан) Д. И.Лобанов, промышленник, а позже капитан М. Голиков, первогильдийцы М. Походяшин, П. Шумилов, а так же коллежский асессор Медведев. На время четырехлетнего контракта они получали «казенные винокуренные и солодовые заводы, и каштаки, и пивоварни, и медовые поварни со всем строением и со всеми принадлежностями по описи и оценке, а посуду медную и железную на вес и по оценке ж». Откупщики имели право заменить обветшавшие производственные помещения и строить новые, устраивать в других местах целые заводы, за что получали от казны денежную компенсацию. Так, откупщик Д.И Лобанов в 1774 г.получил от казны10 тыс. руб. для строительства в Средней Сибири Краснореченского и перестройки Каменского винокуренных заводов общей производительностью до 50-60 тыс. ведер.- См.: РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д.266. Л.1 - 2об.;Ф. 275.Оп.2.Д.167.Л.1-19об.

Согласно манифесту от I августа 1766 г. откупщики получали привилегии феодального типа: они назывались «коронными поверенными служителями»,

имели право носить шпагу, освобождались от выборных мирских должностей, их дома - от воинского постоя. Годом раньше в конторы откупщиков были даны «зерцала» с выписками из законов, что давало им статут казенного присутственного места. Зерцала убрали только в 1795 г. Откупщики имели право держать на своем содержании особые, во главе с офицером, воинские команды из нанятых отставных, либо, если таковых не оказывалось, из гарнизонных солдат - См.: Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II.- СПб., 1906. С.158,291. По новому же «Уставу о вине», введенному именным указом 17 сентября 1781 г., военные команды для «выемки корчемства» по мере необходимости предоставлял откупщикам городничий или капитан-исправник.

Тесное сотрудничество властей с богатой верхушкой городского тяглого населения в деле спаивания трудового населения для получения огромных прибылей было закреплено выделением в составе казенных палат губерний особых «экспедиций по части винной и соляной». Утвержденное именным указом от 10 марта 1782 г. Наставление экспедициям ориентировало на сдачу откупов местным купцам или обществам. Это ослабило, но не уничтожило засилье крупных откупщиков.- См.: ПСЗ. Т. XXI. № I5363. С. 432-437 .Обычно откупа связывают только с казенными косвенными налогами.Но в сущности арендой казенной винной монополии получали легально часть централизованной ренты-налога. Это делало их черными феодалами,а если они получали дворянский статус, то-субинфеодалами. Подробнее см.: Быконя Г.Ф.откупщик Д.И.Лобанов –рыцврь первоначального накопления капитала или субинфеодал второй половины ХУШ века.//Власть и общество: проблемы взаимодействия ипротивостояния./Материалы научной конференции с международным участием.-Красноярск,2007.С.14-20.

43. В отличие от Западной в Восточной Сибири частное солеварение в XVIII в. почти сошло на нет, не выдержав конкуренции с казной и монастырями. В аренду самосадочные соляные озера не сдавались, как явно доходные.

Солеварни же в Иркутской губернии мало кого прельщали, так как требовали больших накладных расходов при мало гарантированной стабильности производства из-за менявшейся крепости рассолов.

44. С середины ХУШ в. все крупные и постоянные перевозки грузов различные казенные ведомства все чаще осуществляли в малонаселенной Восточной Сибири не силами казачества, а подрядным способом: ирбинское железо -в Забайкалье; луказскую медь - в Екатеринбург; нерчинский свинец-до Оренбурга; серебро -в столицу; казенную соль -по соляным магазинам в уездах; провиант -к заводам и воинским гарнизонам. Даже при проезде за границу в Китай посольств, торговых караванов и духовных миссий, стали прибегать к помощи подрядчиков. Благодаря видному ученому и популяризатору знаний о Сибири в первой трети XIX в. Г.И. Спасскому, до нашего времени сохранился контракт кяхтинского мещанина Афанасия Васильевича Якимова с обер-комендантом пограничной канцелярии генерал-майором Вестфаленом и директором Троицкой коммерческой экспедиции Вонифатьевым от 26 мая 1794 г. на доставку в Пекин членов русской духовной миссии с их грузом, а оттуда в Кяхту - ее прежнего личного состава. Судя по условиям типичного для того времени контракта, это мероприятие носило совместный с властями характер и не являлось обычным буржуазным предпринимательством. Подрядчик обязывался: «...свезти мне, Якимову, собственными моими лошадьми, верблюдами, повозками и всеми к упряжке принадлежностями, в том числе наперед - охранение вьюков от дождя крышками кожаными и холстевыми, подвязку и прочее веревками, тож моими работниками, но с придачею, как ниже объявится, двух человек с казенной стороны, … двух казаков, знающих исправлять кузнечныя и плотничья в дороге нужныя поделки, коих должен я, Якимов, во время пути, считая со дня в китайскую сторону отправления, денежным жалованьем...на двойном против их оклада содержании... и по обыкновенной мочи пищей довольствовать по день возвращения». Якимов сразу же в Кяхте получил аванс в 1/4 договорной суммы,

выговорил себе право беспошлинного провоза в Китай на 2000 руб. товаров, а также продажи и покупки во время следования мясного и тяглового скота (30 верблюдов, 150 лошадей и 55 быков для харчу).- См.: ГАКК. Ф. 805. 0п. 1. Д. 76. Л. 86-87.

45 Копылов Д. И. Итоги…С.46 .

46. РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д.. 266. Л. 2 об; ГАКК. Ф. 122. Оп. I. Д. 2. Л. 3 об.-7.

47. Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII-начале XIX вв.//Формирование военно-бюрократического дворянства. – Красноярск: КГУ, 1985. С. 189-190.

48. Например, в первой половине 40-х гг. крестьянам Енисейского уезда, обязанным отрабатывать на Красноярских заводах подушные и оброчные деньги, всего I руб. 10 коп. с ревизской души в год, снаряжение подводы или ее найм обходился в 15 рублей, не считая расходов во время месячного пути в один конец и нахождения на заводской работе. -См.: Быконя Г.Ф. Заселение русскими...С. 85. Недобрая память енисейских и красноярских крестьян о тяготах и огромных расходах, связанных с обслуживанием казенных заводов на Енисее, нашла отражение спустя четверть века в их наказах Уложенной комиссии. - См.: РГАДА. Ф. 342. 0п. 1. Д. 101. Л. 101, 104, 108, 119. Наказы Ясауловского, Ладейского, Подгороднего, Больше-Еланского, Плотбищенского присудов. По подсчетам иркутского историка А.С. Кузнецова, земские повинности и платежи крестьян всей Восточной Сибири в первой половине XIX в. превышали прямые налоги более чем в 10 раз. См.: Кузнецов А.С. Русское крестьянство Восточной Сибири в первой половине XIX в. –Иркутск, 1962. Канд. дисс. С.35.

49. Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти ХУШ столетия и реформы Петра Великого. Изд. 2 .-СПб., 1905. С. 9-10.

50.С апреля 1754 г. в стране отменили внутренние таможенные и мелочные сборы, в том числе «с продажи хлеба съестных припасов, с товаров, сена, дров, с найма извозчиков, с плавных судов, с извоза, клеймения хомутов, с мостов и

перевозов, с палых лошадей и яловичных кож, привальные и отвальные деньги, повалежные, подымные, канцелярские и мелочные, с ледокола и водопою, с четвериков, померных, с продажи дегтя, с весчих товаров, с каменного жернового промыслу и горшечной глины, с проезжих грамот печатных».- См.: ПСЗ. Т. XIII. № 10164. С. 951; Т. Х1У. № 10165. С. 947-948.

51.На продажу ведра вина с кабака надбавили 30коп.; пива и меда - пять коп.; к сбору с купчих, закладных, духовных, всяких крепостей, выписей-справок, о владении земли с каждой четверти по три коп.; добавили по 10 коп. пошлины за письмо и оформление крепостей на сумму до 100 руб., по 50 коп. - до 1000 руб., по I руб. - свыше 1000 руб.; с явки пива вместо пяти коп. с одной четверти переработанного зерна ввели 25 коп.; с протестованных векселей стали брать по 8 % годовых; повысили сборы с подаваемых челобитных и явочных до 25 коп.; с исковых - три руб.; с аппеляций - шесть руб.; переоброчили, записав новые, амбары, лавки, кузницы, звериные ямы и мельницы, положив сбор не менее 1/10 с суммы годового с них дохода; со всех станов указных мануфактур стали брать по 1 руб., а с неучтенных прежде - по 1% с их дохода; со всех частных медных и железоделательных заводов стали брать по 100 руб. с домны и пять руб.- с медеплавильной печи; цену гербовой бумаги увеличили вдвое.- См.: ГАИО. Ф. 482. Оп. 1. Д. 30. Л. 214-229 об.

52. Весь механизм сдачи на веру оброчных сборов по Енисейской провинции за I749-I75I гг. и иркутским купцам-откупщикам забайкальских уездов за I749-I75I и 1753-1756 гг.- см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 118. Д.180.

53. Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II –СПб., 1906. С. 222.

54. Хромов П. А. Экономическое развитие России/ Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции .-М.: Наука, 1967 . С. 199-200, 260.

55. Чечулин Н.Д. Очерки… С. 289-290.

56. Подробнее см. ПСЗ. Т. XXI. № I523I. С. 248-267; №15363. С. 432-437;

15350. С. 403-405.

57. ПСИ. Т.1.–СПб.,1882. С. 409; Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края. 1504-1893. Машинописная рукопись.- См.: ККМ. 0/Ф. №7886. С. 85; РГАДА. Ф. 248. Оп.126. Д.2795. Л.186.

58. По этим указам на китайской границе российским подданым "камчатскими бобрами, рысями, белкою, нерчинской и якутской лисицами, бурыми, серыми, крестовками и огневками (лисицами. -Г. Б.), и соболями, камчатскими и якутскими недопесками торговать не велено". - См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 2795. Л. 186 об.

59.Курц Б. Государственная монополия в торговле России с Китаем .- Киев, 1929. С. 2-76; Сладковский. История торгово-экономических отношений России с Китаем.-М.: Наука, 1974. С. 115; Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX - начало XX в. -М., 1987. С. 21-43; ЛО АРАН. Ф. 21. Оп.4. Д. 20. Л. 298-309;

60.Курц Б. Государственная монополия… С. 75-76.

61. Подробнее см.: Быконя Г.Ф. Поземельные отношения…Гл.1; Быконя Г.Ф. Русское неподатное население… С.4-8. В литературе, на наш взгляд, в черносошный феодализм неоправданно не включают отношения казны с трудовым населением в сферах обмена и распределения.

62. ГАКК. Ф.122. Д.18. Л. 39-40,42об.-43; Быконя Г.Ф. Поземельные отношения… С. 61; Власова И.В. Землепользование в Поморье и Сибири в XVII-XVIII вв. Традиции и практика.// Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII - начала XX вв. -М., 1979. С. 41-42.

63.Александров В.А. Русское население Сибири XVII - начала XVIII вв. (Енисейский край). -М., 1964. С. 197.

64.Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. I. -Иркутск, I949. С. 158-162; Быконя Г.Ф. Поземельные отношения... С. 59.

65.РГАДА. Ф. 281. Д. 4609. Л.7-9 об; Ф. 1019. Д. 45. Л. 38-39 об; ГАКК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 757.Л. 25-36, 90-91 об; Ф. 907.Д. 43.Л. 51-51 об.

66.Быконя Г.Ф. Поземельные отношения...С. 60

67.Александров В.А. Особенности феодального порядка... С.53,22.

68. Быконя Г.Ф.Неподатное население…С.34-35.

69. Например см.: Сахаров А.М. Феодальная собственность на землю в Российском государстве ХУ1-ХУП вв.// Проблемы развития феодальной собственности на землю. -М.:Изд-во МГУ. 1979. С. 97, 101-105.

70. Подробнее об этом см.: Быконя Г.Ф.Неподатное население…С.3-10,268-269.

71.Степанов А.П. Енисейская губерния. Ч. П.-СПб., I835.С. 10-19, 25.

72. Быконя Г.Ф. Русское неподатное население…С.28-47.

73. Быконя Г.Ф. Первая публичная библиотека.//Красноярск и красноярцы.-Красноярск,1978. С55-59.

74. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири в XVII – начале XIX в. – Новосибирск: Наука СО,1974. С.98-99.

75. Палкин Б.Н. Русские госпитальные школы и их воспитанники. – М.,1959.

76. Жеравина А.Н. Очерки по истории приписных крестьян кабинетского хозяйства Сибири (вторая половина XVIII – первая половина XIXвв.) –Томск: ТГУ, 1985. Гл.II.

77. Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири. (XVIII в.) –Новосибирск: Наука СО, 1981. Гл.I, II.

78. Зольникова Н.Д. Указ. соч. Гл.III.

79. Ключевский В.О. История сословий в России. -Пг.,1918. С.1,200,217,233-234.

80. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т.22. С.20.

81. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С.301.

82. ПСЗ. T.VI. № 3890; T.VII. № 4589; Заусцинский П.Е. Кодификация русского военного права в связи с историей развития русского войска до реформы XIX века. СПб.,1909. С.277.

83. ПСЗ. Т. V. № 3705; Шепелев Л.Е. Отмененные историей чины, звания и

титулы в Российской империи.- Л.: Наука, 1977. С.25.

84. ПСЗ. Т. VII. № 4449.

85. Там же. № 3708; Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. //РИО. Т. 4. СПб., 1869. С. 140.

86. Шепелев Л.Е. Указ соч. С.25, 100.

87. Романович-Славатинский А.Д. Указ соч. С. 22. Лохвицкий же высказался резче, назвав сословие личных дворян «межеумком».- Там же.

88. Цитата по книге: Романович-Славатинский А.Д. Указ соч. С. 169.

89. Статья 58 гл. XX Соборного уложения. – См.: Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 г. – М.: Изд-во МГУ, 1961. С.249.

90. ПСЗ. Т. XI. №8145; Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т.1.- М.1913, С.220; Новый и полный всеобщий стряпчий или судебный обрядник.- М.,1811. Ч.3. С.217; Шерстобоев В.Н. Илимская пашня в XVIII в.- Иркутск: Кн. изд-во. 1957. Т.2. С.88.

91. ПСЗ. Т. XI. № 8145.

92. Там же. Т. XVI. № 12181; Готье Ю.В. Указ. Соч. Т.I. С.223; Т.2. С.186 - 187.

93. Там же. Т. VIII. № 5506;5638; Столетие Военного министерства. 1802-1902.- СПб.,1907. Т.4. Кн. I. Ч.1. Отд. 1. С. 145.

94. ПСЗ. Т. XI. №.8195; 8208. С.1741 г. на службу следовало идти с 17 лет.

95.РГАДА. Ф.415. Оп.1. Д.12. Л.42; Романович-Славатинский А.Д. Указ соч. С. 125.

96. Рассадин Ст. Фонвизин.- М.: Искусство, 1980. С. 234 - 235.

97. ПД. Ф. 388. Оп. 1. Д. 83. Л. I – 4.

98. Герцен А.И. Собр. соч. в 30 томах-М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т.У11. С. 192, 213.

99. Троицкий С.М. Русский абсолютизм... С. 162; Дэн В.З. Население России по пятой ревизии.- М., 1902. Т. 2. ч. 2. С. 51, 53, прим. I,3.

100. Указы Екатерины II за 1764 г.- М.,1765. С. 547.

101. Глиноецкий Н. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в русской армии.// Военный сборник за 1887 г.- СПб., 1887. № 4. Март. С.278.

102. ПСЗ. Т. XXV. № 18684; С.В.М. Т.IV. Кн.1. Отд. 3а. С.5-6.

103. СВМ. Т. IV. Кн.1. Отд. 3а. С.6-8; ПСЗ. Т. XVII. № 12543.

104. Заусцинский П.Е. Указ. соч. С.280.

105. ПСЗ. Т.V. № 2754.

106. Там же. Т. У. № 2775,3265.

107. Там же. Т.V. № 3327.

108. Там же. Т. У1. № 3757.

109. Там же. Т. У. №2795.

110. Там же. Т.У1. № 3913.

111. СВМ. Т. IV. Кн.1. Отд. 3а. С.9.

112. ПСЗ. Т.XXIV. №17799; Заусцинский П.Е. Указ. соч. С.9-13,365.

113. Там же. Т. XXVII. № 20542; Заусцинский П.Е. Указ. соч. С.342-344.

114. Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 48.

115. ПСЗ. Т. ХУ.. № 11404, 11528, 11540; Т.XVIII. № 12973.

116. Там же. Т. ХХШ. № 16930; Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 51-52.

117. ПСЗ.Т.ХХ. №14275.

118. Там же. Т.XXII. № 16187. Ст.16.

119. Заусцинский П.Е. Указ. соч. С. 433, 437.

120. В "Табели о рангах" сказано: «прочие (обер-офицерские – Г.Б.) чины, как гражданские, так и придворные, которые в рангах не из дворян, оных дети не суть дворяне».- См.: ПСЗ. Т.УI. № 3890; Т.XXII. № 16187.

121. Исторические сведения в Екатерининской комиссии… С. 141.

122. Лаппо – Данилевский А.С. Очерк С.96.

123. ПСЗ. Т.XII. № 9267; Т.Х1У. № 10237.

124. Там же. Т.ХУ. №10796.

125. Там же. Т.ХУ. № 11148.

126. Там же. Т.ХУ.

127. А.Д. Романович-Славатинский, ссылаясь на Жалованную грамоту 1785г., например, писал: «Екатерина 11 лиц, имеющих чины ниже 8 класса, причислила не к наследственному дворянству, а к личному»-см: Романович-Славатинский А.Д. Указ соч. С.21.

128. ПСЗ. Т. ХХШ. № 16838.

129. ПСЗ – II. Т. УII. № 5284; Шепелев Л.Е. Указ. соч. С.100.

130. РГАДА. Ф.248. Д. 6500. Ч.III. Л.16-49 об; ПСЗ. Т. ХХII. № 16595; Быконя Г.Ф. Русское неподатное население… гл.I, III, IV.

131. ГБЛ РО. Ф.178. Оп.2. № 3063. Л.24.

132. РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.3468. Л.206; Ф.415. Оп.2. Д.165. Л.47; Дэн В.Э. Население России… С.154.

133. ПСЗ. Т.XIX. №1495, 14130.

134. Дэн В.Э. Население России… С.44.

135. ГАИО. Ф.7. Оп.1. Д.570. Л.10об.

136. ПСЗ. Т.XIX. №15105, 14130;

137. Сборник военно-исторических материалов. – СПб. 1904. Вып.XVI. С.167

138. Дэн В.Э. Население России… Т.2. Ч.. 2 . С.. 44.

139.ПСЗ. Т.ХХII. №16667; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке.- М.,1958. С.443.

140. ГАРС. Ф.349. Оп.1. Д.750. Л.248об.

141. ПСЗ. Т. ХХI. № 15590; Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762 - 1855гг.-СПб., 1906. С. 131.

142. Матералы для истории русского дворянства /Изд. Калачева.- СПб,.1885. Вып.II. С. 26-27, 47.

143.По примеру Елизаветы Екатерина П именным указом от 18 ноября 1766 г. пожаловала коллежскими ассесорами VIII класса чинов бывших винных откупщиков Филиппа и Александра Угрюмовых и венецианского купца Попонелопа, а С.Роговиков получил чин надворного советника. Однако дворянами эти обладатели чинов не стали. Было специально оговорено, что отличие им дано не за тот род службы, за который положен дворянский статус.- См. ПСЗ. Т.XXIII. №16838.

144. ПСЗ. Т.XXI. №15907.

145. В 1767 г. Екатерина писала, что «дворянство есть нарицание в чести, различающееся от прочих тех, кои оными украшены ... Добродетель с заслугой возводят людей в степень дворянства». К добродетели относились любовь к отчеству, ревность к службе, послушание и верность государю, неделание бесчестного дела. Подчеркивая личностный фактор, она. заявляла: «Лишить дворянства никого не можно, кроме того, который сам себя лишал оного своими основаниями, его достоинства противными поступками и сделался чрез то звания своего недостоен... Противные поступки дворянскому званию - это измена, разбой, воровство, нарушение клятвы и данного слова, лжесвидетельство, составление лживых крепостей». В первой же главе раздела «О личных преимуществах дворян» Жалованной грамоты 1785 г. определение дворянства выглядит уже иным: Дворянское звание есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствующих в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородные» - См.: ПСЗ. Т.XV. № 12949.; Т.XXII. № 16187.

146. ПСЗ. Т. XXII. № 16187.

147. Там же. Т.VI. № 2467; Заусцинский П.Е. Указ. соч. С. 225.

148. . ПСЗ. Т.VIII. №5796; Т.XIV. №16620; ПСЗ.2. Т.V. №3437.

149. ПСЗ. Т.III. №1598; Заусцинский П.Е. Указ. Соч. С.480.

150. Указы Екатерины II за 1764 г.- М.,1765. С.547.

151. Быконя Г.Ф. Формирование и особенности сословно-социального статуса военно-бюрократического дворянства Восточной Сибири в XVIII –начале XIX в./Дисс. в виде науч.доклада на соискание учен. степени доктора ист. наук. –Иркутск, 2002. Гл.8,9.

Глава 2. ПРИКАЗНАЯ БЮРОКРАТИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ XVШ - нач. XIX в.

Данная тема в сибиреведении практически не разработана, хотя некоторый фактический материал имеется в трудах дореволюционных авторов и советских исследователей. В общероссийском плане лишь вопросы функционирования и чинопроизводства приказной бюрократии с начала её появления до 70-х гг. ХУШ в. довольно обстоятельно освещены в трудах Ю.В. Готье, Н.Ф. Демидовой, С.М. Троицкого и других авторов[1]. Некоторые аспекты разбираемой в данной главе сюжетов на материале Сибири ХУШ в. рассматривались В.Н. Шерстобоевым, Л.С. Рафиенко, С.М.Троицким и В.В.Рабцевич[2] .

В приказную бюрократию входили лица, занимавшиеся делопроизводством в разных учреждениях различных ведомств, чьи должности не вошли в петровскую «Табель о рангах». Генетически они восходили к низам приказных XVII столетия, которые являлись низшим неродовитым слоем служилых людей. За службу они получали поместное, натуральное и денежное жалование, имели определенные судебные льготы и считались выше служилых людей по прибору. С петровского времени их стали называть «приказные нижние служители», а затем «канцелярские служители», или канцеляристы, так как именно они составляли канцелярию любого учреждения. По должностям и рангам они подразделялись с 20-х гг. на подьячих с приписью (с 1763 г. - секретарей), канцеляристов и копиистов. Позже выделились подканцеляристы. Те, кто не входили непосредственно в штат канцелярии, но с согласия секретаря и воеводы занимались частной делопроизводственной практикой, а также перепиской казенных бумаг и жили «от своих дел», назывались пищиками. К ним по занятиям и средствам существования относились отставные приказные.

В ХУШ в. с усложнением системы учреждений и ведомств и их делопроизводства резко возросла потребность в канцеляристах. В литературе справедливо отмечается, что рост штатов канцелярий был одним из важнейших признаков бюрократизации аппарата управления абсолютной монархии[3]. Судя по штатам учреждений и динамике численности приказных чинов, этот процесс протекал в Восточной Сибири очень интенсивно.

По штату Сената от 21 апреля 1726 г. Сибирской губернии, в отличие от прочих, положили «приказных нижних служителей», вдвое больше.. В Сибирской губернской канцелярии их стало 29 человек со сторожами (два секретаря, восемь канцеляристов, 16 копиистов и три сторожа); в провинциальной - 12 (один секретарь, три канцеляриста, шесть копиистов и два сторожа); в крепостных конторах губернских и провинциальных городов – пять (один надсмотрщик и четыре писца). По данным И. К. Кирилова, тоже относящимся к 1726 г., в Восточной Сибири этот штат был даже перекрыт. В Енисейской и Иркутской провинциальных канцеляриях насчитывалось по 16, а не 12 внеклассных чиновников канцелярского ранга, в крепостной конторе – шесть, а не пять; в Енисейском надворном суде -16 на пять классных[4] . Через четверть века, согласно именному указу от 11 октября 1755 г., Сенат несколько увеличивает штат нижних приказных служителей. В губернской канцелярии их стало 30, провинциальной -15, воеводской- 10, а в пригородках – семь человек[5]. Должностной состав неклассных чинов канцелярии расширяется - появляются штатные переводчики, толмачи, подканцеляристы, переплетчики и даже палачи. Новый штат от 15 декабря 1763 г. в основном повторил предыдущий: в губернской канцелярии не в классных чинах было 37 из 46 человек, провинциальной -18 из 25, воеводской - 12 из 15 и пригородке – семь из 8-ми[6] (см. Прил.I, табл.9).

В штатах последующих лет количество «канцелярских служителей» местного аппарата (переводчиков, регистраторов, архивариусов, переплетчиков, канцеляристов, подканцеляристов, копиистов и сторожей) уже

лимитировалось общими суммами, выделяемыми на эти цели и могло колебаться, ибо размеры жалования определялись им властями на местах. Общие суммы «на канцелярские расходы и служителей» неуклонно повышались. По Иркутскому наместничеству они, например, составляли: в 1783г.-49528 руб., в 1797г.-89080 руб., в 1805 г.-67790 руб. (без жалованья секретарей)[7]. По уездным учреждениям в целом число канцеляристов в конце XVIII в. колебалось в пределах 15-20 человек, то есть примерно столько же, сколько их было, считая внештатных до реформы, в одной воеводской канцелярии, через которую проходили все дела по управлению уездом.(Прил. I, табл.10). Так, в 1790 г. в уездах Средней Сибири находилось на службе в нижних земских судах от четырех до двух канцелярских служителей, нижней сельской расправе –три чел., в казначействах - от четырех до двух, в конторе городничих дел два-три человека[8]. Общая численность этой низшей приказной бюрократии неуклонно увеличивалась: в 1737 г., по церковным данным, в Иркутской епархии насчитывалось 83 душ муж. и 163 души жен. пола из приказных; в 1768 г., по ведомости губернатора А. И. Бриля, их было уже соответственно 323 и 372 чел.; в первом десятилетии XIX в., по «Топографическому описанию» А. И. Лосева - 1121 и 1211 чел., наконец, к 1823 г., по данным Ю.А. Гагемейстера, «служащих гражданского, горного и других ведомств» насчитывалось: мужчин - 1826 и женщин - 1615[9].

Важно подчеркнуть, что удельный вес этой категории в общей массе населения края возрастал. Если в 1737 г. приказные с детьми мужского пола составляли 0,3% всего русского населения, то в 1768 г. их удельный вес поднялся вдвое (0,61%), а к 1823 г. - еще в 2,3 раза (1,4%). Таковы темпы бюрократического освоения Заенисейской Сибири XVIII - начала XIX в.

Территориально низовая приказная бюрократия размещалась главным образом в городах, которые были административными центрами, а в целом поуездно - там, где сосредотачивалось большинство русского населения. Представление о размещении приказных с семьями в 60-е гг. XVIII в. дает

ведомость иркутского губернатора А. И. Бриля от 21 августа -1768 г. о соотношении крестьян-хлебопашцев с другими категориями населения губерний: Иркутский уезд - 95 душ муж. и 129 душ жен. пола, Селенгинский - 57 и 66, Нерчинский - 70 и 75, Илимский - 25 и 29, Якутский - 39 и 38, Охотский порт - 25 и 24 и в 5-ти острогах Камчатки - 12 душ муж. и 11 душ жен. пола[10]. Судя по диспропорции полов в сторону преобладания женщин в конце 60-х гг. XVIII в. приказное население губернии было неустойчивым только на отдаленном северо-востоке Азии, а на остальной территории региона оно уже демографически сформировалось. Однако этот вывод справедлив только к небольшой прослойке всей внеклассной бюрократии, если обратиться к источникам формирования этого самого крупного слоя гражданской бюрократии. Вообще вопрос об источниках их пополнения имеет огромное значение для выяснения ее социального положения и роли в восточносибирском обществе того времени. В целом, как и во всей стране, правительство стремилось выдержать узкосословный подход по отношению к канцеляристам, который исключал свободные межсословные миграции. Критериями принадлежности к этому сословию считались род службы и происхождение. Поэтому в идеале ими должны быть только потомки приказных людей XYII в. или, как они назывались источниками первой половины XVIII в., «подьяческие дети» и «приказнослужительские дети», которые потомственно исполняют канцелярские свои должности. Однако нужного количества потомственных приказных людей для постоянно растущего государственного аппарата никогда не хватало даже в центральных губерниях. Поэтому следовало установить «законные» источники пополнения этого слоя бюрократии. Центральная власть в основном действовала методом исключения, ибо многих выходцев из тяглых сословий привлекало полупривилегированное положение «приказных людей». В петровское время старались следить, чтобы в их ряды не вставали крепостные крестьяне и другое зависимое население. Со второй четверти ХУШ в. центральная власть стремится точнее определить состав

приказных людей, вывести из него всех тяглых и превратить в замкнутое служебное сословие. Так в 1729 г. Сенат распорядился составить списки приказных людей всех учреждений страны «понеже являются подьячие, кои от дел отбыли, а ныне шатаются ни у какого дела, а некоторые нанимаются в суды ходить». Всем таким подьячим не у дел ведено записаться по городам у губернаторов и воевод и ждать назначения[11] .

Указами 1732,1744 и 1750 гг. запрещали определять в подьячие «из солдат и прочих служилых людей родом не из дворян».[12] Постепенно сужался круг лиц, которые могли вливаться в ряды приказных. В связи с проведением второй ревизии Сенат 9 июля 1744 г. вынес определение исключить из числа подьячих всех, кто был записан в подушный оклад, то есть крестьян всех категорий и посадских[13]. Но правительство вскоре вынуждено было отступить. 14 октября 1755 г. вышел печатный именной указ о «разборе приказных и нижних служителей», которым разрешалось в случае нехватки приказных не только оставить в их рядах подьячих из солдат и служилых, но и впредь, в случае нужды зачислять в приказную службу их детей. Мало того, этот указ узаконил прежние самовольные со стороны воевод массовые случаи зачисления в канцелярские чины лиц разной сословной принадлежности[14]. Однако через 10 лет доступ части лиц служебных категорий в приказные, был снова закрыт. Так, Сенатский указ от 14 августа 1766 г., разрешая оставить «находящихся во всех приказных местах в штатном числе из солдатских детей канцелярских служителей», впредь эту практику запрещал, а имеющихся сверх штата распорядился отправить в полки.[15] Стремлением замкнуть изнутри сословные рамки приказных дышит Сенатский указ от 11 октября 1755 г., изданный в связи с проведенным

Герольдмейстерской конторой учетом приказных людей: «Впредь детей приказных, кои не из дворян, до будущего разсмотрения ни в какую службу, кроме приказной, отнюдь никуда не определять под опасением штрафа».[16.] С подобных же позиций подходила феодально-крепостническая власть и в

последующие годы к случаям поступления на канцелярскую службу выходцев из тяглых сословий и к сословной миграции самих приказных. Так, именным указом от 24 декабря 1778 г. в Сенат повелено, чтобы «определение в приказные чины из положенных в подушный оклад совсем запретить... что неудобно по многим важным и ощутительным причинам».[17] Правительство целенаправленно пытается одворянить ряды низовой приказной бюрократии, сделать приказную службу своеобразной школой подготовки дворян для классных рангов. Поэтому Екатерина II пытается поднять престиж гражданской службы. В связи с этим очень характерной является ее приписка в конце печатных штатов губерний по реформе 1775 г., в том числе и в «Штате Иркутской губернии на 1783 г.»: «Весьма желательно, да и наместнику государеву нужно поощрять, чтоб молодые дворяне по окончании наук употребляли себя к научению не меньше для них полезному, знать законы своей земли и образ судопроизводства, а для сего бы определились в приказы, не вменяя отнюдь в предосуждение благородству, приобретать от первых степеней канцелярских сведений и способности в делах и в них столько изощряться, чтоб могли, поступая в чины высшая, достойно и похвально исправлять свое звание к пользе общей, ибо таковым преимущество всегда отдается при выборе и определении в почтеннейшия места гражданских должностей».[18] Об этом также свидетельствуют Сенатские инструкции по проведению четвертой, пятой и шестой подушных переписей[19].

Однако этот общий жесткий узко-сословный курс правительство не могло реализовать. На местах он постоянно нарушался из-за острой нехватки канцелярских кадров. Особенно тяжелым было положение с приказными кадрами в малонаселенной Сибири, где потомственных подьячих, естественно, было немного. Так в 1737 г. Сибирская губернская канцелярия доносила в Сенат о том, что не может выслать ведомости о решенных и нерешенных делах с 1719г. из-за неимения приказных людей. Их недостаток объясняли следующими причинами: во-первых, предыдущие реформы и перетасовки

должностей даже увеличили количество дел; во-вторых, многих приказных надолго забирают многочисленные в Сибири следственные комиссии и ревизоры подушных переписей; в третьих, запрещение правительства принимать в приказную службу податных не позволяло иметь нужную численность приказных чинов; наконец, многие природные подьячие уклонялись от казенной службы, жили по деревням либо ходили по судам[20]. О том, как центральная власть помогала сибирским властям решать проблему нехватки приказных людей, дает представление такой прецендент. Когда началась вторая перепись, то в Сибирскую губернскую канцелярию Сенат направил по ее просьбе для канцелярских дел 31 школьника[21]. Почти все они остались в Тобольской провинции. Поэтому, когда генерал-майора Чернецова назначили к ревизии второй подушной переписи в Иркутской провинции, то 2 октября 1745 г. Сибирская губернская канцелярия вновь запросила помощи. По ее рапорту в Тобольской и Иркутской «конторах по подушному сбору» всего числилось по три чел., а взять их из других учреждений губернии для Чернецова не будет никакой возможности, так как «в городах Иркутской провинции приказных служителей самое малое число, а воеводы и в дистриктах управители сами требуют приказных служителей». Из-за этого официальная отчетность составляется не по форме, документы «пишут крестьяне и разночинцы, положенные в подушный оклад, и из ссыльных, которых не только до дел, но и до переписывания набело в противность указов допустить неможно».

Сибирский приказ обратился в Сенат, ибо ему удалось наскрести в Москве только 20 из 40 недостающих канцеляристов. Герольдмейстерская контора, в свою очередь, смогла найти только 10 «не у дел находящихся приказных». Но Чернецов не дождался и их, ибо они запросили жалование и содержание на дальнюю дорогу, мотивируя тем, что дела, которыми они кормились, были оставлены из-за подготовки к отбытию в Сибирь. Пока решался этот щекотливый вопрос в Сибирском приказе уже 33 чел. ожидали отправки в

Иркутскую провинцию. В октябре 1746 г. они подали челобитную с просьбой ускорить отъезд, так как уже «проели последнее». Но и к 16 марта 1747 г., судя по пятому по этому вопросу донесению Сибирского приказа в Сенат, дело не сдвинулось с мертвой точки[22]. Подьячие не прибыли в Иркутск и на следующий год. Об этом «невинно» напомнил Сенату иркутский вице-губернатор Лоренц Ланг, когда рапортовал 31 марта 1748 г. о том, что новый иркутский воевода и полковник И.Г. Жеребятников для завершения многих следственных дел и взыскания 88 тыс. руб., накопившихся за 1730-1748 гг. недоимок, а также для ведения текущих дел просит обер-офицера и трёх канцеляристов, а Иркутску их взять негде. Обещанных же из Москвы подьячих все нет, «а дворяне и дети боярские, хотя малое число и есть, и те у разных дел, а которые не у дел, и на тех положиться и допустить к великим делам невозможно за незнанием приказных порядков, и что некоторые безграмотные и пьяницы»[23].

Поскольку, как видим, на эффективную помощь из центра рассчитывать особенно не приходилось, местные сибирские власти брали всех годных в приказную службу, особенно не разбираясь в их сословном звании, хотя по указу от 28 июня 1737 г. на местах можно было принимать на приказные должности только подьяческих детей «в губерниях - губернаторам, а в городах провинциальных - воеводам... и в другие города тех губерний, где приказных служителей оскуднение есть»[24].

Как это делалось? Выявленные именные ведомости «приказнослужителей у дел и не у дел» Красноярской, Енисейской, Илимской и Селенгинской канцелярий за 1754-1755 гг., аналогичная ведомость по Якутску за 1772 г., формулярные списки за 1799 г. выслужившихся из приказных классных чиновников Иркутского наместничества, и, наконец, «статейные списки приказнослужителей» уездных учреждений Ачинского, Енисейского и Туруханского уездов 1789-1791 гг. - все эти редкие архивные материалы позволяют ответить по 144 человекам не только на этот вопрос, но и установить, причем в динамике, их возраст, территориальное происхождение,

социальное положение, служебные передвижки и семейное положение (Приложение I, табл. 11, 12).

В 20-40-е гг. их набирали в первую очередь, как и в Западной Сибири[25], из штатных казаков и их детей, которые с 1728 г. были освобождены от подушных платежей (см. гл.IV). Поскольку приказным с 1727 по 1764 гг. не платили жалования, то назначение штатного казака в канцелярию «к письменным делам» можно было официально подать как служебную командировку. Именно это имела в виду Красноярская воеводская канцелярия, отметив в «Ведомости... о канцелярских служащих у дел» от 17 апреля 1755 г., что, кроме пяти приказных, «вместо копиистов для переписки в Красноярской воеводской канцелярии дел казаков обретается восемь человек» [26]. В отношении же селенгинского подканцеляриста С. Г. Фофанова, как и его 16 товарищей, в ведомости по его уезду прямо сказано, что этот казак с октября 1750 г. определен в канцелярские служители, но подканцеляристом он был еще с 1731 г., являясь казаком[27]. С годами такая «служебная посылка» уже считалась постоянной должностью. Так, Андреян Терентьев, родившийся в 1722 г., 16-летним казаком был взят воеводой в Красноярскую воеводскую канцелярию «за копииста», через три года стал «действительным копиистом за повытчика», спустя полгода - уже подканцеляристом по определению.

Однако далеко не многим из этих казаков-канцеляристов удалось сразу официально утвердиться в новом качестве. Зачисление на канцелярские должности служилых людей, как отмечалось, неоднократно запрещалось Сенатом, поэтому для центральной власти и ее эмиссаров, вроде ревизоров подушных переписей, эти назначения были до 1755 г. незаконными. О том, как сталкивалось общеимперское и местное представление о статусе казаков на канцелярских должностях, можно проследить по истории копииста Федора Петровича Завьялова, 49 лет, показанного Илимской воеводской канцелярией местным «приказнослужителем не у дел». Он был родом из илимских казаков, 20-ти лет - в 1726 г. определен воеводой в число копиистов местной

канцелярии, а затем из-за «падучей болезни и за старостью» оказался не у дел, то есть получил отставку. Воевода и секретарь определили его сословный статус не по роду последней длительной службы, а, как должно по закону, по происхождению, поэтому во время второй подушной переписи его, как отставного казака, внесли в податные списки[28]. 19-летнего его сына Петра сначала тоже записали податным, однако в том же 1745 г. его приняли пищиком в одну из слобод Илимского уезда, а спустя два года, по указу Иркутской провинциальной канцелярии, назначили копиистом воеводской канцелярии. Интересно, что в «Ведомости», направленной в Герольдмейстерскую контору «для разбору», Петра Завьялова показали податным, но уже из подьяческих детей, а не из казаков[29]. Так сложно и противоречиво сплетались старый формальный сословный статус и новое фактическое положение в жизни представителей второго поколения местной приказной бюрократии.

Случай с Завьяловым не был исключением. По второй переписи и ревизии во многих уездах канцеляристы из казачьих детей и даже верстанных казаков попали в состав разночинцев и обязаны были нести подушные и оброчные платежи, хотя по-прежнему оставались в канцеляриях на своих должностях. Так из 12 «канцелярских служителей, находящихся у дел» в Енисейской провинциальной канцелярии, только четверо избежали подушного оклада, да и то писец крепостных дел Алексей Данилович Попов был сыном секретаря этой же канцелярии, а три копииста были определены из штатных казаков только в 1755 г., то есть в год подачи ведомости, и в 1747 г. могли не числиться в подушных списках. Хотя трое из восьми, попавших в податные, были приказными второго поколения, такими, как Петр Завьялов, - а двое показаны из «штатных казаков», а не из «казачьих детей в подушном окладе», но ничего не помогло - вместе со своими детьми мужского пола все оказались податными разночинцами, так как свои канцелярские должности они получили только «по указам Енисейской провинциальной канцелярии» и поэтому не считались официально в «штате» приказных. Только трое отставных, и все из подьяческих

детей (канцеляристы Александр Яроцкий, Алексей Козлов и копиист Михаил Тыжной) с двумя сыновьями не оказались податными. Козлов и Яроцкий считались старыми подьячими, так как первый был определен в копиисты в Тобольске Сибирской губернской канцелярией в 1718 г., и оттуда прибыл на службу в Енисейск, а второй, хотя и Енисейской провинциальной канцелярией, но в 1717 г., то есть тоже до первой ревизии, которая их учла подьячими. Сын Яроцкого Василий, родившийся в 1725 г., служил уже канцеляристом в Мангазейской воеводской канцелярии. Копииста Тыжнова, хотя и ставили пищиком воеводы местной канцелярии, но через три года, в 1737 г., его утвердили «штатным копиистом» указом Сибирской губернской канцелярии и послали в Мангазею на службу. Через пять лет он вернулся в Енисейск, где его зачислили опять же «копиистом в штате»[30].

Не рапорт, а настоящий обвинительный акт центральной власти, не желавшей из-за узкосословных принципов видеть реальной действительности, прислал из открытой пять лет назад Селенгинской воеводской канцелярии поручик Козьма Дьяконов, который в особой приписке с солдатской прямолинейностью спрашивал, почему на основании указов 1744 и 1750 гг. почти всех (17 из 19-ти) его «приказнослужителей» за их казачье происхождение следует уволить, записав разночинцами. Ведь других-то нет, а дел казенных и от разных команд много. В заключение Дьяконов просил Герольдмейстерскую контору Сената обратиться к императрице, чтобы она именным указом подьячих-казаков ввела в «подьяческое состояние» и определила им жалование. Не сомневаясь в положительном решении, воевода выразил надежду, что «отпуск с резолюции» по этому вопросу Герольдмейстерская контора сразу же пришлет в Селенгинск[31]. Всего по ведомостям 1755 г. в трёх восточно-сибирских городах (Красноярск об этом умолчал) насчитывалось 22 из 53 приказных, которые находились в подушном окладе, в том числе семеро во втором поколении. Есть основания считать эти данные неполными. Так пищиков по приказным избам присудов, слобод и

управительских контор на кружечных дворах, казенных винокурнях и солеварнях показала только одна Илимская воеводская канцелярия, и то только по пяти управленческим единицам – Новоудинской слободе, Карапчанской приказной избе, Братскому острогу, Илгинскому казенному винокуренному заводу, а также местному кружечному кабацкому двору. Канцелярские обязанности на них выполняли соответственно «посадский неподатной», «присыльный с 1732 г. с публичным наказанием кнутом и вырезанием ноздрей бывший копиист Переяславль-Залесской воеводской канцелярии Егор Яковлев, 60 лет», и три «казачьих сына». Все они были, как отмечено, «определены в свои должности» Илимской воеводской канцелярией, а кто вел канцелярские дела в других слободах и волостях, а их насчитывалось еще более десяти, илимский воевода умолчал. Очевидно, как и в других уездах, приказная работа там была доверена лицам, не имевшим никакого права на это, поэтому о них воеводы предпочли вообще не писать. Не случайна в отношении посадского Игумнова важная оговорка, что он «неподатной». Если учесть, что по всей Иркутской провинции насчитывалось более 90 (в1741 г. их было 87)[32] мелких низовых административно-территориальных единиц, возглавлявшихся назначаемыми воеводской канцелярией приказчиками, управителями, ясачными комиссарами, смотрителями и т. д., которым положено вести делопроизводство, то ясно, что ведомости 1755 г. по четырем уездам Восточной Сибири давали сведения только по небольшой городской части приказных людей, так как многочисленные сельские пищики, чья служебная деятельность давала главный материал для бюрократического делопроизводства уездного управленческого звена, считалась в силу узко-сословной политики верховной власти вне закона, несуществующими, являющимися членами других податных сословных групп населения. Заговор молчания в источниках об этом нелегальном слое сельской местной приказной бюрократии только нет-нет да нарушался в судебно-следственных делах и в первичных материалах подушных переписей.

Представление о таком сельском приказном дает редкая ревизская сказка от 30 сентября 1761 г. «пищика» Балаганского дистрикта Илимского уезда Трофима Слугоцкого. Он показал, что ему по третьей ревизии 28 лет, семья состоит из трёх рев. душ: его самого и родившихся после второй переписи сыновей: Ивана-13 л. и Петра -9 л., не считая умершего в 1756 г. тестя. Женой его была дочь разночинца из соседнего Верхоленского дистрикта Агриппина Кононовна Хлызова, которая родила Слугоцкому, кроме двух сыновей, еще дочь Ирину. Подавая сказку для занесения его в подушные списки, глава семьи отметил, что «в прошлом 1753 г. по указу Иркутской провинциальной канцелярии он, Слугоцкий, определен к ямским делам пищиком, а в подушном платеже (состоит - Г. Б.) в Балаганском остроге в семи гривенном и четырех гривенном окладе». Интересно, что в сказке он называет себя не пищиком, а, как положено по окладу, разночинцем, и не поднимает вопрос о снятии податного состояния[33].

Этот слой сельских приказных по хозяйственно-бытовому укладу жизни и взглядам всеми своими корнями связан с сельским трудовым населением, выступая своего рода специальным своего рода «техническим» звеном местного сельского самоуправления. О разнообразии семейных связей сельского приказного, и в то же время податного разночинца, свидетельствует, например, ревизская сказка 1762 г. копииста Верхне-Ленского присуда Иркутского уезда Андрея Степановича Падерина, 1718г. рождения, сына местного подьячего, умершего в 1747 г. Его матерью была дочь илимского казака, три тетки - замужем за иркутским и местным казаками, и священником. Сам Падерин в момент подачи ревизской сказки был женат на 40-летней дочери местного разночинца. Две их дочери, 21 и 19 лет, выданы замуж за местного разночинца и бирюльского крестьянина. Кроме того, в семье было три сына: старший Петр, трехлетним попавший в подушные списки второй ревизии, уже служил вместе с отцом пищиком местной земской избы, средний, 10-летний Василий, обучался грамоте, а младшему было три

года. Насчет сыновей Падерин прямо в сказке написал, что согласно указу Иркутской провинциальной канцелярии от 23 ноября 1744 г. он желает «обучать их грамоте и писать за собою»[34], то есть он считал себя одновременно и приказным.

О том, что значительную часть сельских, по функциональной своей роли приказных, составляли казаки и разночинцы (разночинцы-казаки, не попавшие в штатное число в 1725-1728 гг.) свидетельствует рапорт в 1751 г. Сибирской губернской канцелярии в Сенат с просьбой выключить из подушного оклада 15 «действительно служащих дворян и детей боярских», а также 150 казаков с их детьми и четырех приказнослужителей[35].

Еще сложнее было принимать в канцелярию представителей чисто тяглых сословий. Возможность для их легализации, хотя бы временной и личной, возникла после принятого Сенатской конторой в связи с началом подушной переписи «Определения» от 9 июля 1744 г. по поводу находящихся в приказной службе крепостных крестьян и посадских. К ним предписывалось относиться неоднозначно. Если они утаили свое происхождение и поступили на службу обманом, то, хотя владелец или мир уже показали их убылыми, все равно следовало таковых «выключать» и отправлять на прежнее место жительства. Если же крепостной или посадский находился в законной отлучке, имея паспорт или отпускную от помещика, то их разрешалось оставлять среди приказных[36]. То есть считалось, что раз податный или крепостной (крепостническая власть, как видим, в этом случае их не различала) оказывался по воле своего мира или владельца лично свободным от своих прежних сословных обязанностей, то ему разрешалось поступить в приказную службу, но без изменения сословной принадлежности. Посадский же, как и любой тяглец, мог быть лично свободным от податей в трёх случаях - если община временно или постоянно почему-то брала на себя его тягло, во-вторых, что бывало значительно чаще, - его платежи «подписывались» вносить члены семьи или другие родственники, когда он уходил по покормежному паспорту на

«зарабатывание подушных денег» наконец, если он родился после переписи и еще не был внесен в податные списки. Поскольку правительство не интересовало, на какой срок посадский лично откреплялся от общины (важно, что тягло не оказывалось «в пусте»), то получалось, что покормежник мог временно наниматься в приказную службу. Через какой-то срок он перевозил семью, внося уже «пересылкой» положенные с него подушные, оброчные и мирские платежи. Вжившись в новое служебно-сословное положение, такой канцелярский служитель стремился освободиться от старого наследственного сословного статуса, что приводило к различным осложнениям, особенно во время очередной подушной переписи. Таким путем попал в приказные 24-летний копиист Новоудинской слободы Илимского уезда Михаил Иванович Игумнов. В «Списке приказнослужителей» по этому уезду от 11 мая 1755 г. он показан по происхождению посадским (см. Прил.1.табл.11). В 1750 г. местная канцелярия его приняла копиистом, мотивируя, что он неподатной, а на следующий год в должности пищика его утвердила Иркутская провинциальная канцелярия. Через три года 27 сентября 1754 г. она же его перевела в копииcты[37]. Аналогичным же образом поступали и с крестьянами. В той же ведомости показан «заподканцеляристом» Илимской воеводской канцелярии Степан Андреевич Сабуров, 56 лет. Он был податным крестьянином по первой и второй ревизиям, тем не менее в 1732 г. уже 33-летним поступил пищиком, а через 12 лет канцелярской службы в 1745 г. занял должность подканцеляриста Илимской воеводской канцелярии, в которой находился к моменту подачи сведений уже 10 лет. Все эти годы Сабуров, сословно крестьянин, а по службе одновременно приказной, платил за себя и 24-летнего сына Михея подушные деньги. Сын готовился видимо пойти по стопам отца, ибо был обучен грамоте.[38]

Иногда сельский податной грамотей оказывался на службе и у посадского мира. Так, по второй ревизии в Верхоленском присуде числился в податных разночинец Василий Петрович Попов, 27 лет, а его брат, Федор, был там же

посадским. В 1748 г. Василия взяли в Иркутский провинциальный магистрат копиистом, а во время проведения третьей переписи он назвался пищиком при магистрате же. В своей сказке от 22 июля 1762 г. о внесении себя в податные Попов также сообщил, что кроме трех дочерей у него живут два «подкидыша» четырех лет и девяти месяцев[39].

Этот принцип феодального правительства сословно-фискально «исправлять» случаи несовпадения реального рода деятельности сословному статусу вообще распространялся и на все легальные межсословные переходы тяглого населения. Известно, что когда крестьянин переходил в посад, то до очередной ревизии его обязывали платить и крестьянское тягло и посадские оброчные деньги вместе с мирскими раскладками. Но было и различие. В конце концов казенный крестьянин оказывался только в одной новой сословной группе, а податные, поступающие в приказные, не могли на это рассчитывать. Показателен, например, указ Екатерины II в отношении тех посадских, что через приказную службу выслуживались до обер-офицерских должностей, причем этот указ отвечал и на запросы с мест о том, могут ли купцы без всяких ограничений поступать в приказную службу, так как с 1775 г. они вместо посадского тягла стали платить процентные деньги с объявленных капиталов. Этот именной указ от 24 января 1778 г. разрешал «в канцелярские служители людей брать из купцов», но при условии, что они по-прежнему будут платить процентные деньги. В случае же, если такие приказные из купцов дойдут по должности до обер-офицерского чина, то о них следовало особо рапортовать в Сенат для окончательного решения вопроса оставлять ли их в прежнем положении или произвести «выключку из оклада»[40]. Как видим, этим указом лишь подтверждалось принципиальное положение указа 1744 г., но и только. Двойной сословный статус сохранялся, причем статус приказного, коль прежний, основной, оставался, считался, как и ранее, временным и условным.

В Восточной Сибири основные источники формирования приказной

бюрократии все же были однороднее, чем в центре и даже в Западной Сибири. (см. Прил.1.табл.11). Многочисленными были казаки, чьи функции, о чем см. далее, все в большей степени, особенно во второй половине XVIII в., стали переходить регулярным войскам и, в первую очередь, гарнизонным командам в городах. Поскольку по реформе 1764 г. провинциальные воеводы и губернаторы получили право назначать на все канцелярские должности и представлять к рангам копииста и подканцеляриста, то вакансии в канцеляриях в случае нехватки подходящих детей приказных стали все чаще заполнять дворянами и детьми боярскими, детьми офицеров и местных гражданских чиновников в обер-офицерских рангах, а иногда и грамотными унтер-офицерами и солдатами. Так, сын прапорщика Пушкарева, 30-летний Василий, начинал с канцелярской службы в Тобольской казенной палате, затем в 1785 г. его, записав сибирским дворянином, переводят с должности канцеляриста комиссаром над посельщиками у «раздачи ссыльным платья и обуви» и «смотрения казенных кузниц», а через два года назначают уже в Туруханское казначейство, присвоив ранг канцеляриста.[41] Подканцелярист Ачинского нижнего земского суда С. Затинщиков, 27 лет, сын томского дворянина, 13-ти лет начал служить в звании сына боярского, через 11 лет был вписан в местный дворянский список, но с 1 июля 1780 г. оказывается копиистом, а через шесть лет - подканцеляристом Томской воеводской канцелярии. С открытием в Ачинске уездных учреждений тобольские власти переводят его «к отправлению дел» в Ачинский нижний земский суд. Затинщиков прижился на новом месте и женился на дочери священника ближнего села Назарово Красноярского уезда.

Вошли в практику служебные переводы и по личным просьбам. Так, коллега Затинщикова по происхождению, месту службы и должности-рангу А Чернопольский, 1762 года рождения, начинал с казачьей службы в звании дворянина и в должности смотрителя соли в Коряковском форпосте Омского уезда, но через девять лет «по своей просьбе и указу Тобольского

наместнического правления» был определен в Ачинский нижний земский суд копиистом, где и получил повышение в виде ранга подканцеляриста. Чернопольский тоже женился, но на дочери местного крестьянина. В их семье к 1790 г. было двое малолетних сыновей.[42]

В целом формуляры приказных людей различных городов и в разные десятилетия второй половины XУШ в. показывают определенное нарастание роли естественного воспроизводства приказного сословия (см.Прил.I.табл.10). Среди местной канцелярской бюрократии все чаще встречаются представители не только двух, но и трех поколений. Им, например, был 14-летний подканцелярист Енисейского нижнего земского суда Дмитрий Алексеевич Попов, который показан в статейном списке из «обер-офицерских детей», так как его отец, Алексей Данилович Попов, из писцов крепостных дел в Енисейской провинциальной канцелярии за 20 лет службы все в том же учреждении до рождения сына Дмитрия в 1776 г., дошел до ранга коллежского секретаря XII класса чинов, а дед Дмитрия - Данило, в свое время до 50-х гг. был там же секретарем.[43]

Поскольку вторым и наиболее весомым источником пополнения было казачество, то можно сделать вывод о том, что самая массовая часть сибирской бюрократии XУШ в. - приказная, формировалась сразу не за счет центра, как дворянский слой гражданского чиновничества,[44] а за счет местных источников. В это плане точнее представляют данный вывод не показатели по приказным чинам новооткрытого уездного Ачинска или отдаленнейшего, служащего «Сибирью» для Западной Сибири глухого Туруханска, куда еще с 30-х годов вместо воеводы назначался управитель, а данные по Иркутской губернии (см.Прил.I.табл.11). Ведь Европейской России самой не хватало грамотных людей для аппарата управления, а в Сибири XУШ в., как установил А.Н. Копылов, уровень грамотности, благодаря притоку ссыльных, развитому домашнему обучению и специальным школам, был даже несколько выше общероссийского уровня.[45] О том как центр реагировал на просьбы прислать в

Сибирь канцеляристов в 40-е гг. уже выше говорилось. Во второй половине XУШ в. в Восточную Сибирь изредка попадали приказные люди при служебных поездках губернаторов, научных экспедициях, а также за провинности. Так, Евдоким Степанович Толмачев из потомственных «приказнослужительских детей», начав службу в 1768г. девятилетним копиистом Мануфактур-коллегии и через три года стал подканцеляристом Ревизионколлегии, в 1775 г. был «командирован» вместе с прочими «в штат Иркутского коммерческого комиссарства». Спустя несколько месяцев его перевели в Иркутскую губернскую канцелярию и передали в распоряжение геодезиста Чурнасова, снимавшего план Иркутской губернии. Через два года Толмачева, который одновременно подрабатывал писцом в конторе крепостных дел, вернулся к прежним обязанностям, получив в 1782 г. ранг канцеляриста, а через год - должность повытчика. Наконец, отслужив 19 лет, в том числе 12 - в Сибири, Толмачев при переходе в канцелярию губернского прокурора в 1787 г. получает заветный ранг губернского регистратора XIV класса, дающего права личного дворянства.[46] За кражу и за растрату казенных денег были переведены в 1779 и 1785 гг. в Туруханское казначейство и нижний земский суд тобольские копиисты, сын сержанта М. Серебрянников 25 лет и 34-летний «поповский сын» А. Арзамасов[47].

Сословно-территориальное происхождение довольно явственно определяло общий возраст и стаж службы приказной бюрократии Восточной Сибири, а также время вступления в нее и степень территориальной подвижности. Выходцы из других сословных групп и не из местных районов были старше, общий стаж у них - выше, а приказной службы - ниже, и вступали они в канцелярскую службу, естественно, позже. Именно в эту сторону отличаются показатели за 1755 г. от более поздних (см.Прил.I.табл.11). К сожалению, привлеченные для таблицы источники не отличаются единым порядком фиксации служб до вступления в приказное состояние, и не всегда в них приводилось время поступления на службу вообще. Про служащих из казаков в

Селенгинской воеводской канцелярии в 1755 г. говорилось, например, что канцелярист И. Ф. Мезенцов, родом из удинских конных казаков, будучи разночинцем, считал себя селенгинским казачьим сыном, обучался в арифметической школе (ее прошли шесть чел.), затем указами Сибирской губернской канцелярии октября 1750 г. определен копиистом, в 1751 г. - подканцеляристом, а в 1752 г. - канцеляристом, но положен в подушный платеж.[48]

После 60-х гг., когда путь в приказные стал для большинства более прямым, не через другие ведомства и службы, а сразу с 14-15-ти лет с канцелярии, средний возраст начинающих службу понизился (см.Прил.1.табл.12, данные за 1762,1772,1789 и 1799 гг.). Окончательно утвердившийся в 1790 г. порядок чинопроизводства, который определялся, прежде всего, выслугой, тоже ориентировал на более раннее начало государственной службы. Классные чиновники стали чаще использовать свое служебное положение, чтобы записать своих подросших чад не в полки, а в канцелярии, тем более, что с 70-х годов стали практиковать отправку молодых солдат из сибирских гарнизонов в российские армейские полки. Так, известный по своим уникальным мемуарам Т. П. Калашников, сам по нужде очень рано, восьми лет попав в канцелярию, постарался своих двух сыновей пораньше определить в штатскую службу. Василий 11-ти лет 3 февраля 1801 г. был «записан в службу с чином подканцеляриста», через год его уже произвели в губернские регистраторы, а в 17 лет, незадолго до своей внезапной смерти он получил чин коллежского регистратора XIV класса (Т.П. Калашников; приложение II). Пятилетнего сына Ивана, будущего писателя, отец определил в 1802 г. в Иркутское главное училище, а затем в возрасте 12-ти лет тоже записал в службу подканцеляристом. Через год Иван уже получил ранг канцеляриста, а к 17-ти годам стал классным чиновником.[49]

Изменившиеся условия канцелярской службы уже сделали ненужной, идущую от Петра I, практику присылок на секретарские должности в уездные

учреждения опытных «подьячих с приписью», как до 1764 г. называли секретарей родом из дворян или, на худой конец, потомственных канцеляристов, прошедших большую практику в губернских центрах. Последняя, заметная по источникам, подобного рода присылка пришлась на 80-е гг. XVIII в., когда в Сибири реализовывалась губернская реформа. Так, в 1789-1790 гг. секретари Енисейского, Туруханского и Ачинского нижних земских судов, соответственно «канцелярист в должности секретаря», 24-летний Назар Яковлевич Лосев, зауряд-секретари Гаврило Иванович Соколов, 27 лет, и Прокопий Корытов, 31 года, все из подьяческих детей, прошли приказную науку в учреждениях Тобольска.[50]

Самый обширный послужной список был у секретаря Ачинской нижней расправы Алексея Федоровича Деткова, 1740 года рождения. Этот «подьяческий сын» в 16 лет стал пищиком Соли-Вычегодской воеводской канцелярии, через четыре года он - копиист Велико-Устюжской межевой канцелярии, в 1764 - возвращается на первое место своей службы подканцеляристом, там же спустя семь лет становится канцеляристом. В 1780г. Соль-Вычегодская, уже провинциальная, канцелярия направляет его бухгалтером в Усть-Сысольское уездное казначейство, откуда через шесть лет Детков уходит в отставку «без награждения чином». Спустя два года, 11 февраля 1782 г. по указу Сената и Тобольского наместничества он, так и не получив классный ранг, принимает назначение секретарем в Ачинскую нижнюю расправу. На новое место службы Детков прибыл, как обычно, с семьей, определив копиистом в свою же канцелярию 12-летнего сына Ивана, названного в статейном списке 1790 г. «секретарским сыном», хотя в момент рождения его отец был по рангу только канцеляристом.[51]

В Заенисейскую Сибирь Герольдмейстерская контора направляла классных чиновников на секретарские должности. Подсчеты по формулярным спискам чиновников Иркутской губернии на классных должностях в 1799 г. показывают, что в разные годы с 1767 по 1798 гг. туда прибыло на должности секретарей 20

человек в классных чинах, в том числе 18 - из Европейской России. Но многие из них не имели опыта гражданской и, тем более, канцелярской службы. Канцелярии большинства учреждений возглавляли уже чиновники местного происхождения. Так, в 1799г. Должности секретарей учреждений всех рангов Иркутского наместничества, а также казначеев, занимало 48 чел. при четырех незаполненных вакансиях. По своему происхождению каждые два из трех были местными (30, в том числе 18 секретарей), причем 24 из 30, в том числе 14 секретарей, вышли из местных канцелярских служителей, показанных в табл.11. Приложения 1 в графе «Иркутская губерния», а шесть казначеев, в том числе пять местных, не имели классных чинов.

Таким образом, идущая от Петра I, идея обязательного заведывания канцеляриями местных учреждений лицами из российских дворян так и не была реализована, хотя правительство в течение ХУШ столетия много прилагало усилий для реализации её, имеющую четко определенную классовую направленность. Так, из указа 29 апреля 1726 г. видно, что правительство планировало со временем занимать эти должности только специально подготовленными для этого чиновниками из дворян: «Покамест определенные из шляхетства юнкеры приказным делам обучаются, производить в секретари из приказных людей по представлениям губернаторов и воевод».[52] Затем, согласно закону 21-22 октября 1737 г., после пересмотра штата приказных служителей «велено на секретарские должности» в губерниях и провинциях производить из сенатских, синодских и коллежских канцеляристов, а на места, получивших назначение, «брать из городов подьячих самых лучших, которые б впредь для произведения в секретари достойны были». Центральные учреждения, таким образом, хотели превратить в своеобразные центры по подготовке верхушки приказных служителей. Эти строгие правила мотивировались следующим образом: «В губерниях и провинциях в секретари едва не все такие произведены, которые нигде инде в службе не были, кроме тех мест, где они родились, и в тех местах никакой интереса Е.И.В. прибыли не

показали, разве плутни... и , смысл и рассуждение имеют мало, (между тем Г.Б.) чин секретарский весьма нужный, ибо они должны все дела в своих руках иметь и в действа производить, и вышним начальникам для решения представлять».[53] Однако до реализации этого утопического проекта слишком очевидно было, что спрос явно превышал предложение. Поэтому была сразу же установлена система для назначения на секретарские должности из состава чиновников местных учреждений. Кандидаты в секретари лично подавали в Сенат «за руками всех судей» особые аттестаты со справкой «не были ль они у приходов и расходов, и буде были, в том сочтены ль и имеют ли квитанции, и не были ль в каком штрафе». Затем сенатские обер-секретари и секретари экзаменовали кандидата и, в случае благоприятного исхода, подписав их аттестаты, подавали в Сенат доклад о производстве.

Но и эти правила практически не выполнялись. Сибирские губернаторы обычно назначали городовых секретарей «правящими должность секретарскую», то есть временно исполняющими, а несколько лет спустя обращались в Сенат с доношением утвердить их в этой должности и наградить рангом. Правительство постепенно шло им на уступки. Именным указом от 12 января 1763г. губернаторы получили право представлять в Сенат для назначения в секретари по три кандидата по своему выбору.[54] Эта практика для Сибири в конце концов была официально узаконена при Александре I, когда сибирские губернаторы по присутственным местам своих губерний именным указом от 21 апреля 1803 г. получили право определять на вакансии секретарей, правителей канцелярий, не сносясь с Герольдмейстерской конторой Сената.[55]

Порядок прохождения службы и служебные обязанности приказной бюрократии в XVIII в. достаточно хорошо освещены в литературе и поэтому специально здесь не рассматриваются.[56] Следует только сказать о том, что в сибирских условиях чаще и шире, чем в центре страны, раздвигались рамки служебных обязанностей приказных чинов, особенно на должностях секретарей воеводских и провинциальных канцелярий. Во время отсутствия воевод по

болезни, смерти, следствия и суда его должность реально исправляли секретарь, или местный казачий голова, что нередко санкционировалось губернской канцелярией. Это с тревогой констатировала центральная власть в 1737-1739гг.[57] Подобные случаи, особенно до 60-х гг. XVIII в., имели место во многих восточносибирских городах. Так, в провинциальном Енисейске в 1745 г., когда воевода П. Ф. Мирович попал под суд, «по неимению воеводы» ведал провинцией известный уже как секретарь Данила Попов. В 1763-1764 гг. он в ранге губернского секретаря был товарищем енисейского же воеводы секунд-майора И.Н. Вятченина. Почти весь 1777 г. «по неимению присутствующих и прокурора правление имел провинциальный секретарь Алексей Попов», - повествует о видной роли подьяческой династий Поповых в жизни Енисейска неизвестный автор XVIII в. перечня «О бывших в г. Енисейске господах присутствующих, в которых годах кто именно был воеводы, о которых только дойти было можно». Якутский дьяк Яков Чернецов после отъезда воеводы, лейб-гвардии капитан-поручика Михаила Измайлова, оказался в 1724-1725 гг. полновластным хозяином города и уезда, а назначенный «в должность воеводы» якутский дворянин Трифонов, как писал осведомленный местный купец Москвин «только титулом воеводы пользовался». Огромными злоупотреблениями запомнились даже видавшим виды якутским жителям, подьячий с приписью Григорий Чизючин и сменивший его в должности Алексей Климов, которые прибыли вместе с воеводой полковником И.П. Жеребятниковым в 1747 г. Целых пять лет эти «твари», по выражению купца И.С. Москвина, терроризировали город. Большой вес при своих воеводах имели в 1759-1760 гг. подьячий с приписью Степан Беляев, а в 1769-1774 тт. выслужившийся из местных казаков секретарь в ранге коллежского регистратора С. П. Ефимов. В 1789-1795 гг. большую власть забрал при корыстолюбце и аморальном типе, коменданте Якутской области Козлове-Угренине его секретарь С.Н. Соколов, «изобретательный на пронырства человек» по определению И. С. Москвина. [58] Многие путешественники, от Д.Г.

Мессершмидта до П.С. Палласа, свидетельствовали о громадной роли секретарей в губернских канцеляриях Тобольска и Иркутска. Так, в Иркутске в 1737 г. при доверчивом вице-губернаторе Л. Ланге, по свидетельству автора «Иркутской летописи», «секретарь его, Березовский, втерся в полную доверенность и совершенно овладел им. Ланг начал следовать его советам, отчего произошли разные непорядки и несправедливости. Происками этого чиновника многие невинные люди, но не оказывавшие известного уважения секретарю вице-губернатора, были биты кнутом и посылаемы в ссылку. В спорных гражданских делах неимущие, хотя и правые, проигрывали тяжбы, а достаточные, при помощи подарков, большею частию выходили сухи из воды... Одним словом, при Ланге счастлив был только тот в Иркутске, кто имел средства снискать милость у секретаря».[59]

В глухих отдаленных уездах Восточной Сибири канцелярские чины нередко выполняли административные функции и в конце XVIII в. Так из формулярного списка 1799 г. казначея Нижнекамчатского уезда Ивана Матвеевича Балыкова, из казачьих детей, 51 года, явствует, что за 35 лет службы, начатой копиистом Охотской портовой канцелярии, он, будучи канцеляристом, замещал в 1772 г. секретаря Большерецкой канцелярии, в 1785 г. был секретарем же Нижнекамчатского нижнего земского суда, затем уездным стряпчим, а по нескольку месяцев в 1792-1794 гг. «оставался за городничего», причем в первый раз - когда ему еще не пришел указ о присвоении ранга коллежского регистратора XIV класса чинов. Канцелярист же соседнего Акланского уезда 62-летний Алексей Григорьевич Бречалов, родом из казачьих детей, в течение 34-х летней службы, так и оставшись в выслуженном через 13 лет ранге канцеляриста, выполнял в 1785-1789 гг. классные должности секретаря и в местном исполнительном органе, то есть нижнем земском суде, и в судебном - нижней расправе, а также был «командирован в должности казначея» в Большерецк.[60] (Аналогичные примеры см.: Приложение II. - Курбатов, Михалев, Сенотрусов, Турчанинов, Уваровский).

Поскольку текущий официальный статус чиновника, так же как и его жалование с 60-х гг. XVIII в. определялись по должности, а не по рангу-чину, то фактическое положение многих чинов сибирской приказной бюрократии было выше официально установленного.

Полупривилегированный сословный статус приказной бюрократии XVIII в. носил в основном условный, или функциональный характер, так как обуславливался обязательной службой и умением читать и писать. Они были неподатными с детьми, но если порывали со своим родом занятий или не могли их выполнять, то попадали в тяглые сословия. Неграмотного сына приказного тоже записывали в податные. Это делало приказных личным служебным сословно-профессионалъным слоем трудового населения. Указом Петра I от 31 января 1724 г., в отличие от других непривилегированных групп, они получили право выхода из своего сословия в дворянское состояние, но только через гражданскую службу, дойдя до должности секретаря. Указ гласил: «В секретари не из шляхетства не определять, буде же из подьяческого чина, кто какое знатное дело покажет и заслужит, то таких с свидетельства Сената производить секретарем, и чтоб кто будет секретарем, из таких давать шляхетство, как и в военной службе кто в прапорщики показан.»[61] Правительство не раз пыталось отнять у приказных чинов это право и в конце концов сословную значимость секретарской должности сильно снизило, связав ее штатами 1763 г., как и все гражданские ранги до VIII класса, не с потомственным, а только с личным дворянством. Дети секретарей, в отличие от дворянских детей, могли пойти только по стопам отцов, о чем не раз издавались указы, например, Сенатский от 11 октября 1755 г. «О неопределении ни в какую службу, кроме приказной, впредь до будущего рассмотрения».[62] Таким образом, свободы выбора сферы деятельности приказные люди, в отличие от дворян, не имели. Их запрещали записывать в армию, и не обязывали нести рекрутскую повинность, так как правительство считало их деятельность особым родом государственной службы. Сенатским указом

1768 г. их службу сделали бессрочной, запретив увольнять молодых. Их ряды иногда подвергались пересмотру, так известны смотры 1737, 1744 и 1755гг., причем негодные исключались из, штата.[63] При этом весь порядок чинопроизводства был направлен на то, чтобы затруднить доступ канцеляристам к обер-офицерским чинам и дворянству. Еще в правление Елизаветы Петровны установили для производства в регистраторы восьмилетний срок выслуги в канцелярском чине.[64] По инициативе дворянского Сената, считавшего, что этот указ ущемляет права природных дворян, служащих по гражданскому ведомству, он был отредактирован. В апреле и мае 1762 г. вышли указы, вводившие восьмилетнюю выслугу для производства в обер-офицерские чины и дворянство только для канцеляристов, которые по происхождению своему из приказных людей, и не из дворян.[65]

Правительство стремилось жестко регламентировать и внеслужебную деятельность казенной приказной бюрократии. В 1737 г. Сенат распорядился «в губернии и провинции послать указы, чтобы приказным людям, обретающимся у дел, отнюдь никому ничего на откупы не отдавать, а кто ныне из таковых какие откупы содержит, тех отрешить, а ежели на оных имеется доимка, велеть взыскать немедленно без всякого упущения».[66]

Без разрешения секретаря, как главы канцелярии, им фактически запретили во внеслужебное время заниматься частными делами челобитчиков. Сенатский указ 14 мая 1766 г. давал понять, что нарушение имеет политические последствия, ибо в челобитьях «допускаются противные выражения, могущие произвесть в простом народе, а паче в кругах развратныя толкования, а от того неудобныя следствия».[67]

Еще одной сословной обязанностью приказных являлась обязательное обучение в домах своих детей грамоте, то есть забота о подготовке кадров для государственного аппарата. Казенная помощь при этом не полагалась.

Личный статус приказной бюрократии в XVIII в. был невысок. Генеральный регламент Петра I рассматривал их «как людей низшего порядка».

Так за непочтительные слова в адрес коллегии они «на теле и лишением чести и имением наказаны быть имеют».[68] За служебные проступки они тоже подвергались различным физическим наказаниям. Этим правом обладал секретарь, как глава канцелярии, а также и воевода. Т. П. Калашников, например, писал: «Надобно сказать, что они (секретари - Г.Б.) и тогда много значили; стоило им только сказать, тотчас готовы палки или розги; пришедши поутру, и начнут бывало, над приказными сию процессию, лишь бы только кто хоть мало виноват им показался». Самому Калашникову, тогда девятилетнему копиисту, «неправильно написанная буква «щ» вместо «ш» стоила доброго аксиоса: и после всегда она у меня, лишь только случается писать щ,- на уме! Правда, не больше он (воевода - Г. Б.) со мною сделал, как только пощипал моя волосы». Хотя автор процитированных строк был «и боязлив, и стыдлив», но не избежал и он даже ареста и розг за неосторожно сказанное слово. Причем, чтобы пощадить самолюбие любимца воеводы, 14-летнего подростка, как вспоминает сам пострадавший, «пожуря изряднехонько, но подлинно, что отечески, выслав всех вон и оставшись одни, сам воевода с помощью товарища и прокурора посек меня розгами, приговаривая, что впредь будь поосторожнее».[69] Формулярные списки приказных чинов тоже пестрят записями о публичных в «присутствии на страх другим наказаниях плетьми, палками и батогами за самые различные провинности: «нерачение к делам, ленность, непорядочное содержание в его повытии дел»,… «ошибки в доимочной ведомости, за понаровку, нерадивую отправку почты, за повреждение двух печатей на пакетах, брань и сквернословие, пьянство вканцелярии, посылание за вином в присутственное время» и многое другое. Приказные, правда, имели право взыскивать бесчестье за оскорбление, нанесенном им во время службы, но это право терялось при отставке.

Также как и представителям податных сословий приказным чинам запрещалось покупать земли и владеть людьми. Не свободны были они и от постойной повинности.

Даже потомственная приказная бюрократия, не говоря уже о тех, кто оставался податным, не была однородной. Те «приказные» чины, что находились на казенной службе, получали, кроме периода 1727-1763 гг., жалование. Остальные «определялись», то есть нанимались служить в городовые магистраты, в волостные крестьянские правления (с 80-х гг.), духовные консистории, церковные заказы и до 1764 г. - в монастыри, то есть были заняты в сословных и корпоративных органах самоуправления и содержание получали, а значит материально зависели от тех, кого обслуживали. Правительство в функциональном плане не делало в XVIII в. особого различия между этими двумя (казенным и земским) слоями канцелярских служителей, ибо сословные органы крестьянского и городского самоуправления были, как известно, своеобразной, но все же частью государственного аппарата управления. Тем не менее со второй половины XVIII в., когда более определеннее стало чинопроизводство, и через секретарскую должность появилась реальная возможность получения классного чина, а с ним и прав российского дворянства, земский слой канцелярских служителей, как более приближенный к трудовому населению, все в большей степени стал проигрывать казенному слою не только по официальной значимости своей служебной деятельности и вытекающим из нее выгодам, но и в чинопроизводстве.

Это различие отлично осознавалось современниками. Сама мирская «бюрократия» в целом завидовала более выгодному положению казенных чиновников-администраторов, не знающих и не уважающих местные порядки и традиции. Очень ярко эти настроения проявились у И.Ф. Парфентьева, прослужившего в Красноярске около 50 лет в органах городского самоуправления. Он шёл, о чем прямо писал в своих «Воспоминаниях», по стопам и заветам своего отца, прошедшего путь от копииста Красноярского городового магистрата 80-х гг.XVIII в. до городского судьи [70].

Своеобразным резервом для обоих слоев приказных чинов были заштатные подьячие, или «находящиеся не у дел», то есть не состоящие на казенной или иной службе, а получающие «при городе пропитание от трудов своих» или, иначе говоря, от частной делопроизводственной и юридической практики. В этой категории находились взрослые дети приказных, ожидающие свободной вакансии в канцелярии, «отставные» по возрасту, состоянию здоровья, служебной несостоятельности, неприязни воевод и т. д., а также добровольно оставившие казенную службу. Правительство сохраняло, а не расписывало по податным сословиям эту своеобразную категорию, так как этим облегчалась проблема естественного воспроизводства сословия приказной бюрократии. С другой стороны, даже частная их деятельность по своему характеру была тесно связана с задачами государственного управления, в частности, облегчала внедрение бюрократического делопроизводства на наименее управляемом низовом уровне жизни тогдашнего общества, причем это правительству материально ничего не стоило. Кроме того, эти, числившиеся «сверх штата» и отставные, не были представлены сами себе. Они занимались частной практикой с ведома и согласия воеводских, провинциальных и губернских канцелярий, выполняли эпизодические их поручения. Например, находящийся «сверх штата» в 1772 г. при Якутской воеводской канцелярии подканцелярист Леонтий Сыромолотчиков, родом из казачьих детей, 41 года, после службы казаком и 14-летнего сидения в канцелярии в 1764 г. «за многие пьянства и делам нерачение писан копиистом», затем в пьяном виде «познобил» кисти обеих рук и был по свидетельству лекаря Гофмана отставлен. Кормился же он, как показано в ведомости, «при Якутской воеводской канцелярии у исправления дел». Отставной же якутский подканцелярист Савва Корякин, из «подьячих детей», получал «при городе пропитание от своих трудов», то есть частной практикой среди жителей города.[71] На отставных тоже имелись послужные формуляры. Требуемые в Герольдмейстерскую контору ведомости о состоянии

приказнослужителей по уездам особо показывали «находящихся у дел и не у дел». Их дети, и они сами, могли попадать в штат или переходить в органы самоуправления. То есть, все эти три слоя считались в широком смысле слова на государственной службе, только ее подразделения были разные. Назовем их казенное, земское и условно-казенное, ибо частнопрактикующие приказные рассматривались как внештатное подразделение при казенных учреждениях. Вместе с тем право в принципе свободного перехода их из одного слоя в другой являлось особой специфической сословной и в тогдашней России уникальной привилегией приказного слоя. При этом правом ухода вообще из данного учреждения или перехода в другое ведомство, естественно, использовалось ими для защиты своих интересов. Так селенгинский воевода Дьяконов, (по сути дела подьячий с приписью местной воеводской канцелярии Степан Леонтьевич Смирнов), в ведомости для Сената обосновал необходимость пожалования последнего в новый ранг не только тем, что он «по трудолюбию в делах достоин быть секретарем», но и тем, что его третий год подряд в 1752-1754 гг. просит перейти на службу Иркутский провинциальный магистрат.

Имущественное положение восточносибирской приказной бюрократии ХУШ - начала XIX в. не поддается однозначному определению. Положенное им при Петре I жалование не обеспечивало прожиточный минимум и было неодинаковым в разных губерниях и учреждениях. По Сенатскому штату от 21 апрели 1726 г. приказным в нововведенных «у подушного сбора конторах» деньги на жалование велено брать из собираемых сумм от выдачи покормежных паспортов в размерах, определенных тем же плакатом: канцеляристу от 35 до 45 руб. 50 коп.; подканцеляристу - 30 руб.; копиистам - 18 руб. 72 3/4 коп. в год.[72] Размеры ставок давались в зависимости от ранга города, а значит сложности и состава дел. Но это казенное содержание было отнято в 1727 г. по предложению всесильного тогда А. Д. Меньшикова. Было решено вернуться к практике кормлений XVII в., когда приказные жили за счет взяток или «акциденций» с челобитных и истцов. При этом еще была выражена

надежда, что дела от этого пойдут даже лучше, ибо чиновник будет стараться, чтобы получить вознаграждение: «А в городах канцелярским служителям... жалованья давать не надлежит, а позволять брать акциденции от дел против прежнего, чем без нужды довольствоваться не могут, а дела могут справнее и бес продолжения решиться, понеже всякой за акциденцию будет неленностно трудиться»[73]. Такой подход к решению финансовых затруднений, как обоснованно считает С. М. Троицкий, носил узкоклассовый характер, ибо правительство отлично себе представляло, что приказные, состоящие преимущественно из разночинцев, не имели вотчин.[74] Трудно сказать, какой годовой доход давали приказным взятки, но ясно одно, что их размеры в различных уездах и канцеляриях сильно колебались. Например, Г.Г. Скорняков-Писарев, находясь в якутской ссылке, в 1727-1736 гг. сообщал в своей «Записке», что жиганский комиссар Иван Шимаев вместе с канцеляристом с 12 человек взял «беляху (подарков - Г. Б.) деньгами, соболями, лисицами, лошадью и скотиною по цене на 409 руб. 50 коп., а ясашных людей будет с 3000 чел., и со всех он брал белях». [75]

Вместе с тем акциденции удавалось заработать не всегда, не от всех дел и не от всяких челобитчиков. Селенгинская воеводская канцелярия при ведомости о местных приказно-служителях от 30 мая 1755 г. очень красочно и со знанием дела описала такое положение приказных и те неудобства, что проистекают из-за отсутствия жалования. В частности отмечалось, что они приходят в настоящее убожество, ибо «не только деревень и людей, и других заводов, также пахот и других угодий, но некоторые и своих домишков не имеют, есть им не только разорение, но доходят уже почти до самой нищеты, ибо хотя оные акциденцию от челобитчиковых дел и получают, но те челобитчиковы дела не всегда, или же всплошь государственные, от которых никакой акциденции и питания нет. Бывают временные, и из некоторых за скудностью их получить нечего. Да с этих приношений по местной дороговизне не прожить, иные оставшиеся от родителей имущество и дома проживают». [76]

Лишь в исключительных случаях со второй четверти XVIII в. приказные чиновники отдельных учреждений получали жалование. Так правительство Анны Иоанновны, крайне обеспокоенное растущими недоимками, указом от 28 декабря 1739 г. утверждает «по пропорции числа жителей» новый штат контор подушного сбора по всем трем сибирским провинциям и устанавливает им твердое жалование. В каждом из восьми уездов Восточной Сибири комиссар при подушном сборе, назначавшийся из обер-офицеров Военной коллегии, получал в свое распоряжение одного подканцеляриста с жалованьем в 30 руб., и двух копиистов, получавшим по 18 руб. 72 3/4 коп.[77] Таким образом из местных учреждений Сибири самыми важными для верховной власти оказались низовые фискальные органы центрального военного ведомства, занятые выбиванием подушных денег с населения на содержание регулярной армии.

Вновь введенное с 1764 г. жалование было небольшим. Если секретарь канцелярии, чья должность была классной, получал от 300 руб.в губернской до 200 руб. в уездной канцелярии, то копиисты соответственно - по 60 и 30 руб., или более чем в три и даже шесть раз ниже. Уместно напомнить, что годовое содержание каторжного казне обходилось в те годы в 18 руб. По штатам 1775 г., введенным в связи с губернской реформой, за основу были взяты прежние оклады, но с тенденцией несколько уменьшить разрыв в ставках между канцелярскими чинами. Канцеляристы стали получать по 150 руб., подканцеляристы - 100 руб. и копиисты - 40 руб. [78]

Приказная бюрократия местных подразделений таких доходных отраслевых центральных ведомств, как Берг и Коммерц-коллегии, а также Соляная контора, обычно получала, более высокое жалование, чем их собратья по перу в общегражданском ведомстве, но иногда было и наоборот. Так, в Нерчинском горном начальстве в 1784 г. два секретаря на классной должности получали по 360 руб., 15 регистраторов - по 192 руб., 17 канцеляристов – по 96 руб., 22 подканцеляриста - по 66 руб. и 36 копиистов - по 40 руб.[79] По «Штату соляных контор и прочих управлений», утвержденному Екатериной II 20 октября 1772 г.

в Сибирской конторе и Иркутском соляном комиссарстве регистратору назначили оклад в 150 руб., канцеляристу - 130, копиисту - 60 руб.[80] 18 марта 1775 г. по штату Троицкой коммерческой экспедиции, находящейся в Кяхте для сбора таможенных пошлин и продажи казенных товаров и закупке на «китайском торге» ревеня, приказным чинам были положены общие, установленные в 1775 г.оклады: регистратору 250 руб. трем канцеляристам - по 150, подканцеляристу -100 и копиисту - 60 руб. Такого же размера жалование получили канцелярские служители Иркутского коммерческого комиссарства, где канцелярию возглавлял не регистратор, а бухгалтер с окладом 100 руб.[81]

По сибирскому штату 1783 г. Кяхтинской таможни регистратор на должности XIV класса получал 225 руб. в год, четыре канцеляриста - по 200 руб. четыре подканцеляриста - по 150, восемь копиистов - по 120 руб. и переплетчик - 48 руб.[82] Новый штат Кяхтинской таможни с Цурухтайтской таможенной заставой, принятый при Павле 17 октября 1799 г., почти не изменил оклады приказной бюрократии. Правда, в связи с появлением регистратора с жалованьем в 200 руб., канцеляристу срезали 25 руб., но оклады подканцеляристов и копиистов остались прежними.[83]

Со времени проведения в Сибири в 1782-1783 гг. губернской реформы штаты «канцелярских чинов и служителей» стало определять само губернское правление и соответственно устанавливать им жалование в рамках сумм, отпускаемых на них и «делопроизводственные нужды». Губернаторы таким образом получили возможность стимулировать служебное рвение приказной бюрократии не только чинопроизводством, но и размерами жалования без повышения в ранге. В целом жалование и, конечно, неизбежные взятки, которые правительство сначала узаконило, а затем безуспешно пыталось искоренить, давали приказной бюрократии более высокий прожиточный уровень, чем имели тяглые сословия. Вместе с тем он в целом явно не дотягивал до уровня служащего беспоместного дворянства ни по размерам жалования, ни по возможности лихоимствовать. Тем не менее определенная

часть «канцелярских чинов» владели значительными по размерам земельными угодьями и вели на них хозяйство с применением наемного труда, занимались торговлей, участвовали в промысловом предпринимательстве. Систематических данных о роли приказной бюрократии в хозяйственной жизни Восточной Сибири XVIII -начале XIX в. в источниках пока не обнаружено, но отрывочных сведений все же достаточно, чтобы не усомниться в вышесказанном. Так, за подканцеляристом Илимской воеводской канцелярии Василием Михайловичем Анциферовым в 1755 г. числился «дворовый крепостной человек», купленный еще его отцом-казаком, за которого он платил подушные и оброчные деньги как за разночинца.[84] Якутский канцелярист П.Дохтуров, 44 лет из подьяческих детей, в 1772 г. тоже владел дворовым[85]. Уже упоминавшийся выше ачинский подканцелярист Дмитрий Алексеевич Попов, потомок енисейских секретарей, был владельцем 21 рев. душ дворовых людей, которых он получил «от покойной матери».[86] Ясно, что такое количество рабочих рук не было занято только в домашних работах. Известно, что отец Дмитрия, еще будучи провинциальным секретарем, около города имел заимку, а его братья тоже владели заимками с прилежащими значительными земельными угодьями. Урочище, где размещались эти заимки, енисейские жители еще в XIX в. называли «Секретарское».[87]

Встречались холоповладельцы и в Иркутске. Например, незадолго до третьей ревизии в «секретарской должности регистратор» Юрлов сдал в рекруты своего «крепостного» человека за сына купца, то есть фактически продал его.[88]

Участвовала приказная бюрократия в промысловом предпринимательстве и других сферах неземледельческого производства. Так, в 50-х гг. иркутский подьячий Никита Котовщиков имел торговую баню на рублевом оброке. К 1776 г. незадачливый подьячий разорился, дом за долги взяли в казну, а остальное имущество осталось выморочным. В том же 1766 г. якутский канцелярист Данилов, поставлявший сальные свечи в свою канцелярию, не выполнил своих

обязательств и должен был вернуть взятую вперед часть договорной суммы, всего 10 руб. 67 1/2 коп.[89] Канцелярист Ирбинского железоделательного завода в 1768 г. имел с тестем из посадских крупную кожевню, в которой в год перерабатывалось до 600 и более кож.[90]

Знаменитый своими «Воспоминаниями» Тимофей Петрович Калашников, который за 50лет службы достиг до чина, давшего ему права потомственного дворянина, еще будучи скромным копиистом и получая 9 руб. 30 коп. за треть года, смог через два года купить лучший дом в Нерчинске, хотя отец его, служивший приказным в Иркутске, по признанию автора, «тогда как я рожден, уже мало пекся о доме и о нас... и по несчастию подвержен был страсти упиватися (как утаишь то, что всем известно?)». Через два года после получения классного чина в 1796 г. он купил «дворового» Федьку, которого через шесть лет женил.[91]

Как и другие категории сибирского населения, приказные чины значительно расширяли свой поземельный статус – покупали и продавали пахотные земли и сенокосные угодья, потомственно владели росчистями.[92]

Приведенные примеры свидетельствуют, что восточносибирская приказная бюрократия не соблюдала введенные центральной властью ограничения для их сословия, значительно расширяя тем самым свой сословный статус как в имущественно-правовой, так и лично-гражданской сферах. Это облегчало переход небольшой части из них в дворянское сословие, не только в формально-юридическом, но и социально-экономическом смысле. В последнем случае они, как и имущая верхушка других полупривилегированных и тяглых сословий, являлись, по моему мнению черными, феодалами, или по словам К. Маркса «чумазыми лендлордами».[93]

Подавляющее же большинство приказных чинов жило от службы и в той или иной степени устроенным личным хозяйством крестьянского типа. В этом плане показателен рассказ Т. П. Калашникова о жизни их семьи до своего поступления копиистом в Нерчинскую воеводскую канцелярию (см.

Приложение II. Калашников). Его отец был из казачьих детей определен в копиисты Нерчинской воеводской канцелярии и на основании указа от 14 октября 1755 г., оказался в штате. Отправленный вскоре после рождения в 1762 г. четвертого ребенка, будущего автора записок, «с книгами и счетами за многие годы для очистки» в Иркутск, он там в 1768 г. и умер, не успев за шесть лет полностью выполнить служебное поручение. Семья, где было четверо детей, причем двое малолетних, после отъезда кормильца оказалась в тяжелом положении. Однако жена его, дочь местного казака, не гнушаясь никакой черной крестьянской работой, с помощью родственников, среди которых были и казаки, и мещане, и священники, и вдова прапорщика, смогла вырастить и определить к делу детей. Т. П. Калашников писал: «Мать с тех почти пор, как он выехал в Иркутск, вдовствовала или сиротала, ибо от него на содержание и наше воспитание ничего не получала, окромя небольших, в холсте и мыле, редко присылаемых гостинцев.. Мать мою с нами весьма бы должно считать стесненной в нуждах, если б она была менее трудолюбива и попечительна»: умела она дом свой весть и нас воспитывать безбедно и при том честным трудолюбием. Имела довольно пространный огород, который весь усаживан был овощами: лук, хмель, огурцы приносили воздаяние за труды, не говоря о прочих, коими мы сами питались, а остатки - продавали. Печение хлебов и пирогов на продажу не было ею забыто: натурально, что избытками и мы содержались. Не имела она при доме лошадей, но в дровах, кои не так далеки, и кои добрые родственники не забывали иногда привозить, нужды ей не было. Но вместо того имела всегда коров, следовательно ни в молоке, ни в масле нужды не имела. Сено, признаться, стоило ей трудов: много она истощала сил на носку его (когда скосится наемщиком, однако ж самою гребется) на плечах своих в город; не упустила и того, чтоб иметь свой участок покоса. Всякое при том лето (год - Г.Б.) жатвенное время не пропускала, чтобы сжать не одну, но несколько десятин хлеба, хотя то и самую малую цену (тогда за сжатые десятины брали и давали не больше 1 руб. 80 коп.), лишь бы только

не быть праздной и нас воспитать.

Покамест большая сестра Авдотья не выдана была замуж, она то собиранием летом ягод, то жатвою хлеба весьма ей способствовала, а особливо в трудах огородных, между тем, как брат мой употреблялся разнощиком овощей и хлебов, а иногда и я».[94]

Мать, несмотря на заботы о хлебе насущном, постаралась выполнить основную повинность - обучить мальчиков грамоте. Старик Почекунин за 50 коп. в течение недели познакомил прилежного и памятливого отрока Тимофея с азбукой, а затем не без помощи дважды примененных розг научил по часослову «читать все буквы и склады-вать их в слова». В 1772 г. 10-летним Калашников, по его словам, «употреблен был к иссушающей соки пером работе», поступив на одну «копийскую вакансию» умершего чиновника в Нерчинской воеводской канцелярии. Старший же на четыре года Тимофея брат Григорий «избаловался», с трудом одолел грамоту к 17 годам и, послужив некоторое время копиистом в Удинской провинциальной канцелярии, бросил службу, записавшись в мещане[95].

Итак, приказная внеклассная бюрократия по месту службы и источникам материального обеспечения состояла из штатного (казенного), резервного (отставного) и общественного (земского) разрядов. Эта самая многочисленная часть общегражданской бюрократии страны окончательно сложилась в XVIII в. как полупривилегированный, сословно-профессиональный слой служебного населения. Принадлежность к нему носила условно-потомственный, а фактически личный характер, ибо потенциальное по праву рождения членство в этом сословии реализовывалось только при обладании определенными профессиональными навыками, в первую очередь, редким для того общества умением читать и писать. Это служебное сословие, начиная со второй половины XVIII в., было снаружи открытым для представителей близких по статусу сословных категорий, и формально закрытым для податного трудового населения. Изнутри же оно было открытым и вверх и вниз, ибо допускались

как выслуга в чины, дающие дворянство, так и уход, через отказ от сословного рода деятельности, в тяглые сословия.

По сословному статусу и социальному положению между другими группами населения России XVIII в. приказные чины занимали промежуточное положение: «от своих отстали, к чужим не пристали» - по образному выражению академика Ю. В. Готье, крупнейшего в историографии специалиста по истории местного управления XVIII в.[96] Этот промежуточный служебный разряд российского позднефеодального общества по своей ценностной классовой ориентации, как показали их наказы в Уложенную комиссию 1767 г.,[97] весь целиком и полностью был устремлен к недостижимому идеалу - слиянию в правах с господствующим классом дворян-помещиков. В этом проявилась их типично феодальная и уже архаичная сущность, так как в стране шло разложение феодально-крепостнического строя и вызревание капиталистических отношений.

Восточносибирский отряд российской приказной бюрократии в специфических демографо-колонизационных и прочих местных условиях оформился позднее, и длительное время существовал преимущественно не сословно, а функционально, так как сословная принадлежность сидевших в сибирских канцеляриях людей была различной и обычно незаконной с узкосословной точки зрения верховной власти. Сословные рамки сибирской низовой бюрократии были менее определенными, повышенным был в ее составе удельный вес лиц податного состояния, особенно в мирском (земском) слое приказных чинов, увеличившихся с конца XVIII в. в составе органов сословного самоуправления города и деревни. Местной юридической нормой стал их расширенный сословный статус в служебно-должностной, имущественной и публично-гражданской сферах. Это определило в целом более заметную, чем в центре, роль верхушки приказной бюрократии в складывании местного сибирского отряда российского дворянства бюрократического происхождения. Рядовая же масса сибирских приказных

чинов, особенно ее резервный и мирской слои, по классовой своей сущности и хозяйственно-культурному типу тесно примыкали к трудовым тяглым слоям города и деревни восточно-сибирской окраины страны.

П р и м е ч а н и я:

1. Готье Ю.В. История областного управления в России от ПетраI до Екатерины II, Т.I.-М.,1913.С.259-315; Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII-XVIII вв.// Абсолютизм в России (XVII-XVIIIвв.).-М.,1964. С.206-242; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIIIв./ Формирование бюрократии.-М.: Наука,1974.С.140-145, 180-253.

2. Рафиенко Л.С. Управление Сибирью в XVIIIв./Канд. дисс. Новосибирск, 1965; Троцкий С.М. Сибирская администация в середине XVIIIв.// Вопросы истории Сибири досоветского периода. –Новосибирск: Наука СО, 1966. С.304-305; Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. -Иркутск, 1956.Т.2.

3. Ржевский В. К. Взгляд на теорию бюрократической администрации // Русский вестник, 1860. Октябрь. Кн.2. С.776; Троицкий С. М. Русский абсолютизм... С. 176.

4. РГАДА. Ф.286. Оп. 1. Д.446. Л.629об.; Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства.-М,1977. С.276-293.

5. РГАДА. Ф.286. Оп.1. Д.446. Л.238об.-239; Готье Ю. История областного управлении...Т.1. С.277.

6. ПСЗ. Т.XLIV. Ч.2. №11911. Табл. VI -УШ. С.68-69.

7. Там же. №11911,17494, 18556, 20784, табл. 1-УШ. С.68-69, 253-268, 260-264,402-408; РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.6500. Ч.Ш. Л. 16-19.

8. ТФ ГАТО. Ф.341. Оп. 1. Д.459. Л.20об.-22,164-172,174-175,182-330.

9. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Синода. Т.XX (1740 г.). -СПб., 1908. С.895-898; РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.1651. Л.610об.-611;ЛОИИ РО

Ф.115. Д.367. Л.61об.; Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири.- СПб.,1854. Т.II. (Приложение.Табл. 1).

10. РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.1651. Л.610об.-611.

11. ПСЗ. Т.VIII. №5399.

12. РГАДА. Ф.286. Оп.1. Д.446. Л.239; Д.424. Л.892-893.

13. Там же. Ф.248. Оп.113. Д.3630. Л.673об.

14. Там же. Ф.286.Оп.1.Д.446.Л.238об.-239. Ю.В.Готье не заметил этого временного отступления от узкосословного принципа комплектования низовой бюрократии.-См.ГотьеЮ.В.История областного управления…Т.1.С.261.

15.ПСЗ. ТXVII .№12723; Готье Ю. В. Истории областного управления... Т.1.С.282.

16. ПСЗ. Т.XIV.№10473.

17. ГПБ РО. Ф. 178. №1502. Л 32.

18. Штат Иркутской губернии. на 1783 г.- СПб., 1783.
С. 19.

19. РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.4342. Л.424, 431, 532-534; Кабузан В. М. Народонаселение России в ХУШ-первой пол. XIX в.- М., 1963. С.290-305.

20. Готье Ю. В. История областного управления... Т.1. С.290-292.

21. РГАДА. Ф.607. Оп.2. Д.59. Л.60об.-61.

22. Там же. Ф.248.Оп.4.Д.183.Л.943-953, 982-983.

23. Там же. Л.982-983.

24. Цитируется по работе: Готье Ю. В. История областного управления... Т.1. С.278.

25. Данные о сословной принадлежности приказных людей Западной Сибири, в том числе по Енисейскому уезду- см.: Троицкий С. М. Сибирская администрация... С.308.

26. РГАДА. Ф.286.Оп.1. Д.424. Ч.2. Л.797.

27. Там же. Л.895.

28. Там же. Л.796об.

29. Там же. Л.877-878.

30.Там же. Л.868-871.

31. Там же. Л.892-893.

32. Там же. Д. 236. Л.517об.-530.

33. Там же. Ф.350. Оп.2. Д. 1059. Ч.2. Д.968. Ревизские сказки населения Илимского уезда.

34. Там же. Ф.286.Оп.1.Д.424. Ч.2. Л.689.

35. Там же. Ф.248. Оп.4. Д. 183. Л.513об.

36. Там же. Оп.113. Д.3630. Л.676-672об.

37. Там же. Ф.286. Оп.1. Д.424. Ч.2. Л.877. Факты поступления части сибирских и поморских посадских с паспортами на государственную службу в середине XVIII в. отмечен в содержательной работе С. М. Троицкого. Однако он склонен объяснять его самовольной давней миграцией этих лиц, не учитывая того, что право вносить подати пересылкой облегчало покормежникам получение паспорта и поступление на службу. - См.:Троицкий С. М. Русский абсолютизм... С.249.

38. РГАДА. Ф.286. Оп. 1 Кн.424. Ч.2. Л.876.

39. Там же. Ф.350. Оп.2. Д. 1068. Л.682-683об.

40. ГПБ РО. Ф.178. №1502. Л.32.

41. ГАТО ТФ. Ф.341. Оп.1. Д.159. Л..20об.

42. Там же. Л.325об.-326.

43. Там же. Л. 168; РГАДА. Ф.286. Оп 1. Д.424.Ч.2. Л.868об.; Быконя Г. Ф. Поземельные отношения русского населения Восточной Снбири вХУП-ХУШв. /Материалы к спецкурсу и спецсеминару.- Красноярск,1979. С.96.

44. Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири./Формирование военно-бюрократического дворянства.- Красноярск: Изд-во Красн. гос. ун-та, 1985. Гл.2.

45. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII– начала XIX в.- Новосибирск: Наука СО, 1874. С.80-89.

46. РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.35. Л.98об.-99.

47. ГАТО ТФ. Ф.341. Оп1. Д.159. Л.20об.,184.

48. РГАДА. Ф.286. Оп. 1. Д.424.Ч.2. Л.895.

49. Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова простым слогом описанная с 1762 по 1794 год.//Русский архив, 1904.Кн.3.№10.С.180-182.Об убыстренном прохождении канцелярских чинов детьми чиновниковПриенисейского края в 90-х гг. ХУШ - первом десятилетии XIX в. см.Быконя Г.Ф. Русское неподатное население…С.152-156, 160, 166-167.

50. ГАТО ТФ. Ф.341. Оп.1. Д 159. Л.167, 182, 323об.

51. Там же. Л.328об.--330.

52. ПСЗ.Т.VII.№4449.

53. Там же. Т.Х. №7410; Готье Ю. В. История областного управления…Т.1. С.266-267.

54. Там же. № 12815; Готье Ю. В. История областного управления... Т.1. С.270.

55. ГАРС. Ф.1. Оп.1. Д.83. Л.389.

56. Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого./ Провинция 1719-1727.- М., 1902. С.272; Готье Ю. В. История областного управления... Т.1. Гл.VII

57. Быконя Г.Ф. Русское неподатное население…С.77-78.

58. ДРВ. Ч. XVIII .С.68,71; НЕС.- СПб., 1788. Т.28. С.80-82; Москвин И. С. Воеводы и начальники Якутской области и их действия, //Памятная книжка Якутской области за 1863 г.- СПб., 1864. С. 178-196; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири.-СПб., 1886. Кн.1 С.301, 329,401; Стрелов Е.Д. Акты архивов Якутской области (с 1650 до 1800 г.) Т.1.-Якутск,1916; Приклонский В.Л. Летопись Якутского края.- Красноярск, 1896. С.205; Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края. 1504-1893гг.- ККМ. О/ф. №356. Л.38,94,106,108.

59. Летопись губернского города //Первое столетие Иркутска.- СПб., 1902. С.147; Щукнн Н. С. Сибирские воеводы.// Дело.- СПб., 1866. №1. С. 15-16.

60. РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.35. Л.143сб.-144,149об.-150.

61. ПСЗ. Т.VII. №4449.

62. Там же. Т.XIV. №10473.

63. Там же. Т.XVIII. №13129; Готье Ю.В. История областного управления... Т.1. С.266,272.

64. ПСЗ. Т.XV. №11060; Троицкий С.М. Русский абсолютизм... С. 137.

65. Там же. №11510, 11540; Троицкий С. М. Русский абсолютизм... С. 139.

66. Цитируется по кн.: Готье Ю.В. Истории областного управления... Т. 1. С.309.

67. ПСЗ. Т. XVII. №12730.

68. Там же. Т.VI..№3554; Готье Ю.В. История областного управления... Т. 1. С.312.

69. Жизнь незнаменитого Т. П. Калашникова... С. 154,170,172.

70. ККМ, о/ф. №7886 / 231. Л.216.,736; Город у Красного Яра. /Докуенты и материалы по истории Красноярска. Первая половина XIX в. – Красноярск, 1986. С. 130- 132.

71. РГАДА. Ф. 607. Оп.. 2. Д. 60. Л..25об-26.

72. Там же. Ф.286. Оп.1. Д.424. Ч.2. Л.873.

73. Там же. Д.446. Л.133; РИО. Т.55. -СПб.,1886.С.190

74. Троицкий С. М. Русский абсолютизм... С.256.

75. РИО. Т.106.- Юрьев, 1899. С.209; Иванов В. Ф. Историко-демографическое изучение Якутии XVII – XУIII вв. - М.: Наука, 1974. С.208.

76. РГАДА Ф.286. Оп.1. Д.424. Ч.2. Л.892-893.

77. Там же. Д.446. Л.133об.-134.

78. ПСЗ. Т.XXII. №16528. С.834-835.

79. РГБ РО. Ф.178. №6049. Л.372.

80. ПСЗ. Т.XLIV.Ч.2. №13887. С.28-30.

81. Там же. Т.V.№ 14279. С.15-157.

82. РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.6500. Ч.III. Л. 265-266 об.

83. ПСЗ. Т.XLIV. Ч.2. №19141. С.373-375.

84. РГАДА. Ф.286. Оп.1. Д.424. Ч.2. Л.876.

85. Там же. Ф.607. Оп.2. Д.60. Л.21об.

86. ГАТО ТФ. Ф.341. Оп.1. Д159. Л.168.

87. Кытманов А. И. Краткий очерк... С.116.

88. РГ АДА. Ф.350. Оп.2. Д.1058. Л.194об.

89. Там же. Ф.273. Оп.1. Ч.2. Д.9245. Л.11об.-12, 26об.

90. ГААК. Ф.1. Оп. 1. Д.560. Л.95об.

91. Жизнь незнаменитого Т.П. Калашникова... С. 148-149,180-181

92. Подробнее см.: Быконя Г.Ф. Поземельные отношения … С.9-15.

93. Там же. Гл.1У.

94. Жизнь незнаменитого Т. П. Калашникова... С. 149-151.

95. Там же. С. 172,179.

96. Готье Ю.В. История областного управления... Т.1. С.305.

97. Там же . С.263-265, 280, 304.

Глава 3. СКЛАДЫВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧАСТЕЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XVIII- НАЧАЛЕ XIX В.

Сухопутные вооруженные силы России XVIII столетия состояли из полевых и гарнизонных полков, а также иррегулярного казачьего войска. В Сибири XVII- начала XVIII вв. все задачи, присущие вооруженным силам, выполняло казачество, которое в Заенисейской Сибири к первой переписи составляло, более трети всего русского населе-ния[1]. В течение XVIII столетия функции казаков во многом перешли регулярным частям. Состав, соотношение, размещение и действия родов войск и частей регулярной армий в Восточной Сибири XVШ - нач.XIX вв. зависели от следующих возлагаемых на них задач. Во-первых, процесс огосударствления Сибири в XVШ в не закончился. Он охватил более полно северо-восток Азии, Камчатку и перешел в Северную Америку. В этом процессе, который определялся вольной промысловой колонизацией, давшей Русскую Америку, участвовали и вооруженные силы, в первую очередь, молодой российский Тихоокеанский флот с опорной базой в Охотске[2]. Во-вторых, регулярные части за Енисеем нужны были России, чтобы обеспечить как общегосударственные, так и классовые интересы на неспокойных в XVIII столетии южно-сибирских рубежах. Наконец, сам тип окончательно созданной при Петре I национальной регулярной армии с рекрутской системой комплектования предполагал наличие по всей стране территориальных воинских формирований регулярного типа. Нужны они были и в фискально-полицейско-карательных целях, ибо усиливался крепостнический режим, вызвавший, в частности, массовое бегство на окраины.

В разные десятилетия изучаемого периода важность и первоочередность этих задач для вооруженных сил Восточной Сибири, естественно, менялись, но определяющей по своим последствиям и размаху выступала вторая, то есть внешнеполитическая задача.

3.1. ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИИ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ.

Первые регулярные гарнизонного типа полки на территории Восточной Сибири появились в ХУШ в. в связи с внедрением рекрутской системы. Сибирская губерния представляла собой один территориальный округ, в котором с 1711г. часть собранных рекрутов обучали в двух развернутых гарнизонных полках, а затем направляли в полевые части. С 1719г. по петровскому указу предписывалось в гарнизонные полки направлять ежегодно 1/3 -1/4 рекрутов. Такое же число гарнизонных солдат передавали в полевые полки, причем под жестоким штрафом запрещалось отдавать одних «худых», а следовало разделить солдат на три части (лучших, средних и «худых») и «со всякой части в каждый полк по пропорции давать». Таким образом, гарнизонные полки являлись учебными, в нужное время выступая резервом пополнения полевых полков, а также запасными частями [3]. С введением в 1719-1722 гг. подушной подати на содержание регулярной армии (по 74, с 1725г.- по 70 коп. с каждой души муж. Пола) все полки были распределены по губерниям страны (см. Прил.I, табл.13). По расписанию Петра I в 1720 г. на Сибирскую губернию пришлось три гарнизонных пехотных полка (Санкт-Петербургский, Московский и Тобольский) и один драгунский. Каждый пехотный полк тогда имел 1337 чел. личного состава, в том числе 32 офицера, а драгунский - 1126 чел, из них 39 офицеров. По штатному расписанию в них всего состояло 135 офицеров, 5053 солдат и 1043 лошади. С 1724г. им велено отбыть в Сибирь на постоянные квартиры, причем один из них, Тобольский, через год получил приказ развернуться в Забайкалье [4]. Переименованный в 1727 г. в Якутский, этот пехотный полк вместе с драгунской ротой и двумястами солдат охранной Екатеринбургской команды, всего 2 тыс. чел., в том числе 42 офицера, во главе с

полковником И. Д. Бухолцем, был придан посланному для пограничных переговоров с Китаем русскому послу графу Савве Владиславовичу Рагузинскому. Пограничная обстановка в то время была такой тревожной, что 15 сентября 1726г. правительство Екатерины I распорядилось все сибирские города укрепить палисадами и окопать рвами. По Буринскому тракту от 20 августа 1727г. государственная граница была определена только в западном направлении, от Кяхты до перевала Шабин-Добага. Она прошла до линии фактически уже существовавших русских и монгольских караулов, а где их не было - по сопкам, хребтам и рекам. 21 октября 1728г. в Кяхте был подписан договор, который подвел итоги переговорам о границах, торговле и дипломатических отношениях. Земли к югу от р. Уды и низовья Амура остались по-прежнему неразграниченными с таким условием, что ни одна сторона не будет заселять и завладевать ими [5]. Для реализации принятых Кяхтинским договором решений Якутский полк был оставлен в Забайкалье. Его солдат вместе с казаками использовали для строительства торговой Кяхтинской слободы (350 чел. во главе с капитаном Княгинкиным) и Селенгинской крепости как опорного пункта по урегулированию пограничных вопросов (в 1728г. этим, в частности, занимался поручик Абрам Петров Ганнибал, прадед со стороны матери гениального русского поэта А. С. Пушкина) [6].

В те же годы в связи с волнениями ясачных камчадалов и чукчей на северо-восток Азии был отправлен по указу 23 марта 1727 г., сформированный главным образом из казаков, отряд из 1500 чел. во главе с капитаном Якутского полка И.Скорняковым [7]. Созданная в 1730г. Военная комиссия для решения вопросов численного состава армии, штатов полка, вещевого довольствия, продовольственного снабжения, всего того, чтобы «содержать армию в постоянном и порядочном состоянии», положила Якутскому полку трехбатальонный состав (кроме него, такой состав из 49 гарнизонных полков страны получил только Московский), а также «армейское» жалование, то есть жалование по нормам полевых частей [8].(см. Прил.I, табл.14).

При территориальном размещении подразделений Якутского и других полков Сибири учитывался самим же Петром I измененный в 1724г. новый порядок расквартирования, отменивший размещение солдат по крестьянским дворам, но с поправкой на сделанное правительством Екатерины I перемещение полков в города, преимущественно пограничные и те, где дешев хлеб и много леса. Считалось, что от этого выиграют и крестьяне, и горожане, и казна, ибо будет «в таможенных и кабацких доходах пополнение». Силами солдат, а где их еще не было - силами крестьян, посадских и разночинцев велено возвести особые солдатские слободы, в которых сержантам отводили по избе, прочим унтер-офицерам - на двоих одну, солдатам - на трех одну. Размещали в таких слободах не меньше капральства и не больше роты. В каждой роте следовало иметь для обер-офицеров по двору, состоящую из двух изб (для офицеров - с сенями, для их людей - обычную). В слободе, где размещался штаб полка, в центре застройки ставили особый двор из восьми изб и госпиталь [9]. Расписание 1731г., по которому полки вновь выводились на «вечные квартиры» в селения, почти не затронуло Восточную Сибирь. Якутский полк был расквартирован следующим образом: в пограничном Селенгинске остался батальон из четырех рот с полковой канцелярией, Иркутске и Нерчинске разместили по роте с капитанами [10]. Из-за недостатка в Якутской провинции продовольствия, остальные роты вывели в Кузнецкий и Томский уезды Тобольской провинции. В Енисейске был размещен Московский гарнизонный полк, переименованный указом Петра II в 1727г. по месту расквартирования в Енисейский. Тобольский (бывший до 1727 г. Санкт-Петербургский) пехотный, драгунский Сибирский полки и отдельный драгунский эскадрон из 499 чел. оставались в Западной Сибири [11]. Кроме того, по ведомости Адмиралтейской коллегии в «Сибирской экспедиции», то есть первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга, было показано находящихся в Якутске и Охотске «морских корабельных служителей: капитан - 1, лейтенант - 2, лекарь - 1, штурманов - 2, гардемарин -1, квартирмейстер -1, писарь - 1, матросов - 13, конопатчиков - 2, парусных учеников - 2, итого 26 чел., да 9 чел. от Адмиралтейства (ученик ботовой и

шлюпочный, один же мачтовый ученик, 4 плотника, кузнец и 2 конопатчика)»[12]. Гарнизонный же пехотный полк по штатам 1731 на мирное время состоял из 1272 чел., в том числе 27 офицеров[13]. Всего в Восточной Сибири к этому времени находилось около 50 офицеров на 2000 чинов регулярной армии, или до 40% личного состава всех размещенных за Уралом регулярных подразделений.

В 30-40-х гг. численность регулярных войск увеличилась главным образом в Западной Сибири в связи с обострением отношений с Джунгарией, правители которой организовали набеги на русскую территорию. Для прикрытия южносибирских рубежей правительство Анны Иоанновны пошло по традиционнному, проверенному еще в XYII столетии в Закамье, но, как считает Л. Г. Бескровный, бесполезному в военном отношении для Сибири пути. Небезызвестный Миних провел в Военной коллегии решение о создании в южной Сибири нескольких укрепленных линий (Тобольско-Ишимской, Колывано-Воскресенской и Иркутской), которые представляли бы собой ряд опорных пунктов - крепостей и форпостов. Они отстояли друг от друга нередко на сотни верст и требовали по отдаленному своему местоположению огромных затрат [14]. Как бы там ни было, сооружение укрепленных военных линий, в первую очередь на юге Тобольской губернии, началось. Соответственно потребовалось увеличить контингент регулярных войск. Рядом указов в 1736-1737 гг. были сформированы еще один Тобольский драгунский полк и Тобольский пехотный батальон, всего 1866 чел. Офицеров, унтер-офицеров с «унтер-штапа чинами», всего, соответственно, 52 и 105 чел., Военная коллегия назначила из полевых полков [15].

В 1745г. в Сибирь под командованием генерал-майора Х.Х. Киндермана вступили для «охранения границ» полевые 2 пехотных и 3 конных полка. Ширванский и Петербургский пехотные полки разместились в Тобольске и Тобольском дистрикте, а драгунские Луцкий, Олонецкий и Вологодский - на создаваемой Колывано-Воскресенской военной линии [16]. В них по штатам должно насчитываться 268 офицеров, а всего 8349 чел. (см. Прил. I, та6л.13)

После первой Камчатской экспедиции и экспедиции А.Ф. Шестакова правительство приложило немалые усилия по развертыванию Охотского порта, строительству кораблей, организации грандиозной Второй Камчатской экспедиции 1733-1743 гг. Усиление колониального могущества иностранных государств, особенно Англии, обязывало Россию закрепиться в своих дальневосточных владениях. Вторая Камчатская экспедиция решала и научно-познавательные, и политико-экономические задачи. Она должна была исследовать ширину пролива между Азией и Америкой, выяснить возможности плавания Великим Северным путем в Индию и Китай. С этой целью четыре морских отряда, выйдя из устьев Оби, Енисея и Лены, должны были обследовать все северное побережье Сибири от Баренцева до Берингова моря. Еще одна важная задача экспедиции заключалась в установлении морского пути в Северную Америку и Японию. Обеспечить нужды Второй Камчатской экспедиции и наладить хозяйственную жизнь Охотского края должна была администрация Охотского порта. Следовало устроить дороги, расселив на них ссыльных, организовать в Охотске смолокурение и железоделательный завод, чтобы «ковать не токмо нагели и другие припасы, но и якори... для судов», разводить скот, лошадей, завести пашню. Также ставилась задача создать как военный, так и торговый флот для поисков новых земель, организации промысла и торговли с другими странами. Командир порта получил всю полноту гражданской, военной и судебной власти над Охотским краем. Ему следовало завести мореходную школу, льготами привлекать купечество, «смотреть за камчатскими приказчиками», которых посылали из офицеров для управления местным населением[17].

Общая численность моряков-офицеров и матросов, участвующих в работе Второй Камчатской экспедиции и освоении Охотско-Камчатского края, точно не известна. С учетом широкого привлечения казачества всех восточно-сибирских уездов к ее работе, число прибывших чинов экспедиции достигло в целом 150 чел.[18]

В 40-е - нач. 50-х гг. на численность и размещение регулярных войск за

Енисеем повлияли события на Камчатке. С 1743 г. там активизировались «немирные» чукчи и коряки. В сформированную в 1743 г. Анадырскую партию вошли, кроме казаков, 40 солдат Якутского полка во главе с начальником Камчатки майором И. Д. Павлуцким. После ряда вооруженых успешных стычек И. Д. Павлуцкий в 1747г. вместе со своим отрядом из 40 чел. погиб. Сибирский приказ распорядился, чтобы командир Якутского полка В. В. Якоби отправил в Якутск роту в составе 120 чел., а вместо них «за малоимением в Иркутской провинции» солдат получил роту, состоявшую в Кузнецком уезде. Когда 28 июня 1748г. рота в составе 131 чел. прибыла в Иркутск, то вице-губернатор «за неимением в городе обер-офицера, солдат и казаков малолюдством» оставил из нее в своем распоряжении 26 чел., в том числе прапорщика, капрала и сержанта. Через год эту роту во главе с капитаном В. Шатиловым тоже отправили в Анадырь, чтобы «искоренять немирных чукчей и бунтовщиков военной оружейной рукою». Однако и этих сил оказалось недостаточно, поэтому пришлось привлечь другие сибирские полки к «замирению» Камчатки. В 1753г. в Якутско-Охотском крае в общей сложности находилось 13 офицеров и 598 рядовых Якутского, Тобольского и Енисейского полков, из них из Якутского полка было 256 чел. с восьмью офицерами[19]. В 1755г. здесь были еще солдаты Ширванского пехотного и Вологодского драгунского полков, всего 610 чел. (см. Прил.I, табл. 15). [20]

Резкое увеличение контингента регулярных сил в Восточной Сибири произошло в конце 50-70-х гг. ХУШ в., когда сильно обострились отношения с Цинской империей в связи с так называемым «амурским вопросом». С 1752г. встала задача переноса сообщения с Камчаткой и Охотском (для доставки туда продовольствия и промыслового освоения Северной Америки) не через Якутск-Охотск и бурное Охотское море, а по Амуру, нижнее течение которого, как отмечалось, не было разграничено. Сибирский губернатор адмирал В.А. Мятлев подал об этом записку Елизавете Петровне, и та велела начать соответствующие переговоры[21]. Выгоды амурского пути были столь очевидны, что Сенат, не дожидаясь положительного результата, указом 28 декабря 1753г.

по предложению П. И. Шувалова утвердил проект В. А. Мятлева и создал так называемую «Секретную Нерчинскую экспедицию» во главе с Ф. И. Соймоновым. Ее главной задачей была подготовка всего необходимого для русского плавания по Амуру. Ему передали всех бывших участников Второй Камчатской экспедиции. Ф.И. Соймонов занялся подготовкой заселения устьев рек, впадающих в Амур, организацией плавки железа в Нерчинском уезде, открытием штурманских (навигационных) школ. Для оперативного решения вопросов Ф. И. Соймонова назначают нерчинским экипажмейстером и «за воеводу», подчинив ему всех местных казаков[22]. Деятельность комиссии Ф.И. Соймонова старались держать в секрете, чтобы не обеспокоить цинские власти. Однако каторжник Шульгин, бежавший с Нерчинских заводов, передал китайским властям ходившие слухи о том, что Ф. И. Соймонов якобы готовится завоевать китайский город в устье Амура (Айгунь). Обеспокоенный цинский император не разрешил в 1757г. прибывшему в Пекин русскому послу В.Ф. Братищеву сплавлять Амуром хлеб для Охотско-Якутского края и Камчатки. На его отрицательную позицию повлиял также отказ России выдать Амурсану, одного из организаторов освободительной борьбы «черных калмыков», то есть киргизов, против маньчжурской экспансии, а также перебежчиков, которые после разгрома Джунгарии спасались от тотального террора цинских феодалов на русской территории[23].

На восточносибирской границе с Китаем обстановка резко обострилась. Маньчжурское правительство использовало любые предлоги, чтобы прекратить кяхтинскую торговлю. Возник спор о порядке разбирательства дел русских подданных по обвинению в убийстве или грабеже на цинской территории, о выдаче перебежчиков. Резко участились случаи грабежа и угона скота монголами с русской территории. В этих условиях «главный пограничный правитель» и селенгинский комендант В. В. Якоби добился реформы своего полка, чтобы упрочить охрану монгольской границы. Находившихся в Якутске, Камчатке и Анадыре 8 офицеров и 248 солдат исключили из состава полка и образовали Камчадальскую команду. Полк полностью доукомплектовали

рекрутской молодежью, набранной в Иркутской провинции, а также казачьими и солдатскими детьми. Из местных же казаков и присланных с соликамских заводов крестьян сформировали новый драгунский полк и конную гренадерную роту. Ядром же его стал прибывший из Тобольска батальон[24]. Однако в случае военного конфликта этих местных сил даже для прикрытия двухтысячеверстной границы было явно недостаточно. Лежавшие в приграничной зоне Нерчинские заводы, которые давали ежегодно стране сотни пудов серебра и тысячи пудов свинца, охранялись лишь двумя капральствами солдат «Екатеринбургской горной стражи». Якутский пехотный полк был разбросан мелкими командами по Селенгинскому и Нерчинскому уездам, самыми крупными из которых были в Селенгинске при штабе полка - 88 чел., в Кяхтинском форпосте - 189, в Нерчинске и слободе Цурухайту -123 чел. Больше регулярных частей ближе Красноярска не было[25]. Для усиления обороны горного округа в районе богатейшего строящегося Уровского завода от форпоста Цурухайтуевского до Аргунского острога были поставлены через каждые 10 верст караулы-остроги, обнесенные палисадом, рогатками и надолбами. Кроме того, указом 9 апреля 1756г. на заводы откомандировали 2 роты Якутского полка, из которых одна находилась на пограничных караулах, а другая несла конвойную и караульную службу при заводах[26].

Новый проект В. В. Якоби о необходимых мерах и об увеличении войск для усиления обороны Забайкалья на случай войны рассматривала в апреле 1757г. созданная при Военной коллегии особая «комиссия о нерегулярных войсках». Комиссия, а затем Военная коллегия и Коллегия иностранных дел в целом согласились с его предложениями. В соответствующем докладе Сенату от 9 сентября 1757 г. предлагалось к имеющимся в Селенгинске Якутскому пехотному трехбатальонному полку и конной роте сформировать 4 пехотных полка и разместить их по «Селенгинской и Нерчинской границам». Кроме того, половину выписных казаков, или 5 тыс. чел., набранных в 1752г. генерал-майором Киндерманом из крестьян и разночинцев Западной Сибири и Приенисейского края, тоже планировали переселить к границе. Всего на случай

войны намечено иметь на селенгинском участке 20 тыс. регулярного пехотного и 3 тыс. нерегулярного войска, а на Нерчинском, соответственно, 10 тыс. и 2 тыс., всего 35 тыс. войск. Сенат, в целом согласившись с необходимостью увеличения контингента войск на границе до 35 тыс., все же остановился на поданном 9 марта 1759 г. проекте сибирского губернатора Ф. И. Соймонова, который казался более осуществимым. По утвержденному Елизаветой докладу Сената от 17 октября 1760 г. в число 35 тыс. решено сформировать 5 ландмилицейских полков: один конный на базе шести рот, взятых из шести полков, находящихся в Западной Сибири (полевых Олонецкого и Луцкого, Вологодского и Ширванского, гарнизонных Сибирского и новоучрежденного), дополнив их иркутскими и енисейскими казаками (400 чел.), а если не хватит - то не имеющими ремесел и «торгов» посадскими и цеховыми Восточной Сибири и поселъщиками; остальные 4 полка - из выписных западно-сибирских казаков, с зачетом их всех в рекруты и «выключкой» из подушного оклада приписных к Алтайским заводам. Набранный контингент, всего 8143 чел., следовало вооружить и поселить по Селенгинской и Нерчинской линиям с женами и детьми на армейском жалование за счет Нерчинских заводов. До завершения же их комплектования и снаряжения границу решено закрыть по всем 22 караулам легкими командами яицких и донских казаков (всего 980 чел.), вместе с местными и казаками из бурят[27].

Для определения мест строительства пограничных крепостей от начала Амура между Шилкой и Аргунью до Тункинского острога и далее до Красноярской границы в 1761г. прибыли в Селенгинск 6 «инженер-офицеров». Через три года работы все составленные карты и общий «прожект» вновь назначенным укреплениям старший инженер-капитан-поручик Яков Тевяшов на пяти подводах увез в Тобольск в созданную в 1760 г, при сибирском губернаторе особую «пограничную комиссию» во главе с сыном губернатора полковником Михаилом Федоровичем Соймоновым. По проекту для новой Иркутской военной линии на 14 редутов-крепостей потребовалось бы 225 инженер-офицеров, 840 артиллеристов, 2173 конных и 2283 пеших драгун, солдат и

казаков, а с 3093 бурятами всего 8614 чел. Сооружение линии обошлось бы в 434166 руб. с привлечением 2290 людей и 5277 лошадей[28].

За два года, к августу 1762 г., на базе четырех рот западносибирских полков был сформирован Якутский конный ландмилицейский полк с личным составом в 1 тыс. чел., куда вошли еще 400 енисейских и иркутских казаков не старше 35 лет и 200 посадских и цеховых. По штатам в нем должно было быть 1180 чел., в том числе 37 офицеров (см. Прил. I., табл.13) на другие запланированные полки, как рапортовал 22 августа 1762 г. Ф. И. Соймонов Сенату, денег в Сибирской губернии, то есть на Нерчинских заводах, не было[29]. Сенат препроводил этот рапорт в особую Воинскую комиссию, учрежденную при Воинской коллегии для приведения «обширных российских границ в совершенную безопасность». Комиссия, рассмотрев все материалы, пришла к выводу, что в Восточной Сибири нужен более значительный контингент регулярных войск, и предложила вернуться к старому проекту В.В. Якоби, но значительно изменив его - вместо пяти ландмилицейских полков составить особый корпус из двух карабинерских и пяти пехотных полков с полным штатом (11329 чел.), и офицерским корпусом (324 чел.) разместив по три полка - в Иркутском и Селенгинском уездах, а один - в Нерчинском. Военная коллегия и Сенат согласились с этим, а 29 ноября 1763 г. поданный доклад конфирмовала Екатерина II[30]. К этому времени русско-китайские отношения приняли весьма напряженный характер. Цинское правительство стало самовольно облагать ясаком «урянхайцев», живших по нейтральной полосе между границами. Богдыхан Цинской империи Хун Ли занял угрожающую позицию. Листы из Лифань-юаня в Сенат были наполнены столь грубой бранью, что Сенат в начале 1764 г. по разрешению Екатерины П в своем листе китайскому трибуналу ответствовал, что «ругательства - лишь гнусное оружие невежд», ими Россия может или «пренебречь с презрением», или же за них «наказать чувствительно»[31].

В плане реализации этого плана В. В. Якоби конный ландмилицейский Якутский полк превратили в карабинерский, а в число гарнизонных пехотных были сформированы три Иркутских и Селенгинский, из выводимых из Польши беглых старообрядцев и казачьих детей Иркутской провинции. Новые полки (по штатам всего 3638 чел., из них 90 офицеров) были расквартированы соответственно в Иркутске и Селенгинске[32]. В Иркутском уезде предполагалось разместить еще два полка, а в Нерчинске - один, так как их здесь можно обеспечить продовольствием и фуражом. Но и этот план не был реализован в полном объеме. На 1764 г. наметили сформировать два ландмилицейских полка из «польских выведенцев». В Тобольске из сибирских и российских полевых полков составили их командный костяк из полковых командиров, офицеров, унтер-офицеров, а на каждую роту - по сержанту, каптенармусу, по четыре капрала и по два барабанщика. Прибываемых в Тобольск польских выходцев зачислили в роты, экипировали, сводили в полки и отправляли в Забайкалье. Всех негодных в солдатскую службу польских «выведенцев» старше 40 лет тоже отправляли в Селенгинский и Нерчинский уезды для обеспечения полков продовольствием. Убыль в этих регулярных частях полагалось восполнять детьми солдат и поселенных на пашню крестьян из «поляков»[33].

Между тем Военная комиссия через год, уже не найдя реальной угрозы войны с Китаем, представила новый доклад, который 19 октября 1764 г. вошел в силу. Для удобства обороны и управления выделили особую Иркутскую губернию. Из России перевели в Омск и Петропавловск два драгунских полка, а из трех, формируемых из польских переселенцев полков, два, Иркутский и Селенгинский, разместили в Восточной Сибири. В Селенгинске, как центре обороны границы всей Иркутской губернии, планировали сосредоточить всю артиллерию с приданной ей обслугой. На наиболее вероятных путях из Монголии в долинах Верхнего Онона, Чикоя и Селенги определили поставить три крепости (Акшинскую, Селенгинскую и Кударинскую), обнеся их палисадом, земляными редутами и вооружив артиллерией по 28 стволов. В крепостях назначались коменданты, им придавалось по роте, а в Акшу - две. В

свете этого доклада Военная коллегия издала указ о новом порядке пограничной службы, по которому комендантам подчинили всех городовых казаков Нерчинского и Селенгинского уездов[34]. Пять рот Селенгинского и весь Якутский карабинерский полк закреплялись за пограничной линией. Была усилена также военная охрана Нерчинских заводов. С 1764 г. из тобольских гарнизонных батальонов присылались две команды, всего два офицера и 144 солдата. Рота в составе капитана, капрала, двух барабанщиков и 109 рядовых несла караулы по заводам и рудникам, а особая команда (поручик, сержант, цирюльник и 26 рядовых) была выделена «для надзора за колодниками» [35].

Все названные части (кроме сводных двух команд) были гарнизонными, хотя новоучрежденная Иркутская губерния оказалась пограничной. В силу этого, когда согласно штатам от 15 декабря 1763г. все гарнизонные полки стали преобразовывать в батальоны, то оказалось, что по южной Сибири все они должны быть пограничными, а не внутренними. Но это не было сделано из-за материальных соображений и общего ущербного по отношению к центру статуса населения сибирской окраины (см. далее). В результате принятых мер к осени 1764 г. в Восточной Сибири оказалось численностью по штатам до 8000 чел. регулярных войск, в том числе 202 офицера (Якутский гарнизонный пеший полк - соответственно 1819 и 37 чел.; Якутский ландмилицейский (карабинерский) конный полк 1180 и 37 чел.; Иркутский и Селенгинский гарнизонные пешие полки - по 1819 и 45 чел.; Анадырская военная команда - 610 и 12 чел. и Камчадальская военная команда - 534 и 10 чел.). Кроме того, согласно штатам от 15 декабря 1763 г. по всем городам были созданы особые городовые военные команды, которые предназначались «для случавшихся в городе посылок, отправления в разные места денежной казны, к поимке в случае нужном воров и разбойников и для разных караулов и осмотров». Эти команды (губернская рота из 132 человек с тремя офицерами, провинциальная – из 57 с одним, уездная - из 29 с одним и в пригородках - из 14) помимо военного ведомства подчинялись еще и гражданским властям в лице губернатора и городничих и содержались за их счет. Они для Восточной Сибири, всего 11

военных городовых команд (губернская, провинциальная, 8 уездных и одна в пригородке) дали еще 335 чел. с 12-тью офицерами. Это новое звено придало местной исполнительной власти открыто военно-бюрократи-ческий характер.

В целом, судя по численности регулярных войск в середине 60-х гг. XVIIIв., в Восточной Сибири интересы военного ведомства явно преобладали над всеми прочими. Однако с изменением пограничной ситуации многое в дислокации военных частей вскоре изменилось. Иркутский пехотный полк, переименовав в Томский, отправили на Кузнецкую пограничную линию, а назначенный вместо него Колыванский драгунский, разместили в Красноярске, так как в Прибайкалье сильно поднялись цены на хлеб в связи с формированием новых полков и поступлением посельщиков. Позже генерал И.И. Шпрингер, командующий Сибирскими военными линиями в Тобольской губернии, самовольно вернул полк на Кузнецкую линию. Вскоре, когда стало ясно, что войны с Китаем удается избежать, и в связи с начавшейся первой русско-турецкой войной, Томский и Селенгинский пехотные полки назначили в «заграничную армию». Командир Селенгинского полка полковник И. В. Якоби (сын В. В.Якоби) вывел его в 1769 г. за шесть месяцев из Сибири[36] .

Новое изменение порядка пограничной службы, повлиявшее на численность и состав регулярных войск Восточной Сибири, последовало 31 августа 1771 г. Причиной послужило бегство волжских калмыков через Иртышскую сибирскую линию в Джунгарию и частые набеги кабардинцев на Кавказе. По сибирским и кавказской границам решено увеличить в крепостях гарнизоны. Драгунские полки, разбросанные мелкими командами, показали себя неэффективно, поэтому признано было полезным заменить их небольшими «когортами», или полевыми командами, состоящими из пехоты, драгун, егерей, артиллерии и линейных казаков.

В Сибири все драгунские полки обратили в гарнизонные пограничные батальоны, всего 13, в том числе семь формируемых, а также стали собирать семь легких когорт полевых войск. Когорты равнялись батальону. Селенгинская седьмая когорта, эта первая чисто полевая часть Забайкалья, должна была

состоять из двух рот мушкетеров, всего 556 чел., егерской команды в 48 чел., 60-ти легких драгун, 33-х артиллеристских и15-ти обозных, всего 712 чел. [37]. Оставшиеся в Восточной Сибири два Якутских полка (Якутский карабинерский - 1180 чел. и пехотный - 842 чел.) в соответствии с последними «положениями» раскассировали: из карабинерского выделили Селенгинскую легкую команду, а большую часть оставшегося личного состава распределили в назначенную на постой в Красноярске девятую легкую полевую команду и впервые формируемый для Нерчинских заводов «из сдешнего департамента» особый заводской батальон трехротного состава из 998 чел. Этот батальон, кроме 144 чел. прежних команд, составлялся на базе одного батальона бывшего трех батальонного гарнизонного Якутского пехотного полка, когда-то первого регулярного воинского подразделения на территории Восточной Сибири. Два остальных батальона из шести рот каждый, дополнив до 804 чел., развернули в три. Они размещались в Иркутске (один) и в Селенгинске (два)[38]. В отличие от внутренних батальонов, они были чисто строевыми, то есть не имели инвалидных и мастеровых рот. В 1771 г. в Иркутске была учреждена особая на пограничном окладе обер-комендантская канцелярия (12 чел., в том числе два офицера), которая должна была ведать всей пограничной линией и войсками на ней. Коменданты назначались в Акшу, Селенгинск, Удинск и Кударинскую крепость.

К 1773 г., судя по обстоятельному докладу иркутского губернатора А. И. Бриля, намеченная система обеспечения безопасности границ выглядела следующим образом. В губернии находились 15-я легкая полевая команда из бывшего Якутского карабинерского полка (556 чел.) и три гарнизонных пограничных батальона, стоящих один в Иркутске, а два - в Селенгинске. Из них в Кяхтинскую, Цурухайтуевскую и Троицкую крепости и на караулы назначились: из 2-го Селенгинского батальона на Цурухайтуевскую и Чиндантурскую дистанции, в Акшинскую крепость и в г. Нерчинск - по одной роте, а последняя, пятая, стояла в Верхнеудинске. Из 1-го Селенгинского батальона две роты несли службу по Селенгинской линии в Троцкосавской

крепости, Кяхтинском форпосте и Кударинской слободе, а одна - на Харацайской дистанции в Иркутском уезде. Одна рота Иркутского батальона была закреплена за Тункинской дистанцией, а две находились в самом Нерчинске, где по расписанию 1765 г. положено содержать 70 пушек, мортир и гаубиц. По коллективному мнению А. И. Бриля, начальника Нерчинских заводов В. И. Суворова и генерала В. П. Ивашева, возглавлявшего специальную Комиссию по пограничным делам при иркутском губернаторе, следовало иметь дополнительно еще два батальона по 998 чел. в каждом, разместив их в Иркутске и Верхнеудинске. При пяти главных крепостях на дистанциях нужны коменданты майорского чина и при них канцелярии (два писаря, провиантский комиссар, профос), так как у каждого находилось под началом с казаками до 400 чел. В Нерчинске и Верхнеудинске предлагалось иметь, по их мнению, комендантов полковничьего чина, ибо у каждого в команде было свыше 1-й тыс. чел., считая 500 служилых бурят и городовых казаков. К легкой полевой команде добавлялись еще две с размещением их в Селенгинском и Иркутском уездах, где достаточно провианта[39].

Поручик Чурнасов вновь снял планы и составил сметы строительства крепостей, которые оказались в три раза дешевле прежних. Их сооружение потребовало бы 156744 руб. 50коп., 9646 людей и 5277 лошадей. Из планируемого ими штата на линии (196 инженерных чинов, 571 артиллерист, 864 кавалериста, 1028 пехотинцев, 1460 тунгусов и братских людей, всего 3919 чел. при 492 орудий) не хватало 169 артиллеристов, 164 кавалериста и 146 гарнизонных солдат[40]. Оба батальона генералы полагали сформировать из местных казаков, для чего всех записавшихся в посад и в крестьянство служилых людей просили исключить из подушного оклада, как и тех штатных казаков, что были в 1765-1766 гг. включены К. Л. Фрауендорфом и В. В. Якоби в податные списки. В число же двух новых полевых команд предлагалось перевести в Иркутск 9-ю полевую команду, стоящую в Красноярске, так как она располагалась далеко от границы, никуда не употреблялась и фактически была по отдаленности бесконтрольной. Костяк третьей легкой полевой команды

намеревались составить из частей 9-й, 15-й команд и местных гарнизонных батальонов, а пополнять рекрутами Енисейской провинции и прибывающими в зачет рекрутов посельщиками , а также посадскими и цеховыми, не имеющими за собой ремесел и торговли[41].

Таким образом, в начале 70-х гг. масштабы планируемой Иркутской воинской линии стали скромнее по числу стоящих на ней людей (только артиллерию увеличили почти в 2 раза), но все равно оставались впечатляющими. Вместе с другими регулярными частями предполагалось иметь 5 гарнизонных батальонов (4992 чел.) и 3 легких полевых команды (1668 чел.), или всего 6660 чел. регулярной армии.

К 1777 г. южная граница по всей Иркутской губернии была устроена. На восьми ее дистанциях насчитывался 71 пост, или караул, в том числе 8 крепостей, при которых поселили русских казаков и 1800 солдат (1 тыс. из селенгинских батальонов и 980 из Якутского полка). Стык между Иркутской военной линией и Красноярской до 1781 г., когда там учредили два караула по рр. Уе и Уде, никем не охранялся. Управляли дистанциями офицеры Селенгинского гарнизонного полка, а за старших в караулах над казаками были унтер-офицеры. Общее управление пограничной линией и войсками на ней осуществлялось губернатором через подчиненного ему обер-коменданта Троицкосавской пограничной крепости, имевшего особую пограничную канцелярию,[42] в составе 12 чел., в том числе с четырьмя классными чинами.

В последующие десятилетия состав регулярных частей тоже менялся, причем полевые команды, или когорты, преобразовывались сначала в драгунские, а затем в егерские части. В 1785 г. в Иркутской губернии,без городовых военных команд, было около 4-х тые. чел. регулярных войск, в том числе четыре отдельных пехотных батальона в составе заводского Екатеринбургского (позже Нерчинского) на положении полевого из 704 чел. и трех гарнизонных (Иркутского и двух Селенгинских, 608 чел.), один эскадрон Сибирского драгунского полка и три артиллерийских команды, каждая более чем по 100 чел, (Иркутская, Нерчинская и Селенгинская)[43]. В Красноярске

стояла до конца XVIII в. первая рота пограничного батальона[44]. В связи с именным указом в 1785 г. Г. А. Потемкину об увеличении сухопутных сил страны на 40 тыс., в Сибири тоже стали формировать новые части. По конфирмованным 10 апреля 1786 г. штатам в Сибири показаны вновь учрежденными Иркутский гарнизонный драгунский полк из 10 эскадронов, всего 1882 чел., четыре полевых мушкетерских батальона - в каждом по 1019 чел., да два егерских - по 998 чел. Полк и один егерский батальон были размещены в Иркутской губернии. Новые части заменили оставшиеся в Европейской России пехотные Селенгинский и Томский полки, которые в 1785 году раскассировали, включив их гренадерские роты в 9-й Астраханский пехотный полк, а также в Кубанский егерский корпус из Селенгинского и в 8-й Кавказский мушкетерский полк - из Томского полка[45].

Новые изменения в составе и численности частей регулярной армии за Енисеем произошли при Павле I. «Военным уставом» 1796 г. ввели территориальную систему управления войсками. Расквартированные на восток от Урала части оказались в ведении одной из 15-ти (позже 17-ти) инспекций - Сибирской, из которой выделили «Инспекцию Иркутского губернатора». Как и везде, все части на территории Иркутской губернии были вновь перекомплектованы. В 1798 г. Иркутский и новый Селенгинский гарнизонные полки перевели на полевое содержание и первый довели до двухбатальонного, а к 1801 г. - до трехбатальонного состава, убрав инвалидную роту. При этом новый батальон отправили на Камчатку[46].

Все четыре гарнизонных пограничных или мушкетерские батальоны в 1797-1798 гг. тоже перекомплектовали в три мушкетерских полка (Екатеринбургский, Селенгинский и Томский). Восточно-сибирские третий и четвертый батальоны вошли в Селенгинский полк с приданными двумя гренадерскими ротами, всего 2146 чел., в том числе 44 офицера, и назначены на квартиры в Усть-Каменогорск на Алтае[47].

Судя по печатному «Расписанию о расквартировке сухопутных войск по инспекциям» от 3 июля 1801 г. один батальон Иркутского гарнизонного полка

был размещен на казенной Тельминской суконной фабрике, а две его гренадерские роты - «в Нерчинске и других тамошних местах». Селенгинский же полк находился в самом Селенгинске и по крепостям пограничной линии. Камчатский батальон был расквартирован в Нижнекамчатске, Петропавловской гавани, Большерецком остроге, Охотске и Удском остроге[48]. В целом, судя по ведомостям Инспекторской экспедиции в Военную коллегию за 1801 г., в инспекции иркутского губернатора находилось в шести батальонах и трех гренадерских ротах двух гарнизонных полков и Камчатского батальона 5228 чел., в том числе 144 офицера и 11 военных чиновников в классных чинах. Они, даже без учета артиллерийских (девять офицеров и 200 солдат) и инженерных (22 чел., в том числе три офицера) чинов, составляли более 40% всех расквартированных в Сибири регулярных войск, всего 12219 чел., в том числе 359 офицеров и 21 военных чиновников[49] (см. Прил.I, табл.16).

Удельный вес регулярных войск в Восточной Сибири с их семьями в общем русском населении края с трудом поддается определению. Эта категория, как неподатная, редко показывалась в наиболее массовых, а значит, и более сохранившихся и дошедших до нашего времени источниках. Относительно сопоставимые данные встречаются, начиная с третьей переписи. Так, в Иркутской губернии по ведомости иркутского губернатора А.И.Бриля от 26 августа 1768 г. по третьей ревизии (1762-1764 гг.) числилось военных чинов с отставными 6758 душ муж. пола и 1250 душ жен. пола; по Топографическому описанию в четвертую перепись в штатных военных командах и отставных, соответственно, было 1890 и 1753 чел., из них «военнослужащих в штатной команде» - 781 и 203; в 1811 г., по данным К. Германа, в одних городах насчитывалось 9901 военный; по «Географо-статистическому описанию Иркутской губернии» 1819 г. А. И. Лосева по метрическим книгам считалось 6634 душ муж. пола и 3315 душ жен. пола; наконец, по материалам Ю. А. Гагемейстера в 1823 г. указано «служащих военного ведомства» в Иркутской губернии 6324 и 1994 и в Якутской - 685 душ муж. пола и 314 душ жен. пола, а всего, соответственно, 7009 душ муж. пола и 2308 душ жен. пола. Если учесть

неподатных «дворян и разночинцев вне службы», которые в подавляющем большинстве состояли из отставных военных, то общая численность достигнет 7800 душ муж. пола и 3478 душ жен. Пола [50].

Изменения абсолютной численности этого слоя населения за вторую половину ХУШ - первую четв. XIX в. показывают, что хотя эта группа населения и занимала среди неподатных, вслед за казачеством, второе место, но была количественно неустойчивой, а удельный вес ее среди общего русского населения постоянно сокращался: от 8008 душ обоего пола на 55828 душ в 1768 г. до 1 1378 душ обоего пола на 241151 в 1823 г., или от 14,3 до 4,7% всего населения[51]. Правда, падение удельного веса этого служебного слоя было меньше , чем в 3 раза, как это получилось по подсчетам, так как данные за 1768 г. занижены, по нашему мнению, на 1/3 (не 55828 душ обоего пола, а 83123 душ обоего пола) из-за прописки и массы посельщиков, которых позже вписали в подушные списки. Однако и с этой поправкой тенденция снижения относительной численности военных прослеживается достаточно отчетливо. Это свидетельствует о постепенной нормализации к XIX в. гражданской жизни в заенисейской Сибири и снижении в ней роли военно-приказного начала, обусловленного, как отмечалось, напряженной пограничной обстановкой.

Распределение военных чинов по уездам губернии в 1768 г. подтверждает сказанное. Так, в приграничном Селенгинском уезде находилось 4880 душ муж. пола и 753 душ жен. пола, в Иркутском, соответственно, - 1108 и 229, Нерчинском - 397 и 131, Охотском - 234 и 60, Камчатке - 81 и 49, Якутском - 29 и 27 и, наконец, Илимском уезде - 29 душ муж. пола и 1 душа жен. пола.

Явная диспропорция полов в пользу мужчин вскрывает еще одну общую особенность формирования этого функционально-служебного слоя, который до конца изучаемого периода был далек до своего естественного воспроизводства.

Для уяснения места частей регулярной армии в системе государственного феодализма в Сибири важно установить содержание и социальную суть ее функций. В прямом своем качестве, как военная сила, сибирские регулярные части использовались редко. Исключение составляют действия отдельных рот

Якутского пехотного полка по «замирению» Камчатки в 1727-1762 гг., причем для этого, как отмечалось, привлекались силы других западносибирских, и полевых, и гарнизонных полков. При этом следует отметить, что военные действия против чукчей и коряков, вооруженных луками со стрелами и холодным оружием, больше были похожи на карательные экспедиции, которые затянулись в силу специфики местных условий. Затем эти силы были объединены в одну Камчадальскую команду и стояли гарнизонами по девяти местным крепостям, зимовьям и городам Охотско-Якутского края и Камчатки, выполняя одновременно административно-фискальные и судебные функции по отношению к русскому и ясачному населению. По «Ведомости о Камчатском, Охотском и Якутскому уездах» от 7 марта 1774 г., составленной по указанию А. И. Бриля в связи с предполагаемой административной реформой, всех военных чинов с семьями насчитывалось 534 душ муж. пола и 334 душ жен. пола, в том числе: в остроге Большерецком - 21 душ муж. пола и семь душ жен. пола; Нижнекамчатском, соответственно, 18 и 10, Тигильской крепости - 79 и 54, Гижигинской - 111 и 61, в Якутске - 51 и 60, зимовье Ковымском - 38 и 26, в Охотске -166 душ муж. пола и 116 душ жен. пола. Камчатский командир капитан Т. И. Шмалев, замечательный историк-самоучка, в своем «Кратком о Камчатке объяснении» сообщает, что солдаты гарнизонов участвуют в промыслах, «задолжали купцам» и, хотя получают двойное армейское жалованье, «вообще нищенствуют». При этом он высказывал мысль о нецелесообразности и убыточности для казны содержания на Камчатке 300 воинских чинов, на которых приходится всего 706 ясачных камчадалов[52]. Позже правительство ликвидирует часть укреплений в Охотско-Якутском крае и на Камчатке, в том числе Гижигинскую крепость[53].

На южной границе дело до вооруженной борьбы с Цинской империей не дошло. Но это не значит, что войска там были не нужны, так как само присутствие воинских контингентов сдерживаюше действовало на южного соседа. Функция корпуса пограничной стражи для регулярных частей Восточной Сибири была одной из основных. До 60-х гг. рапорты командиров

Якутского пехотного полка И. Д. Бухолца и В. В. Якоби пестрели жалобами на нехватку солдат, ибо их раскомандировали на форпосты по «китайской границе», на Камчатку и прочие места, так что на месте их «весьма мало имеется». В 1741 г. В. В. Якоби сообщал Сибирскому приказу, что кроме посланных солдат в экспедицию к М П. Шпанбергу,сотруднику В. Беринга, многие «находятся в непрестанных пограничных и полковых работах», при Селенгинской и Чикойской крепостях, а также «стоят в караулах бессменно в других местах»[54].

Вместе с тем и в эти десятилетия большинство личного состава занималось обеспечением своего полка продовольствием, фуражом, доставкой и починкой амуниции, содержанием полковых мельниц, кузниц, табуна и даже полковым хлебопашеством. Ежегодно полку требовалось 10-15 тыс. пудов хлеба, который привозили из Иркутска на купеческих судах и крестьянских подводах, а чаще, так как редко кто брался за доставку из-за низких цен, самими солдатами на полковых лошадях, которых держали для хозяйственных нужд в количестве от 300 до 800 голов. Конфискуемые у контрабандистов лошади тоже поступали в полковой табун. Сено для него солдаты заготовляли сами[55]. Привезенное зерно мололи на двух выстроенных при И. Д. Бухолце полковых, а также и на частных мельницах. В 1762-1764 гг. в связи с развертыванием полка до трехбатальонного состава В. В. Якоби организует строительство еще трех полковых мельниц, из них «две наливные», а третья - ветряная «в один постав», В Селенгинске, кроме того, была с 1757 г. полковая «мельница, действуемая лошадьми». Все мельницы строили и обслуживали солдаты.

Полковой табун увеличился к 1757 г. до 934 кобыл и жеребят[56]. С 1758 по 1764 гг. В. В. Якоби стал практиковать полковое хлебопашество, так как привозимого хлеба не хватало. Усилиями солдат в эти годы засевались до 200 дес. ежегодно. По примеру западносибирских военных линий В.В.Якоби планировал всемерно расширять полковую пашню, но Сенат 19 октября 1764 г., принимая новый проект пограничной охраны, запретил В. В. Якоби превращать солдат в хлебопашцев[57]. Вклад солдат в развитие производительных сил

Восточной Сибири выразился и в том, что семейные из них старались обзавестись своим, крестьянского типа, хозяйством.

Отмечая видную роль Якутского полка в 30-50-е гг. в охране границы, следует учитывать постоянное использование для этих целей местного казачества. В начале же 60-х гг., когда обстановка стала очень напряженной, после ряда неосуществимых проектов быстрого формирования значительных воинских контингентов для прикрытия русско-китайской границы, правительство пошло по наиболее реальному пути. Состав иррегулярных казаков, занятых на границе, расширили, сформировав для этой цели даже два бурятских полка. Поэтому реально находящийся на огромном протяжении границы Якутский карабинерный и два пограничных батальона (Иркутский и Селенгинский) не столько сами несли службу по всем ее караулам и редутам, сколько своим малочисленным составом организовывали и контролировали пограничную службу закрепленных за Иркутской военной линией иррегулярных сил и служилых бурят[58]. Офицеры были комендантами гарнизонов восьми крепостей и начальниками дистанций, а унтер-офицеры и капралы возглавляли отряды казаков, дежурившие по караулам и редутам. Рядовой же состав был занят внутренней караульной и таможенной службой, а также внутривойсковыми хозяйственными делами. Так, солдаты стоявшей в 1752 г. в Нерчинске 7-й роты Якутского мушкетерского полка, всего 31 чел., были распределены следующим образом: при Нерчинской воеводской канцелярии – восемь чел., один - целовальником у соляных местных амбаров; один - у взыскании недоимок с ратуш питейных сборов; 10 - при Нерчинской таможне. Занятия прочих 11 чел., в том числе каптенармуса, ротного писаря, цирюльника и барабанщика, не были указаны[59].

В соответствии с феодальным принципом - налоги собирают те, в чью пользу они идут, с 1708 по 1762 гг., как подробно показано в работах М.М. Богословского, Ю.В. Готье и Л. Г. Бескровного, важной обязанностью регулярных полков был сбор подушных денег[60]. В Восточной Сибири они шли на Енисейский и Якутский гарнизонные полки, введенные туда в 1725-1726 гг.

на постоянные квартиры. От каждого полка выделялся, согласно указу от 26 ноября 1718 г., специальный комиссар с несколькими счетчиками из солдат для приема подушных сумм. Поскольку выборных из местных дворян комиссаров подушного сбора в Сибири не было, то офицеры имели дело прямо с воеводскими канцеляриями и управителями присудов. По указу от 2 января 1728 г. в каждый полковой дистрикт посылались один обер-офицер с капралом и 16-ю солдатами, а с 1730 г. их число удвоили «для лучшего в подушном сборе воеводам вспоможения». В том же году сбор подушных сумм полностью возложили на полки. С 1736 г. этим снова стали заниматься воеводские канцелярии, которым до 1775 г. помогали специально назначаемые Военной коллегией офицеры при подушном сборе. Для сбора недоимок и рекрут посылали отряды солдат с офицерами, наделенным большими полномочиями. Они могли даже за неисполнение их требований «описывать дворы и пожитки и продать по толикое число, сколько штрафных денег взять надлежит». С 1732 г. офицеры получили право требовать у воевод все ведомости о недоимках, в случае их задержки держать губернаторов и воевод в канцеляриях без отлучки, а секретарей и подьячих -«скованных без выпуска». Такие случаи источники отмечали по Енисейску и Якутску. В 1732 г, поручик Якутского полка Иван Остяков за неподачу ведомостей «садил в цепь и железо отъявленного грабителя» якутского воеводу Ф.И. Жадовского и освободил его только после вмешательства казачьего головы Аргунова и капитана Д. И. Павлуцкого[61].

Объявив содержание армии всенародной повинностью, правительство возложило на нее, как на заинтересованную сторону, борьбу с побегами и утайками от обложения. Полки обязаны «смотреть так, чтоб из крестьян, которые на полк писаны, никто не бегал, а если проведают, что к побегу будут собираться, тех от того удерживать, а которые побегут, за теми гнать в погоню и ловить». Армейские офицеры ревизовали подушные переписи. В уездах и дистриктах Иркутской провинции этим, например, во вторую ревизию (1744-1747 гг.), занимались офицеры Тобольского и Якутского полков. Так, капитан Якутского пехотного полка Сергей Плохов проверял подушные списки по г.

Селенгинску и Кяхте, поручик Иван Венгерский - по ведомству Итанцинского острога, и оба вызвали многочисленные жалобы со стороны населения за вымогательство взяток и поборы[62].

Солдаты также посылались для сбора различных окладных и неокладных сумм в уездах, контролировали выборных посадских целовальников, занятых таможенной службой. Солдат использовали и в фискально-полицейских делах, связанных с взятием частными лицами подрядов. Так, когда пять купцов и мещан Иркутска во главе с Ворошиловым взяли на 1746-1750 гг. винный откуп по Якутскому уезду на сумму 11946 руб., то в заключенном договоре с местным властями, в частности, было сказано, что «для караула, рассылок и остерегательства других команд в случае корчемных выимок и поимки по окольным дорогам неявленных товаров, корчемных питий и протчего нанимать из отставных солдат, казаков, обер- и унтер-офицеров с указными паспортами, а если сыскать вольных нельзя, то дать им действительно служащих солдат или казаков до 20 чел. с обычным жалованьем из конфискованных денег и товаров», а если не хватит, то содержать из «кошту компаньонщиков»[63]. Последние, раз команды оказывались на их содержании, имели право требовать через воеводскую или провинциальную канцелярии замены тех солдат или казаков, которые плохо справлялись с порученным им делом. Таким образом, правительство отдавало подрядчикам на откуп не только определенную статью казенного дохода, но и передавало по существу в аренду воинские команды, без которых, как все понимали, невозможно было получить прибыль от казенной монополии.

Довольно широко военные чины, особенно офицеры, привлекались в административно-управленческих и хозяйственно-организаторских целях. Офицеры местных частей нередко назначались за воевод и городничих.[64] В 1764-1783 гг. офицеры были экономическими казначеями - управителями у бывших монастырских крестьян[65]. Открыто военизированным стало в конце XVIII в. управление приписными крестьянами Нерчинских заводов. Их волости возглавлялись офицерами местного горного батальона. По «Списку о классных

чиновниках, служащих при Нерчинских заводах», каждый третий из офицеров с декабря 1797 по октябрь 1798 гг. «находился у управления государственных волостей крестьянами».[66] С 80-х гг. ХУШ в. встречаются офицеры и среди надзирателей, или «посельщичьих смотрителей» селений сосланных в зачет рекрутов крепостных, а также переведенцев и ссыльных.[67]

Помимо фискально-финансовых и карательных функций регулярные части широко использовались в охранно-полицейских целях. Солдаты во многом сменили, а с 1764 г. полностью вытеснили казаков во внутренних городских караулах. Образованные по указу от 19 апреля 1764 г. из гарнизонных полков батальоны в городах и крепостях состояли из 6 рот, в том числе 4 строевых и по одной инвалидной и мастеровой. Строевые роты по положению должны были составляться из отставных армейских солдат и нести всю службу по гарнизону, инвалидные же - из отставных от строевых рот, солдаты которой назначались «в спокойную службу без ружья». Мастеровую роту формировали из солдат, владеющих различными ремеслами, особенно по таким строительным специальностям как каменщики, плотники, кузнецы, слесари и «дерноклады».[68] В пограничных батальонах мастеровую роту заменяли строевой. С этой реформой была введена более четкая специализация у гарнизонных и полевых частей. По «Генеральному наставлению» в пункте 5-м функции гарнизонных батальонов и пехотных полков были определены следующим образом: «Когда случится в тех местах, где гарнизонные батальоны определены, пехотные полки, то они должны содержать гаубвахты, всю крепость и все знатные посты, употребляться для искоренения воров и разбойников, для усмирения в непослушании пришедших крестьян в той провинции, где непременные свои квартиры имеют, а гарнизонным остается тогда только содержать караулы у всей внутренней городской экономии и у строений, как-то у церквей, магазейнов, у почтового двора, у госпиталей, у школ, садов и цейхгаузов, у денежных сборов и у прочих подобных сему мест, также и главные форпосты; равномерно и обер-офицеры гарнизонные ко всем таким командам, до гарнизона надлежащим, определяются, где более двух суток пробыть надобно,

как например, к приему фуража и провианта, к строению итого подобного, а затем еще все оставшие употребляются в крепостную и городскую работу с заплатою. Когда же полевых полков не случится, то караулы и все прочие, что на полевых солдат положено, отправлять гарнизону».[69]

В Восточной Сибири два гарнизонных батальона сделали пограничными, а их полицейско-исполнительские функции перешли к учрежденным штатом 15 декабря 1763 г. по всем городам «городовым командам», которые употреблялись «для случившихся в городах посылок, отправления в разные места денежной казны, к поимке в случае нужном воров и разбойников и для разных караулов и осмотров», Эти команды по штатам (губернская рота - из 132 чел., провинциальная - из 57, уездная - 29, а с 1775 г. из 34 и в пригородках - из 14) подчинялись также гражданским властям в лице губернаторов и городничих и содержались за их счет[70]. Это придало местной исполнительной власти открыто военно-бюрократический характер. Офицеры и унтер-офицеры использовались и в контрольно-ревизионных целях. Они обычно возглавляли судебно-следственные комиссии, назначаемые для разбора дел о злоупотреблениях местной администрации[71]. Наконец, довольно часто в Восточной Сибири личному составу регулярных сил приходилось выступать в роли тюремщиков, особенно у осужденных по политическим мотивам[72]. Секретных и важных арестантов караулили особые команды во главе с обер-офицерами, которые получали особые инструкции. Так, в 1748 г. в Нижне-Ковымском остроге надзором за арестантом бароном Менгденом с семьей ведал прапорщик Якутского полка Дмитрий Крылов. В Охотске над караулом находился бывший подполковник Лопухин, которым ведал прапорщик Сибирского полка Новицкий. По инструкции, Лопухина следовало «содержать под крепким осторожным караулом неисходно, и кроме церкви Божьей никуда не пускать, и при тем смотреть, чтоб с ним никто в церкви не говорил и никаким образом уйти не мог и посторонних никого к нему не допускать, бумаги и чернил не давать». Прапорщик был не в ладах с охотским командиром премьер-майором Афанасием Зыбиным, чьи люди обозвали однажды Новицкого «дураком и

разбойником». Когда оскорбленный тюремщик пожаловался, то А.Зыбин донес, что Новицкий, нарушая инструкцию по содержанию узника, «входил в комнату и пил с ним». В результате Сибирская губернская канцелярия сменила 30 сентября 1747 г. Новицкого, а Сенат через год указал судить прапорщика военным судом в Тобольске, то есть «держать над ним фергер и кригсрехт» [73]. В Селенгинске караулом над Степаном Лопухиным и его женой Натальей ведал поручик Якутского полка Ангусаев, который рапортом от 7 июля 1748 г. донес, что колодник «из-за ножной болезни умер 6 июля».

Таким образом, регулярные части Восточной Сибири, в первую очередь гарнизонные и городовые команды, выполняя преимущественно фискально-полицейские функции, выступали особым ведомственным аппаратом общего управления, который тесно состыковывался, а на уровне городовых команд сливался с общегражданским аппаратом.

Глава 3.2. РЯДОВОЙ И УНТЕР-ОФИЦЕРСКИЙ СОСТАВ РЕГУЛЯРНЫХ ВОЙСК

Кроме общего названия «солдаты», в Восточной Сибири в конных частях рядовые назывались драгунами, в пеших - мушкетерами и в 50-60-е гг. - гренадерами, а с 70-х годов -ещё и егерями. Следует отметить, что Сибирь отличалась полным отсутствием учрежденных с 1764 г. в 31 российском городе «инвалидных команд», вместо которых были «штатные городовые команды» или роты на правах гарнизонных частей.

В основе системы формирования и пополнения всех видов частей и родов регулярных войск в России с ХУШ в. лежала, как известно, рекрутская система. Волонтёрство, или добровольное поступление на военную службу, заметную роль играло лишь на начальном этапе Северной войны, когда многие холопы такой ценой получали себе и членам своих семей свободу. Рекрутчина пожизненно отрывала от мирных занятий трудовую молодежь города и села. Только в 1793 г, для рядовых ввели 25-летний срок службы. Каждый рекрут в принципе должен был пройти следующие ступени своего армейского, а значит вообще жизненного пути: полевые полки; гарнизонная служба в полках (с 1764 г. - в батальонах); присутственные места гражданских ведомств (сторожа, рассыльщики и т. д.) или поселение; увольнение на собственное пропитание или содержание в монастыре или богадельне, а с 1764 г. - нахождение в инвалидной команде[74].

Эта разработанная еще Петром I система, ориентированная на максимальное использование рядового состава армии, а также не имеющих средств к существованию офицеров, была неизбежной для страны на тогдашнем уровне развития.

В Сибири набор рекрутов проводился в целом по общероссийскому образцу. Обычно именной печатный указ, определявший размеры и порядок

набора, объявлялся населению в январе-феврале каждого года. Реализовать его следовало за срок от шести недель до двух месяцев. Выбранные для этой цели «отдатчики», как доверенные сельских миров и посадских общин, разбитых на особые сотни, отвечали за физическое состояние и полное обеспечение рекрутов всем необходимым для следования к месту зачисления в воинское подразделение. На военную службу брали лиц мужского пола от 18 до 37 лет, ростом не менее двух аршин, «здоровых и не увечных». Каждый «даточный» солдат должен иметь установленной номенклатуры одежду, обувь и продовольствие. Сибирский рекрут в 40-60-е гг., например, получал от «отдатчиков» «домашнее платье» (сермяжный кафтан, шубу, шапку, рукавицы, две рубахи с портами, штаны сермяжные или кожаные, чулки), обувь (коты, голицы) и месячный запас провианта (два четверика, то есть 32 кг ржаной муки, 1/8 четверика или гарнец крупы и два фунта или 800 г. соли), а также 50 коп. «вместо жалованья на корм»[75]. На случай болезни во время следования в полк под больных давали казенные или обывательские за прогонные деньги подводы из расчета одну на капральство из 12 человек, а также специальные суммы на вино, уксус и другие лекарства из расчета три коп. на рекрута. Доставку отданных на военную службу обеспечивали: с одной стороны, выделенные воеводскими канцеляриями особые «отводчики» из казаков, а с другой - солдатские команды, которые по нормам 1766 г. составлялись из расчета на каждых 10 рекрутов по два «старых солдата», на 20 - один унтер-офицер и на 50 - обер-офицер[76]. Однако эти нормы редко соблюдались. Так, в 1741 г. 64 рекрута, собранные в Енисейском уезде, доставлялись в Тобольск солдатом Мартовым с «отводцами» в лице выборного сына боярского с пятью казаками. 34 красноярских рекрута сопровождали тоже выборные служилые люди[77]. Отправленных из уездных городов в полки рекрутов предписывалось вести «прямыми трактами», в хорошую погоду проходя ежесуточно 20-30 верст. Если движение продолжалось и в ненастье, то норма суточного перехода сокращалась вдвое. Каждый третий день пути отводился для отдыха. Дважды,

утром и вечером, проводилась перекличка. Еще одной мерой предосторожности против побегов была введенная Сенатом с 1738 г. практика выбривания «лбов», то есть стрижка наголо на уездных пунктах сбора рекрутов. Этот унизительный обряд на века стал символом утраты человеком прежнего гражданского статуса[78].

По прибытии рекруты подвергались особому медицинскому освидетельствованию, ибо на местах до 80-х г. это вряд ли кто мог выполнить квалифицированно. По среднесибирским материалам, каждый седьмой-десятый рекрут оказывался физически непригодным к военной службе. Так, в 1741 г. из 64 прибывших в Тобольск из Енисейского уезда рекрутов, «негодными в службы» названо 11 человек, в том числе: «Никита Алексеев - нога ломана, правая; Григорий Фуков - в службу быть ненадежен за слабостию, к тому же череп на голове рассечен; Нефед Мартынов - из левого уха идет материя вонючая; Григорий Чечулин - мал и по сказке его от роду 14 лет и слаб весьма; Павел Анкудинов - малолетен и на правой ноге великий рубец; Иван Ерыкалов - моча не держится и малолетен; Михаил Петухов - за гортанной болезнию, отчего вскорости может зоб вырасти; Дмитрий Горохов - негоден обеими ногами» и т. д. Таких отправляли с билетами назад и требовали замены[79].

До распределения по полкам «даточных солдат» держали под караулом, пересматривая по списку дважды в неделю. Еженедельно им читали воинские артикулы, особенно те пункты, что относились к солдатам. Каждый день, за исключением холодного ветреного времени, рекрутов обучали строю и ружейным приемам с деревянными фузеями. В казармах им настрого запрещалось «в зернь деньги и провиант не проигрывать и не пропивать», а также нигде «безденежно ничего не брать и не грабить»[80].

До 1725 г., то есть до появления в Сибири гарнизонных полков, местных рекрутов направляли на формирование российских полков. Затем Сенат велел их использовать для укомплектования сибирских пехотных, а позже - и

драгунских полков [81]. Такой порядок соблюдался в целом до конца столетия. Например, в 1741 г. указом Военной коллегии рекрутами Сибирской губернии следовало пополнить полки «Сибирского гарнизона», а оставшихся «разослать по указу». Из 103 рекрутов Енисейской провинции, набранных в 1741 г., 72-х определили в новоучрежденный в 1737 г. драгунский полк, пять- в Енисейский и шесть -Тобольский пехотные полки вместо назначенных в отставку, умерших и «убылых другими случаями», трех - в пехотный батальон, а 11, как отмечалось, вернули назад как «негодных к службе». В 69-й набор 1795 г., когда брали по одному рекруту с 500 душ, в Иркутской губернии было собрано 111 чел., которых отводчикам следовало доставить в 6-й эскадрон Иркутского драгунского полка (16 чел.), в Омскую крепость (66 чел.) и Екатеринбургский полевой батальон (29 чел.)[82].

Общую численность забранных в Восточной Сибири ХУШ в. рекрутов довольно трудно определить. Если исходить из данных крупного знатока Сибири, иркутского губернского архитектора и землемера А.И. Лосева, которые использовал вице-губернатор Н. И. Корнилов, то их минимальная численность доходила до 10,3 тыс. человек, ибо русское население Восточной Сибири составляло около 1/3 общесибирского, а по всей Сибири за 77 наборов было взято 38 тыс. человек[83].

Рекрутская система действовала в Сибири с рядом особенностей. Кроме того, что после 1725 г. редким исключением стала отправка рекрутов за Урал, эта повинность временно снималась со всех сибиряков, или навсегда отменялась для отдельных их категорий. Так, по докладу Ф. И. Соймонова от 11 июля 1763 г. в течение пяти лет до 1768 г. Сенат разрешил не брать рекрутов в Сибири, а расквартированные в ней войска укомплектовывались людьми из Европейской России[84]. Но в последний льготный 1768 г., как будто испугавшись своей щедрости, правительство объявило дополнительный набор с сибирского купечества, крестьян и ямщиков «для укомплектования тамошних полков»[85]. Первым пунктом «Генерального учреждения о сборе рекрутов» 1766

г., в отличие от приписного крестьянства всей страны, от рекрутчины освобождались сибирские приписные крестьяне и заводские работники: «Только с имеющихся в Сибирской губернии Колываново-Воскресенских и Нерчинских заводов и приписных к тем заводам мастеровых и работных людей, и крестьян, для нового тех заводов распространения, впредь до указа как рекрут, так и денег, не брать, равно и с тех, кои именными указами для поощрения в Сибири землепашества от того освобождены»[86].

В 1770 г. сроком на 20 лет освобождались от рекрутчины посельщики, то есть ссылаемые помещиками в Сибирь на поселение с зачетом рекрутов крепостные крестьяне, а также те, кого высылали за разные вины городские общины и сельские миры [87].

Еще шире, чем в России, правительство использовало сибирских рекрутов для решения других, не военных, а хозяйственно-колонизационных вопросов. Как отмечал историк В. Г. Изгачев, еще в первой половине ХУШ в. на Нерчинских заводах рекрутов превращали в мастеровых [88]. На новозаведенных Красноярских заводах с 1740 г. тоже работали рекруты, взятые в Красноярском и Кузнецком уездах. Их определяли учениками «плотинного дела, в кузнице и у пильной мельницы, на добычу медной и железной руд и просто в различные работы». По ведомости-ответу Красноярского горного начальства на анкету ученого Г.Ф. Миллера, всего на обоих, Ирбинском и Луказском, заводах в 1741 г. числилось 76 рекрутов, в том числе 50 - на Луказском[89].

Значительно участилась практика использования рекрутов для горно-заводских нужд

с 50-х гг., когда потребовалось обеспечить рабочей силой и продовольствием расширяемые в связи с Семилетней войной в Нерчинске сереброплавильные заводы. 26 января 1756 г. Сенат принял «определение», которое утвердило рекомендации горного специалиста Шлаттера, обследовавшего заводы с этой целью. За счет нового рекрутского набора 1757 г. было увеличено на 430 чел. число «плавильных и горных служителей» (с 285 до 715 чел.). Для пополнения

же этих работных людей впредь назначили из приписных к заводу крестьян в счет рекрутских наборов 525 чел. Кроме того, из собранных в том же 1757 г. в Иркутской провинции рекрутов велели набрать и поселить 300 чел. с женами и детьми близ заводов на положении приписных крестьян[90]. Эти общие данные конкретизируются материалами Г. С. Батенькова, по которым в «заводские нерчинские работники» определили: во-первых, весь рекрутский набор 1757 г. с Иркутской провинции в составе 525 человек с их семьями и 300 рекрутов с женами и детьми из Екатеринбургского заводского ведомства; во-вторых, всех рекрутов за 1756 и 1757 годы, собранных с приписных нерчинских крестьян; в-третьих, 269 человек рекрутского набора за 1758 г. в Иркутской же провинции, наконец, с 1764 г. - ежегодно всех собираемых в счет рекрутчины с заводских нерчинских крестьян людей[91].

Из справки Сената по поводу обращения 14 апреля 1763 г. начальника Нерчинских заводов бригадира В. И. Суворова о снятии с соликамских посельщиков казенной недоимки, по выданной им на обживание ссуды, видно, что 244 рекрута, взятые в 1759 г. по Иркутской провинции, тоже попали не в полки, а в заводскую работу[92]. Суворов же просил для этих целей 1000 рекрутов[93].

Кроме населения Нерчинского горного округа жителям ряда таких северных уездов, как Туруханский, с 1782 г. разрешили впредь вместо рекрутов вносить казне по 120 руб. за каждого[94].

С другой стороны, источники формирования регулярных частей в Восточной и всей Сибири были разнообразнее, нежели в Европейской части России. В первую очередь в этом качестве выступало местное казачество. Штатные казаки, как неподатные, формально - юридически не несли рекрутской повинности, но их, как потомственно-служилых, правительство широко использовало для комплектования регулярной армии. Обычно в солдаты и драгуны брались казачьи дети, что являлось, по сути, неограниченной рекрутской повинностью[95]. Так, уже на следующий год после новой в связи с

подушным обложением расквартировки гарнизонных полков по губерниям Сенат в 1725 г. указал, чтобы в Сибирской губернии, поскольку она пограничная, «недорослями сибирских дворян и детей боярских» пополняли сибирские драгунские конные полки[96]. С середины 30-х гг., когда обострилось положение на южно-сибирской границе, этот указ распространили на детей рядовых сибирских казаков и на пехотные полки. Кроме того, Сенат и Военная коллегия нередко прямо зачисляли в состав регулярных полков уже верстанных штатных казаков. Когда в 1737 г. формировались новый сибирский драгунский полк и отдельный , пехотный батальон, то в них назначили в общей сложности 1260 восточно-сибирских казаков (см. Прил.I,табл. 17). В эти же годы нерчинские и селенгинские казачьи дети, а иногда и штатные казаки, стали поступать в единственный в то время на территории Забайкалья Якутский гарнизонный пехотный полк, который до этого за 10 лет своего пребывания в этом крае практически еще не пополнялся. Например, в 1745 г. пять бывших селенгинских штатных казаков были показаны казачьим головой солдатами Якутского полка[97].

Собранные в 1755 г. в одну Камчадальскую команду командированные в остроги и крепости Якутско-Охотского края и Камчатки солдаты Якутского, Енисейского и Ширванского пехотных полков и драгунского полевого Вологодского, всего 610 чел., в том числе три капитана, семь поручиков и два прапорщика, решено тоже пополнять казачьими детьми со всей Иркутской провинции.[98] Посылку же казачьих команд прекратили. Таким образом, вместо штатных казаков на северо-восток Азии стали присылать казачьих детей, но в качестве солдат[99]. Причем через найм, освободившиеся от своей обычной службы, казаки все равно могли попадать в армейские части. Так, иркутский неподатной казачий сын Иван Мясников в 37 лет был поверстан в казаки и назначен в Анадырскую партию. Очевидно, с помощью богатого тестя, иркутского купца Елесова, он нанял вместо себя в эту службу местного посадского И. Чагина, а сам записался в иркутское купечество. Тем не менее, в

1761 г., то есть через 13 лет, его как казака Иркутская провинциальная канцелярия определила в драгуны[100].

С обострением положения на русско-китайской границе во второй половине 50-60-х гг. к формированию регулярных частей для Забайкалья привлекалось уже все сибирское казачество. В 1757 г. местный Якутский гарнизонный пехотный полк решили развернуть до трехбатальонного состава и особо набрать отдельную конно-гренадерскую роту. Всего потребовалось более 800 чел. Новый батальон стали укомплектовывать казачьими детьми всех сибирских уездов, оставшимися от восполнения убыли в своих местных казачьих командах. Когда же начали в 1758 г. формировать новый конный Якутский полк, то к четырем ротам западно-сибирских полков (400 солдат) взяли еще 400 енисейских и иркутских казаков да 200 человек посадских и цеховых, не имеющих ремесел и торговли.[101]

В это же время правительство впервые стало широко прибегать к практике формирования регулярных частей целиком из ссыльных и других категорий принудительно и легально перемещаемых за Урал лиц. Так, в 3-й батальон Якутского пехотного полка назначили 138 чел. (из 2151 душ обоего пола), выводимых с 1755 г. с Соликамских на Нерчинские заводы беглых беспаспортных лиц, а также штрафованных по всей Сибири солдат и приговоренных к кнуту ссыльных. В семьях назначенных в солдаты соликамских посельщиков числилось 62 жены, 22 ребенка муж. пола и 32 души жен. пола, в том числе до двух лет было 19 душ обоего пола, от двух до шести лет - 18, и от шести до 16 - 17 чел. Однако вице-губернатор Вульф и полковник Васильев так небрежно организовали перевод этой и двух других команд (всего 1390 душ обоего пола, из них детей до двух лет - 9 чел., от двух до шести - 7, от шести до 16 - 356, а лиц от 16 лет и выше - 955 чел.), что во время пути умерло больше половины (781 чел.). Из уцелевших 609 чел. оказались годными в солдаты уже 102 чел., при которых были 41 женщина и 14 детей обоего пола. Их вместе со 149 солдатами, набранными из западно-

сибирских полков и неокладных казачьих детей, всего 306 чел., 1февраля 1757 г. во главе с прапорщиком Концовым отправили в Селенгинск в распоряжение Якутского гарнизонного полка для формирования отдельной конной гренадерской роты[102].

Из выводимых из Польши российских старообрядцев правительство распорядилось набрать четыре ландмилицейских полка, а негодных к военной службе поселить в Сибири, чтобы их потомством пополнять убыль солдат в полках. Для Восточной Сибири из этих « поляков» в 1762-1764 гг. сформировали в Тобольске два гарнизонных пехотных полка (Иркутский и Селенгинский). Офицерский состав и унтер-офицеров для них взяли из расквартированных в Западной Сибири полевых и гарнизонных полков. По указу от 19 апреля 1764 г. эти полки, как и все гарнизонные в стране, преобразовали в гарнизонные батальоны, каждый из 772 чел. личного состава. Восточно-сибирские два полка составили три батальона (1-й, 2-й Селенгинский и Иркутский), общей численностью в 2316 человек [103].

27 декабря 1770 г. Сенат согласился с рапортом сибирского губернатора Д. И. Чичерина, предлагавшим записывать в солдаты годных для этих целей посельщиков из числа ссылаемых на каторгу или на поселение помещичьих крестьян в зачет рекрутов. При этом специально было оговорено, чтобы их не засчитывали за «других тамошних поселян»[104]. До этого указ 1766 г. «Об определении присылаемых на поселение за предерзости помещичьих людей в военную службу» еще считался с личными правами посельщиков и их прежних хозяев, так как предусматривалось личное согласие определенных на службу и их бывших владельцев[105]. Этими фактами, как справедливо заметил М. Т. Белявский, «правительство признавало, что между каторгой, рекрутчиной и работой на помещика нет существенной разницы»[106]. Вообще в Сибири было особенно заметно, что правительство превратило военную службу в средство наказания за самые различные правонарушения. За продажу чужих людей в рекруты по указу 1757 г. дворян из военных отправляли «вечно в солдаты» на

окраины страны, причем нечиновных предварительно наказывали шпицрутенами [107]. По второму пункту 14 статьи «Таможенного суда» годных в военную службу должников из податных отдавали в солдаты, а за них истцам должны были платить миры, но не более 100 руб.[108] Беглых с фальшивыми паспортами тоже определяли с 1766 г. солдатами в дальние гарнизоны[109].

Иркутский вице-губернатор генерал-майор И. Вульф в своем рапорте Сенату от 12 сентября 1763 г. для укомплектования гарнизонов на Камчатке, в том числе в сожженный коряками и вновь восстановленный острог на р. Аклане, предлагал записать в солдаты, а также в казаки «всех прописных и с просроченными паспортами и без паспортов живущих» в Охотско-Якутском крае и на Камчатке. Армия, по сравнению с обычным для них наказанием в виде поселения на Нерчинских заводах, по мнению этого администратора, была более эффективным средством использования этих самовольных поселенцев в казенных интересах[110]. Направлялись в сибирские военные части и просто уголовные преступники. Например, в 60-х гг. дворянина из Старой Руссы 30-летнего Г. Апушкина за ограбление на дороге крестьянина (отнял три руб. денег, лошадь с санями, семь туш свиных, два пуда соли и калачей) Сенат приговорил после наказания плетьми сослать на поселение, но Екатерина П заменила ему поселение на солдатскую службу в Сибири «в рассуждении, что оный Апушкин в летах еще молод и в такую продерзость впал впервые» [111]. Аналогичным образом поступали с сибиряками. Так, в один 1753 г. за «воровское винное курение» Иркутская провинциальная канцелярия определила солдатами в Якутский гарнизонный полк четырех крестьян Кудинской слободы Иркутского уезда. Вернуться в прежнее сословие им помогла лишь амнистия по случаю смерти Елизаветы Петровны, объявленная указом от 18 декабря 1761 г.[112]

Для рядового и унтер-офицерского состава, регулярные сибирские части в ХУШ в. по воле правительства выступали в роли штрафных. С 1719 г. добровольно явившихся беглых рекрутов и солдат не казнили, а отправляли для

отбывания службы в Сибирь или Азов. Ссылаемых в Сибирь беглых солдат направляли не на вечную каторгу, а «как правило, в местные гарнизонные войска»[113]. Унтер- и обер-офицеров за воинские преступления тоже разжалывали в солдаты отдаленных полков. Так, 30 октября 1740 г. Военная коллегия сержанта Тобольского гарнизонного полка Архипа Колупаева «за невежливые слова к поручику Мамееву и за ложное сказывание государева слова и дела» приговорила прогнать девять раз сквозь полк шпицрутенами и написать до выслуги в солдаты. В том же 1740 г. 16 октября Военная коллегия велела написать «Сибирского гарнизона» капитана Тимофея Овцына «в солдаты до выслуги» за то, что он необоснованно девять раз прогнал солдата Д. Романовцева шпицрутенами сквозь полковой строй[114]. Сергей Гусев, родом «причетник из Киренска» Илимского уезда, участник Семилетней войны, за побег «без штрафу послан был в Сибирский низовой корпус» и в 1776 г. 52-х лет оказался солдатом Якутской городовой команды [115]. Мушкетером Туруханской городовой воинской команды в 1793 г. был Федор Дементьев, 40 лет, из пошехонских экономических крестьян, который был прислан в Сибирь в солдаты «за преступление по бывшему замешательству в Казани», то есть возможно за участие в крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева[116]

Начиная с Петра I, в армию отправляли также всех тех, кто оказывался за официальными пределами установленных сословий. Так, в 1721 г. после ввода новых, в три раза уменьшенных штатов приходских церквей, все заштатные священники, дьяконы и дьячки без всяких церемоний были записаны в солдаты[117]. Инструкция по проведению второй ревизии от 16 декабря 1743 г. предписывала сверхштатных детей церковнослужителей и лишних причетников записывать в тяглые категории, а тех, кто пожелает, - в военную службу. Тогда же всех годных к армейской службе вольных людей, что жили у разных владельцев, велено отдавать в солдаты, а прочих по их желанию писать в посад или за помещиками, если за них будут платить подушные деньги. Так же велено было поступать с «разночинцами и незаконнорожденными, и людьми

боярскими, отпущенными из домов с отпускными и вечными паспортами»[118].

По сравнению с другими источниками, небольшую роль в пополнении солдатских рядов в Восточной Сибири играло естественное воспроизводство. Его доля зависела, в первую очередь, от семейного положения солдат, материальных условий жизни и воспитания их сыновей. Эти факторы в ХУШ в. в целом были малоблагоприятными. Доля семейных среди солдат была крайне невелика. Хотя жены даже взятых в рекруты крепостных крестьян могли следовать за своими мужьями, но крестьянские миры и посадские общины обычно отдавали в солдаты «маломочных», а значит, чаще всего холостых своих членов. Так, в 1785 г. от податного населения Красноярского уезда при наборе с каждых 500 ревизских душ по два рекрута взяли в солдаты 51 чел., из них только шестеро были семейные, а 40 чел. находились прежде в «срочной работе»[119].

Довольно широкие у сибирских крестьян с посадскими возможности найма за себя в солдатчину ссыльных, посельщиков, незаконнорожденных и просто бедняков тоже увеличивали среди рекрутов долю холостых. Так, в 1741 г. из 98 рекрутов Енисейской провинции 12 шли вместо других, а в 1785 г. на 51 рекрута Красноярского уезда таких приходилось пять человек, в среднем каждый восьмой-десятый сдаваемый в солдаты. Все «нанятые» были холостые[120].

Во время службы солдат тоже мог обзавестись семьей, но, судя по «Инструкциям полковникам» 1764 и 1766 гг., только с разрешения полкового начальства, если оно «совершенно партию сходну увидит». При этом невеста должна была предоставить письменное свидетельство (отпускную) от властей, хозяев или родителей. Кроме того, за нее следовало уплатить «выводные деньги по примеру тутошних мест»[121]. В Сибири солдаты роднились с представителями различных социальных слоев и групп, ибо сословное деление тогдашнего общества отличалось расплывчатостью. Так, иркутский канонир Иван Воронов, судя по ревизским сказкам 1762 г., был женат на 20-летней Марье, сестре

местного потомственного купца Петра Васильевича Литвинцева, а его зятьями были иркутский купец, кудинский казенный и монастырский крестьяне, а также иркутский разночинец. Солдат же Якутского гарнизонного полка Иван Нечаев был тоже женат на сестре иркутского купца Федора Андреевича Белослудцева, мать которой, 67-летняя Дарья, была дочерью верхнеангарского крестьянина Ивана Черепанова[122]. Однако случаи обзаведения семьями были все же , сравнительно нечастым явлением в воинских частях даже к концу ХУШ столетия (см. Прил.I.табл.20).

По исповедному списку Иркутского гарнизонного полка на февраль 1798 г. в пяти ротах и в прикомандированных к нему командах числилось 855 унтер-офицеров и рядовых, из которых лишь 29,0% были женаты (всего 248 жен), то есть почти каждый третий. В их семьях насчитывалось всего 106 детей, в том числе 19 мальчиков и 87 девочек. Даже если численность мальчиков приравнять к численности девочек, ибо дети старше семи лет скорее всего обучались в школе, жили не с родителями и потому не попали в отчетность, то все равно получается, что рядовой и унтер-офицерский состав гарнизонного полка демографически воспроизводился лишь на 1/10 общего своего состава. Другая картина с соотношением полов и удельным весом детей мужского пола у членов Нерчинской городовой команды в 1803 г., поскольку ее формировали, как выше отмечалось, из местных приписных заводских крестьян. Но и в ней на каждых 10 солдат приходилось семеро детей. Чистый же прирост в последующие 1804 и 1805 гг. в этой части составлял на 270 чел. строевых военных чинов, соответственно 12 и 17 младенцев муж. пола. Уместно будет сравнить, что в 1741 г. по смотру начальника Красноярских заводов, бергмейстера Н. Клеопина, у 44 солдат Луказской заводской команды было только четыре семьи, а в них четверо детей муж. пола[123].

Причины разительных отличий уровня семейного положения в этих частях, раскрываются данными других подразделений, по которым известно сословно-территориальное происхождение солдат. В первую очередь, отметим, что

данные исповедных росписей за 1795 г. по Красноярской уездной городовой команде и стоящей в городе первой роте Томского гарнизонного батальона показывают, что тип этих воинских частей не влиял сильно на уровень в них семейной жизни. Солдатские семьи в целом были близки к обычной малой семье - на 124 двора приходилось 217 душ мужского пола и 236 душ жен. пола[124]. Однако по сведениям формулярных списков городовых воинских команд Якутска за 1770-1781 гг. и Туруханска за 1793 г. видно, что возможности для семейной жизни в этого рода воинских формированиях были все же выше, чем в гарнизонных частях. Хотя по территориальному происхождению солдаты этих команд значительно отличались друг от друга (в Якутской команде уроженцы Сибири составляли 87,2%, т. е. 75 чел. из 86, а в Туруханской 21%, т. е. 4 из 18), но по семейному положению они были близки: из 86 якутских солдат женатые составляли 59,3% (51 чел.), а у туруханских - 52%, или 10 из 18. Наличие детей в формулярах 70-х гг. у чинов Якутской команды не указано, а в Туруханской только один мальчик 9-ти лег отмечен у прапорщика С. Русанова[125]. Однако по «Реестру малолетним солдатским детям» Якутской военной городовой команды за первую треть 1789 г., составленному в связи с выдачей на них казенного провианта, на 44 военных чина с тремя отставными приходилось девять детей муж. пола от трех до шести лет[126]. Учитывая наличие детей старше семи лет, что находились в Иркутской гарнизонной школе, следует признать, что у солдат местного происхождения уровень естественного воспроизводства был выше, чем у солдат-выходцев из Европейской России, но оставался все же низким. Кстати, личный состав Нерчинского (ранее Екатеринбургского) горного батальона со времени своего учреждения, как уже отмечалось, пополнялся за счет местных источников.

Жалование солдат было настолько скудным, что правительство даже немногочисленных их детей уже с младенческого возраста брало на казенное содержание. Согласно «Инструкции полковнику» 1764 г. солдатским детям в возрасте от двух до шести лет положено выдавать казенный провиант по

четверику (пуду) в месяц и по половине гарнца каждому, или же деньгами по местным хлебным ценам. Тогда же с учреждением городовых штатных команд вдовам гарнизонных солдат и отставным на пропитание была введена в размерах общей для страны назначенной пенсионной суммы в 34400 руб. пожизненная пенсия в размере двух руб. в год на себя и по три руб. на детей. Содержание на детей прекращали выдавать со времени зачисления мальчиков в школы, а девочкам - по достижении ими 12-летнего возраста, после чего их, если они не выходили замуж, следовало отдавать на фабрики.

Живущие при полках вдовы получали на детей с двухлетнего возраста по четверику хлеба ежемесячно[127]. В школы, сначала цифирные, а с 1732 г.- полковые или гарнизонные, отдавали с 7-летнего возраста, а сирот, по указу с 1761 г., раньше, как не имеющих пропитания. По штатам 1731 г. в первый год, «по вступлению в науку, пока изучают букварь и заповеди», школьник получал 1 руб. 35 коп. жалованья; затем, «по вступлении в письменную науку, и которые склады писать будут, и обучаются петь, к арифметике, и музыке, и слесарному мастерству и писарской должности» жалование увеличивалось до 1 руб. 59 коп.; наконец, «которые по окончании арифметики будут обучаться геометрии и фортификации» - те получали 2 руб. 07 коп. Кроме того, на каждого школьника отпускали ежемесячно муки по два четверика, круп - по 1/8 доли четверика и соли по два фунта. Одежда и обувь тоже были казенные: раз в три года был положен мундир в виде кафтана из сермяжного сукна с красными обшлагами и роговыми пуговицами, крытая суровым полотном овчинная шуба, штаны толстого парусного сурового полотна, круглая красная суконная шапка с черным околышем и овчинным низом с нашитым по классам цветными кистями. Ежегодно отпускалась материя на галстуки и деньги (три коп.), две холстинные рубахи и двое портов, а также две пары башмаков с пряжками и чулок. Обучающимся в 3-м классе «в прибавок» отпускалось красное сукно на воротник к кафтану[128]

Обучение детей солдат, как впрочем и других чинов, было обязательным. Так, именным указом от 3 сентября 1736 г. под угрозой уплаты 100 руб. штрафа было объявлено, чтобы «офицерские, дворянские, солдатские и прочих чинов людей дети от семи лет и выше... явились (до 1 января 1737 г. - Г. Б.) и годные - в службу, а малолетние - в школы поступали [129]

По указу Петра I в 1721 г. в каждом гарнизонном полку устанавливалось 50 вакансий для солдатских детей, которых зачисляли в цифирные школы. Полковые школы согласно указу от 2 сентября 1732 г. наполнялись уже из расчета восемь учеников на роту и 64 на полк. С июля 1735 г. разрешили принимать сверхкомплектных учеников, отпуская на каждого по четверику муки в месяц и 30 коп. денег, а в 1744 г. цифирные школы слили с гарнизонными, разрешив обучаться в них всем желающим на своем содержании[130].

Первая гарнизонная школа в Восточной Сибири открылась в Селенгинске при Якутском пехотном полку. В 1741 г. в ней считалось 72 человека, из которых некоторые находились « в гобойной науке». Командир В. В. Якоби подчеркивал, что эта «школа при китайской границе в полном комплекте никогда не состояла», и сделать это невозможно, ибо дети солдат и других чинов и жены их живут «в разных дальних местах». Поскольку школьники собою одни «малорослы и малосильны», а другие - малолетки, то, как рапортовал В. В. Якоби, из них в службу еще никого не определяли, хотя некоторым исполнилось уже 15 лет[131].

По новым штатам 1764 г. каждая гарнизонная школа полка опять получила 50 вакансий, но из них 14 резервировались для офицерских, а остальные - для солдатских детей. Тогда в Иркутске открылась новая гарнизонная школа, где, как и в Селенгинской, в обязательном порядке обучались дети чиновников и приказных, а также дети штатных казаков и всех желающих.

Пёстрый сословный состав учеников гарнизонных школ Восточной Сибири (дети служилых людей и солдат, а со второй половины ХУШ в. - и казаков Приенисейского края, обучались в Тобольской и Томской гарнизонных школах)[132] не позволяет определить, сколько же солдатских детей прошло через это военно-специальное звено подготовки грамотных кадров для армии и местного гражданского управления. Известно, что в Селенгинской гарнизонной школе в 1773 г. обучалось 308 человек, а в Иркутской в 1799 г. - 150 человек[133]

Определение в службу солдатских детей проводилось ежегодно во время рекрутских наборов. Военная коллегия распоряжалась с 15 лет «разбирать всех имеющих в гарнизонах из солдатских детей школьников, годных - определить в полки, а малорослых и непонятных - в писари, слесарные и кузнечные ученики и другие нестроевые чины, а школы наполнить такими же из солдатских детей недорослями» [134]

Косвенными показателями роли гарнизонных школ и естественного воспроизводства в пополнении рядового и унтер-офицеров регулярных частей являются материалы о состоянии грамотности. Так, по формулярным спискам за 1770-1781 гг. в Якутской городовой команде, не считая офицеров, служило 83 человека, из них 36 человек показаны знающими грамоту, в том числе 34 солдата сибирского происхождения[135]. По подсчетам В. Н. Шерстобоева, из 34 солдат Киренской городовой команды в 1785 г. 16 умели читать и писать, а остальные были неграмотными[136]. Этот довольно высокий, по сравнению Европейской Россией, уровень грамотности - характерный показатель для частей, которые формировались за счет местных восточносибирских источников. И наоборот, военные подразделения, что состояли из лиц несибирского происхождения, отличались низкой грамотностью. Например, в 1793 г. в Туруханской городовой команде, в которой только пятеро были сибиряками, грамоту знал из 18 человек только один сержант, сын тобольского солдата[137].

Более конкретное представление о соотношении источников формирования гарнизонных частей дают формулярные списки Якутской и Туруханской городовых штатных команд, а также тех 13-ти классных чиновников Иркутской губернии 1799 г., которые начинали свою карьеру и служили рядовыми и унтер-офицерами восточносибирских регулярных частей. Из их сословно-социального и территориального происхождения видно (см.Прил.I, табл.18), что внутриармейские источники - графы «дворяне, обер-офицеры и солдаты» - дали по гарнизонным частям девять из 13 чел., по Якутской и Туруханской городовым командам - соответственно, 25 из 83 и 3 из 18 чел. Показательно, что при этом в гарнизонных частях все служащие были родом из Иркутской губернии, в Якутской команде –шесть из Западной Сибири, два- из Средней Сибири, два- из Иркутска, четыре - местные, а в Туруханской - все тоболяки. Исключение составляли пять человек Якутской команды. В должности каптенармуса Гавриил Варахиев, 44 лет, сосланный в 1773 г. за взятие 650 руб. фальшивых денег и разжалованный из сержантов лейб-гвардии Семеновского полка, был родом из мелкопоместных костромских дворян. Драгунскими детьми г. Белгорода и Царева городища являлись солдаты Григорий Зыбин, 41 года, и Леонтий Попов, 1726 года рождения. У солдата Ивана Вакурова отец был нижегородским солдатом, а сам Иван участвовал в Семилетней войне и прислан в возрасте 55 лет в 1777 г. в штат Якутской команды. Алексей Попов из ярославских солдатских детей, тоже заслуженный ветеран Иркутского гарнизонного батальона, в 59 лет в 1772 г. прибыл в Якутскую штатную команду[138].

Заметную группу среди солдат Якутской городовой воинской команды в 1770-1781 гг. составляли дети штатных казаков и казачьих детей, всего 30 из 83. Территориально среди них преобладали местные якутские уроженцы (12 чел., с нерчинскими и охотскими - 15), а также выходцы из Приенисейского края (14 чел.) и один из Томска. Все 12 якутских казачьих детей были сразу в один 1777 г. определены в солдаты местной городовой команды. Солдаты же по

происхождению из енисейских и особенно красноярских казаков, были взяты в полки в основном в 1762-1766 гг., когда спешно формировались в Восточной Сибири новые регулярные полки. Они прибыли в Якутск в 1776 г. по распоряжению Немцова из Иркутского гарнизонного батальона[139].

В Туруханской городовой команде всего двое были казачьего происхождения. Из томских казаков был «фурьер в капральской должности» Федор Монастырев 50 лет, начавший военную службу в 1765 г. Совсем иная судьба была у мушкетера этой команды 50-летнего Семена Толкачева, из яицких казаков, которого «за неплатеж подушных денег », а скорее всего за причастность к движению Е. И. Пугачева, 1 сентября 1775 г. выслали в Сибирь на поселение[140] .

Вообще, по личному составу Туруханская городовая команда резко отличалась от Якутской и гарнизонных частей Иркутской губернии. Среди туруханских мушкетеров преобладали бывшие помещичьи крестьяне и дворовые, то есть посельщики, к которым, вероятно, относились крещеные черемисин из Казани и вотяк г. Хлынова Вятской губернии, пошехонский экономический крестьянин и посадский из г. Бежина. Солдаты, сибиряки по происхождению, составляли лишь пять из 18 чел., из которых двое были местными из Приенисейского края: 60-летний мушкетер из местных мещан Василий Гневашев, 23-х лет попавший в солдаты, участник «турецкой кампании и взятия Хотина», и енисейский 34-х летний крестьянин Прокопий Ситников, который с 14 лет оказался на военной службе[141]. Настоящих солдат, прошедших службу в полевой армии и участвовавших в сражениях, было всего двое. Помимо Гневашева, опытным воином был 59-летний сержант Василий Овчинников, сын тобольского солдата, который с 17 лет взял в руки оружие в рядах «новоучрежденного (в 1756г.-Г.Б.), что ныне (то есть в 1793 г. - Г. Б.) Колыванский полк», участвовал в 1757 г. в походе за Иртыш; ротным квартирмейстером Киевского кирасирского полка отвел всю «Турецкую кампанию» 1767-1774 гг., выслуживший чин сержанта в 1770 г.

Костяком же Якутской городовой команды с её учреждения в 1764 г. в составе 28 человек, судя по графам формуляров о прохождении службы, штрафах и взысканиях, были солдаты-сибиряки регулярных полков, которые в 1750-1753 и 1757 гг. в командах майора Д. Павлуцкого, капитана В. Шатилова, поручиков С. Кекерова и В. Кашкарева «замиряли изменников коряков, камчадалов и чукчей» и «за ослушание команды» в 1752-1753 гг. были прогнаны шпицрутенами от 3-х до 11 раз сквозь полковой строй. В последующие годы команда пополнялась за счет прямого прибора в ее ряды местной казачьей молодежи (12 чел.), детей солдат (четыре чел.) и трех сыновей командира команды прапорщика Василия Пирожкова, родом из тобольских драгун. Еще больше, всего 32 чел. за 1770-1781 гг., дали служебные переводы солдат из Иркутской губернской роты (три чел.), Алданской городовой команды и особенно из Иркутского и Селенгинского гарнизонных батальонов. Прямые поступления из полевых российских полков носили в целом одиночный характер, всего за 10 лет – восемь чел., в том числе пятеро не сибиряки. Еще меньше было ссыльных[142].

Следует отметить, что в гарнизонах городов, лежащих в более благоприятной, чем

Якутск, по экологическим условиям полосе, чаще встречались бывшие солдаты полевых полков, причем обычно из местных уроженцев. Так, по формулярным спискам Илимской городовой команды за 1773 г. из 29 чел. 10, или каждый третий, долгие годы провели в действующей армии и участвовали в многочисленных сражениях[143].

Военная коллегия, определяя отслуживших свой срок солдат в гарнизоны и городовые команды родных для них мест, традиционно руководствовалась не столько лирическими, сколько сугубо прозаическими мотивами. Считалось, что родственники помогут обеспечить солдат-ветеранов и выйти им «на собственное пропитание», то есть возьмут их на свое содержание. Таким образом, до конца использовав привлеченных в армию людей, центральная

власть стремилась переложить на родственников или миры расходы на уцелевших ветеранов и только в крайнем случае давало им нищенское содержание.

Различия в путях формирования и пополнения Туруханской и Якутской городовых

команд нашли отражение и в возрасте их солдат. Туруханские в среднем были старше на 9 лет, а возрастные группы, соответствующие школьникам и рекрутам, у них почти отсутствовали (см. Прил.I.Табл. 20).

Сведения, сообщаемые В. Н. Шерстобоевым о сословном происхождении и возрасте солдат Илимской (позже Киренской) городовой команды за 1799 и 1785 гг., не противоречат выявленным вышеприведенным материалам об особенностях формирования личного состава солдат регулярных частей Восточной Сибири. Если солдатская масса регулярных полков Европейской России по своему происхождению состояла в подавляющем своем большинстве из крестьян, то солдаты малонаселенной и земледельчески еще мало освоенной Восточной Сибири в первую очередь формировались из служилых слоев населения, причем не столько через рекрутские наборы, сколько прямыми переводами казаков и их взрослых детей в полки. Особенностями общей колонизационной политики правительства в Сибири объясняется и повышенная роль в сибирских регулярных воинских подразделениях штрафного элемента, представленного виновными в воинских, уголовных, гражданских и политических преступлениях. Это функционально придавало сибирским регулярным частям дополнительный карательно-полицейский оттенок по отношению к своему рядовому личному составу. Патриотическая идея защиты Отечества и служению государству, освящавшая рекрутчину, вдобавок откровенно компрометировалась частым использованием рекрутов не по прямому назначению, массовым помещением за Уралом посельщиков, ссылаемых с зачетом рекрутов.

Не выдерживалась общая система комплектования полевых, гарнизонных

полков и городовых команд, основанная на принципе максимального, до физического небытия, использования личного состава армии. И в собственно гарнизонных частях, и городовых командах отдаленной Восточной Сибири многие солдаты не служили в полевой армии и не участвовали в сражениях и походах, несмотря на обилие военных кампаний в второй половине ХУШ в. Естественно, это усиливало другие, полицейско-карательные и хозяйственно - попечительские, функции армейских частей за Уралом, накладывало определенный отпечаток на взгляды, сословное поведение солдат, на особенности их местного статуса.

Об явной тенденции к расширению местных внутриведомственных пополнениях солдатских рядов свидетельствуют также именные списки о дворянах, в чине сержантов и рядовых за 1788-1792 гг. по двум селенгинским батальонам. В 1788 г. в них было дворян- нижних чинов 21 чел., в том числе 14 - дети местных офицеров; пять - российские дворяне, разжалованные из офицеров и сержантов и переведенные в «сибирские гарнизоны» и двое - природные дворяне, определенные на военную службу за уголовные преступления. К 1792 г. трое из офицерских детей стали прапорщиками своего полка (С. Варфоломеев - 30 лет, М. Шангин - 25 лет и И. Волков - 39 лет). Освободившиеся вакансии были тут же заполнены. По спискам на 1792 г. природных и служилых дворян в нижних чинах считалось 20 чел., то есть половина от всех офицеров батальонов, из них детей офицеров по-прежнему было 14 чел. При этом отсутствие вакансий не останавливало. Так, командир 2-го Селенгинского батальона Илья Васильевич Кузнецов, 58 лет, родом «из купечества», еще в 1790 г. определил в свой батальон сержантом 12-летнего сына Василия, правда «на собственном содержании», то есть без жалования. Василий Кузнецов и в 1792 г. оставался самым молодым сержантом части. Каждый солдат в принципе должен был пройти следующие ступени своего армейского, а значит и жизненного, пути: полевые полки; гарнизонные полки (с 1764 г. - гарнизонные батальоны); присутственные места гражданских

ведомств (сторожа, рассыльщики и т. д.) или поселение; увольнение «на собственное пропитание» или содержание в монастыре или богадельне, а с 1764 г. - нахождение в инвалидной команде. Эта разработанная еще Петром I система была ориентирована на максимальное использование личного состава армии. Дело не менялось из-за того, что в Сибири вместо «инвалидных команд» ввели «штатные городовые команды» или роты на правах гарнизонных частей.

Перспектива выслужить офицерский чин была призрачной для многих рядовых и унтер-офицеров из простолюдинов. Сказывалась узкосословная политика центральной власти. Правда, постоянный недокомплект офицеров на местах принуждал к отходу от жесткого курса на чистоту дворянских рядов. Так, командир Якутского пехотного полка В.В. Якоби, испытывая острую нужду в офицерах, решил выйти из положения за счет внутренних ресурсов полка. На имеющиеся четыре вакансии из унтер-офицеров были «выбаллотированы», то есть выбраны, офицерами полка три грамотных унтер-офицера (Семен Кекеров – родом из казачьих детей, Александр Ангусаев - из сибирских детей боярских, Иван Ленной - из конных казаков) и комиссар полка из подьячих Василий Сергеев. Командир «Сибирского гарнизона» и Военная коллегия санкционировали это производство. В списках офицеров Якутского полка за 1749-1764 гг. Сергеев показан капитаном «сверхкомплекта», Кекеров и Ленной - поручиками, а Ангусаев - в чине поручика выбыл из полка 1750 г. По именному списку офицеров Якутского полка за 1749-1755 гг. установлено, что крупная для полка баллотировка шести унтер-офицеров в прапорщики имела место и в начале 1754 г. В документе прямо не сказано, что они именно таким путем стали офицерами, но личный состав новоявленных прапорщиков это подтверждает. Среди них, Иван Тарский, сын капитана местного полка, родом из казачьих детей и Иван Тренц, сын иркутского лекаря. Только в отношении двоих, Михаила Маэра из обер-офицерских детей и Федора Курбатова из солдатских детей, нельзя определенно сказать, имели ли

они прежде отношение к Якутскому полку, а значит, могли ли быть присланными от Военной коллегии.

С середины XVIII в. до 50 % офицерского состава войск «Сибирского гарнизона» уже давала выслуга солдат-сибиряков непрестижного происхождения и детей местных офицеров. К сожалению, источники не позволяют точно и непосредственно определить эти два слагаемых сибирской группы офицеров. Ясно одно, что выходцы из казачества и солдат из податных сословий явно преобладали. Так, в Якутском гарнизонном пехотном полку на 20 офицеров-сибиряков приходилось только 7, чьи отцы были обер-офицерами и российскими дворянами. По остальным западно-сибирским полкам это соотношение (естественно, у офицеров с установленным сибирским происхождением) выглядело еще более впечатляющим - из 65 чел. только у 13 родители были в потомственном или лично-служилом дворянстве. Таким образом, по этим данным выслуга давала, по сравнению с естественным воспроизводством (дети офицеров становились офицерами), от двух третей до четырех пятых, или от 60% до 80%, всех офицеров сибирского происхождения. Но и эта цифра должна быть повышена, если учесть, что среди 99 (кроме сибиряков) оставшихся офицеров только 58 были из дворян, причем лишь у 21 из них по всем спискам удалось установить российское происхождение их родителей, у 37 территориальное происхождение не было указано. Остальные офицеры (99-58) были неизвестного происхождения, но не из дворян.

Во второй половине XVIII в. среди офицеров удельный вес, выслужившихся из податных и казаков, как по всей стране, так и по Восточной Сибири, сокращается. Об этом, свидетельствуют данные выборки из формуляров тех, занимавших в 1799 г. классные должности в Иркутской губернии чиновников, что были сибирского происхождения и начинали свою карьеру с военной службы. Таких из 172 чел. насчитывалось всего 18, из них 12 в офицерском звании ушли на гражданскую службу. Ни один представитель сибирских податных сословий и казачества не пробился через военную службу и

офицерский ранг в ряды классных чиновников, в то время, как дети лиц из привилегированных сословий, хотя их число было меньшим, смогли это сделать. Шестеро же (солдатские дети Толстиков, Якимов, Савельев, Шлаков, унтер-офицерский сын Багулин, казачий сын Бритюков), начав службу в Иркутском, Селенгинском батальонах (3 чел.), Иркутской городовой команде (2 чел.) и Якутском пехотном полку (1 чел.) и, дослужившись до первых унтер-офицерских чинов, очевидно, почувствовали при своем незавидном сословном происхождении бесперспективность выслуги офицерского чина в местных условиях мирного времени, ушли на гражданскую приказную службу, со временем получив через нее свои классные чины. [144]

Итак, для ХУШ в. новым армейским разрядом служебного населения являлся рядовой и унтер-офицерский личный состав частей регулярной армии, которые широко использовались российским абсолютизмом в фискально-полицейских, карательных и даже хозяйственных целях. В отличие от казачества и духовенства, воспроизводившихся главным образом за счет естественного прироста, рядовой состав регулярной армии формировался и пополнялся за счет рекрутских наборов со всех податных страны, а также добровольцев и разного рода преступников. В условиях активно колонизируемой заенисейской окраины в ХУШ в. сложились такие особенности как почти полное отсутствие полевых частей при наличии довольно значительного контингента гарнизонных войск и городовых военных команд; более разнообразные источники комплектования полков в силу прямых переводов в солдаты сибирских казаков, массового поступления штрафных элементов, крайне низкого уровня семейной жизни у солдат. Сама рекрутская система действовала в Сибири своеобразно. В отдельные годы (1756-1768 и др.) рекрутов вообще не брали, а если и брали, то нередко использовали не по прямому назначению, а как колонизационный элемент в пограничной полосе и зоне Московско-Сибирского тракта, или в качестве рабочей силы на казенных заводах. До 70-х годов ХУШ в. сибирских рекрутов,

минуя полевые полки, сразу назначали в гарнизонные части, а с 1764 г. - в гарнизонные батальоны и городовые команды.

В целом, по содержанию своей службы, статусу и образу жизни солдаты сибирских гарнизонов и городовых военных команд были ближе не к рядовому составу полевых полков, а к иррегулярным казачьим формированиям, на которых распространялась общеармейская военная дисциплина. Подобная трансформация столь важного атрибута российского абсолютизма как регулярная армия обнаруживает архаизацию политической надстройки и системы управления на колонизируемой восточно-сибирской окраине страны (см. Прил.I, табл.21,22).

П р и м е ч а н и я:

[1]Водарский Я.Е. Численность русского населения Сибири в XVII-XVIII вв.//Русское население Приморья и Сибири (период феодализма).- М.,1973. С. 199-212.

[2]Алексеев А.И. Охотск - колыбель русского Тихоокеанского флота.- Хабаровск: Кн. изд-во, 1958.

[3]Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке.- М. ,1958. С. 27,44-45.

[4]Сборник военно-исторических материалов.- Спб., 1904. Вып XVI. С. 89; Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн.1. - СПб.,1886. С.212-213,239.

[5]Словцов П.А. Историческое обозрение… Кн.1. С.194; Васильев А.П. Забайкальские казаки./Исторический очерк.- Чита, 1916. Т.2. С.46; Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений.- М.: Наука, 1983. С.81-83; Международные отношения на Дальнем Востоке.- М.: Мысль, 1973. С. 38-39; Яснев В.С. Кручинин А.Г. Критика маоистских фальсификаций истории русско-китайского территориального разграничения.//Китай в новое и новейшее время.- М.: Наука, 1981. С.34-79.

[6]Словцов П.А. Историческое обозрение... Кн.1. С.212; Силин Е.П. Кяхта в ХУШ веке.- Иркутск. ,1947. С.40.

[7]Васильев А. П Забайкальские казаки…Т.2.С.48.

[8]СВМ… С. 105; Бескровный Л.Г. Русская армия…С.54.

[9]Соловьев С.М. История России с древнейших времен.- М.: Соцэкгиз, 1963. Кн.XI. С.473-474,592-593; Бескровный Л. Г. Русская армия… С.121-122.

[10]О появлении на окраине Иркутска солдатской слободы с казармами и хозяйственными постройками, строительство которой выпало на долю горожан, местные жители помнили и в XIX в. - См.: Щукин Н.С. Сибирские воеводы. //Дело. 1866, №1. С.9.

[11]СВМ… С.95, 101.

[12]Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства.- М.: Наука,1977. С.262,264.

[13]Бескровный Л.Г. Русская армия… С.61.

[14]Там же... С.67; ПСЗ. Т.VIII. №6129; Т.IX. №6973.

[15]ГАТО ТФ. Ф.341. Оп.1. Д.142. Л.45-52. Подсчет наш; РГАДА. Ф.413 Оп.2. Д.32. Л.ЗО. Ошибочным является утверждение, что «в 1734 г. в Сибири было создано три драгунских полка и один отдельный эскадрон». - См.: Бескровный Л. Г. Русская армия... С.61.

[16]Словцов П.А. Историческое обозрение... Кн.2. С.6.

[17]Освещение деятельности Второй Камчатской экспедиции не входит в нашу задачу. Об этом см.: Греков В.И.Очерки истории русских географических исследований в 1725-1765 гг.- М., 1960.С.55-170.

[18]Шерстобоев В.Н. Обслуживание Второй Камчатской экспедиции крестьянами Ленско

Илимского края. // Сибирь периода феодализма. Вып.2.- Новосибирск: Наука СО, 1965. С.299.

[19]Сенатский архив.- СПб., 1897. Т. VIII. С.43-45; ВасильевА.П. Забайкальские казаки... С.70,76.

[20]Васильев А.П. Забайкальские казаки... С.86.

[21]Беспрозванных Е.Л.Приамурье…С.101; Международные отношения... С.40.

[22]Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соймонов.- М.: Наука, 1966. С.131-145. Беспрозванных Е.Л. Приамурье…С.101-102.

[23] Беспрозванных Е.Л. Приамурье... С. 103-108.

[24] Васильев А.П. Забайкальские казаки... Т.2. С.84-87, 140-141.

[25]Там же... С.103.

[26]Там же… С.110.

[27]РГАДА.Ф.248.Оп.113.Д.3824.Л.450-450об. Вместо донских прислали только 250 тобольских городовых конных казаков, которых первый иркутский губернатор К. Л. Фрауендорф и В. В. Якоби распределил в 1766 г. в Якутский карабинерский и Селенгинский пехотные полки, а прочих - в гарнизонные батальоны и городовые команды.

[28]РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.3824. Л.459.

[29]Васильев А. П. Забайкальские казаки... Т.2. С. 155-157.

[30]РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.3824. Л.452.

[31]Международные отношения... С.40

[32]СВМ… С.81.

[33]Васильев А. П. Забайкальские казаки... Т.2. С. 168,169.

[34]Там же... С. 187-188.

[35]РГВИА. Ф.23. Оп.1/121. Д.1030. Л.2об.-5.

[36]РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.3824. Л.452об.-453.

[37]ПСЗ. Т.XIX. №13649; Васильев А. П. Забайкальские казаки... Т.2. С.203-204.

[38]РГАДА. Ф.248.Оп.113. Д.3824. Л.452об.-453.

[39]Там же.456-459.

[40]Там же. Л.459-461.

[41]Там же. Л.462-463.

[42]Васильев А. П. Забайкальские казаки... Т.2.С.206-297.

[43]Там же. Кн.2. Прил. С.2.

[44]ГАКК. Ф.592. Оп.1. Д.216. Л.1-6об.

[45]РГАДА. Ф.193. Оп1. Д.1335. Л.20-33, 45об.; СВМ… С.20,21.

[46]РГВИА. Ф.23. Оп.1/121. Д.268. Л.5об., 26-28.

[47]Список армейский офицерам, по полкам и батальонам, март 1797.-СПб., 1797. С.127,156-158,220-221. В литературе неточно указывается время его формирования. - См.: Материалы для истории 41-го пехотного Селенгинского полка с 29 ноября 1796 по 29 ноября 1896 г.- Луцк, 1896. С.5.

[48]РГВИА. Ф.23. (Оп. 1/121. Д.1254. Л.11, 20об.

[49]Там же. Ф.23. Оп.1/121. Д1262. Л.28-29; Савельев А. Исторический очерк инженерного управления в России.- СПб., 1879. С.294.

[50]РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д. 1651. Л.610-611; ДРВ. 1791, Ч. ХУШ. С.279.; Герман Карл .Статистическое исследование относительно Российской империи ./ О народонаселении.- СПб., 1819.Ч.1. С.302; ЛОИИ. Ф.115. Д.367.Л.161об.; Гагейместер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири.-СПб., 1854. Т.П. Прил. Табл. I, УШ.

[51]Подсчеты по тем же источникам и официальным итоговым данным, в них указанных. [52]РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.4002. Л.41об.-43, 50-52об.

[53]Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в ХУII- сер. XIX вв.-М.: Наука, 1978. С. 112.

[54]РГАДА. Ф.415. Оп.2. Д.40. Л.121,143об., 183; Ф.248. Оп.4. Д.183. Л.536об.

[55]Там же. Л.34-35; Васильев А. П. Забайкальские казаки... Т.2. С.83-85.

[56]РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.5968. Л.858-897.

[57]Быконя Г. Ф. Динамика посевных площадей и объема хлебной продукции Сибири в XVIII - первой половинеXIX вв. // Крестьянство Сибири эпохи феодализма./ XVII - пер. пол.XIXвв.-Новосибирск:Наука,1982. С.190;ВасильевА.П.Забайкальские казаки...Т.2.С.83-84.

[58]Васильев А.П.Забайкальские казаки...Т.2. С.195-220.

[59]ГАЧО. Ф.10. Оп1. Д.56. Л.322-322об.; Д.63. Л. 10.

[60]Богословский М. М Областная реформа Петра Великого./ Провинция 1719-

1727 гг.-М, 1902. С. 128-163; Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины П.- М. 1913. Т I. С.35-41,423-425; Бескровный Л. Г. Русская армия... С. 112-158.

[61]Москвин И. С. Воеводы и начальники города Якутска и их действия.// Памятная книжка Якутской области на1863 г.- СПб., 1864. С.181-182.

[62]РГАДА. Ф.1092. Оп.1. Д.14. Л.1-188; Ф.248. Оп.4. Д.183. Л. 1094-1120.

[63]Там же. Ф.248. Оп. 113. Д.2795. Л. 182,197об.

[64]Быконя Г.Ф. Русское неподатное население… Гл.2.

[65]Шерстобоев В. Н. Илимская пашня в ХУШ в.-Иркутск: Кн. изд-во, 1957.Т.2.С.548-556; Шмулевич М. М. Троицко-Селенгинский монастырь (80-е гг. XVII - начало XX вв.)- Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. С.26-28.

[66]РГАДА. Ф.349. Оп.6. Д.518. Л.39об.-43.

[67]РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.39. Л.1об. – 15.

[68]Сборник... С.О-З.

[69]Там же. С.113-114.

[70]ПСЗ. Т.XLIV. Ч.2 к№ 11991. С.70. Табл. IX; Дэн В. Э. Население России по пятой ревизии.- М, 1902. Т.2.Ч.2.С16-18.

[71]РГАДА. Ф.607. Оп.2. Д.11. Л.2-4; Москвин И.С. Воеводы...С. 181-185; Рафиенко Л. С. Управление Сибирью в 20-80 гг. ХУШ в.: Дис... канд. ист. наук-Новосибирск, 1968. Гл.2.

[72]Сафронов Ф.Г. Из истории якутской ссылки первой половины XVIII века.// Учен. записки Якутского госуниверситета. Серия истории. Вып.14.- Якутск, 1963.С.99-110; Иванов В.Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII-XVIII вв.-М.: Наука, 1974. С.122-134; Ссылка и каторга в Сибири (ХУШ - нач. XX в). Новосибирск: Наука СО, 1975; Ссылка и общественно-политическая жизнь Сибири. XVIII- начало XX в.-Новосибирск: Наука СО, 1978.

[73]Сенатский архив.- СПб., 1895. Т. VII. С.388-401,450-451.

[74]Дэн В. Э. Население России… С.5-8.

[75]РГАДА. Ф.415. Оп.2. Д. 165. Л.4-22,46-47, 56-82.

[76]Генеральное учреждение о сборе в государстве рекрут.- СПб., 1766. С. 1-15; Бескровный Л. Г. Русская армия... С.26-40,112-118,292-301.

[77]РГАДА. Ф.415. Оп.2. Д165. Л.259о.-260,273.

[78]Там же. Л.276об.-277.

[79]Там же. Л.274-275.

[80]Генеральное учреждение... С.9-12.

[81]Бескровный Л. Г Русская армия... С.39; ПСЗ. Т.VII. №4801; Емельянов Н. Ф. Население среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятая, повинности). -Томск: ТГУ, 1980. С. 134.

[82]РГАДА. Ф.415. Оп.2. Д.165. Л.46-56; ГАРС. Ф.177. Оп.1. Д.ЗЗ. Л.3-4об., 29.

[83]Корнилов Н. И. Замечания о Сибири.- СПб., 1828. С.8. По подсчетам П.А. Словцова их число было ещё большим, если в период с 1709 г. по 1741 г. за 29 наборов взяли 28 тыс. рекрутов, а за 13 лет после 1737 г. -16 тыс. человек. См.: Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири... С.273.

[84]ПСЗ.Т.XVI. №11860; Т.XVIII. №13190; Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири.- СПб., 1887. Т.4. С.121.

[85]ПСЗ.Т.XVIII. №13181,13190.

[86] Генеральное учреждение... С. 1; См. также: Бескровный Л. Г. Русская армия... С.297.

[87]ПСЗ. Т.XXIV. №18525; Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в ХУШ в.- Новосибирск: Наука СО, 1981.С.140-147.

[88]Изгачев В. Г. Формирование рабочих кадров Нерчинских заводов.//Сборник статей по истории Дальнего Востока.-М., 1958. С.249.

[89]РГАДА. Ф.199. Оп.2. Портф.515. Т.1.Л.70об.-72.; Ф.271. Оп.1.Ч.7.Д.3278.Л.129об., 144-147; Д.3279.Л.70.

[90]Там же. Ф.248. Д.3468. Л.124-125об.

[91]РГБ РО.Ф.20.Оп.1.Д19.С.11-12.

[92] РГАДА. Ф.248. Д.3468. Л.128.

[93] РГБ РО. Ф. 178. №6049. Л. 160об.

[94] Андриевнч В. К. Исторический очерк... Т.IX. С.12.

[95]БыконяГ. Ф. Заселение русскими... С.201.

[96]ПСЗ. Т. VII. №4801; Словцов П. А. Историческое обозрение... Кн.1. С.273.

[97]Васильев А.П. Забайкальские казаки… С.80.

[98]РГАДА. Ф.214. Оп.5. Д.2721. Л.7.

[99]Там же. Л.7-7об.; Васильев А.П. Забайкальские казаки... Т.2. С.86.

[100] Там же. Ф.350. Оп.2. Д.1058. Л.346.

[101]ВасильевА.П. Забайкальские казаки... Т.2. С. 160-179.

[102]РГАДА Ф.263. Оп.1. Д.28. Л. 188-188об.; Васильев А. П. Забайкальские казаки... Т.2. С.152.

[103]Там же. Ф.214. Оп.5. Д.2721. Л. 1-8, 58-59, 61; Васильев А. П. Забайкальские казаки... Т.2. С.139-140.

[104]АГС. Т. 1. Ч.2. СПб., 1869. С.271.

[105]Генеральное учреждение... С.8; ПСЗ. Т.XVII. №12536.

[106]Белявский М. Т. Крестьянский вопрос накануне восстания Е. И. Пугачева.- М.:Изд-во МГУ, 1965. С.43.

[107]Романович-Славатинский А. Д. Дворянство в России от начала ХУШ века до отмены крепостного права.- СПб., 1870. С.232.

[108]Новый и полный всеобщий стряпчий или судебный обрядник. М., 1811. Ч.Ш. С.220.

[109]Генеральное учреждение... С.8.

[110]РГАДА. Ф.248. Д.3468. Л188.

[111]Сенатский архив. Т.14. С.9-10; Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра1 до Екатерины 2.- М.,1913.Т.1. С.413.

[112]РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1059. Л.300-300об.

[113]Там же. Ф.415. Оп.1. Д.12. Л.68,70об.

[114]Там же. Ф.416. Оп.1. Д.З. Л.56об.-57.

[115]ГАТО ТФ. Ф.341. Оп.1. Д.244. Л.2об.-3.

[116]Бескровный Л. Г. Русская армия...С.28.

[117]РГБ РО. Ф.178. Оп.2. Д.3063. №22,19об.-22.

[118]Дэн В. Э. Население... Т.2.Ч.2. С. 132,138.

[119]ГААК. Ф.169. Оп.1. Д.385. Л.46-47об., 222,230об., 233,236об., 287об., 290об., 294об., 298,304, 306,319, 363-364,368,371,373,401,430,533.

[120]РГАДА. Ф.415. Оп.2. Д.165. Л.269-277; ГААК. Ф.169. Оп.1. Д.385. Л.47-47об., 222,236-236об., 287-287о6. См. подробнее: Быконя Г. Ф. Заселение русскими... С. 142-143.

[121]Дэн В. Э. Население... Т.2.Ч.2. С.135.

[122]РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д. 1058. Л.49об.-50, 52-52об.

[123]Там же. Ф.271. Оп.1. Ч.7. Д.3278. Л.215об., 217; Ф.199. Оп.2. Порт. 515. Тетр.1. Л.62об.-63.

[124]ГАКК.Ф.592. Оп.1. Д.216. Л.1об.-6об. Подсчет наш.

[125]РГАДА. Ф.416. Оп.1. Д.3. Л.1-51; ГАТО ТФ. Ф.341. Оп.1. Д.244. Л.1-3. Подсчет наш.

[126]ГАРС. Ф.349. Оп.1. Д.289. Л.1-6.

[127]Там же. Л.5; Дэн В. Э. Население... Т.2.Ч.2. С.135.

[128]РГАДА.Ф.248. Д.3468.Л.206-208.

[129]Там же. Ф.415. Оп.2. Д101.

[130]Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири. -Томск, 1886. Т.Ш. С. 117-118; Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII - начала XIX в. -Новосибирск: Наука СО, 1974. С.62-63.

[131]РГАДА. Ф.415. Оп.2. Д.40. Л.149. В литературе ошибочно утверждают, что школа при Якутском гарнизонном полку была открыта в Якутске. См., например: Афанасьев В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии.- Якутск, 1966. С. 105-106.

[132]Копылов А. Н. Очерки... С.63.

[133]Бескровный Л. Г. Русская армия... С.476; Копылов А. Н. Очерки... С.64.

[134]РГАДА. Ф.415. Оп.2. Д.165. Л.22.

[135]Там же. Ф.416. Оп.1 Д.3. Л.1-98. Подсчет наш.

[136]Шерстобоев В. Н. Илимская пашня в ХУШ в.- Иркутск, 1956. Т.2. С.597.

[137]ГАТО ТФ. Ф.341. Оп.1. Д.244. Л. 1-8.

[138]РГАДА. Ф 416. Оп. 1. Д 3. Л.6об., 27об,, 60,64об.-66.

[139]Там же.Л.56об.-57.

[140]ГАТО ТФ. Ф.341. Оп.1. Д.244. Л.5об.-6. .

[141]Там же. Л.6об.-7.

[142]Там же.Л.2об.-3.

[143]Шерстобоев В.Н. Илимская пашня… Т.2. С.594-595.

[144]Подробнее см.:Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII-начале XIX в. /Формирование военно – бюрократического дворянства.- Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та,1985.С. 188-194, 208-210, 212-213.

Глава 4. ЭВОЛЮЦИЯ ЧИСЛЕННОСТИ И ПОЛОЖЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Одним из основных направлений современной исторической науки является розработка истории казачества России в региональном плане.

К истории казачества России, и Сибири в частности, феодальной эпохи обращались довольно многие дореволюционные и советские авторы, однако нет специальной работы во взятых в тематических, хронологических и географических рамках. Лучше изучена история сибирского казачества конца XVI – начала XVIII в., когда русские люди, среди которых преобладали казаки, совершили подвиг первичного заселения и освоения огромнейшей территории от Урала до Тихого океана.

В досоветской историографии отдельные аспекты темы в той или иной степени рассматривались в работах В.С. Семивского, Н.А. Небольсина, Н.А. Абрамова, В.А. Ватина (Бытрянского), В.П. Косованова, Н.Н. Кузьмина.

В основном справочный материал содержится в изданиях ведомственного характера, принадлежавшим главным образом перу казачьих офицеров и генералов Сибирского казачьего войска (В.К. Андриевич, Усов, Н.И. Эпов, А.А. Щербачев, Г.Е. Катанаев, Хлыновский, М. Хорошихин, А.П. Васильев и др.). Из них только А.П. Васильев широко использовал архивный материал, а прочие давали компиляции на основе общих работ и ПСЗ.

В общих работах по истории Сибири П.А. Словцова, Ю.С. Гагемейстера и обширной компиляции по ПСЗ В.К. Андриевича сибирское казачество традиционно разрабатывалось в трех направлениях: 1) происхождение казаков и эволюция их функционального состава; 2) роль казачества в присоединении и освоении Сибири и 3) особенности сословного состава и социально-экономического положения, особенно казачьей верхушки в лице дворян и детей боярских.

У авторов по всем этим вопросам не было единства. Одни видели в сибирских казаках XVIII – начала XIX в. прямых потомков Ермака, посланного с отрядом из Центра за Урал (Н.А. Небольсин, Н.А. Абрамов, А.А. Щербачев и др.), другие считали их, особенно в Иркутской губернии, самовольными выходцами из крестьян и посадских (А.И. Лосев, П.А. Словцов, А.П. Васильев), или просто «набродным сбродом». Нет ясности и в том, кого считать казаком, особенно «черных» казаков, записных и беломестцев.

Правильно в целом отмечая, как специфическую особенность, служебное происхождение сибирского казачества и универсальность его функций, историки сильно расходились в оценке содержания этих служб, и, особенно, в трактовке социально-экономического их положения и классовой сущности. Одни, не различая до конца XVIII в. крепостных, пограничных, линейных и городовых казаков, видели в них преимущественно военную силу нерегулярного типа (Н.А. Небольсин, А. Романович-Словатинский, А.А. Щербачев и др.), а другие относили казачество главным образом к специфической группе с административно-попечительскими и полицейскими функциями (Ю.А. Гагемейстер, Д.М. Головачев, А.П. Щапов и др.). Однако до реформы Сперанского бессловесных исполнителей-атаманов нещадно били палками, хотя другие были помещиками, душе- и землевладельцами (И.С. Пестов, А.П. Степанов).

Мнение П.А. Словцова и Ю.С. Гагемейстера о том, что земли казачьи приняли «характер частных вотчин,… в результате чего и в Сибири появилось целое сословие не бывалых прежде помещиков-вотчинников» (К. Михайлов, В. Арефьев, В.А. Ватин), было оспорено рядом авторов, которые обращали внимание главным образом на тесную связь с производительным трудом как на службе, так и в частной жизни в силу плохого материального казенного обеспечения (Г.Е. Катанаев, Н.Н. Козьмин).

Советские историки значительно продвинули вперед изучение российского, в том числе сибирского, казачества XVII – начало XIX в. По XVII

в. особенно следует отметить блестяще написанные разделы о казаках Приенисейского края основоположника советского сибиреведения, члена-кореспондента АН СССР С.В. Бахрушина, главы книг В.А. Александрова, А.Н. Копылова, а так же кандидатскую диссертацию Г.А. Леонтьевой по истории иркутского и нерчинского казачества. По западносибирскому региону эта же тема теоретически свежо на огромном фактическом материале разработана Н.И. Никитиным. Имеется также солидные исследования, где наряду с другими сюжетами освещена история локальных отрядов казачества за 2,5 столетия – XVII – по первую половину XIX вв.: омского (Ю.Г. Недбай), алтайского (Р.А. Ивонин), томского и кузнецкого (Н.Ф. Емельянов), Березовских и сургутских (Н.А. Миненко), забайкальских (А.С. Зуев), якутских и охотских (Ф.Г. Сафронов). По обоим крупным регионам Сибири был накоплен положительный опыт сквозного изучения истории казачества в рамках XVII – XVIII вв. А.А. Кондрашенковым и В.И. Петровым (Зауралье), Г.С. Башариным (Забайкалье), О.И. Сергеевым (Камчатка), В.Н. Шерстобоевым (Илимский край).

Советские ученые пытались преодолеть альтернативный подход к социальной сущности сибирского казачества, присущий различным направлениям дворянско-буржуазной историографии, когда одни видели в служилых людях XVIII в. лишь привилегированное замкнутое сословие, а другие называли их крепостными и воинами-рабочими. Уже С.В. Бахрушин и В.И. Шунков различали не только в должностном, но и в социальном отношении верхушку и рядовую массу казачества. Именно с сибирскими дворянами и детьми боярскими, а также с монастырями, связывал В.И. Шунков тенденцию к частному феодальному землевладению в Сибири в XVII – XVIII вв. Отдельные же историки прямо относили их по роду служебной деятельности «к низшей прослойки класса феодалов» (А.А. Кондрашенков). Другие были более сдержаны в своей оценке. Так М.М. Громыко, рассмотрев в обстоятельной статье порядок службы, состав, служебные функции и частно-хозяйственную деятельность верхушки западносибирских казаков в XVIII в.,

пришла к выводу, что это «сибирское дворянство находилось не только на территориальной, но и социальной периферии господствующего класса, составляя одну из групп переходного характера.

Многие историки подчеркивали и подчеркивают трудовую сущность казачества Сибири, хотя в отношении ведущих родов их хозяйственной деятельности сохраняются разногласия, В.И. Петров, например, не считает казаков земледельцами, в то время как другие утверждают обратное (В.Н. Шерстобоев, Н.Ф. Емельянов и др.). Встречаются и другие противоречия и даже путаница в определении численности сибирского казачества. Характеристики изменений критериев их сословной принадлежности и общего сословного статуса.

В перестроечное и постперестроечное время на волне возрождения казачества России резко активизировался интерес к его истории. Прошло несколько конференций, вышли десятки книг различных жанров, сотни статей и несколько тематических сборников. Наш регион отражен в работе В.В Глущенко, посвященной казачеству Евразии, трудах Е.Ю. Татлина (Дальний Восток), Н.Н. Смирнова (Забайкалье) и первый том коллективной трехтомника «История казачества Азиатской России, опубликованной в Екатеринбурге в 1999 г. (авторы А.С. Зуев, А.Р. Ивонин, В.В. Лапин, Ю.Г. Недбай, Побережников и др.). В целом добротном первом томе не повезло казакам Восточной Сибири, правда, во многом и по вине автора этих строк. Мало того, в основном были представлены казачьи войска (с 60-хх гг. XVIII в. – команды) пограничные и линейные, а не городовые уездные казаки, которые составляли большинство за Енисеем. Мало того, в Западной Сибири из-за отсутствия корпоративного землевладения их растворили в среде крестьян. Общая же концепция истории казачества Азиатской России дана по линейным казакам, чей сословный статус, внутренняя организация и социально-экономическое положение значительно отличались от других. Спорным и малоаргументированным для XVIII - начала XIX вв. выглядит тезис о том, что казачество является «единым социальным

слоем и специфическим субэтническим образованием в составе русского народа». Первая часть этого тезиса противоречит утверждению, что с конца XVIII в. происходит «расщепление» сословно-правового статуса казачества, которое выразилось в «одворянивании» сверху казачьей верхушки. Расплывчато и неточно, причем только на материалах XIX в. выглядит тезис об ущербности статуса казачьей старшины в Сибири. При характеристике сословно-правового статуса социальный подход смешивается с функциональным, а все казачество названо «переходной социальной группой…, разделенной на ряд слоев», в том числе дети боярские, сибирские дворяне, казачья старшина, пешие и конные казаки, пушкари, затинщики, беломестные казаки. Различия в функциональности служб и статуса уральских, западносибирских и восточносибирских казаков (линейных, пограничных, городовых – с 1823 г. станичных), пестрого сословного, этнонационального происхождения, господство волевого принципа их комплектования, разнотипность социально-экономического положения в их среде, - все это делает преждевременным вывод о том, что в XVIII – начале XIX вв. казачество представляло собой «некое субэтническое образование». Власти сами так не считали, ибо во второй половине XIX в. не раз проводили реформы казачества Сибири.

В зарубежной историографии превалируют работы, посвященные казачеству в более узких хронологических рамках, причем в эмигрантский период (Югославия, Чехословакия, Австралия, Германия, США и др.). Свидетельством резко возросшего интереса к истории казачества, в том числе сибирского, являются несколько состоявшихся в последнее десятилетие международных конференций (Томск, Санкт-Петербург и др.)

4.1. ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ.

Численность казачества Восточной Сибири в XVIII - начале XIX в., как и у других категорий служебного населения, в основном зависела от спускаемого

сверху штатного числа, пополняемого за счет естественного прироста и корректируемого межсословной миграцией притока извне. Колебания же в штатах были обусловлены пограничным положением Южной Сибири, изменением общей и особенно сословной политика центра, а также степенью ее реализации местными властями в отношении к таким близким к верстанному казачеству категориям, как отставные казаки, разночинцы служилого происхождения и отставные чины регулярной армии.

Источниковедчески очень сложной задачей является определение динамики общей численности и удельного веса среди русского населения верстанных казаков с членами их семей и близких к ним сословных групп. Такие массовые демографические источники, как материалы подушных переписей и их ревизий дают явно неполные сведения в силу расплывчатого и нечеткого податного статуса различных категорий казаков Сибири. Так, часть верстанных, а также сверхкомплектных служилых людей Иркутской губернии до 1796г. оставались тяглыми, не говоря уже о не попавших в штат казаках и их детях, а до 1787 г.- отставных казаках и солдат (см. ниже). Функциональное разделение казаков на линейных, городовых и пограничных, подчиненных различным ведомствам, тоже вносило путаницу в статистику, которая перекочевывала в специальную литературу. Например, по Иркутской губернии по ревизским данным, приводимыми В. М. Кабузаном и С. М. Троицким, верстанных казаков с детьми мужского пола числилось в третью ревизию -142 чел. и в четвертую - 602 чел. муж. пола, а по ведомостям Военной коллегии 1763-1765 гг. - их было даже без детей от 2085 до 2575 чел.[1] В литературе более-менее полные сведения о казачьем населении Восточной Сибири относятся : с 1710-1724 (Клочков, Я Е. Водарский) и 1823 гг. (Ю.А. Гагемейстер).

Как известно, в первой четверти XVIII в. петровское правительство упорно искало наиболее эффективные формы податного обложения. Проведение в жизнь подушной реформы потребовало иного учета всех категорий населения и четкого выделения из них неподатных. Применительно к населению Сибири точность и соотносимость данных первой переписи и ревизии с ландратским учетом по всем слоям населения, в том числе казакам, изучал Я.Е. Водарский, чьи данные отражены в табл.23 Прил. I, а также Н.Ф. Емельянов. По подсчетам

Я.Е. Водарского в 1710 г. сибирские казаки с членами своих семей составляли 46151 душу муж. пола или более 33% русских, а по итогам первой ревизии на 1724 г. -51042 души муж. пола, или 30,9%. Из них дворян и детей боярских насчитывалось соответственно 2696 и 3222 чел. (см. Прил. I, табл.23). При этом, сам ученый считал данные на 1710 г. заниженными, а на 1724 г. - завышенными. В первом случае не учтены прописные, т.е. пропущенные, а во втором - включали в себя приписных к казачеству между 1722-1738 гг. Из этого вытекает важный вывод, что во втором десятилетии уменьшение удельного веса служилых людей в общем русском населении Сибири было более значительным. Правда, этот процесс почти не затронул восточносибирский регион. Казачество Восточной Сибири составляло в 1710 г.- 30,2%, а в 1724 г. - 31,7% населения региона или 11220 и 14057 чел. Несколько выше за Енисеем оказался и процент дворян и детей боярских – 29,7 и 36,4% (с членами семей соответственно 800 чел. и 1174 чел. см. Прил. I, табл.23). Затем в течение изучаемого периода общая численность казачества оставалась примерно такой же. Поэтому их доля среди всего русского населения неуклонно понижалась. Так, по данным Ю.А. Гагемейстера к 1823 г. в Восточной Сибири (Енисейская и Иркутская с Якутской областью губернии) казаков с членами семей мужского пола и отставными насчитывалось 14237 чел., что составляло более половины всех нетяглых, но около 7,5% русских, в то время, как податных было около 86%.[2] Как видим, для сибирского казачества петровское время оказалось переломным. Дело в том, что в первую четверть XVIII в. в податном отношении Сибирь, особенно ее восточная часть, была явным и нежелательным исключением по сравнению с основной государственной территорией. Поэтому, проводя налоговую реформу 1718-1724 гг., правительство Петра 1 постаралось за Уралом резко понизить высокий удельный вес нетяглого населения - этот побочный продукт вольнонародной колонизации. Тем более, что по всей стране проходила бюрократическая перестройка аппарата управления и расквартировывались части регулярной армии. В 1724 г. уже на каждых двух штатных казаков приходился один солдат: в четырех регулярных полках насчитывалось 5053 человек, а штатных казаков было 9031 чел.[3]

Один из эффективных путей резкого сокращения количественного состава

служилых людей заключался в ограничении их штатной численности и записи всех остальных, а также отставных и неслужащих казачьих детей в подушный оклад. По сути дела центральная власть задумала свести численность казачьего сословия к числу штатных, то есть реально служащих и получающих казенное материальное содержание казаков. Формально по первому разбору 1720 г. прежний штат казаков сократили по Сибири всего на 467 чел., причем в Западной Сибири штаты увеличили на 245 чел., а за Енисеем их уменьшили на 695 чел. В результате доля Восточной Сибири стала составлять не половину (4673 из 9478), а около 44% казаков или 3978 чел. из 9031 (см. Прил.1, табл.25). При этом в податные списки попала часть штатных служилых казаков второго и нередко третьего поколения. Официальным основанием для этого послужил Сенатский указ от 1 сентября 1720 г. по докладу нового сибирского губернатора кн.А.М. Черкасского. Центральная власть распорядилась казаков тяглого происхождения записать в подушный оклад, но с оставлением их, если это необходимо, на казачьей службе (см. далее).

Этот указ поняли расширительно, и местные власти, как свидетельствуют источники, во многих уездах всех штатных поголовно записали податными. С 1724 г. с них стали взимать подушные деньги, не освобождая от обычных служб. Так, в материалах по разбору в службу казачьих детей Красноярского уезда за 1740 г. прямо отмечено, что «по переписным 1719г. книгам и сказкам полковника князя Солнцева -Засекина в Красноярске и ведомстве написаны общекупно с разночинцами и с пашенными крестьянами в подушный оклад дети боярские, конные и пешие казаки, а кто именно: на Енисейский полк детей боярских - 20 чел., служилых людей -315 чел., на Якутский полк детей боярских -10 чел., служилых людей - 363 чел., итого 708 чел.».[4] Поскольку служилых татар в Красноярской казачьей команде числилось 22 человека, то оказывается, что весь казачий штатный гарнизон стал одновременно тяглым, ибо общий штат его как раз сократили, согласно «мнению губернаторскому», в 1720 г. до 730 чел. (см. Прил. I, табл. 25). Их дети мужского пола, естественно, тоже были внесены в подушные списки. В Иркутской провинции на основания того же указа от I сентября «служилые люди происхождением из крестьян и купцов остались по первой ревизии тоже в подушном окладе».[5]

Общая численность служилых людей, учтенных к 1724 г. среди крестьян и разночинцев, и их распределение по уездам Восточной Сибири дает таблица 24. Прил. 1. Она составлена по материалам Н. Ф. Емельянова, обнаружившего подробную ведомость о тех сословных группах, которые были отнесены по переписи и ревизии к крестьянам, посадским и разночинцам (всего 12363 чел.). По мнению исследователя в эту, поступившую в марте 1726 г. в Сенат, ведомость свели данные переписи 1719-1721 г. и результаты ее проверки, т.е. ревизии в 1722-1723гг., но без городовых верстанных казаков нового штата 1725 г. Если это так, то разницу между выведенной Я.Е. Водарским численностью казачества на 1724 г. (14057 чел.) [6] и числом попавших в тягло (12363 чел.) дает число верстанных казаков (1694 чел.). Но это число оказывается явно заниженным. Ведь по штату должно было быть около 4-х тыс. строевых казаков (см. Прил. I, табл. 25). Н. Ф. Емельянов, по всей видимости, не учел всей сложности процесса перевода служилых людей в тяглецов. Из поля зрения ученого выпало то обстоятельство, что именной указ, освобождавший штатных казаков от подушных и оброчных платежей, вышел 24 апреля 1725 г. и до Тобольска, а из него в уезды Восточной Сибири дошел не сразу. Пунктом третьим этого указа сибирскому губернатору вместе с Солнцевым-Засекиным, вновь предписывалось определить штат казаков для разных служб и посылок и «с тех подушных денег по указу не брать». Через несколько месяцев, а именно 23 октября, было велено попавших в посад конных и пеших казаков тоже взять в прежнюю службу. Но «определения» Сибирской губернской канцелярии о проведении нового разбора и выключке верстанных казаков из крестьянского и посадского тягол были разосланы по городам Восточной Сибири лишь в 1726 г. Для Красноярска, например, указ об этом был написан Тобольском 27 мая, а для Иркутской провинциальной канцелярии - 6 июня 1726 г.[7] Ведомость же с разбором красноярского штата, отосланная в Енисейск для Тобольска, была датирована 31 августом 1726 г. Из нее видно, что все верстанные казаки одновременно числились подушными плательщиками и в 1724 и 1725 гг. В перечне поверстанных в 1740 г. 67 красноярских казачьих детей тоже прямо указано, что их отцы были в службе давно «с начала подушного збору за 1724 и 1725 гг. платили подушные деньги, а с 1726 г. по разбору и определенному штату служили» [8].

Уточнение штатного числа казаков по отдельным уездам затянулось до 1727 г. Так, указом от 31 марта 1727 г. в Якутске число верстанных казаков увеличили с 1050 до 1500 чел., особо оговорив, что не только казаков, но и их детей следует выключить из подушного оклада, чтобы было кем «комплектоваться на место умерших, выбылых»[9]. Только в 1728 г. Сибирская губернская канцелярия разослала остальным сибирским уездам Сенатский указ о «выключке» из тягла детей верстанных дворян, детей боярских и казаков.[10] Сопоставление с подсчетами Я. Е. Водарского тоже показывает, что обнаруженная Н.Ф. Емельяновым ведомость начала 1726 г. дает численность не только заштатных служилых людей, но и значительную часть верстанных (от 3978 отнять 1694 получится 1284).

В целом, в первой четверти XVIII в. в Восточной Сибири казачье население составляло от трети (по ведомости 1726 г. - 12363 из 38739 чел.) до четверти (14057 из 51462 чел.) всего русского мужского населения. Оставшиеся же в штате 1725-1728 г., верстанные казаки без членов семей, в свою очередь, тоже составляли лишь 1/3 - 1/4 часть зафиксированных первой ревизией служилых категорий, то есть 3978 из 14057 чел. (см. Прил. 1, табл. 23,25).

При этом следует подчеркнуть, что данные показатели явно занижены. Штатного числа казаков для несения разнообразных служб, не хватало, поэтому воеводы с ведома губернатора либо пользовались указом 1720 г. для прибора на службу желающих «тяглых разночинцев», как называли не попавших в штат казаков и их детей. Из ревизских списков их, естественно, не могли исключать, поэтому их численность не поддается определению.

Тенденция к уменьшению численности верстанного казачества выступает характернее, если учесть, что в 1727-1730 гг. в связи с организацией кяхтинской торговли и присвоением Селенгинску ранга уездного города, а также учреждением Охотска портом, штат якутских казаков был увеличен до 1500 человек, из которых 300 человек разместили в Охотске и на Камчатке[11].

Наибольшему сокращению подвергся штат сибирских дворян и детей боярских. В Тобольской провинции губернатор Я. И, Долгоруков оставил в 1720 г. 150 дворян и 100 детей боярских, в то время как в 1710 г. всех их было 723 чел.[12] По Восточной Сибири их численность в 1720 г. составляла 231 чел., и тоже значительно сократилась. Сравнивая с данными Я. Е. Водарского за 1724 г.

можно сделать вывод, что лишь 10% верхушки восточносибирского казачества, всего 150 чел. с детьми, осталась в штате. Из 1174 душ муж. пола попало в подушный оклад 1024 чел., в том числе 208 дворян с детьми и 286 детей боярских, у которых было 630 детей и других родственников муж. пола. По уточненным штатам 1725-1728 гг. число штатных дворян и детей боярских несколько увеличилось. В Восточной Сибири их стало соответственно 26 и 176 чел., всего 205 чел., или 34,1%, 44,1% и 42,3% их общей численности по Сибири (см. Прил. I, табл.26). Очередное сокращение численности сибирского казачества имело место в 1736-1737 гг., когда правительство за счет семей штатных казаков целиком сформировало рядовой состав новых регулярных частей - Тобольского драгунского полка и пехотного батальона, общей численностью в 1866 чел.[13] Из Восточной Сибири было взято в полк сначала 474 чел., а по расписанию от 7 сентября 1737 г.- уже 786 чел., в том числе сверхштатных 231 чел. Их распределение по уездам отражено в табл… Прил. I. В результате общее число штатного казачества Сибири (без малолетних детей муж. пола) сократилось с 8532 до 6666 чел., в том числе по восточной ее части с 4164 в 1735 г. до 3387 чел., считая семь новоповерстанных по Нерчинску сибирских дворян.[14]

Как видно из табл.25 убыли только казаки Иркутской провинции. Служилых же приенисейских уездов просто прикомандировывали к регулярным частям, например, в Башкирию для подавления народного движения, а позже для нужд новозаводимых пограничных линий Западной Сибири.[15]

Показательно, что для пополнения убыли в 1736 г. разрешили верстать даже тяглых людей, но с сохранением их податного состояния (см. ниже).

Общий штат пожалованной старшины Восточной Сибири остался прежним -29 сибирских дворян и 176 детей боярских (см. Прил. I, табл. 26). Их, как и старшину Западной Сибири (289 человек, в том числе 66 дворян) Сибирский приказ оставил для «нужд гражданской службы».[16]

В 40-е гг. с обострением обстановки на границе с Джунгарией в разгар сооружения военных линий, прикрывавших кабинетские Алтайские заводы, центральное правительство, по настоянию главного командира Сибирского корпуса генерал-майора Х. Х. Киндермана и сибирского губернатора С. А.

Сухарева, помимо ввода четырех конных регулярных полков разрешает увеличить численность сибирского казачества сверх отмененного штата 1725 г. Указом Сената от 29 сентября 1744 г. было предписано «крайнее старание иметь нерегулярного войска впредь во всех сибирских городах умножить, сколько когда возможно допустить из дворянских детей, боярских и казачьих детей и из других чинов, не положенных в подушный оклад.» [17] Между тем в Тобольской и Енисейской провинциях даже до штатного расписания 1737 г. не хватало 334 чел., к том числе в Енисейске - 46, в Красноярске - 30, Мангазее - 10 казаков.[18] Поскольку многих природных казаков и их детей в 20-30 гг. взяли в регулярные воинские части, то местные власти по-прежнему использовали известный указ от 1 сентябри 1720 г. и указ от 21 января 1736 г. для набора в казаки податных людей, которые по узкосословным соображениям были выключены по первой ревизии из штата служилых людей из-за тяглого происхождения, а также потомков попавших при отставке в тяглое сословие (подробнее далее). Но заметного увеличения численности иррегулярного войска добиться не удалось. Судя по ведомости Х.Х. Киндермана от 3 марта 1751 г., общее число верстанных казаков Сибири увеличилось с 6666 чел. в 1737 г. до 7050 чел., из которых 493 были служилыми татарами. В Восточной же Сибири казаков оказалось даже меньше, чем в 1737 г. - 3049 вместо 3387, поскольку в малонаселенном Якутско-Охотском крае было очень сложно восполнять значительный недокомплект, всего 698 чел. якутских казаков, взятых в местный гарнизонный полк и Анадырскую команду (см. Прил. I, табл.27).

Внутренние же резервы для пополнения рядов сибирского казачества были еще незначительными. Например, в 1749 г. в Западной Сибири на 4271 чел. приходилось 1714 детей, в том числе 307 «поспевших» к службе, то есть 15-летних. Процент детей у приенисейского казачества был лишь чуть выше: 40% всех и 8,3% годных против соответственно 40% и 7,1% (у 757 енисейских и красноярских казаков было 300 детей, из них 63 чел.-15 летние и старше). Годных по .возрасту детей отставных солдат, драгун и казаков было еще меньше, чем казачьих - всего по Западной Сибири 94 чел., в том числе 10 - в Приенисейском крае[19].

Между тем энергичный Х. Х. Киндерман считал, что «для содержания

Китайской и Зюнгорской границ от Красноярска до Кузнецка, также Кузнецкой, Колыванской и Иртышской, Тарской, Ишимской и Тобольских линий в содержание караулов, форпостов, разъездов и во исправление казенного хлебопашества и заготовки соли без оных казаков обойтись никак невозможно». Он довел до 1400 чел. число записных казаков в .Ялуторовском и Ишимском дистриктах, выбранных из крестьян и разночинцев еще в 1732 г. для пограничной предосторожности. Ими заменили отпущенных в 1746 г. домой с Колывано-Воскресенской линии 500 яицких казаков,[20] так как поставленных по укреплениям «крепостных» казаков явно было недостаточно - к 1751г. всего 1946 чел. Мало того, военное ведомство запросило у центральной власти право полного распоряжения и городовыми казаками Сибири, большинство которых (1946 чел. из 2179, в том числе 191 красноярцев) уже использовались для пограничных разъездов.[21] Инициатором выступил все тот же генерал-майор Х. Х. Киндерман, который в своих доношениях в Военную коллегию от 24 октября 1750 г. и 3 марта 1751 г. предложил рядовых городовых казаков освободить от хозяйственно-фискальных задач и, организовав их в три казачьих полка по одной тысяче каждый, и особый, полевого типа, драгунский полк, использовать на охране пограничных линий. Казаки должны были в счет своего жалования получать «дешевой ценою» старое обмундирование, амуницию и оружие местных полевых и гарнизонных полков. Хлебные же оклады должно обеспечить казенное полковое хлебопашество, занятие которым тоже возлагалось на казаков. Для полицейско-фискальных нужд уездных гражданских властей Х. Х. Киндерман считал возможным употреблять отставных урядников, драгун и солдат с капралами, матросов и казаков, которых только в Тобольской и Енисейской провинциях насчитывалось 1446 чел. Их следовало отдать под начало 248 сибирским дворянам и детям боярским (в Енисейске - 7 дворян и 14 детей боярских, Красноярске - 22 и Мангазее - 3 сына боярских). Для пропитания этим, своего рода инвалидным, командам достаточно было, по оптимистичному мнению Х. Х. Киндермана, отвести пашни и сенокосы из «порожних земель»[22] Предложение превратить казачество всей Сибири в полурегулярные части не было полностью принято Сенатом. Дело ограничилось полумерами. По указам 1753-1754 гг. городовыми казаками

стали ведать, кроме подчинявшихся Сибирскому приказу воевод и губернатора, оберкоменданты Тобольска и Иркутска, а также коменданты пограничных уездов, которых назначала Военная коллегия[23].

Хотя вновь набранных казаков ввели в штат, взяв за основу штат 1725-1728 гг., но дополнительных сумм на содержание служилых не выделили, а лишь уравняли оклады крепостных и городовых казаков, разделив их поровну между ними. Х. Х. Киндерману разрешили завести самых дешевых для казны выписных казаков также в Енисейской провинции. Через три года после указа об этом от 1 апреля 1751 г. их насчитывалось в Красноярском уезде 253 чел., а в Енисейском – 1000.[24]

Не изменилось положение служилых казаков, которые числились одновременно в подушном окладе, что конечно, не способствовало привлекательности казачьей службы. Были подтверждены принудительные территориальные перемещения казаков по Сибири, в которых власти видели один из путей разрешения возникших проблем. На военных линиях Западной Сибири уже насчитывалось до 3000 крепостных казаков, из них 45 енисейских, 254 красноярских и три мангазейских. Некоторые из них выписали себе семьи.[25] В связи с увеличением в 1749-1750 гг. числа отъезжающих казаков и строительством редутов от Енисея до Телеутского озера в Северное Присаянье сместилась часть казаков Красноярского уезда.[26] 8 августа 1751 г. по представлению сибирского губернатора В. А. Мятлева для заселения «нерчинских границ» Сенат решил перевести в Забайкалье до 1500 казаков с женами и детьми, которых можно было набирать по всей Сибири, кроме Иртышской линии. Правда свободных казаков не нашлось, и дело об этом заглохло. Все же с 1752 г. на шести караулах в Забайкалье пограничная стража из тунгусов была заменена нерчинскими казаками. Так началась на «Абаканской и Китайской» границах многолетняя служба казачества Восточной Сибири, в результате которой большая часть служилого населения района сдвинулась на юг и со временем превратилась в особый разряд пограничных казаков [27]. Этот процесс определялся прежде всего изменившейся с середины 50-х гг. пограничной ситуации в южной Сибири. После разгрома Джунгарии угроза конфликта с Цинской империей, по мнению правительства и особенно командира Селенгинского полка В.В. Якоби, перемещалась на

восточносибирскую границу. В планах развертывания в ее зоне регулярных полков и строительства крепостей заметное место отводилось служилому населению Енисейской и Иркутской провинций, а также выписным западносибирским казакам[28]. Первоначально в 1757-1758 гг. по предложению бригадира В. В. Якоби на забайкальской границе хотели поместить не менее трех тысяч казаков, взятых из других уездов Иркутской провинции. Но из-за нехватки людей и продовольствия масштабы переселения сначала уменьшили наполовину, а затем решили перевести 1000 выписных казаков Западной Сибири, а также развернуть новые пехотный Селенгинский и конный Якутский полк, доукомплектовав их енисейскими и иркутскими казаками в количестве 400 чел., а также даже податными. К 1763 г. из них сформировали в Камчатском и Большерецком острогах, Верхнекамчатске, Тигильской и Петропавловской крепостях Камчатскую команду казаков, всего 255 чел. [29] К концу 1762 г. Якутский конный полк развернулся в Селенгинске[30]. С учреждением в 1764 г. гарнизонных батальонов и инвалидных воинских команд нехватку солдат тоже восполняли казаками. Вот почему по ведомостям 1763 г., поданным сибирским губернатором Д. И. Чичериным в особую комиссию по нерегулярным войскам, учрежденную и связи с общим пересмотром штатов по гражданскому и военному ведомствам, во всех уездах Восточной Сибири относительно 1725-1728 гг. оказался явный недокомплект в 1203 казаков, ибо в наличии показано только 2775 чел. (см. Прил.I, табл.25). Показательно, что в Западной Сибири, где было больше регулярных частей, число верстанных казаков наоборот увеличилось с 3770 до 4231 чел.

Общая же численность верстанного восточносибирского казачества с детьми мужского пола, если судить по соотношению возрастов на 1763 г. в Западной Сибири (849 детей до 15 лет включительно на 4231 взрослых) и в Приенисейском крае (326 на 660) составляла около 3650 чел. Однако, по поданному в 1761 г. мнению Ф.И. Соймонова, И. Веймарна и К.Л. Фрауендорфа число верстанных казаков в Сибири следовало «умножить», ибо на одних пограничных линиях должно находиться 6500 чел[31]. Всего же во всей Сибири в 1763 г. имелось 7006 верстанных казаков, среди которых сибирских дворян было 71 чел, а детей боярских - 210 чел. Из них в Восточной Сибири числилось соответственно 23 и 101 чел. пожалованной старшины (см. Прил.I, табл.26,27).

Как видим, в 30-60-е гг. доля старого привилегированного слоя казачества в восточносибирском регионе, по сравнению с западносибирским, возросла, хотя общее их число уменьшилось и до штата не хватало 81 чел. Скорее всего это было связано с тем, что тобольские губернские власти шире использовали их в гражданской службе и переводили в канцелярские и низшие табельные чины-ранги (см. ниже).

На средние и низовые казачьи должности сотников, пятидесятников, десятников (всего по Западной Сибири более 400) казачьей старшины не хватало, поэтому на них назначались рядовые казаки. Только в приенисейских уездах, кроме Красноярска, в 1737-1763 гг. более многочисленные дворяне и дети боярские занимали почти все должности сотников и пятидесятников, всего 26 вакансий.

В Иркутской провинции составы должностной и сословной казачьей старшины еще в большей степени не совпадали. По штатам 1737 г. должно было быть 25 сотников, 50 пятидесятников, 250 десятников, всего 325, а дворян и детей боярских насчитывалось только 141 чел[32]. На должность же командиров уездных казачьих войск, то есть в казачьи головы и атаманы с 30-х гг. нередко стали определять отставных офицеров, например в 1737, 1751 и 1763 г. в Тобольске, Таре и Березове, а в 1751 г. - Енисейске.

Поскольку положение на восточносибирской границе оказалось не столь угрожающим, как описывал В. В. Якоби, то в новоучрежденной Иркутской губернии в 1764 г. численность казачества определили по старым штатам 1737 г., всего 2513 чел., в том числе 19 сибирских дворян и 122 чел. детей боярских.[33] Правда, утвержденный Екатериной II доклад по обороне восточносибирской границы от 19 октября 1764 г. в Восточной Сибири предусматривал сокращение развертываемых регулярных сил. Их должны были заменить переселяемые к границе русские казаки и 2400 новоучрежденных инородческих казаков, которых набрали из местных тунгусов и. бурят[34] К.Л. Фрауендорф, а за ним А. И. Бриль занялись реализацией этого, ими слегка скорректированного плана. Тогда же по аналогии с регулярными частями были введены изменения в составе и должностях казачьей старшины - пятидесятников переименовали в урядников, а десятников, уменьшив их число - в капралов. Штатных дворян и детей боярских выделили в особую, «дворянского штата команду», всего 141

чел. Интересно, что по штату А.И. Бриля ее не включили ни в казачьи команды на пограничных дистанциях, ни по уездным городам, ни в должностную старшину, которая составляла в 1764 г.-57, а по штату 1772 г. - 121 чел. (см. Прил.1, табл.26). На устроенных между 1764-1765 гг. вдобавок к 28-ми имеющимся 28-ми новых караулах, 17 отводных пикетах и в семи крепостях Забайкалья, по «росписанию» от 15 ноября 1772 г. губернатора А. И. Бриля оказалось 663 чел., а по новому «росписанию» - 855 русских казаков из 2141, состоявших в штате Иркутской губернии. Позже переведенцы оказались в восьми крепостях, на 63 караулах и восьми дистанций, в том числе нерчинских казаков было 350 чел., селенгинских - 250 и иркутских - 100 чел. На селенгинской границе казачьи поселения расположились по долинам Джиды и Чикоя, а на Нерчинском - по Онону; Борзе, Аргуни.

Городовые казаки по Забайкалью остались лишь в Нерчинске и Верхнеудинске, в каждой по 150 чел., в том числе 50 конных. В 1798 г. их вместе с казаками Иркутска, Охотска, Якутска и Камчатки насчитывалось 762 чел.[35]

В конце 60-х - 70-х гг. переселились на «Абаканскую границу» и красноярские казаки, которые с членами семей к концу XVIII в. стали составлять около половины всего уездного казачества. Они, как и пограничные казаки Иркутской губернии, подчинялись особой Троицкосавской пограничной комендантской канцелярии, которая связывалась с Военной коллегией через иркутского губернатора и была ему подчинена. При этом абаканские казаки по-прежнему считались городовыми, а не пограничными. Всего же, по данным окладных книг и пятой ревизии в Приенисейском крае насчитывалось 515 штатных казаков (136 - в Енисейском уезде, 261 - в Красноярском и 118- в Мангазейском), что составило 20,5% всего верстанного казачества Восточной Сибири (2516 чел., в том числе 800 приграничных и 340 живших на территории Нерчинского заводского округа).

В целом,в 60-80 гг. XVIII в. заинтересованность правительства в казаках Восточной
Сибири способствовала росту их численности. В этом немаловажную роль уже сыграл естественный прирост, которым был стимулирован перемещением многих казаков в приграничную зону, где имелись хорошие возможности для

«домообзаводства». Но правительство так и не решило вопрос о служащих казаках, которые одновременно считались в податном окладе и поэтому в фискальных документах показывались разночинцами. Иркутская провинциальная канцелярия еще в 1748 г. просила об выключке их из тяглых списков. Двойной сословный статус (реально - казачий, а юридически - тяглый) отрицательно сказывался на положении этой части казаков. Так, Удинская провинциальная канцелярия с одобрения правящего должность иркутского губернатора бригадира Немцова с нерчинских казаков (всего 458 по третьей ревизии) в 1776-1778гг. даже собирала рекрутов. Только в начале 80-х г. Военная коллегия добилась отмены этой практики, мотивируя тем, что казаки являются иррегулярными войсками «и на упалые места детьми своими пополняются».[37]

Неблагоприятное влияние на положение и численность казаков оказывало горнозаводское ведомство. С передачей в 1759 г. - территорий Аргунского комиссарства и ведомства Ундинского острога в состав Нерчинского горного округа, заводские власти вновь поставили вопрос о том, чтобы все тяглые казаки, живущие на территории заводского ведомства (по третьей ревизии - 458 чел.), считались приписными со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мало того, 18 казачьих дворов с 39 душами муж. пола впервые записали в третью ревизию в подушные книги и тоже передали заводам[38].

Кратковременное правление Павла I принесло новые изменения для казачества Восточной Сибири, которые отразились на их численности. Иркутский военный комендант и командир местного гарнизонного мушкетерского полка генерал-майор А.И. Блюм, учитывая страсть монарха к реформам, решил военизировать казаков на манер только что учрежденного на юге России поселенного конного Вознесенского полка Екатеринославского казачьего войска. В поданном в столицу 27 января 1798 г. докладе он предлагал, имеющихся в самом Иркутске 400 штатных казаков, переформировать в полк из 600 чел., взяв недостающих из их детей, а также «присовокупить к тому сибирских дворян, сынов боярских с детьми же, которые (по его мнению - Г.Б.), ныне без всякого отправления службы по губерниям остаются праздными». Использовать казачий полк предлагалось для наведения должного порядка в

губернии, на территории которой оказалось много партий беглых ссыльнокаторжных, постоянно убегавших с имевшихся семи казенных фабрик, винокуренных и солеваренных заводов. Павел I именным указом от 18 мая 1798 г. санкционировал организацию Иркутского казачьего полка, но в составе 500 чел. и на «прежнем основании относительно жалованья, вооружения и снаряжения»[39].

Первые меры по реализации этого указа привели в движение и губернские, и пограничные власти. Не желая упускать казаков из своего ведения, они выступили со своими предложениями. Бывший иркутский военный губернатор Нагель повторил свое мнение о том, что без нерегулярного войска «как в прежде, так и ныне обойтись никак невозможно, кроме дворян и детей боярских, кои вовсе почти уже не надобны, ибо прежние их должности занимаются чинами, положенными по образу высочайших учреждений об управлении губернии, но как первые, то есть русские казаки со старшинами, не имея по примеру прочих никаких выгод, получая самомалейшее жалованье, имея свое одеяние, военные снаряды, а конные - своих лошадей, почти все генерально находятся в бедном состоянии; другие же из них платят подушные деньги и содержат в некоторых местах, где нет крестьянских селений, подводную гоньбу, пришли уже и со отправлению службы в совершенное изнеможение и состоят под доимкой тех подушных денег» [40].

Командир же Сибирских пограничных линий Н. К. Штрандман в 1800 г. предложил за счет городовых казаков удвоить число линейных войск - с 3246 до 6000 чел. По его мнению, только в одном из трех наместничеств, а именно Иркутском, казаки нужны в городах, а в других их должны заменять гарнизонные батальоны.[41] Однако с ним не согласились и для пополнения линейных казаков набрали из солдатских детей в 1797-1799 гг. более 2 тыс. чел.[42]

Как видим, высшее местное начальство считало нецелесообразным сохранять сибирских дворян и детей боярских, которые в основном были заняты гражданской службой, а жалование получали по военному ведомству. Не случайно, к концу столетия по Западной Сибири, в том числе в Приенисейском крае, их число резко сократилось. Штаты 1737 г. сохранили только в Иркутской

губернии, в отдаленных и малонаселенных местах которой, таких как Охотск, Якутская область и Камчатка, дешевле для казны и эффективнее для дела было использовать в местных звеньях управления не классных российских чиновников, а местных сибирских дворян и детей боярских.

К началу XIX в. при правлении Александра I неопределенность положения казачества, особенно по отношению к воинскому и гражданским ведомствам, всем бросалась в глаза. Поэтому, когда Сибирь с 1803 г. вновь стала в административно-территориальном отношении единым целым, то сибирские генерал-губернаторы И.О. Селифонтов и И.Б. Пестель непосредственно занимались разработкой нового для казаков положения. Были собраны мнения всех трех гражданских губернаторов Сибири, командира расквартированных за Уралом регулярных войск генерал-лейтената Глазенапа, а также коменданта Троицкосавской пограничной канцелярии. Проекты «учреждения о казаках» гражданских и военных властей не раз рассматривались в Государственном совете. И.Б. Пестелю удалось отвергнуть притязания Глазенапа на городовых и пограничных казаков, который предлагал ограничить их число 2876 чел., свести в пять полков, расселить по трассе Московского тракта и «большим дорогам», использовать в пограничной службе и конвоировании ссыльных партий. По решению Государственного совета, городовые и пограничные казаки были «предоставлены в полное ведение гражданского начальства» [43]. В основу своего «Проекта» И.Б. Пестель положил распоряжение своей креатуры Н.Н. Трескина, бывшего иркутским губернатором в 1806-1817 гг. Общий штат городовых казаков Иркутской губернии составлял при нем 835 чел., из них 685 находились в полицейских командах Иркутского, Верхнеудинского, Нерчинского и Киренского уездов, а прочие вошли в особую Нижнеудинскую особую пограничную команду, обязанную еще сопровождать партии колодников. Н.Н. Трескин предлагал развернуть городовых казаков в два пятисотенных полка (Иркутский и Забайкальский), зачислив в них годных к службе казаков и их детей, «включая в число оных во всяком случае прижитых казачьими девками и вдовами (детей – Г.Б.)». Из казаков Якутской области и Охотского края планировалось образовать «две непременные городовые команды», соответственно из 162 и 144 чел.[44] Из казачьего сословия не выключал «издревле водворившихся в крепостцах и острогах» Охотско-Яутского края

служилых людей, что практически не служили и «жили совершенно так, как и прочие жители». Всех их, кто не пожелал записаться в городовые казаки (в1810 г. - 86 чел.) ранее разделили по станицам, «предоставив пользоваться всеми выгодами и промыслами наравне с прочими тех мест жителями». Эти, по сути дела беломестные казаки, «не получая особого казенного содержания», должны были «иметь присмотр за всеми казенными заведениями и крепостными строениями Чукотской земли». Детьми таких «станичных казаков» укомплектовывали другие казачьи команды казаков. [45]

При томском же губернаторе Марченко в губернии в 1808-1817 гг. имелось штатных городовых казаков 897 чел., из них в Средней Сибири - 382 чел. (Енисейске и Туруханске -по 112 , Красноярске - 158). Кроме того на кабинетских заводах находилось 298 казаков. Губернатор в своем «мнении» вслед за Трескиным считал необходимым довести общее число казаков в губернии до 1750 чел., выделив из них три пятисотных полка. с размещением в Томске с уездом, Кузнецке с Канском и Красноярске с Надымом. В Енисейске же и Туруханске предполагалось содержать отдельные казачьи команды из соответственно 150 и 100 чел. Недостающее число казаков он предлагал восполнить тысячью рекрутов, принимая даже негодных «для фронтовой службы». Казаков же на абаканской границе следовало записать в линейные, подчинив их военному ведомству. Убыль нужно было традиционно восполнять за счет детей казаков, причем с отказом от сверхкомплектных людей[46]. Лишних казачьих детей следовало передавать военному ведомству, а тех, кто будет способен к штатской службе, по недостатку в Томске канцелярских чинов, принимать в канцелярии, но не производить в офицеры ранее 12-ти лет действительной службы, причем их дети должны были идти на пополнение казачества. Новый губернатор Илличевский поддержал мнение своего предшественника, с одной лишь поправкой, чтобы Туруханскую казачью команду увеличили до 165 чел., поскольку в городе после ликвидации «штатной городовой команды» вообще отсутствуют регулярные войска[47].

И.Б. Пестель, включив предложение томского губернатора в свое «Положение о городовых казаках», распространил идею о пополнении казаков рекрутами на всю Сибирь. В четвертом пункте его проекта сказано: «Единовременно на комплектование полков взять для казачьей службы

рекрутов: в Томской губернии - 1000, а Тобольской - 350, в Иркутской - такое число, какое нужно будет, приняв и с маловажными недостатками, как то: малорослым, коротконогих и проч.».

Подход к казачеству как к полурегулярному войску у этого кабинетного администратора, который умудрился около 15-ти лет управлять далекой Сибирью, не покидая столицы, выразился и в 13 -м пункте «Приложения». Сельских казаков по нему следовало стараться переселять в города, особенно в губернские, «для удобства присмотра за ними»[48].

В связи с ревизией в 1817-1819 гг. Сибири «Положение» о городовых казаках И.Б. Пестеля не было принято, но многое из него было проведено в жизнь по реформе графа М. М. Сперанского, сотрудники которого собрали значительный материал по истории сибирского казачества.

Что касается сословной казачьей старшины, то в проектах о ней вообще не было сказано ни слова. Должностную же верхушку, по примеру других иррегулярных войск страны, все были согласны облечь в мундиры казачьих офицеров (см. далее). Предлагаемый в 1820 г. штат шестисотного казачьего полка предусматривал 13 офицерских вакансий от 14 до 9 класса и 61-го унтер-офицера с писарями (см. Прил. I, табл. 28,29,30). Общая же численность должностной городовой старшины в 1820 г. по собранным в связи с подготовкой казачьей реформы М. М. Сперанского сведениям, составляли 104 из 1655 чел., или 5% всего казачества Восточной Сибири.[49] В целом, накануне реформы в 1820 г. ко всей Сибири штатных городовых казаков насчитывалось лишь 3200 чел., у которых было 2315 детей мужского пола до 15 лет. На долю Восточной Сибири приходилось чуть больше половины: 1655 чел. и 1383 детей (см. Прил. I, табл. 29). Однако за счет преобладания линейного казачества, над пограничным (5950 чел. против 1600) западносибирский регион по численности иррегулярных войск по-прежнему был впереди[50]. Показательно, что в Восточной Сибири численность верстанного казачества мало изменилась, составив 82% штата 1720 г. Налицо жесткое регулирование центральной властью количественного состава казачества как сословной группы с нетяглым полупривилегированным положением. Однако реальную численность лиц, связанных с казачьей службой, власть не могла точно проконтролировать, так как на местах сохранялась бытовавшая еще в XVII в. практика заштатной

службы без получения жалования. Штатное расписание уездных команд определяли суммы жалования и количество натурального хлебного оклада. Если не было свободных вакансий, то поспевших в службу детей штатных казаков все равно широко использовали без официального верстания, а значит и без жалования. Такая практика могла тянуться годами. Если служба удавалась, то заштатный казак мог дойти и до сотника. Им из «убылых окладов» обычно давали суммы в пределах денежного оклада рядового казака. По здоровью или по возрасту они могли уйти в отставку, так и не дождавшись жалования. Служащих вне штата казаков, как и в регулярных частях, называли сверхкомплектными. Трудно определить общую численность казаков из казачьих детей «сверх комплекта», так как в разных уездах и в разные десятилетия изучаемого периода их нередко подчистую забирали на другие казенные нужды. Можно лишь с уверенностью сказать, что сверхкомплектные из потомства верстанных были до 1737 г., а также с конца XУШ в. Судя по 108 формулярным спискам казачества Восточной Сибири конца XVIII-нач. XIX вв., сверх комплекта служило 26% казаков, в том числе у красноярской старшины в 1795 г. из 39 чел. было 21 сверхкомплектных, из которых совсем без оклада служило 16 чел.; у якутских старшин и казаков, назначенных к отставке в 1800-1804 гг., из 38 чел. служило сверхкомплекта 6 чел., из них один без жалования; наконец, у старшин Иркутской команды к 1798 г. на 32 чел. приходился один сверхкомплектный, правда, на окладе[51]. Таким образом можно считать, что число реально служивших казаков и старшин в обычных условиях отличалось от штатного и было, как правило, выше установленного.

В численности казачьего населения следует учитывать и семьи отставных. Самих глав семей после именного указа 1787 г. перестали определять в тяглые сословия, чтобы этот сословный разряд казачества смог лучше выполнять функцию пополнения рядов служащих казаков. Еще раньше центральная власть с этими же целями организовывала вместо отставки помещение казаков на землю. Нетяглый сословный статус и личный производительный труд таких поселенных казаков должны были без специальных казенных трат дать им средства к существованию.

Довольно быстро заметными по численности они стали в южных плодородных уездах Сибири. В целом отставное казачество в разных районах

составляло от 10 до 50% численности служилых казаков. Так, в Иркутской губернии по четвертой переписи считалось 1110 душ муж. пола отставных, по пятой ревизии их было 1250, соответственно 52% и 41% от верстанных.[52] Представление о соотношении этих двух основных разрядов казачества на бесхлебном северо-востоке Азии в первом десятилетии XIX в. дают различные ведомости и списки по Якутской городовой казачьей команде за 1810 г. По нашим подсчетам, из 403 душ муж. пола 210 чел. были в строю, у них было не в службе 110 детей, а прочие 83 чел. являлись отставными главами семей, из которых 66 относились к сибирским дворянам, детям боярским и должностной старшине.[53]

По сведениям, приводимым Ю. А. Гагемейстером на 1823 г., всего в Восточной Сибири «дворян и разночинцев вне службы», куда вошли казаки, было 1206 чел. на 12931 чел. Штатных казаков с членами семей (ок. 10%), в том числе в Енисейской губерни — 415 чел., в Иркутской — 661 и Якутской — 230 чел.[54]

4.2. ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ВОСТОЧНОСИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА.

Выявление личного состава и удельного веса источников формирования и пополнения казачьих рядов дает возможность установить характер связи их сословного происхождения с сословной принадлежностью, а значит и критерии членства в данном сословии. Для этой же цели важно освещение таких почти не изученных сторон обобщенной служебной характеристики казаков и их старшин, как время вступления в службу, ее длительность, содержание, первая должность, степень служебной преемственности поколений и семейно-брачные связи как система общения. Естественно, что эти вопросы особенно важно выделить применительно к жалованной старшине в лице сибирских дворян и детей боярских, социальное положение которых, как отмечалось, трактуется в литературе далеко не однозначно.

Правительство, формируя и пополняя сибирское казачество в течение всего изучаемого периода, как и везде, в принципе руководствовалось традиционным феодальным правилом передачи по наследству от отца к сыну общего сословного статуса и связанных с ним функций, в том числе рода занятий.

Эта тенденция стала проявляться уже со второй половины XVII в., когда центральная власть все настойчивее ограничивала прибор в сибирские казаки пришлых людей и лиц тяглых сословий, который разрешался воеводам при острой нехватке служилых людей. Даже в приграничных городах у местных властей сужали право самостоятельного верстания в казачью службу. Так, в наказе красноярскому воеводе начала XVIII в., например, было сказано, что «ни в головы, ни какие служилые люди (воеводам из других сословий - Г.Б.) не верстать, а верстать в Красноярске в пешие казаки из казачьих детей и братьев, а при открывшейся вакансии на оклад сына боярского по литовскому списку и конного казака» следовало запрашивать Сибирский приказ.[55]

Как показали исследования С.В. Бахрушина, В.А. Александрова, А.Н. Копылова, В.Н. Шерстобоева, Ф.Г. Сафронова, А.С. Зуева и М. М. Шмулевича в приенисейских уездах, в Илимском крае, в Забайкалье и Якутии казачество в конце XVII - начале XVIII вв. в основном пополнялось за счет внутренних источников. При этом в населенных уездах даже «вошедшим в возраст» семейным казачьим детям нередко приходилось годами ждать зачисления в штатное число, хотя при любом удобном случае они добровольцами участвовали в походах против «немирных иноземцев», рассчитывая на военную добычу и ускоренное верстание. Например, красноярский конный казак Ф. Ковригин в 1708 г. свою просьбу поверстать себя в пятидесятники, а брата положить в свой прежний оклад, мотивировал своими ратными и прочими службами, а также тем, что брат еще без верстания, будучи «казачьим сыном, служил многие годы»[56].

Воеводы тоже рассматривали детей служащих и отставных казаков как резерв и нередко назначали их в самые различные службы. Верстанные же казаки при появлении конкуренции стремились свою должность-звание с соответствующим жалованием рассматривать как семейное наследственное достояние. Этим, в первую очередь, отличалась пожалованная и командная верхушки (дворяне, дети боярские, атаманы, пятисотники, сотники, пятидесятники), которые добивались от властей, чтобы на свое место верстали именно их детей. Например, 1 января 1709 г. красноярский сын боярский Трифон Данилов сын Еремеев подал в Сибирский приказ челобитную, в которой, в частности писал: «За многие мои службы и сына моего прежние и нынешние службы, за кровь и за раны и за полонное

терпение ...быть мне по московскому списку потомственно,... а по смерти моей быть в том чине сыну Стефану»[57].

Вместе с тем эта тенденция к традиционной средневекового типа замкнутости казачьих рядов Восточной Сибири сочеталась, особенно в первой четверти ХУШ в. с противоположной ей практикой. Для упрочения русского присутствия в южной Сибири (строительство в 1707 г. Абаканского, в 1717-1718 гг. Саянского и Косогольского острогов) значительно увеличили штат красноярских, енисейских и иркутских казаков. В их ряды попали не только неверстанные казачьи дети, но и некоторые посадские, крестьяне и гулящие люди. Так, в 1707 г. в связи со строительством Абаканского острога, где следовало оставить крупный гарнизон из 400 чел., воеводы Средней Сибири получили право дополнительного набора казаков. В Красноярске уже к весне 1707 г. прибрали в пешую службу одних «казачьих детей» 50 чел. Прибор продолжался и в последующий год. Так, сосланного 10 лет назад из Москвы в Красноярск и поверстанного пешим казаком в начале ХУШ в. выключили из штата, но в феврале 1708 г. этот отставной пеших казаков десятник был вновь зачислен в «новоприборную пешую сотню десятником же»[58]. Есть сведения, что кроме ссыльных не только в пешую, но и конную службу брали казачьих холопов, а в Енисейском уезде – посадских.[59] Судя по данным Г.А. Леонтьевой, казачьи гарнизоны Иркутска, Нерчинска и Селенгинска тоже пополнялись со значительными отступлениями от сословного принципа: из 273 поверстанных в 1706-1717 гг. родственниками служилых людей являлись лишь 146 чел., или 55% (см. Прил.I. Табл.31). При проведении в жизнь подушной реформы ряды сибирского казачества не удалось очистить от представителей других сословий. Это и понятно, так как от служилых людей по прибору, и тем более по отечеству, в XVII в. происходили немногие рядовые казаки. Аналогичная картина была с замещением старшинских должностей и званий. В отличие от европейской России к ним обычно допускали служилых людей по прибору. Конечно, в сибирские дворяне и дети боярские в XVII в. чаще попадали переведенные служить за Урал, ссыльные природные дворяне, а также представители родовой верхушки народов Сибири. Это довольно обстоятельно раскрыто по разным районам Сибири С.В. Бахрушиным, В.Н. Шерстобоевым, Ф.Г. Сафроновым, В. И. Шунковым и др. (см. также Прил. II. очерки о Пелымских, Львове,

Старостиных). Вместе с тем и современники изучаемого времени (Г.Ф. Миллер. И.Г. Гмелин, И.Г. Фишер), и авторы первой половины XIX в. (П.И. Небольсин, П.А. Словцов, Н.А. Абрамов, Ю.С. Гагемейстер) и современные историки, - все считают демократическое происхождение казачьей верхушки XVII в. бесспорным фактом. Не случайно, проникнутая узкосословным и крепостническим духом центральная власть, не желая смешивать ее с российским дворянством, выделила особый, присущий только Сибири, сословный разряд «сибирских дворян и детей боярских». Лишь единицы из них, вместе с природными дворянами получили дворянские права с пожалованием в так называемые «дворяне и дети боярские московского списка» (подробнее далее). Судя по окладной книге Сибирской губернии за 1712г.[60] чины московского списка составляли всего 0,3% всей казачьей верхушки: 33 фамилии из 954 (см. Прил. I, табл.26). При этом «в дальних за Енисеем городах» было только пять фамилий, а остальные находились в Западной Сибири[61] Еще П.А. Словцов утверждал, что в Иркутской губернии все дворяне и дети боярские производились из казаков и крестьян.[62] Г. А. Леонтьева, специально изучая происхождение казачьей верхушки Забайкалья, тоже пришла к такому же выводу. По ее подсчетам за 50 лет с появления первых детей боярских в Нерчинске в 1671 г. до 1721 г. в это звание было пожаловано 33 чел., в том числе 15 - сотники (не считая двух сотников из пушкарей), восемь пятидесятники и семь-казаки[63] (см. Прил. I, табл.32).

Подушная реформа Петра I, как отмечалось выше, оказалась переломной для судеб казачества Сибири как регионального разряда общего военного сословия страны. Жесткие ограничения численности казачества усложнили и сделали еще более противоречивыми критерии принадлежности к нему. С одной стороны, центральная власть и на этой отдаленной восточной окраине сделала новую попытку приблизиться к декларированному Соборным Уложением наследственному принципу сословной принадлежности. Согласно инструкции и первым указам по переписи в казаках и старшинах следовало оставлять потомственных, как правило, в третьем поколении, служилых. (Напомним, что права помещиков на беглых крестьян простирались на их потомство в четвертом поколении). Казаки из бывших крестьян и посадских, а также их дети, в том числе уже в службе, то есть служилые люди во втором поколении, подлежали возврату в ряды тяглецов. С другой стороны, верховная же власть над

этим фамильным критерием сословной принадлежности поставила свое право его отменять. Ведь за бортом казачьего сословия очутилась часть «природных» служилых людей, которая оказалась сверх штатного числа. Лично непригодных к службе, то есть больных и «увечных» от природы, или отставных за ранами и старостью, тоже исключили из казачьего сословия, невзирая на происхождение. Из этого можно сделать вывод, что прежний главенствующий принцип определять сословную принадлежность «по породе» был дополнен и ограничен функциональным, или ролевым принципом, то есть личной пригодностью. Над ними же был поставлен «волевой критерий», то есть воля центральной власти, выраженная для Сибирской губернии в определении нужного штатного количества служилых людей. По новой букве закона ни происхождение, ни личная пригодность автоматически не являлись основанием для зачисления в казаки даже сверх штата, а значит и для сохранения прежней сословной принадлежности. Однако в сибирских условиях попытка свести личный состав казачьего сословия к реально служащим штатным казакам, сформированным все же на основе потомственной принадлежности, оказалась неосуществимой. Составить на этих началах уездные казачьи «войска» было непросто, так как от российских служилых людей по прибору и тем более «по отечеству» происходили немногие - как отмечалось выше, всего 1694 лично пригодных к службе или 42,3% установленного в 1720 г. штатного состава. Поэтому в ответ на запрос сибирского губернатора кн. А.М.Черкасского от 1 сентября 1720 г. Сенат распорядился: «Которые из крестьянства и из купечества выбыли в служилые люди, тем быть в тех чинах, в которых они написаны, а всякие подати и платежи, которые с них иманы прежде сего, те все, кроме тех людей, которые взяты в солдаты, имать с них по-прежнему, а впредь из купечества и крестьянства в такие чины не писать»[64] Так по происхождению демократический состав казачьего населения Сибири к моменту первой ревизии обусловил еще один, правда рецидивный, отход центра от узкосословного принципа. По сути дела указом от 1 сентября 1720 г. вводилась двойная сословная принадлежность и двойной сословный статус: казачий - по службе и тяглый - по происхождению. Так впервые служебный и общий статусы четко были разведены у служилых людей. Отметим, что такое нарушение старосословных рамок не было каким-то исключением. В наиболее чистом виде двойная сословная принадлежность по податной реформе Петра I оказалась у торгующих частновладельческих крестьян, которые

одновременно могли стать членами посадских общин.

Руководствуясь измененными критериями сословной принадлежности, переписная канцелярия по Сибирской губернии во главе с кн. Солнцевым-Засекиным, по согласованию с губернатором увеличив штат, внесла больше половины казаков и старшины в подушные списки. Так старосословный критерий принадлежности к казачеству по старине был еще больше потеснен. Местные власти даже переусердствовали в этом. Функциональный и волевой критерии оказались безусловно ведущими до 1728 г., ибо штатными казаками записывали только лично пригодных к службе, а малолетних членов их семей мужского пола оставляли в подушном окладе. При сохранении общей сословной структуры общества это сильно затрудняло восполнение убыли казачьих рядов. Исключение было сделано лишь для сыновей сибирских дворян и детей боярских. По определению Сената от 9 августа 1727 г. с них, назначенных к замене уменьшенного вдвое штатного числа, не велели брать подушные деньги.[65] Однако и по отношению к этой казачьей верхушке наследственный принцип был серьезно ущемлен, так как новый штат ликвидировал деление на чины московского и сибирского списков. Различие сохранили лишь в размерах жалованья (см. далее).

В целом, восстановленный в 1728 г. принцип наследственной принадлежности к казачьему сословию, оказался подчиненным и ограниченным, то есть он работал, если были свободные вакансии в штате, если член его был лично способен к службе (уходящих в отставку штатных казаков, а также негодных к службе казачьей записывали в тяглые сословия). Наконец, как отмечалось, власти для нужд военного, горного ведомств и других задач выдергивали из рядов казачьего сословия неподатную неверстанную молодежь, а зачастую и самих штатных казаков.

В последующие десятилетия до сер. 80-х - конца 90-х гг. XVIII в. общая тенденция усиления сословных начал в общественной структуре сказывалась и на сибирском казачестве. Но наряду с условно-наследственным продолжали руководствоваться функциональным и волевым критериями членства в этом сословии, что допускало приток в него извне и усложняло внутрисословную организацию. Появились, как отмечалось, заштатные поселенные (60-е гг.), и отставные (1787 г.) казаки, численно вырос разряд тяглых служилых.

При этом, если не было проблем с кадрами, то власти не брали пополнение из тех

разночинцев, что были прежде в казачестве, хотя в документах нефискального характера они сохраняли прежнее сословное название. Их называли «казачьи дети в податном окладе» и «отставные казаки в податном окладе». Так, 26 июля 1734 г. «разночинец, красноярский неверстанный сын боярский (выделено мной - Г.Б.) Иван Суриков Меньшой» подал челобитную в местную воеводскую канцелярию о своем желании поверстаться в пешие казаки на место Бориса Тропина, «понеже он скорбен..., подавал прошение об отставке и желает он, Тропин, вместо оного Сурикова, платить подушные деньги». В регистрационной книге «решенных и нерешенных дел» в графе против записи о челобитной Сурикова имеется характерная помета: «Суриков в службу не определен, понеже ис подушного платежа в службу писать не велено» [66]. Поэтому уездные воеводы, представляя на свободные казачьи вакансии кандидатов, старались не включать в них тяглецов, или по крайней мере, не показывать их таковыми. В рапорте от 26 марта 1741 г. Красноярской воеводской канцелярии о разборе казачьих недорослей старше 15 лет в службу особо оговаривалось, что все зачисленные в казаки 74 человека не были в подушном окладе.[67] К этому же стремились и за Енисеем. Так, по рапорту Иркутской провинциальной канцелярии, поверстанные за 1745 г. 187 чел. казаков, по своему сословному происхождению состояли из детей дворян (3), из детей боярских (6), из казачьих детей (161), из разночинцев (16), и одного захребетника.[68] При этом, как и прежде, казачья старшина стремилась передать свои звания по наследству. Так, енисейский дворянин А.П. Абалаков в челобитной от 1 апреля 1741 г. в Сибирскую губернскую канцелярию просил поверстать в свое место 17-ти летнего сына Алексея, который нигде не записан и не положен еще в службу. Он, в частности, писал, что «с прошлого 1704 г. служил я предкам В. И. В., а ныне В.И.В. по городу Енисейску в конных казаках, в сотниках и во дворянах..., а ныне отроду мне 60 лет и стал стар, и дряхл, и глазами мало вижу..., (а потому прошу – Г.Б.) на мое место определить вышеявленного сына моего родного».[69] О том, что такая практика признавалась властями, свидетельствует поданный в 1765 г. в Военную коллегию рапорт сибирского губернатора Д.И. Чичерина, в котором, в частности, отмечалось, что казаки Сибири «учреждены по силе присланных из Москвы грамот в прошлых давних годах с начала заведения Сибирской губернии из разных чинов людей..., кои и комплектовались каждый чин (выделено мной - Г.Б.) по 1744 г. своими детьми.

А в том году... велено сибирскому губернатору нерегулярного войска умножить из солдатских детей и из других чинов, не положенных в подушный оклад, сколько возможность позволит».[70]

О значительном успехе курса на пополнение казачьих рядов за счет внутренних источников как будто свидетельствуют и послужные списки и формуляры 482 служилых и отставных старшин и казаков Восточной Сибири за 1768-1804 гг. (в том числе по уездам Приенисейского края за 1763,1770 и 1794 гг., по Иркутской губернии - за 1768,1770,1793,1798,1800-1804 гг.)[71] (см. Прил.I, табл.33). Из них только восемь чел. показаны не казачьего происхождения, в частности: в 1794 г. назначенный в отставку 67-летний казак Осип Войцеховский был «из польских конфедератов», поверстанный в 1771 г. в Красноярскую команду и иркутский казак Рыболов Андрей, из томских драгунских детей, который 14-летним в 1750 г. был взят в казаки и через 20 лет по болезни отставлен. Казаком неместного происхождения из отставных отмечен лишь один А.Е. Курбетов, которого в 1774 г. 53-летним прислали с Урала и после 30 лет службы в Нерчинской команде в 1804 г. уволили в отставку.[72] Но, как показывают другого типа документы, источники пополнения казачества Восточной Сибири в ХУШ в. были более разнообразными. Лаконичным ответом формуляра «из казачьих детей» нередко сознательно умалчивался тот факт, что они сами, или их отцы могли быть сложной сословной принадлежности и происхождения. В фискальных документах эти казачьи дети выступали разночинцами, а в служебных - тяглыми казаками. Так, по третьей переписи восемь из 25 тяглых разночинцев Бельского острога одновременно названы иркутскими казаками, а В. И. Кулаков -даже сыном боярским, Их поверстали в казаки в 1726,1734,1736,1739 и 1741 гг.[73] В ведомстве Читинского острога по второй ревизии, написанных в подушном окладе казаков»,было 26 чел., а по третьей - 52 чел., в том числе приписанных из посада с сохранением тягла соответственно 14 и 21 чел.[74] В первом пункте наказа иркутских разночинцев в Уложенную комиссию 1767 г. прямо сказано, что «в нашем звании издавна и действительно (состоят - Г. Б.) служащие дворяне, дети боярские и отставные казаки, которые не хотят наравне с нами тягости делить»[75]. Иркутский губернатор А. И. Бриль 16 марта 1775г., отвечая на запрос Сената по поводу прошения «иркутского нерегулярного войска» поданного в Уложенную комиссию, в частности отмечал, что

«нерчинские казаки в подушном окладе и с детьми своими находятся,... а жалования на оплату других за себя и, в малолетстве находящихся детей, тех подушных денег не достает».[76]

В 30 - начале 60-х гг., когда остро нуждались в людях для развертывания новых регулярных частей из-за обострения обстановки на южносибирской границе, волнениями в Башкирии и строительства укрепленных линий, в полки, как отмечалось выше, для этих целей брали верстанных казаков и их потомство, а на их место, в первую очередь, зачисляли разночинцев, а также детей отставных солдат. По ведомостям убылого русского населения между первой и второй ревизиями в уездах Восточной Сибири казаками записывали разночинцев и других тяглецов, в том числе в дворяне и в дети боярские, всего 1576 чел., из них 16 - в дворяне и 103 - в дети боярские (см. Прил. I, табл. 34). Прибор сразу в эти престижные звания прямо свидетельствует, что назначенные разночинцы были из тех служилых людей и их родственников, которые не попали в штатное число в 1718-1728 гг. Например, иркутские разночинцы Матвей Бейтон, Алексей Шишелов, Афанасий Пежемский, Петр Елезов и Степан Толстоухов сразу оказались в детях боярских по Иркутску, а Максим Шевелев с еще одним разночинцем - по Илимску. Все названные были из старинных служилых фамилий[77]

Сенатский указ от 21 января 1736 г. прямо предписывал, что «буде Иркутской провинции в городах дворян и казаков, не положенных в подушный оклад по штату наполнять будет невозможно, то определять достойных из тех чинов, хотя которые в подушном окладе написаны, и из подушного оклада выключить, а вместо их написать и приписать в подушный оклад из ссыльных людей, которым по силе указов сроки минули[78].

Вместе с тем, восстановленный в 1730 г. Сибирский приказ, опираясь на указ от 1 сентября 1720 г., разрешал без выключки из тягла принимать в казаки, в первую очередь, бывших служилых людей явно податного происхождения, записанных первой и второй ревизиями разночинцами и крестьянами. Тягло с таких «казачьих детей в подушном окладе» и членов их семей в таком случае не снималось, хотя эти тяглые казаки получали жалование и даже производились в звания-чины вплоть до сибирского дворянина. О том, что указ от 1 сентября 1720 г. продолжали использовать в 30-50-е гг. говорят подушные материалы. Так, брата селенгинского крестьянина И. И. Огнева Игнатия, 22-х лет по первой переписи, взяли в 1747 г.

в казачью службу, а двух его сыновей 15 и пяти лет внесли в крестьянский оклад. Жить они с матерью по-прежнему оставались у дяди.[79]

Такая же практика была подтверждена созданной в 1755 г. при Военной коллегии комиссией, которая разрешила сибирскому губернатору Мятлеву для защиты «Селенгинской и Нерчинской границ», умножать местные казачьи команды не только за счет перевода из западносибирских уездов, но и принимать в казаки даже местных крестьян, зачисляя их на жалование и провиант, но оставляя в тяглом состоянии.[80] Это распо-ряжение ослабляло действие именного указа 24 октября 1744 г., разрешавшего верстать в казаки даже сверх штатов, но только свободных от тягла людей. Ими были дети отставных солдат и лица, рождавшиеся между ревизиями, то есть временно свободные от тягла. Случаи верстания в Иркутской губернии тяглых людей в казачье состояние, отразившиеся в сказках третьей ревизии, свидетельствуют о применении в Восточной Сибири указа 1755 г. Так, сына переведенного в ямщики балаганского крестьянина Евдокима Семенкина Якова, учтенного второй ревизией среди тяглецов, в 1761 г. 30-летним определили по Иркутску в казаки.[81] Кроме него еще девять балаганских разночинцев отмечены убылыми в казаки, но члены их семей остались тяглецами. Из других ведомств Иркутского уезда казаками к третьей ревизии показаны семь разночинцев и два крестьяна из Оецкой слободы и Идинского острога.[82] Даже из работных людей суконной фабрики купца Бобровского два человека оказались в казаках, да два же крестьянина (балаганский и тункинский).[83] Еще больше набирали из тяглых в казаки в приграничном Селенгинском уезде: за 17 лет между второй и третьей ревизиями 59 человек, из них три посадских из Идинского и Кабанского острогов, а остальные - разночинцы.[84]

Постоянным источником пополнения казачества были и семьи отставных штатных казаков, хотя они сами до 1787 г. после окончания службы оказывались в тяглом сословии. Например, иркутский губернатор А.И. Бриль 17 марта 1769 г. во всех уездах, в том числе Якутском, велел у отставных казаков в их семьях учесть детей мужского пола, переписать и иметь верный список, чтобы они, «придя в совершенный возраст», не могли укрываться от службы. Аналогичные указы об учете казачьих детей у отставных и присылке их с 15-летнего возраста в команды рассылались и позже.[85] По духу тогдашнего сословного законодательства дети, родившиеся во время службы отцов, должны были быть нетяглыми, а появившиеся на

свет после отставки, подлежали записи в подушный оклад.[86] Однако местные власти при верстании не придавали особого значения родились ли дети до или после отставки. Так, в своей ревизской сказке от 10 мая 1762 г. удинский отставной казак Ф.А. Портнягин, 70 лет, женатый на дочери местного казака, показал, что еще по второй ревизии вместе с двумя старшими сыновьями написан в подушный оклад, но из двух его младших сыновей 12-летний Кузьма уже определен в казачью службу, а Михаил, девяти лет - назначен в оную же.[87] Эта практика свидетельствует о живучести старой традиции сословного членства по породе, которую использовали в ущерб экономическим интересам отставных казаков.

Еще один канал привлечения лиц со стороны в казачьи ряды возникал из формально-юридического подхода к казачьей службе как службе пожизненной и потомственной. Так, сибирские власти считали, что казаки, уходя в отставку, обязаны предоставить вместо себя замену. От этой своего рода натуральной повинности не освобождало даже отсутствие у них пригодных к службе сыновей. Например, по ведомости отставных служилых людей Верхне-Ленского острога Иркутского уезда, составленной при проведении третьей ревизии, отмечено, что из 15-ти человек 10 выставили за себя при отставке «наёмников» (семь разночинцев, два новокрещена-якута и бирюльский крестьянин), за двоих же выступили их сыновья и только трое почему-то ушли без замены. Весьма показательно, что хотя все отставные были родом из казачьих детей, но одни (два чел.) платили подушные деньги за себя, родственников и наемщиков, другие - только за наемщиков вносили подати и «мирские службы служили» (пять чел.), а прочие не были обязаны подушным тяглом ни за себя, ни за нанятых людей.[88]

Судя по разным условиям, на которых наемники заменяли на службе казаков, найм, как форма личного освобождения от служилых обязанностей с сохранением сословности, бытовал и в другом, присущим Сибири, старинном качестве - как обмен сословным статусом, который в XVIII в. не был столицей санкционирован. Например, Г.Г. Ядрихинский, по происхождению казачий сын, 20-летним был зачислен в казаки, а в 1752 г. назначен в «Анадырскую партию». Чтобы избежать такой опасной службы он, как показал сказкой в третью ревизию, вместо себя нанял «и оной (Иркутской провинциальной - Г.Б.) канцелярией принят и вместо меня послан иркутский посадский В.С. Винтовкин, а я, Гаврило, вместо оного приписан к иркутскому купечеству в посад в 1753 г.».[89] Аналогично поступили в 1759 г.

иркутские казаки Лев Зимин и Гаврила Накатчиков, «определенные в посад» вместо Игнатия Петчикова и Афонасия Щербакова, которые вместо них пошли казаками в Анадырскую же партию.[90] Таким образом, смена сословной принадлежности под видом найма и в 60-е гг. являлась одним из специфических сибирских источников пополнения казачьих рядов тяглецами.

Кроме посадских и крестьян в казаки попадали даже сравнительно немногочисленные в Восточной Сибири русские «ясачные плательщики». Эту, практически замалчиваемую в литературе категорию, составляли некоторые русские жители северных районов, добывавшие основные средства существования не сельскохозяйственным трудом, а промыслами, и поэтому платившие налог - ренту ценной пушниной как ясачные «иноземцы».[91]

Всего в Восточной Сибири (без Приенисейского края) податных в казачестве считалось: по второй ревизии -165 штатных казаков с детьми, в том числе 15 дворян и детей боярских; по третьей ревизии - 442 чел. с членами семей муж. пола; по четвертой - 663 чел., или 31% всех казаков, при этом среди 387 действительно служащих было три дворянина и семь детей боярских, из 152 «выпущенных в отставку» - соответственно два и 11 чел., а из 92-х, определенных вместо отставки на поселение,- два и семь чел.[92] Податные среди старшины и рядовых казаков сохранялись до конца XVIII в., хотя местные власти не раз обращали внимание центра на такой сословный нонсенс. По пятой ревизии в одном Нерчинском уезде было 184 податных казака, в том числе 27 детей боярских[93] Только 28 октября 1796 г. Павел I утвердил Сенатский доклад «Об исключении из подушного оклада, находящегося в Иркутской губернии нерегулярного войска под названием казаков, дворян и детей боярских». В нем, в частности, отмечалось, что в дворяне и дети боярские производили из казаков Сибирский приказ и губернаторы. Они «сверх воинской службы определялись к разным казенным сборам и прочим должностям, без исключения однако из подушного оклада, кроме тех, кои по достоинствам и заслугам получали обер-офицерские чины».[94] Следует отметить, что наличие тяглых казаков ошибочно связывали только с указом от 1 сентября 1720 г.[95]

Вообще, сибирские военные и гражданские власти в зависимости от ситуации и своих личных воззрений отдавали приоритет то одному, то другому критерию сословной принадлежности. Так, во время ревизии третьей переписи и начала комплектования

пограничных казаков А.И. Бриль вместе с В.В. Якоби провели разбор имевшегося штата и исключили из него набранных своим предшественником К.Л. Фрауендорфом «многих здешних иркутских... и селенгинских податных», записав их крестьянами и посадскими.[96] Даже вдовые нетяглые семьи при ревизии классифицировались не по функционально-сословной принадлежности, а по их происхождению. Например, разночинцами ведомства Идинского острога записали в третью ревизию жену, дочь и шестилетнего внука умершего местного казака, родом из оленских крестьян, хотя вдова была из дочерей иркутского казака, а дочь Фекла Ершова - невесткой отставного солдата Якутского пешего полка.[97] Однако в конце 60-х – начале 70-х гг. тот же А.И. Бриль, решая непростую задачу «комплектования полным числом» казаков до 2-х тыс. чел., отказался от строгого следования принципу наследственной принадлежности. В результате, по свидетельству этого усердного служаки, «многие состоят в подушном платеже, особливо в Нерчинском ведомстве, пребывая в службе по Удинску и дистанциям действительными казаками».[98]

При легальном пополнении казачьих рядов не имела значения и национальность. Среди казаков встречались, как выше отмечалось, и ссыльные польские конфедераты, и новокрещены, и донские казаки (см. Прил. II, Очерк об Яковлеве). Так, 17 октября 1771 г. якутский казак Гаврила Лохунаев подал доношение, где просил, «чтоб по природе якутской отца его, казака ж, Семена Лохунаева, также брата его, Гаврилы, казака Ивана Лохунаева и малолетнего Осипа исключить из казачьей службы и определить по желанию их, яко природных ясачных людей, в ясак в Усть-янском зимовье». Однако губернатор отказал им, «раз отец их, да и они сами ныне в казачьей службе, и ясак никогда не плачивали». Якутская воеводская канцелярия затребовала было Лохунаевых в город, чтобы объявить им это решение, но устьянский комиссар, сибирский дворянин Семен Татаринов попросил не вызывать Гаврилу, так как без него, знающего немного язык юкагиров и ламутов, не смогут бездоимочно собрать ясак. Дело кончилось получением с братьев Гаврилы и Ивана подписки о том, что они не будут впредь проситься из службы, а Осипа запишут в казаки.[99]

По мере военизации казачества и подчинения их с 1753 г. обер-комендантам в их командном составе во второй половине ХУШ в. все чаще стали попадать переведенные из полевых и гарнизонных частей офицеры из российских дворян, как потомственного, так и служилого

происхождения, и даже солдаты. Так, из челобитной Василия Шарина узнаем, что этот гренадер Якутского полка родом из селенгинских казаков, попал в солдатскую службу в 1744 г., был переводчиком с монгольского языка, дважды с разведывательными целями посылался селенгинским комендантом В.В. Якоби в Пекин, а в 1758 г. был придан посольству Братищева, которое должно было урегулировать русско-китайские отношения и возобновить торговлю через Кяхту и Цурухайту. Отмечая его участие в работе посольства, В.В. Якоби обратился к губернатору Ф.И. Соймонову с просьбой «выключить В. Шарина из солдат и пожаловать в первостатейные дворяне по Селенгинску», аттестуя его как знающего и исполнительного человека. 30 марта 1759 г. В. Шарина, переведя в селенгинские дворяне, сняли с солдатского жалования и забрали «казенные вещи», то есть амуницию. Поскольку с выдачей жалования как дворянина, которое должно отпускаться из убылых казачьих окладов, не торопились, то 16 января 1760 г. В. Шарин обратился в Селенгинскую воеводскую канцелярию с челобитной о том, что он почти год нигде не получал жалования. Через полгода 19 июля В. Шарин вновь обратился в воеводскую канцелярию с просьбой выплачивать ему не 14 руб., а оклад, равный окладу Третьякова, которому тоже за толмачество по представлению С.В. Рагузинского дали жалование в 100 руб., а в 1731 г. - патент на дворянство. Спустя четыре года Военная коллегия во главе с князем А. Голицыным удовлетворила просьбу новоявленного селенгинского дворянина о жаловании в 100 руб. и хлебном окладе, но отказала в выдаче дворянского патента, мотивируя тем, что и так им «немалая прибавка получена». В итоге В. Шарин остался сибирским дворянином.[100]

Преобладание волевого и функционального принципов над наследственным в комплектовании штатного казачества Восточной Сибири заключалось и в том, что губернаторы включали в их ряды, особенно на относительно престижные звания дворян и детей боярских, подросших детей офицеров гарнизонных полков, которым, вероятно, не было свободных унтер-офицерских вакансий в регулярных частях. Так, уроженец Якутска, сын прапорщика Якутского полка из лифляндских дворян Иван Алексеевич Эверс, по предложению иркутского губернатора А.И. Бриля в 1770 г. был определен по г. Якутску в штат сибирских дворян, а через 10 лет стал над якутскими дворянами командиром. До открытия Иркутского наместничества он возглавлял Якутскую казачью команду в ранге

губернского секретаря, который получил в 1782 г. В своих предложениях по переустройству Якутского края Эверс отмечал, что начальство грубо игнорирует права якутских дворян.[101]

О тенденции пополнять командный состав местных иррегулярных частей не только лицами дворянского происхождения, но и отставными офицерами, свидетельствует и факт назначения тем же А. И. Брилем в 1767 г. бывшего якутского боярского сына, титулярного советника Ивана Татаринова, в прошлом армейского поручика, командиром Якутского нерегулярного войска. [102] Случаи назначения офицеров на командные должности в казачьи команды встречались и в Западной Сибири. [103]Их присутствие стало более заметным со второй половины 80-х годов ХУШ в., когда участилась практика присвоения казачьей служилой верхушке обер-офицерских чинов. При этом, в результате участившихся служебных переводов, некоторые командиры команд пограничных и городовых казаков, в прошлом сибирские дворяне и дети боярские, оказались выходцами из Западной Сибири. [104] Одна из причин отступлений от основного наследственного принципа комплектования заключалась в том, что на казачью молодежь постоянно претендовали другие ведомства. Как отмечалось выше, верстанных казаков и их детей чаще всего брали для пополнения регулярных частей.

Изменения в 30-х гг. XVIII в. в подготовке казачьих детей к службе тоже способствовали переходу многих из них под начало чисто военных властей. Уже при Петре I казачата-подростки по указам переходили в ведение особого служилого человека, обычно опытного сына боярского, который обучал их строю и владению оружием. По именному указу от 9 июля 1735 г. о зачислении в гарнизонные школы «детей служилых людей разного чина», казачья молодежь должна была обучаться в школах Якутского гарнизонного пехотного полка и двух, Иркутском и Селенгинском, пограничных батальонах, а также в навигацких школах Охотска и Нерчинска. На учеников полагалось в год половина солдатского хлебного пайка. По достижению 15-ти лет их определяли в те полки, что несли расходы по их содержанию и обучению. В таких разборах одновременно участвовали представители военного и гражданского ведомств. Например, известно, что в 1765-1766 гг. «большой разбор» казачьим детям в гарнизонных школах делали главный командир Сибирских линий Шпрингер, селенгинский комендант В.В. Якоби и сибирский губернатор Д.И. Чичерин[105] брали казачат и

для других надобностей. Когда «Секретная о пограничных делах экспедиция» Ф.И. Соймонова создавала специальную команду для нужд плавания по Амуру, то был проведен учет казачьих детей для набора в особую школу. Летом 1756 года в ней обучалось «впредь к надобному бытию морских судов столярной работе, также канатному и блоковому инструменту» 11 человек. В 1763 г. в Нерчинской навигацкой школе, которой ведал прапорщик Бритов, было 38 чел., причем в январе - 41, а в декабре лишь - 28; в марте 1765 г. - 40 чел., в том числе на младшем отделении -17 чел. с жалованием от 31 до 36 коп. и 25 фунтов хлеба в месяц; во втором -семь чел, с жалованием 99 коп. в месяц; на третьем (геометрии и тригонометрии) -14 чел. с жалованием -1 руб. 48 1/2 коп.; четвертом (навигации) –два чел. с жалованием по 2 руб. 22 3/4 коп. В 1758 г. учителем в школе был «математических и навигацких наук» Алексей Наумов с жалованием 15 руб. в месяц и лекарь Захарий Рик с жалованием 12 руб. 50 коп. в месяц.[106]

Такая практика привела к тому, что казачьи команды постоянно испытывали нужду в людях, и обычно были в недокомплекте (см. Прил.I, табл. 25). Поэтому 23 мая 1768 г. Военная коллегия запретила казаков и их детей переводить на регулярную службу. Однако губернаторы позволяли самим себе нарушать это правило. Показательным, например, является возникший после этого указа спор между иркутским и сибирским губернаторами, соответственно А.И. Брилем и Д.И. Чичериным, из-за якутского казака В.А. Свашенского. Этот казак, будучи целовальником при отвозе особо ценной пушнины в Тобольск, попросился «по молодости и близости родственников» в Тобольскую гарнизонную роту. Д. И. Чичерин удовлетворил его просьбу, но Военная коллегия после жалобы А.И. Бриля указом от 4 декабря отменила этот перевод. Но Д.И. Чичерин не думал уступать. В ответном рапорте 26 января 1770 г. он обвинил А.И. Бриля в незнании всех обстоятельств дела. Свашенский, оказывается, был сыном тобольского дворянина, посланного в 1764 г. с ясачной комиссией в Якутск, «а с чего Якутская канцелярия без всякого сношения с Сибирской губернской канцелярией определила его в казаки, - писал Д.И. Чичерин, - не знаю..., но на это она никакого права не имела. Линией его происхождения по возрасту должен был (он - Г.Б.) определен в дети боярские..., но для продолжения службы в одном месте с отцом его, просил об определении в солдаты», поскольку отца за какое-то преступление написали из дворян в солдаты губернской

роты в Тобольске. Военная коллегия согласилась с Д.И. Чичериным,[107] хотя изменение сословного статуса отца не должно было влиять на статус взрослого, самостоятельно служащего, его сына.

Вскоре указом от 31 декабря 1771 г. Военная коллегия опять в принципе разрешает обмен кадрами между регулярными и нерегулярными частями. Так, при формировании из прежних полков Восточной Сибири легких полевых команд и «добавочных» батальонов уже следовало брать «до штата детей казаков, находящихся в школах», но при этом стараться, чтобы «казацкие команды, положенные в Иркутской губернии, полным числом против прежнего были укомплектованы».[108]

Это условие, естественно, было невыполнимо, тем более, что брали и взрослых казаков. Так, 34-летнего красноярского казака Петра Садовского, прослужившего уже 13 лет, перевели во входившую в корпус Деколонга 15-ю легкую полевую команду, стоящую в Красноярске. В регулярных частях он, спустя 10 лет, выслужил чин сержанта и был переведен в 1792 г. во 2-й Селенгинский пограничный батальон.[109] Вообще жалобы на недокомплект казачьих команд Восточной Сибири шли постоянно. Значительного законного резерва для пополнения и увеличения казачьих рядов не существовало, поэтому в случае необходимости власти брали людей из других групп населения, например, как выше отмечалось, во втором десятилетии XIX в. из рекрут и солдатских детей.

О нехватке в Сибири казачьего контингента говорит факт неоднократных присылок иррегулярных частей из-за Урала. Так, в 1758 г. по именному указу на Сибирскую линию были командированы по 1000 донских и яицких казаков. Через два года яицкие казаки были возвращены обратно, а на их место прибыло 500 «мещеряков и башкирцев», которых следовало через два года сменить. Но только в 1769 г. таким образом вернулись в свои курени донские казаки. 1000 «башкирцев» пробыли в Сибири до 1799 г. В 1770 г. ряды сибирских казаков пополнили 138 запорожцев, из числа сосланных в Сибирь участников движения во главе с атаманами Железняком и Жвачкой.[110]

Говоря о штатном недокомплекте казаков Сибири следует учесть, что имела место одновременно их фактическая сверхкомплектность. По узкосословным и фискальным соображениям Сибирский приказ, позже Военная коллегия, обычно не зачисляли в штат,

кроме особо оговоренных случаев, лиц с тяглой принадлежностью, а лиц с соответствующим сословным происхождением, как отмечалось, не всегда хватало. Поэтому местные власти и казачьи общины набирали сверхкомплектных, не имевших права на верстание в штат, а значит и на изменение целиком прежнего своего сословного состояния. Для материального вознаграждения таких нанятых полулегальных казаков употреблялись «пустые» и «убылые оклады», причем часть их могла получать какую-то долю оклада, а другие - вообще служили без жалования. Выплата некоторым верстанным рядовым и старшине пониженных окладов тоже давала какую-то часть нужных средств. Такая практика была довольно распространенной. Так, из 108 старшин и казаков Красноярской, Иркутской и Якутской команд в 1795-1804 г. полный оклад получали меньше половины (40) штатных казаков, остальные 40 - ниже своего звания -должности, а из 28 сверхкомплектных на окладе были лишь 11 чел.[111]

Наличие таких сверхкомплектных, но «действительно служащих» сибирских дворян, детей боярских и рядовых казаков, которые одновременно считались разночинцами, а иногда посадскими и даже крестьянами, свидетельствует о том, что не только сверху, но и снизу, правда с различных позиций, шла деформация старосословного строя. Гибко используя имеющееся законодательство, казачество Сибири фактически само решало вопросы, связанные с реальным членством в своем сословии, значительно расширяло группу лиц с двойной или смешанной сословной принадлежностью и разносословным статусом.

О достаточно широких и устойчивых межсословных контактах казаков Восточной Сибири и их старшины также свидетельствует сословное происхождение жен русского населения во второй пол, XVIII – нач. XIX в. (см. Прил.I, табл. 35). Так, между второй и третьей ревизиями из ста посадских дворов Иркутска 38,3% были связаны семейно-брачными отношениями с казаками и близкими к ним разночинцами (приняли 137 жен и выдали замуж 75 девушек, всего 212 из 554 случаев брачных связей). Внутрисословные же браки составили 32,1%. С пашенными крестьянами Иркутского и Селенгинского уездов брачные контакты были менее тесными - 25,0% или 81 жена из семей казаков и разночинцев на 338 взятых между второй и третьей ревизиями. Интересно, что к концу XVIII - нач. XIX в. межсословные браки казаков с крестьянами сузились, а с мещанами расширились

(соответственно 27,1% и 18,7%). Лишь каждый третий казак роднился тогда с односословной семьей (32 жены из 107). Показатели у казачьей старшины в этом отношении мало чем отличались, что говорит об однотипности ее положения и оценок общественного статуса с рядовым казачеством (25,2% браков внутри своего сословия, 35% - с крестьянками, 23,3% - с мещанками и 16%- с прочими).

Местным критериям принадлежности к казачеству указом 1787 г. правительство пытается противопоставить свое решение проблемы воспроизводства казачьих рядов. Верная своему правилу везде, всегда и за все заставлять расплачиваться тружеников, центральная власть, частично возвращаясь к сословной практике прошлого столетия, создает из кандидатов в отставные разряд поселенных казаков. Последние были обязаны вместо службы вести свое безоброчное хозяйство и поставлять своих взрослых сыновей для службы, причем, по усмотрению властей не только казачьей. Прочие отставные, с которых указом 1787 г. сняли подушный оклад, тоже оставались в казачьем сословии, образовали с поселенными внутрисословно близкие разряды с неполноценным общесословным статусом. Эти меры, хотя власти в полной мере сохраняли за собой право перевода его членов в другие, близкие казачеству, категории населения, явно усиливали потомственный критерий принадлежности к казачеству.

Таким образом, к концу XVIII в. внутренняя организация казачества Сибири, как служебного слоя, по сравнению с петровским временем, усложнилась и стала напоминать структуру предыдущего XVII столетия. В ней, кроме реально служащих строевых, вновь стали выделять резервные внутрисословные разряды неверстанных казачьих детей и отставных с поселенными служилых людей с семьями. Больше всего изменялся и нес потери личный состав старого разряда пожалованной казачьей старшины в лице дворян и детей боярских московского и сибирского списков. Однако в целом, казачество Восточной Сибири, как общественная группа, оказалось довольно устойчивым, несмотря на его сословное расчленение в петровское время на податных разночинцев и штатные уездные команды. Казачье же население, как выше отмечалось, это деление долго не признавало. В документах нефискального характера многие разночинцы, упорно сохраняя свою прежнюю сословную принадлежность, назывались «дворянами и детьми боярскими в подушном окладе»,

«казачьими детьми из крестьян», «отставными казаками в подушном окладе» и т. д. Тем более, что служилое происхождение тяглеца нередко выступало основанием для функционального возвращения в казачьи ряды. Поэтому официальные сведения, подаваемые с мест в центр о сплошном служилом происхождении штатного казачества Восточной Сибири больше отражают не установки центра, а местные представления о критериях членства в этом сословии. С этой поправкой следует воспринимать материалы разборов верстаний, а также формулярные списки казачьей старшины и рядовых второй половины XУШ в. (см. Прил. I, табл. 33). Эти же источники показывают, что у городовых казаков, как служащих так и отставных, как у рядовых, так и старшин естественный прирост не мог восполнять убыль их рядов. На одного штатного казака у них приходилось лишь 0,7 души мужского пола детей. Это положение сохранялось и в 1820 г. Тогда у 1655 городовых казаков Восточной Сибири учли 1383 детей муж. пола до 15 лет. (см. Прил. I, табл. 29). Только у пограничных казаков (45% всех), условия службы и жизни которых, как отмечается в литературе, к концу XУШ в. оказались лучше, детей было больше - по 1,5 души муж. пола. (см. Прил. I, табл. 33). В целом же, на каждых 10 казаков приходилось 11 детей мужского пола. Судя по среднему возрасту детей (9,3 г.) в брак вступали сравнительно поздно - в 40-42 года. На низкий естественный прирост у казачества повлияло и то, что женатыми были у них каждые девять человек из десятка.

Приведем другие характеристики состава и условий службы рядовых казаков, строевой и сословной старшины во второй половине XУШ в., отраженные в Прил. I, табл. 33. Довольно близкими у всех разрядов казачества, помимо уровня брачности, являются среднее и самое раннее время поступления на службу (с 17 до 21 года и с 8-ми до 10 лет). Судя по уровню грамотности, возрасту и длительности службы, казачья старшина формировалась и пополнялась по заслуге, то есть по функциональному принципу. Командный состав от головы до урядника и капрала практически весь был грамотным, по крайней мере все умели читать -101 из 102 чел., в то время как у рядовых грамотными были 15,9% (52 из 326 чел.). Подсчеты А.С. Зуева по забайкальским казакам в целом подтверждают эти данные. В Верхнеудинской команде в 1772 г. грамотными были 81,8% старшин и 23,1% всего состава; в 1783 г. -соответственно 100% и 20%; в 1820 г. - 90,9% и 10,7%.[112] Старшина получала свои

должности, будучи моложе прочих (в среднем 36,7, а не 53 года) и имея наименьший общий стаж (19,7, а не 32 года. Правда, представители строевой верхушки начинали служить раньше (городовые - на 4 года, а пограничные - на 2,3 года). Можно было бы предположить, что это потомство сибирских дворян и детей боярских торопилось занять более высокие, чем у рядовых, оклады своих отцов и старших братьев. Но их, среди 102 учтенных в табл. 33 старшин и 380 казаков, было всего четыре человека, в том числе три сибирских дворянина и один сын боярский.[113] Это: в 1763 г. бывший енисейским казачьим головой Ефим Самойлов, родился в 1701 г., оказался в службе с 1 мая 1736 г., то есть в 35 лет. (См. Прил. II. Очерк о Самойловых); удинский десятник Иван Надеин из енисейских дворянских детей, грамотный, взят в службу казаком 33-х летним 16 февраля 1743 г., вышел в отставку 60-ти лет по «старости» и болезни (фистульная рана и золотуха), женился довольно поздно, если судить о том, что в момент отставки сыну его было три года; якутский казак Гулев Кондрат Васильевич, из местных сибирских дворян, в 1764 г. 26-ти летним поверстан в Якутске в казаки, особенных служб не нес, по увечью и болезни отставлен в 63 года, женат на казачке, и имел к отставке 16-летнего сына[115] ; красноярский отставной казак Герасим Иконников происходил из местных детей боярских, родился в 1727 г., грамотный, в казачестве оказался только в 61 год, все шесть лет до отставки в 1794 г. «обретался при городе Красноярске в караулах», от службы освобожден по старости и увечью - «ноги ломаны».[116]

Судя по очень позднему началу службы и в должности рядовых, последние трое из названных представителей сословной старшины, скорее всего, оказались в командах не по своей воле, а в наказание за какие-то вины, или уклонение от службы. Они вполне могли повторить судьбу иркутского казака Сидора Челпанова, которого в 1765 г. 60-летним написали в казаки, предварительно наказав плетьми при «четырех собраниях» казаков за укрывательство от службы.[117] В обычных же условиях молодежь из семей дворян и детей боярских, судя по 21-му послужному списку чиновников на классных должностях родом из этих казачьих разрядов, действительно вступала на службу довольно рано - в среднем в 15,5 года, причем в 40-50-е гг. с 7-ми до 14 лет, а в 60-80-е гг. - с 17 до 19 лет[118]. Служащие в Охотске дворяне и дети боярские, как явствует из их формулярного списка за 1800 г., тоже начинали службу в среднем с 15 лет (см. Прил. I, табл. 33). Вместе с тем, судя по формулярам почти 500

чел. второй половины ХУШ в., среди казачества удивительно редко встречаются выходцы из сибирских дворян и детей боярских. Вряд ли в послужных списках они скрывали сравнительно престижное свое происхождение. Обычно было наоборот. Тем более, что в Сибири, как уже отмечалось, бывшие служилые люди, записанные в тяглые сословия, упорно называли себя по-старому. Показательно, что служащие в Охотске дворянин А.Ф. Данилов и сын боярский М.М. Тарабукин, не ограничиваясь указанием на должности отцов (сотник и урядник) подчеркнули, что их «предки - сибирские дворяне».[119] Другое источники позволяют установить, что в Восточной Сибири сибирские дворяне и дети боярские и их потомство обычно начинали со строевой казачьей службы (см. Прил. 1, табл. 27), но со временем оказывались в гражданском ведомстве и реже - в регулярных войсках, где все же была возможность выслужить общероссийские классные чины и ранги. Так, по формулярным спискам за 1770-1810 гг. в Восточной Сибири среди чиновников на классных должностях нами выявлено 116 сибиряков. Из них 17%, или 21 чел. происходили из сибирских дворян (12 чел.) и детей боярских (девять чел.). Анализ рода их первой службы показывает, что каждый третий (семь чел., в том числе четверо из дворян) начинали служить сразу в звании сына боярского, по годам - в 1747, 1765, 1767, 1775 и 1789 гг. Это свидетельствует об известной живучести старосословного принципа, который уже был отвергнут законом. В целом, военная служба сначала поглощала почти всех представителей сословной старшины. С нее начинали 18 чел., в том числе шесть - рядовыми казаками и пять - солдатами. Сразу же в канцелярии попали лишь трое.[120]

Аналогичная во многом картина вырисовывается по спискам за 1800 г. «Якутского штата дворян и детей боярских, которые по службе и в должности» жили в Охотске. Пятеро из шести были из «природных дворян и детей боярских». Все шестеро, включая дворянина из «сотничьих детей» И. Дурыгина, были первоначально поверстаны в 1777-1792 гг. в казачью службу, в том числе два сына боярских (11-ти летний Я.М. Сивцов и 15-ти летний Г.А. Говоров) сразу в отцовский оклад детей боярских, а прочие на оклады рядовых. Со временем же, к 1800 г. из них только И. Дурыгин оказался командиром казаков Таунского острога, а прочие выполняли гражданские должности, находящиеся в ведении местного городничего и нижнего земского суда (квартальные надзиратели и частные приставы, целовальник у расхода

казенного провианта и «вахтер Ямского острога мангазейна».[121] Подобные службы были и прежде. По авторитетному свидетельству авторов «Описания Якутской провинции» Ф.И. Ланганса и Я. Федорова якутских дворян и детей боярских до учреждения провинции в 1775 г. использовали «для счета денежной и товарной казны, к подушному сбору, артиллерийским, мелочным канцелярским и судовым припасам, к оценке рухляди (пушнины - Г.Б.) и к отвозу оной в Москву, также к отвозу в Охотск и другие отдаленные места Якутского воеводства вина, провианта и денег; сверх того для збору ясака... (отправлялось - Г.Б.) в остроги и зимовья ежегодно до 37 чел., на другой же год их меняли другими казачьими старшинами.[122]

Еще более последовательно подходили к использованию сословной казачьей старшины в Западной Сибири. Как сообщала Тобольская казенная палата в Сенат, в связи с уточнением списков по четвёртой ревизии после открытия Тобольского наместничества, имеющихся 276 сибирских дворян и детей боярских распределили к должностям капитан-исправников, заседателей, уездных казначеев, винных и соляных приставов и «к исправлению письменных дел».[123]

Не случайно, при гражданском иркутском губернаторе Н.Н. Трескине местным сибирским дворянам и детям боярским на заметных административных должностях стали присваивать гражданские ранги. Так, по «Списку находящихся при Якутской дворянской команде дворян и детей боярских» за 1810 г., из 10 чел. четверо имели недавно им присвоенный 14 класс «Табели о рангах» (Авксентий Аргунов, бывший в 1804 г. сыном боярским, Василий Тарабукин, Тимофей Поротов и Ефим Владимиров).[124]

Наконец, нужно учитывать, что в службу брали только физически годных детей рядовых казаков и старшин. «Неспособных к военной службе» по-прежнему записывали в одно из тяглых сословий. Именно по этой причине в 1789 г. перечислили в красноярское мещанское общество сына «бывшего сына боярского» Василия Гоголева Якова. При этом с него взяли подушных и оброчных денег за семь истекших с начала четвертой ревизии лет. В этом случае особенно отчетливо выступает основным критерием сословной принадлежности не происхождение (Гоголевы были старинная енисейская фамилия детей боярских), а функциональность, в данном случае, личная пригодность.[125]

В свете вышесказанного можно утверждать, что главной причиной почти полного со

второй половины XVIII в. отсутствия представителей сословной старшины в рядах строевых казаков и их старшины явилась своеобразная служебная специализация сибирских дворян и детей боярских. Поэтому становится понятной уточняющая фраза к штатам на них 1737 г., что они предназначаются к гражданской службе. Не случайно, как выше отмечалось, говоря о нуждах своего ведомства и военный губернатор А. И. Бриль, и военный комендант А. И. Блюм в 1772 и 1798 г. в один голос утверждали, что сибирские дворяне и дети боярские не нужны в казачьих командах.[126]

Таким образом, в сибирском казачестве, которое в целом использовалось как универсальное сословие, в строго функциональном плане к концу XVIII в, можно выделить кроме строевого и резервного разрядов (городовые с пограничными и отставные с поселенными), еще один разряд - бюрократический, желанное сокращение которого шло в ходе сращивания с местной гражданской бюрократией. До полной передачи городового казачества гражданскому ведомству это тоже придавало низовым звеньям местного аппарата военизированный характер.

4.3. Особенности общего сословно-классового положения казачества.

В отличие от запорожцев, казаков Дона и Терека сибирское казачество складывалось не как вольное, а сразу как служебное население, что сближало его со служилыми людьми по прибору.

В 1710 г. они вместе с близкими им категориями казачьих детей и отставных в отдельных уездах Восточной Сибири составляли большинство русского населения, а в целом по региону - более 32,3% или до 1220 тыс., лиц мужского пола (с членами семей). Через более чем 100 лет в 1823 г. их насчитывалось около 15 тыс., но удельный вес их значительно снизился. Это не только результат значительного притока населения, но и следствие мер правительства, которое, начиная с первой ревизии, жестко ограничивало численность казачества.

В XVIII в. должностной состав, размещение, территориальное и сословное происхождение, общее положение восточносибирских казаков изменилось в меньшей степени. Их не написали по первой ревизии поголовно (кроме пограничных зон) в казенные крестьяне-однодворцы, а оставили, как и в XVII в., функционально-универсальным разрядом неподатного служебного населения, широко используя в хозяйственно-распорядительных и фискально-полицейских целях (городовые казаки), а также в военно-пограничной службе(пограничные казаки). Беломестные же казаки и выписные по реальному положению и службам, а также по тяглому состоянию, являлись специфической категорией крестьян.

До начала 60-х гг. XVIII в. власти подходили к штатному казачеству как к полностью сословно замкнутой группе с автономным, не связанным ни с военным, ни с гражданским ведомствами чинопроизводством. Как отмечалось, только по настоянию Ф.И. Соймонова на сибирское казачество распространили общие правила получения чинов и рангов, увязав их с общегражданским и военными. Сибирские дворяне и дети боярские стали получать ранги классных чиновников и офицерские чины, а занятые в канцеляриях рядовые казаки - затабельные канцелярские должности. Однако процесс бюрократизации восточносибирского казачества затянулся до реформ М. М. Сперанского. Принадлежность к казачьему сословию вновь стала потомственной после выключки в 1787 г. отставных и "природных" казаков из подушных списков. Такой же характер имела обязанность государственной службы, причем с 80-х гг. запрещалась легальная возможность выбора определенного ее рода, например, в канцелярии или в военной городовой команде.

С 40-х гг. казаков стали усиленно военизировать. Их подчинили комендантам приграничных уездов, а в губернском Иркутске - обер-коменданту. Предпринимались также попытки унифицировать их вооружение и одеть в военный мундир. До начала XIX в. казаки были подсудны военным властям, хотя с учреждением Иркутской губернии в 1764 г. их передали в распоряжение

губернатора[127]. Обобщенная характеристика казака при выходе в отставку по обработанным нами послужным спискам 346 человек за 1793-1804- гг. выглядит следующим образом: происхождение -из казачьего рода, средний возраст около 53 лет, начало службы –19,8 лет (самое раннее - 9 лет), общий стаж - около 32 лет (минимальный - 6, а максимальный - 60 лет); женаты были каждые 9 человек из десятка, на 10 чел. приходилось 11 детей мужского пола. Судя по среднему возрасту детей (9,3 года), в брак обычно вступали сравнительно поздно - 40-42 года (см.: Прил.I, табл.33).

Служебный статус казаков Восточной Сибири характеризовался отсутствием свободы выбора места поселения, но с правом ведения своего личного хозяйства, для чего желающим вместо хлебного жалования отводились сельскохозяйственные угодия (с 1773 г. – всем по 15 десятин различных угодий). Довольно заметную роль играла у казаков Восточной Сибири старинная корпоративная организация. Казачество каждого уезда составляло особую сложную общину или казачье войско. До начала 50-х гг. они имели право выбирать свой командный состав (атамана-голову, сотников, пятидесятников), коллективно распределялись особо ответственные, в первую очередь, финансовые и вообще тяжелые обременительные службы (сбор ясака, закупка для казенных целей продовольствия и различных припасов, заведование хлебными казенными амбарами, далекие «посылки»-командировки). Если у казака возникали какие-то претензии к представителю другого сословия, то он обращался в свою «казачью команду», которая уже защищала его интересы в соответствующем сословном учреждении. Так, когда в 1796 г. у казака Степана Соловьева его работник из крестьян Потылицын, якобы украл 252 руб. и сбежал в Абаканский острог, то хозяин сообщил о своих подозрениях в казачью команду и вызвал свидетелей. Однако Красноярский нижний земский суд решил дело в пользу Потылицына, который при «повальных обысках учинил во всем запирательство», а свидетели допросами показали во всем не так, как Соловьев описывал[128]. За причиненный казне

материальный ущерб, в конечном итоге, отвечали сообща, если имущества виновного не хватало для его возмещения. До 60-х гг. сохранялась традиционная практика свободы выхода из этого военизированного сословия путем обмена статусами с посадским или крестьянином. До этого же времени, как отмечалось выше, казак, если дорожил своей принадлежностью к своему сословию, но физически не мог нести ее тяготы, либо хотел их избежать, мог на ту или иную службу послать за себя другого нанятого человека. Такая практика обнаруживает остатки кланового подхода казаков к своему статусу. С другой стороны, правительство так невысоко его ставило, что более 70 лет, с 1721 по 1797 гг. допускала двойную сословную принадлежность части сибирских казаков, так как сохраняла их в рядах тяглецов.

Хотя при Петре I казачьи иррегулярные части страны перешли в ведение Военной коллегии, в которой выделили особое учреждение под названьем «Казачья изба», однако в «Табели о рангах» должности казачьих командиров не вошли. Казачья должностная старшина (головы или атаманы, пятидесятники, сотники) по-прежнему выбирались, хотя и с последующим утверждением воинскими властями, или воеводами.

Сибирское казачество с 20 гг. было в ведении губернатора, местных комендантов и воевод. Последние обладали до своего упразднения в 1783 г. во многом универсальными функциями. Поэтому вопрос о присвоении офицерских чинов казачьей верхушке, которая до 1737 г. состояла сплошь из сибирских дворян и детей боярских, даже не возникал. Правда, командиры крупных казачьих команд – «полков» в таких городах как Енисейск, Иркутск, иногда назывались не атаманами или головами, а «полковниками»,но это был не воинский чин, а полуофициальное название должности командира крупной казачьей части. Так, бывший енисейский казачий голова, дворянин московского списка Лисовский, оказавшись в 30-е гг. XУШ в. во главе «Иркутского казачьего войска», назывался «казачьим полковником», что не помешало местному вице-губернатору Жолобову, сводя с ним личные счеты, заковать его железа и в таком

виде отправить в Тобольск[129].

Казачья служилая старшина в 20 - сер. 30 гг. почти сплошь набирались из сибирских дворян и детей боярских (см. Прил.I, табл.25,26). При этом их деление на московский и местный списки практически не учитывалось.

Со второй половины 30 гг. начинается процесс проникновения офицерских чинов в казачьи войска Сибири. Шел этот процесс разными путями, в первую очередь, с расширением взаимодействия казаков с регулярными частями при подавлении Башкирского восстания, на сооружаемых сибирских военных линиях и с формированием в 1737 г. из сибирского казачества регулярных и драгунских частей. Именно в это время во главе отдельных казачьих городовых «войск» Западной Сибири появились с представления губернатора и назначенные Военной комиссией отставные офицеры местных полевых и гарнизонных частей. После известного указа Сената от 29 сентября 1744 г. о пополнении казачьих рядов представителями нетяглых сословий, приток этих лиц и детей офицеров в ряды штатных сибирских дворян и детей боярских легализовался вполне (см. Прил. II. Очерк о Пелымских).

Вопрос о присвоении командному составу уездных «войск» Сибири офицерских чинов возник в начале 50-х гг. с выделением линейных и крепостных казаков, непосредственно подчиненных командиру Сибирского корпуса и Военной коллегии. После подчинения в 1753-1754 гг. городовых казаков через тобольского обер-коменданта Военной коллегии сибирские губернаторы Ф.И. Соймонов и Д.И. Чичерин настойчиво стали добиваться распространения на всех казаков армейских порядков и системы чинопроизводства. Так, отличившихся в морских экспедициях казаков - якутского казачьего голову И.Татаринова в 1762 г. и А.И. Данилова в 1768 г., они представили Екатерине II к чинам армейского поручика и прапорщика (См. Прил.II.Очерк о Татаринове).

Как уже отмечалось, им удалось добиться от Сената указа от 16 декабря 1765 г., по которому помимо льготного срока выслуги очередного чина

специально подчеркивалась возможность присвоения сибирским казакам и канцеляристам классных чинов по гражданскому и военному ведомствам. Однако служба казаков, в том числе их верхушки, по своему казачьему иррегулярному ведомству и в Сибири, и во всей стране по-прежнему не была соотнесена со службой в армейских частях. Правда, во второй половине ХУШ в. тенденция к этому все усиливалась в силу реальной практики использования регулярных войск и усложнения задач по укреплению границ в районах с казачьим населением на Кубани, Кавказе, Тереке, Оренбургском крае и южной Сибири. Первоначально на казачьи войска страны распространялась номенклатура чинов конных регулярных частей (полковники, есаулы, хорунжие, сотники, ротмистры, капралы, урядники), но без права получения по чину дворянского статуса, а затем уже казачьи офицерские чины приравнивались к армейским, что сразу изменяло общий сословный статус (только чин хорунжего , в отличие от чина прапорщика, давал не потомственное, а личное дворянство). Войско Донское первым, хотя и раздельно, прошло эти два этапа в уравнении чинов и статусов командного состава регулярных и нерегулярных войск. В годы Семилетней войны оно получило казачьи офицерские чины, а по манифесту 1775 г. эти чины были приравнены к армейским[130].

Чинопроизводство и статус командной верхушки сибирского казачества складывались с родом значительных особенностей. По содержанию службы сибирские казаки, особенно линейные, все чаще придавались регулярным частям, поэтому командирами у них оказывались армейские офицеры. В должностях казачьих голов Военная коллегия увидела новые «вакансии» для отставных или негодных к строевой службе офицеров гарнизонных полков. Первое упоминание о подобной практике в Восточной Сибири относится к 1762 г. Из росписи Иркутской провинциальной канцелярии о наличных казаках Якутска и Селенгинска и их службах, поданной в связи с требованием Ф.И. Соймонова от 14 января 1762 г. команды для доставки в Анадырь провианта и строительства судов явствует, что Якутскую казачью команду возглавлял

казачий голова в чине поручика[131].

Естественно, что факты появления во главе городовых команд командиров в офицерском чине весьма определенным образом повлияли на умонастроения казачьей старшины, особенно на верстанных местных дворян и детей боярских московского списка. Тем более, что с 40-х гг. сибирские губернаторы по согласованию с Военной коллегией стали практиковать запись детей офицеров и классных чиновников в местные казачьи команды, то есть не в солдатские, а в более высокие оклады сибирских дворян и детей боярских.

Стимулировало честолюбие сибирской казачьей старшины, хотевшей получить офицерские чины, и появление с 60-х гг.на Сибирских военных линиях донских и запорожских казаков, верхушка которых уже ходила в офицерских чинах, аналогичных чинам кавалерийских регулярных частей.

Отмеченные обстоятельства делают понятным попытку казачьей верхушки Сибири использовать работу Уложенной Комиссии 1767 г. для резкого улучшения своего статуса, в частности, через присвоение офицерских чинов и связанного с ними статуса потомственных российских дворян. Об этом настойчиво просили в своих наказах сибирские дворяне и дети боярские Красноярска, Енисейска, Иркутска и Нерчинска. Так «иркутского штата дворяне и дети боярские» жаловались, что им не отводят земли, а некоторые даже в подушном окладе находятся как «не суть подлинные дворяне и дети боярские, но по всем примерам и отягощениям яко самые подлые люди и никакого себе в равность против прочих дворян и детей боярских преимущества не имеют». Подчеркивая, что «многие их службы» должны отправляться обер-офицерскими чинами, они просили, согласно Сенатского указа от 10 апреля 1765 г., наградить дворян обер-офицерскими рангами, а детей боярских - во дворяне, ибо в городах, яко то в Сибирской губернии г. Якутска дворяне многие пожалованы обер-офицерскими рангами , почему и имеют против них, губернских дворян, преимущества. [132].

Енисейцы в пятом пункте своего наказа депутату Степану Самойлову

резонно отмечали, что коль все, в том числе не дворяне «кто для Отечества ревность и усердие оказывают, награждаются чинами по их оказанной службе... то не апробируется за благо нас сравнить против прочих, находящихся на службе... и по удостоинству и аттестатам команд награждать обер-офицерскими чинами, и при том дозволить иметь государственные земли и крестьян, вотчины и деревни, или кто пожелает у кого купить в холопство крепостных людей, чтоб тому благоволено было вечно оных укреплять за ними». С. Самойлов, оказавшись членом «комиссии о рассмотрении родов государственных жителей», выполняя наказ земляков, выступил на одном из заседаний, посвященном рассмотрению «прав благородных». Непосредственным поводом для этого послужило предложение Сената от 12 декабря 1766 г. обсудить вопрос о том, в каких именно чинах и в какой службе, дослужившихся до обер-офицеров не из дворян и их детей, писать в дворянский список[133]. Известный историк князь Д.М .Щербатов и елецкий депутат Бибиков высказались против того, чтобы чин давал потомственное дворянство. Они утверждали, что кроме породы действительное дворянство может пожаловать только верховная императорская власть. После них с продуманной большой речью выступил С. Самойлов. Он напомнил, что сибирские дворяне были сохранены петровским штатом 1725 г. и что «некоторые (из них - Г.Б.) по примеру тамошних русских дворян в замен денежного и хлебного жалования получили во владение земли, на которых для хлебопашества имели исстари своих людей и, прикупая их еще, поселили на те земли, и таким способом образовывали деревню». Затем Самойлов красноречивым описанием разнообразных и тяжелых служб сибирских дворян подкрепил мысль о правомерности присвоения им прав на владение землей и людьми. При этом он подчеркнул, что занимаемые сибирскими дворянами «должностные места...обыкновенно поручаются штаб-офицерам, или по крайней мере, обер-офицерам»[134]. Наконец, он осторожно намекнул, что происхождение казачьей верхушки Сибири не является препятствием для уравнения ее с российскими дворянами, поскольку она

складывалась не только из вольнопришлых, но и из переведенных правительством дворян, а также ссыльных, причем последние уже давно искупили свою вину. Енисейский депутат закончил свое выступление предложением дать сибирским дворянам вечное потомственное дворянство через пожалование их всех в офицерские чины, по примеру некоторых казачьих голов Тобольска и других городов и платить соответствующее жалование, а также наделить землями и людьми, разрешив продавать и покупать их[135]. Ряд депутатов в принципе не согласились с Самойловым, считая, что разночинцы за государственную службу вполне вознаграждены денежным жалованием, а военные при отставке - еще и правом провести остаток своих дней в богадельне.

С наиболее развернутыми возражениями выступил Д.М. Щербатов, который предложил обширный проект сословного урегулирования положения сибирских дворян. Он не согласился с тем, что по происхождению сибирские дворяне были из служилых по отечеству XVII в., так как тогда в Сибирь воевод и войска посылали в малом числе. Сибирские казаки, по его мнению, составились из вольных переселенцев, беглых, купцов и ссыльных. И в Енисейск, судя по разрядным книгам, никого из дворян не посылали для заведения там шляхетства.

Исходя из их низкого происхождения, «понятие сибирский дворянин не есть состояние, но чин, который от отца к сыну не переходит… Ни званием, ни делами (они – Г.Б.) не суть дворяне». Не увидел историк у сибирских дворян и особых «заслуг перед царем и предками». Храбрость же и послушание являются солдатской обязанностью. При сборе ясака они получают прибыль. «Неужели за хранение соли их следует жаловать дворянством?»,- иронически вопрошал Д.М. Щербатов.

Он предложил учредить в Сибири дворянский корпус, с тем чтобы звание его чинам давал губернатор. При этом их следует переименовать, чтобы не путать с настоящими дворянами. Членство в дворянском корпусе обусловить 20

годами «непорочной» службы и положительным аттестатом. Для материального обеспечения сибирским дворянам предлагалось разрешать покупку незанятых земель, для обработки которых использовать некрещенных инородцев. Русских же людей сибирские дворяне не должны покупать. По отношению к другим сословиям страны сибирский дворянин «должен считаться в высшей степени среднего рода людей, и по чину своему почтение иметь»,- заключал Д.М. Щербатов.

По существу он предлагал региональный вариант общерусского дворянского статуса для сибирских дворян, которым прочие права российских дворян следовало предоставлять только в Сибири. Предусматривал Д.М. Щербатов и особые школы для сибирских дворян, окончив которые, они могли бы поступать в академический университет[136].

Показательно, что сибирские, как гражданские так и военные, власти в целом поддерживали притязания местной казачьей верхушки на офицерские чины, осторожничая только в вопросе о предоставлении им прав российских дворян. По крайней мере отдельным депутатам Уложенной Комиссии из сибирской казачьей старшины по представлениям командира военной линии И.И. Шпрингера, губернаторов Ф.И. Соймонова и Д.И.Чичерина Сенат и Екатерина II пожаловали армейские офицерские чины. Среди них был и «атаман крепостных казаков Иртышской линии» Федор Анциферов. В ноябре 1767 г. он обратился к И.И. Шпрингеру с просьбой о присвоении обер-офицерского чина, мотивируя тем, что другая его должность командира Омской гарнизонной школы является обер-офицерской. Ф. Анциферов напоминал, что по второму пункту инструкции Военной коллегии от 21сентября 1732 г. офицером в гарнизонной школе должен быть даже школьный надзиратель. И.И. Шпрингер поддержал Ф. Анциферова, но 15 февраля 1768 г. Военная коллегия ответила ему, что следует подождать «Положения Воинской комиссии о нерегулярных войсках». Тогда соискатель, находясь в столице как депутат Уложенной комиссии, с ведома И.И. Шпрингера подал уже прямо в Сенат

второе прошение о присвоении обер-офицерского чина. 4 февраля 1769 г. Сенатский указ об удовлетворении его просьбы был направлен в Военную коллегию, которая 31 марта того же года присвоила настойчивому сибиряку чин «поручика армии»[137].

В целом же, до «Положения о нерегулярных войсках» вопрос о производстве штатных сибирских дворян и детей боярских и статусе командного состава казачьих городовых команд центральной властью был оставлена на усмотрение сибирских губернаторов и обер-комендантов Тобольска и Иркутска, а у служивших на линиях-командующих войсками Сибирского гарнизона и Военной коллегии. Так, Л.С. Рафиенко, ссылаясь на дореволюционного автора Голодовникова, утверждает, что «Д.И.Чичерин получил право присвоения обер-офицерского звания для своих подчиненных за заслуги до капитанского чина включительно»[138].

Однако право верховного утверждения в чинах оставалось у Сената и лично императрицы. При этом офицерские чины, кроме особо оговоренных случаев, отрывались как от дворянского общего статуса, так и от соответствующего должности жалования. Правовую основу такой практики давал Сенатский указ 14 января 1762 года, по которому за выслугу лет канцеляристам могли давать первый классный чин, но без изменения им должности, а значит и жалования[139]. Как видим, служилую верхушку казаков приравнивали к верхнему разряду затабельных чиновников. На этом основании в 70-90 гг. старшины крепостных (линейных) казаков стали получать офицерские ранги. В 1772 г. по ходатайству И.И. Шпрингера Военная коллегия присвоила атаману всех казаков Сибирской линии Григорию Волошанину, родом из простых сибирских казаков, чин армейского подпоручика «за разведывание в китайской стороне различных обстоятельств и усердную службу» и повелела ему «быть по-прежнему при сибирском иррегулярном войске при настоящей должности». Эта оговорка насчет прежней должности означала, что жалование оставят прежним. Через восемь лет Г.А. Потемкин, в

ведении которого с 1774 г. находились все иррегулярные войска и легкая кавалерия страны, произвел Г. Волошанина в поручики со старшинством в четыре года, по истечению которых 29 февраля 1792 г, в Военную коллегию ушел рапорт командира Сибирского корпуса генерал-майора Юргенса о том, чтобы «казачьего войска поручика и атамана Григория Волошанина уравнять за беспорочную 15-тилетнюю службу «в одном том чине со сверстниками» и наградить чином капитана. Показательно, что до конца 1779 г., то есть шесть лет, Волошанин получал оклад не по чину армейского подпоручика «с денщичьими (деньгами - Г.Б.) и рационами», а по старому окладу сотника, на котором он оставался, несмотря на переход в должность атамана и офицерский чин[140]. Казачий сын по происхождению Федор Лушков, через 29 лет службы, пройдя должности курьера Сибирского приказа, сотника, звание тобольского сибирского дворянина, командира Кузнецкой и Колыванской крепостных казачьих команд в 1777 г. стал армейским прапорщиком. Когда произведенный в 1775 г. сразу в поручики атаман соседней линии Реутов в 1792 г, уже во второй раз запросил себе соответствующий чину армейский оклад, то Ф. Лушков, сочтя себя вдвойне обойденным и по чину, и по жалованию, обратился с соответствующим рапортом через голову командира Сибирского корпуса генерал-майора Штрандмана прямо в Военную коллегию[141]. Военная коллегия 26 марта 1792 г. удовлетворила просьбу Реутова, а о Ф.Лужкове велела Штрандману подать по форме представление. При этом законное, вытекающее из сословной неравноправности несоответствие их должностей и жалования чинам, мог снять только могущественный временщик Г.А. Потемкин. Через него же, а не автоматически шли рапорты о сохранении армейского офицерского жалования, когда строевого офицера переводили в казачье войско. Так подпоручик Семипалатинского полевого батальона Баргин, назначенный в 1778 г. на должность командира казаков Иртышской, Ишимской и Колыванской линий с повышением в чине, почти два года до 21 августа 1779г. вообще не получал жалования, ибо со старого был снят, а о выдаче нового распоряжение

Г.А. Потемкина не последовало[142].

Неполноценными были офицерские чины и у старшин городовых казаков Сибири. Первым из них получил в 1786 г. чин прапорщика «атаман Тобольской русской казачьей команды» Иван Ярков. Этот тобольский казачьий сын довольно быстро, в 18 летнем возрасте, ,достиг офицерского чина. Приступив к службе 10-ти лет, он через восемь месяцев стал пятидесятником, 11-тилетним - сотником, 17-летним - атаманом, а на следующий год - прапорщиком. Возможно, его служебное продвижение было связано с успешными действиями против контрабандистов в районе Петропавловской крепости (Казахстан), куда он был командирован 14-летним и пробыл три года. Затем его 29 октября 1793 г. перевели на свободное место атамана Красноярской казачьей команды, но с прежним атаманским, а не офицерским жалованием. Через два года, 5 июля 1796 г., Мещерский представил Яркова, а также прапорщика из тобольских казачьих детей Затеева, к очередному офицерскому чину, однако Военная коллегия им отказала, разъяснив, что с двухлетней выслугой даже в полевой армии в новый чин не производят [143]. Предшественник Яркова Афанасий Баранов, енисейский казачий голова, родом из томских казачьих детей, тоже получил через полгода после перевода в казачьи атаманы Енисейска с середины 1794 г. чин «армейского прапорщика с оставлением на прежней должности и жалованье» [144]. Оклад же он все еще получал по старой, четырехлетней давности службе томского пятидесятника. В офицерских чинах в 90-х гг. были атаманы и других городовых команд Сибири, например Сургута[145](см. также Прил.II. Очерки о Кривошапкине, Басареве).

Офицерские чины верхушке пограничного казачества Иркутской губернии, в первую очередь, командирам дистанций, стали присваивать несколько позже, чем в Западной Сибири - с 90-х гг. XVIII столетия. Так, в 1795 г. атаман иркутских пограничных казаков имел чин подпоручика, а сотник Лихачев - прапорщика. В 1800 г. казаками Акшинской и Харацайской дистанции командовали прапорщики Иван Разгильдеев и Филипп

Островский, которые были родом из сибирских казаков[146]. Вместе с тем, во время правления Павла I в Восточной Сибири появились первые штатные офицеры у городовых казаков Иркутской губернии, ибо по проекту полковника А.И. Блюма часть их объединили в особый пятисотенный полк полурегулярного типа. Правда, личный состав полка использовался и на пограничной службе. В итоге в 1800 г. на дистанциях Кударинской, Чиндан-Турукаевской и Тункинской командиры имели первый казачий офицерский чин хорунжего, соответственно Андрей Дурыгин, Герасим Серебрянников и Мамонт Скороговоров[147].

К концу XVIII в. мнение о том, что должностям атаманов городовых казачьих команд и командиров пограничных дистанций и крепостей Сибири соответствуют чины обер-офицерского ранга настолько укоренилось, что при окончательной передаче казачества в гражданское ведомство казачьей старшине в таких должностях до реформы М.М. Сперанского могли присваивать соответствующие гражданские классные ранги. Этим объясняется тот примечательный для иррегулярных частей факт, что в Восточной Сибири некоторые казачьи командиры имели гражданские классные ранги. Так, например, сотник Степан Главинский Троицкосавской дистанции в 1800 г. получил ранг губернского секретаря XII класса чинов[148].

Распространение особого казачьего чинопроизводства у иррегулярной служилой верхушки Сибири началось в Х1Х столетии. При обсуждении в 1804-1806 гг. проекта устройства казачества в связи с учреждением в Сибири общего генерал-губернаторства за военизацию казаков и присвоение их верхушке офицерских чинов высказались командир всех расквартированных в Сибири войск генерал-лейтенант Глазенап, иркутский губернатор Трескин, томские губернаторы Марченко и Илличевский, а также сибирские генерал-губернаторы Селифонтов и П.И. Пестель.

По мнению Трескина, иркутские городовые казаки должны управляться

назначенными сверху войсковым атаманом в штаб-офицерском чине и 10 обер-офицерами. В проекте «Положения о городовых казаках» генерал-губернатора Пестеля, который проводил его в жизнь до 1822 г., тоже предусматривались «казачьи офицеры в действительных чинах, или зауряд», но с жалованием без обычных армейских доплат. Состав офицерских чинов выглядел следующим образом: войсковой атаман и полковые командиры в штаб-офицерских чинах, а прочие - в обер-офицерских, в том числе: есаулы - в капитанском, сотники - в чине поручика, хорунжий и адъютант при атамане - в чине прапорщика (см.: Прил.1, табл.30).

При подготовке к реализации реформы М.М.Сперанского по сибирскому казачеству в 1820-1822 гг. общеказачьи офицерские чины сохранялись. Так в пятисотном Енисейском и шестисотном Иркутском казачьих полках числились полковой атаман IX класса чинов, и по пять или шесть сотников и хорунжих соответственно XII и XIV класса[149]. Указание на классность означало, что правительство, в отличие от офицеров Донского, Черноморского, Уральского, Кубанского казачьих войск и тысячного Оренбургского казачьего полка, так и не приравняло казачьих офицеров Сибири к офицерам армейских частей, что лишало их прав потомственного дворянства[150].

Должность в сочетании с личной заслугой, а также профиль службы (в линейных раньше и чаще, чем в пограничных и городовых командах), определяли получение казачьей старшиной обер-офицерского чина.. Невнимание к сословному происхождению казачьих офицеров Сибири, столь непривычное для центральной власти того времени, объяснялось общим неполноценным статусом носителей офицерского чина в иррегулярных войсках Сибири. Существующие штатные и местные препятствия на путях получения полноценного или, как тогда выражались, «действительного офицерского чина» отлично осознавалось казачеством. Поэтому наиболее предприимчивые сибирские дворяне и дети боярские пытались их обходить, поступая добровольцами в полевые части, расквартированные в Европейской России. Их

полковые канцелярии и командиры естественно не знали , что по своему содержанию звание «сибирский дворянин» далеко не равноценно понятию «российский природный дворянин» и поэтому распространяли на сибиряков льготный для дворян порядок чинопроизводства и указы от 15 мая 1762 и 15 июня 1763 г., по которым природные дворяне в затабельных чинах при отставке получали первый офицерский чин или классный ранг. Военная коллегия и Сенат утверждали эти представления, так как сибирское происхождение кандидатов на чин, не указывалось. При этом местные сибирские власти своими ходатайствами о присвоении этим лицам обер-офицерских чинов вольно или невольно способствовали успеху этой тактической уловки части казачьей верхушки, добивавшейся классных чинов и с ними прав российского дворянства. По использованным нами источникам насчитывается до десятка подобных случаев. (См. Прил.II. Очерки о Л.В. Кривошапкине, И.И. Галкине, Старостиных).

В целом, служебный статус должностной казачьей старшины Восточной Сибири к концу изучаемого периода, по сравнению с петровским временем, несколько поднялся, так как за заслуги им могли давать нижние классные чины по военному или гражданскому ведомству, хотя жалование обычно оставалось прежним, во много раз более низким. Общесословный же статус не изменялся, так как Сенат не признавал за потомками старшины московского списка и за прочей старшиной в классных чинах даже лично-дворянского права. Это свидетельствует об общей незрелости их общесословной организации, слабой вычленности казачьей старшины от рядовых казаков, а последних - из трудовых слоев населения. О достаточно широких и устойчивых межсословных контактах казаков и их старшины также свидетельствует сословное происхождение жен русского населения Восточной Сибири во второй половине XVIII- начале XIX вв. (см. Прил.I, табл. 35).

К концу изучаемого периода, потеряв самоуправление, поместное право на свои небольшие трудового размера земельные наделы и право на владение

людьми, казачество, вынужденное из-за скудного казенного содержания заниматься в той или иной степени производительным трудом, оказалось «вооруженными крестьянами с наделом». Однако возникали новые сословного типа перегородки внутри казачьего сословия, ибо командный состав с конца XVIII в. активно стал получать первые классные чины, которые, правда, не давали членства в дворянском сословии и его прав. По общесословному статусу казачьи офицеры Сибири нач. XIX в. оказались на уровне сибирских дворян и детей боярских, чей статус со времен Ф.И. Соймонова был приравнен к статусу канцеляристов, этому верхнему разряду затабельного чиновничества. В целом сохранение функционально универсальных казачьих иррегулярных частей в ставшей преимущественно крестьянским краем Сибири, свидетельствует о гибкости управленческого аппарата российского абсолютизма на восточной окраине страны, сочетавшего в себе как некоторые бюрократические элементы пробуржуазного типа, так и традиционные старофеодальные средства поддержания классового порядка. Все разряды восточносибирского казачества, вновь подчиненные в конце XVIII – нач. XIX в. гражданским властям, входили в одно служебное военно-бюрократизированное и слабо вычлененное сословие позднефеодального типа.

[1]Кабузан В.М., Троицкий С.М Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIIIв. // СЭ. 1966. №. 3. С.40-43. РГАДА. Ф. 248. Оп.113. Д.1628.Л.52-53.

Примечания

[2]Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири.-СПб. 1854. Т.2, табл. 1.

[3]Кирилов И. В. Цветущее состояние Российского государства. –М.: Наука, 1977. С.261, 379. 403-404; Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII- начале XIX вв./Формирование военно-бюрократического дворянства.-Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. С.174.

[4]РГАДА. Ф. 1019. Оп.1. Д.63. Л.7об.

[5]ПСЗ. Т.VI.№3636. С.234; Т.XXIII. №17524. С.961-964; Васильев А.П.

Забайкальские казаки./ Исторический очерк. Т.1.- Чита, 1916.

[6]Автор датирует графы с данными по первой ревизии «1719 годом», но сам же признает,что в них отражены сведения о дополнительно выявленных жителях, то есть «прописных» и «приписных». - См. Водарский Я. Е. Численность... С.205, 208. Табл. V.

[7]РГАДА. 1019. Оп.1. Д.41. Л. 1-2; Д.63. Л.8 - 8 об.

[8]Там же. Д.66. Л.212-215.

[9]Там же.Ф.248. Оп.4. Д. 187. Л.330-331.

[10]Там же. Ф.1019. Оп.1. Д.66. Л.200об. -212.

[11]Васильев А.П. Забайкальские казаки… Т. II. С.48.

[12]Абрамов Н.О сибирских дворянах.// Этнографический сборник. -СПб., 1862. Вып.5. «Смесь». С.11.

[13]Быконя Г. Ф. Русское неподатное население... С. 177.

[14] ТФ ГАТО. Ф.341. Оп.1. Д.142. Л.47-52.

[15]Быконя Г.Ф. Русское неподатное население... С. 176-177.

[16]Абрамов Н. О сибирских дворянах и детях боярских... С. 17. Н. Абрамов говорит о 76 дворянах и 277 детях боярских, но его сведения относятся к штатам 1725-1737 гг. не всей Сибири, а лишь западной ее части, включая Енисейскую провинцию, где было 10 дворян я 54 детей боярских. Именно эти цифры приводятся в ведомости Д. И. Чичерина в Военную комиссию Сената за 1765 г., где показано соотношение наличных казаков в 1763 г. со штатами 1725 г. -См. РГАДА. Ф.248. Оп. 113. Д. 1628. Л. 52-53. Из справки же Тобольской казенной палаты Сенату от 15 июля 1784 г. по поводу итогов четвертой ревизии узнаем, что на территории собственно Тобольской губернии без Алтая и юга Приенисейского края в 1737 г. находилось 40 сибирских дворян и 77 детей боярских – См.: РГАДА. Ф. 248. Оп.113. Д.4342. Л.532-533.

[17] РГВИА. Ф.1264. Оп.1. Д.536. Л.4; Ф. 13. Оп.2/110. Оп. 151. Д.18. Л.7 об.; РГАДА. Ф.248. Оп.4. Д.187. Л.332-322об. Этот указ в ПСЗ не попал.

[18] РГАДА. Ф.248. Оп.4. Д. 187. Л.331об.

[19] РГВИА. Ф.13. Оп. 1/107. Св. 132. Д.62. Л.236об.-242; РГАДА. Ф.248. Оп.4. Д.183. Л.500. По Иркутской провинции сведения о числе детей отсутствуют.

[20]РГАДА. Ф.248. Оп.4. Д. 183. Л.458,477об..769об.

[21]РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 132. Д. 62.Л.232, 241об.-242.

[22]Там ж Л. 233-234об

[23]РГИА. Ф.1264. Оп.1. Д.536. Л.9.

[24] Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири. Т.3.-Томск, 1887. С. 103-104; Кьгманов А. Материалы для истории Енисейского округа // ИВСО РГО, Т.53.-Иркутск, 1914. С.45.

[25]Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор Сибирского. С.21.

[26]Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.-Новосибирск: Наука СО, 1981. С.91-94.

[27]Васильев А.П. Забайкальские казаки… Т.2. С.67-68.

[28]Быконя Г. Ф. Русское неподатное население... С. 178-182.

[29]РГИА. Ф.1264. Оп. 1. Д. 536. Л.6.

[30]РГАДА. Ф.24. Оп.5. Д.2722. Л.87; Васильев А. П. Забайкальские казаки... Т.2. Л. 152,155.

[31]Военная коллегия и в 60-90-х гг. обычно оперировала данными штата 1737 г. - См.: РГИА. Ф. 13. Оп.2/110. Св. 153. Д.27. Л.125;РГАДА. Ф.248. Оп. 113. Д.1628. Л.16-51об.

[32]РГАДА Ф.248. Оп. 113. Д. 1628. Л.20об.-51.

[33]РГВИА. Ф. 13. Оп.2/110. Св. 151. Д. 151. Ч.2. Л.208.

[34]РГИА. Ф. 1264. Оп.1. Д.536. Л.6.

[35]Васильев А. П. Забайкальские казаки...Т.2. С.205-207.

[36]Быконя Г.Ф. Заселение… С. 92-94.Табл.7.

[37]ГАЧО. Ф.10. Оп.1. Д. 10. Л.475об.-476.

[38]Там же. Л.162-171

[39]РГВИА. Ф.13. Оп.2/110. Св.151. Д.151.Л.271-272, 289об.-290.

[40]Там же. Ч.2.Л.225об.

[41]Там же. Св.153. Д.27. Л.126.

[42]РГВИА. Ф.13. Оп.2/110. Св.151. Д.151. Ч.2. Л.249об.

[43]РГИА. Ф.1264. Оп.1. Д.536. Л.2, 17об.-19.

[44]Там же. Л. 21-24об.

[45]Там же. Л.24-25,35.

[46]Там же. Л.25об.-26об.

[47]Там же. Л.27-28об.

[48]Там же. Л.30-32об.

[49]РГИА. Ф. 1264. Оп.1. Д.536. Л.30-30об.

[50]Обозрение главных оснований местного управления в Сибири. - СПб., 1841. С. 124.

[51]РГВИА. Ф.489. Оп. 1. Д.3042. Л.1-13;Д.3734.Л.1-11;Ф.13. Оп.2/110. Св.106. Д.161.Л.5,7,24-26об.,39-40,54-62,68-72.

[52]Кабузан В.М., Троицкий С. М Новые источники... С.40-41.

[53]ИГАРС. Ф.4. Оп.1. Д.28. Л.1, 12, 20-24об., 28-
30. 101-114.

[54]Гагемейстер Ю. А. Указ. соч. Прил. Таб.1;
VIII.

[55]РГАДА. Ф.214. Оп.5. Д. 1953. Л.20об.

[56]Там же. Д.2152. Л.6-7.

[57]Там же. Д.1655.Л.1об.

[58]Там же... Д1405. Л.1об.-7; Д.2004. Л.2об.

[59] Там же... Д. 1405. Л.9-9об.; Быконя Г. Ф. Заселение русскими... С.90.

[60]Абрамов Н.А. О сибирских дворянах... С.11; Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири.-СПб., 1886. Кн.2. С.363.

[61]Впервые это отмечено в работе: Громыко М.М. К характеристике сибирского дворянства XVIII в.// Русское население Поморья и Сибири (период феодализма).-М.: Наука, 1973. С.350.

[62]Словцов П. А. Историческое обозрение... С.363.

[63]Леонтьева Г. А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XУII-начале XУIII в. (По материалам Иркутского в Нерчинского уездов). Дисс... канд. ист. наук.- М. 1972. С.80-83.

[64]ПСЗ. Т.УI. №3630. С.234.

[65]Абрамов Н. А. О сибирских дворянах... С. 16.

[66]РГАДА. Ф.1019. Оп.1. Д.65. Л.66об.

[67]Там же. Ф.428. Оп.4. Д. 157 Л.3-4; Ф.1019. Оп.1. Д.7. Л.34-36об.

[68]Там же. Ф.428. Оп.4. Д.180. Л.988-988об.

[69]Там же. Ф.425. Оп.2. Д.18. Л.24-25.

[70]РГВИА. Ф.13. Оп.2/110. Св.151. Д.18. Л.7об. Цитируется по выписке из доклада 1793г.

[71]Там же. Оп. 1/107. Св.132, Д.67. Л.504-508,493-496,499об-500; Д.64. Л.407-427; Св.147. Д.2. Д.82. Л.445-451; Св.148. Д.1. Л.331-336; Ф.2/110. Св.153. Д.12; Св.176. Д.161. Л.5-44, 54-133; Ф.489. Оп.1. Д.3042. Л. 1-13; Д.3734. Л. 1-12об. Подсчет наш.

[72]РГАДА. Ф.13. Оп.1/107. Св.132. Д.67. Л.505об.-506; Оп.2/110.

Св.153. Д.12. Л.20об-21.

[73]Там же. Ф.350. Оп.2. Д.1059.Ч.1. Л.598об.-600об.

[74]ГАЧО. Ф.10. Оп.1. Д.104. Л.75-76.

[75] РГАДА. Ф.341. Оп.1. Д.103. Л.21.

[76]Там же. Ф.248. Оп.4. Д.3824. Л.434. Оп.176. Д.161. Л.98об.-99.

[77]Там же. Ф.350. Оп.2. Д.1058.

[78]Там же. Ф.248. Оп.4. Д. 183. Л.1078об.-1079.

[79]Там же. Ф.350. Оп.2. Д.3070. Л.227.

[80]Васильев А. П. Забайкальские казаки... Т.2. С. 139.

[81]РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1059. Ч.2. Л.695об.

[82] Там же. Ч. 1. Л 388-528об. 620-631об.

[83]Там же. Л.530-535,888об.

[84]Там же. Д.3069. Л.30; Д.3070. Л.379; Д.3072. Л. 198,

[85]ГАРС. Ф.1. Оп.1. Д.136. Л.1-1об.; Д.138. Л.5.

[86]РГВИА. Ф.13. Оп.1/107. Д.147.Ч.2. Л.309-319; ГАКК. Ф.609. Оп.1. Д.4. Л.13-14.

[87]РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3072. Л.195.

[88]Там же. Д.1059. Ч.2. Л.704-725об.

[89]Там же. Д. 1068. Л.359. Практика сдачи тягла для перехода в казачество встречалась в Восточной Сибири и в прежние десятилетия. - См.:РГАДА. Ф.214. Оп.4. Д. 1574. Л.78; Оп.5. Д. 1953. Л.19об.-20.

[90]ГАИО. Ф.70. Оп.1. Д.404. Л.110об., 158об.

[91] РГВИА. Ф.1264. Оп.1. Д.536. Л.4.

[92] РГАДА. Ф.248. Оп.4. Д. 183. Л.513об.; ГАЧО. Ф.10. Оп.1. Д. 10. Л.476.

[93] ГАЧО. Ф.10. Оп.1. Д.10. Л.476-478.

[94] ПСЗ. Т.XXIII. №17524. С.961.

[95] В советской литературе долго не замечали этой специфики положения тяглых восточносибирских казаков и к ним неверно сводили всю численность верстанных казаков Иркутской губернии. - См.: Кабузан В. М., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в.//СЭ., 1966. №3. С.41. Табл.2.

[96]РГАДА. Ф.248. Оп.4. Д.3824. Л.46об.

[97]Там же. Ф.350. Оп.2.Д.1059.Ч.1. Л.513.

[98]Там же. Ф.248. Оп.4. Д.3824. Л.462.

[99]ГАРС. Ф.1. Оп.1. Д.54. Л.1-7.

[100]РГАДА. Ф.1092. Оп.4. Д.29. Л. 1-8,11-12. В литературе Шарина называют главным разведчиком В. В. Якоби, причем ошибочно отмечается, что он получил дворянина «московского списка». - См.: Васильев А. П. Забайкальские казаки... С.63.

[101]РГИА. Ф.383. Оп.29. Д.908. Л.35,135.

[102]РГАДА. Ф.607. Оп.2. Д.59. Л.60об.-61.

[103]Миненко Н. А. Северо-западная Сибирь в XУIII - первой половине XIX вв./Историко-этнографическнй очерк. –Новосибирск: Наука СО, 1975. С.227-229.

[104]ГАТО ТФ. Ф.329. Оп.541. Д.97. Л. 1-17. Дело о назначении подпоручика Пантелеева в Красноярскую казачью команду.

[105]РГВИА. Ф.13. Оп.1/107. Св.132. Д.69. Л.517-518об.

[106]Изгачев В. Г. Нерчинские заводы и горнозаводские крестьяне в XУIII в. Кн.2. Маш. Рукопись. -М., НАИИРАН. Ф.1. Д.107. С.39-45.

[107]РГВИА. Ф.13. Оп. 1/107. Св.132. Д.66. Л.484-487об.

[108]Там же.Ф.13. Оп.1/107. Св.132. Д.66. Л.484-487об.; Д.69. Л.518об.

[109]Там же. Ф.489. Оп.1. Д.6211. Л.849об.-850.

[110]Там же.Ф.13. Оп.2/110, Св.153. Д.27. Д.245-247.

[111]Там же.Ф.489. Оп.1. Д.3042. Л.1-13; Д.3734. Л.1-13; Ф.13. Оп.2/110. Св.106, Д161. Л.5,7,20об.-26,39-40, 54-62,68-72.

[112]Зуев А.С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск: Наука СО. 1991. Табл.25.

[113]РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3042. Л.12об.-13.

[114]Там же. Ф.13. Оп. 1/107. Св.132.Д.67.Л.505об.-506.

[115]Там же.Оп.2/110. Св. 176. Д. 161. Л.24об.-25.

[116]Там же.Св.153. Д.12. Л.21об.-22.

[117]Там же.Оп. 1/107. Св.132. Д.67. Л.494об.-495.

[118]Быконя Г. Ф. Русское неподатное население... Гл. II. С. 129-130,137-139,150, 161.

[119]РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.5734. Л.5об.-6об., 7об.-8.

[120]Быконя Г. Ф. Русское неподатное население... С. 106-109,112-113,123 125,155-156.

[121]РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.5734. Л.6-6об., 7об., 8об.

[122]РГБРО. Д.238/6. Л.37-38.

[123]РГАДА. Ф.248. Оп.4. Д.4342. Л.430об.

[124]ЦГАРС. Ф.4. Оп. 1. Д.28. Л.28-30.

[125]ГААК. Ф.169. Оп.1. Д. 123. Л.259. Рапорт красноярского ратмана Петра Костыгина в Колыванскую казенную палату от 9 мая 1789 г.

[126]М.М. Громыко правильно отмечая «двойственное со второй половины XVIII в. положение сибирских дворян в бюрократической системе, допускала неточность, утверждая, что они «формально считались высшим чином нерегулярных войск, но фактически несли преимущественно гражданскую службу».-См.: Громыко М.М. К характеристике сибирского дворянства ХУШ в…С.359-360. Во-первых, не фактически, а с определения Сибирского приказа 1737 г.; во-вторых, как отмечалось выше, по указу Сената 1765 г., принятого по настоянию Ф. И. Соймонова, выше чина-звания «сибирский дворянин» стали классные чины-ранги военного и гражданского ведомств, которые присваивались казачьей старшине. Правда, это не меняло их общий сословный статус.

127. Быконя Г.Ф. Неподатное население…Гл.4.

128. Ватин В.А. Село Минусинское./Исторический очерк. -Минусинск, 1914. С.75.

129. РГБ ОР. Ф. 205. Оп. 1. Д. 63. Л. 231.

130. Блосфельдт Г.Э. Сборник законов о российском дворянстве.- СПб., 1907. С. 12.

131. РГАДА. Ф. 248. Оп.126. Д. 3468. Л. 190.

132. Там же. Ф.342. Оп.1. Д. 103. Л.8-9.

133. РИО. Т. 134.-СПб., 1911. С. 220.

134. Там же. С.159-161.

135. Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. // РИО. Т. 4 .-СПб., 1869. С. 137-159.

136. Там же. С. 159-161.

137. РГВИА. Ф. 13. 0п.1/107. Св. 132. Д. 65. Л.436-439,447-459.

138. .Рафиенко Л.С. Компетенция сибирского губернатора в ХУШ в.// Русское

население Поморья и Сибири /Период феодализма. -Наука, 1977. С.5.
139. ПСЗ. Т.XV. №11404.
140. РГВИА. Ф.13. Оп.. 1/107. Св.144. Д. 66. Л.250об.-252.
141. РГИА, Ф.13. Оп.1/107. Св.132. Д. 55. Л. 158; Д.65. Л. 160,244-249.
142. Там же. Д. 55. Л. 158 об.
143. Там же. Оп. 2/110. Св. 158. Д. 133. Л. 1-10.
144. Там же. Оп. 2/110. Св. 151. Д.118. Л. 1-13.
145. Миненко Н.А.Северо-западная Сибирь в ХУ111-пер.пол.Х1Хв.- Новосибирск: Наука, 1975. С. 226.
146.Васильев А.П. Забайкальские казаки... С.212. Прим.1.
147. Там же.
148. Там же.
149. РГИА. Ф.1264.Оп.1. Д.536.Л. 19-20,23об.-24,24об.-25,25об.-27,28,31об.-32,39
150 Блосфельдт Г.Э. Сборник законов… С. 12-13.

Заключение.

В Восточной Сибири изучаемого периода особенно четко проступали обе функции государства, которые олицетворяли местная бюрократия и вооруженные силы – публичная и эксплуататорская. Это было обусловлено такими специфическими условиям и региона как необозримые, необжитые во многом пространства, этническая пестрота коренного населения и постоянный приток населения извне, сложное приграничное положение в условиях незавершенности российского присутствия, возможности получать огромные доходы от добычи драгоценных и цветных металлов, от промысла ценного лесного и морского зверя, а также от меновой торговли с Китаем. В экономической области местная администрация осуществляла масштабные хозяйственно-организаторские, хозяйственно-попечительские, торговые и финансово-фискальные мероприятия. Необычно развитым был государственный сектор в экономике, базировавшийся на верховой и реальной собственности на землю и состоящий из “государевого”, заводского и солдатского хлебопашества, железоделательных, медеплавильных и серебряных заводов, казенных кузниц, слесарных мастерских, мельниц, винокурен, солеварен, пастбищ, водного и сухопутного транспорта. Благодаря горной регалии и монополии на солеварение и винокурение, казна занимала господствующее положение в этих ведущих и наиболее прибыльных отраслях. Они основывались на ресурсах хозяйств приписных крестьян, труде ссыльно-каторжных и мастеровых, из которых лишь немногие были наемные. По сравнению с этим казенно-хозяйственным крепостническим укладом более скромное место занимал смешанный уклад, в котором казна сотрудничала с частными лицами через подряды и аренду. Деятельность местных властей в сферах обмена и распределения через налог – ренту при хозяйственной самодеятельности тружеников относится к феодальным отношениям черносошного типа. Для более эффективной реализации своих целей верховная власть вводит в Сибири более дробное административно-территориальное

деление и управление, в том числе ведомственное, расширяет со второй половины XVIII века прежнее сословное самоуправление в городе и деревне, активнее формирует социальную инфраструктуру. Численность неподатного населения, особенно служебного, выросла в несколько раз к концу изучаемого времени, удельный вес гражданской бюрократии среди русских был в два раза выше общероссийского. Изменилась с XVIII века и общая сословно-социальная политика и общество. С петровского времени власть стала строить отношения не только по старому: государство-сословие, разряд, клан, но и по линии государство-личность.1.

Интересы функционального использования стали явно превалировать. Особенно явно это сказывалось на судьбах формировавшихся в стране, в том числе в Сибири, затабельных чинов гражданского и военного ведомств и казачества.

В типе функциональности ведущую роль стал играть, в сочетании с личной пригодностью, волевой принцип, ставший над старым критерием породы, то-есть сословного происхождения. В отличие от Европейской России особое от этого исключение составляли низшие чины регулярной армии, которых рекрутировали из тяглых сословий по мирской расладке и личной пригодности. В Сибири же власть по волевым решениям нередко определяла в солдаты детей приказных, церковников, штатных казаков, не говоря уже о маргиналах и преступниках. Со старофеодальными сословными перегородками перестали считаться, а ведомственная принадлежность бесцеремонно нарушалась. Личный состав не был жестко закреплен, поэтому его функции отличались универсализмом, особенно у военных разрядов. Отставка потеряла прежнее свое значение освобождения от службы. Все отставники с членами своих семей к концу XVIII века оказались резервным разрядом служебного населения. Казне они ничего не стоили, ибо помещались на землю без населения крестьянского тягла. Полупривилегированность, в первую очередь неподатность, служебного населения сопрягалась в той или иной степени с

обязательным производительным трудом, как натуральной составляющей его материального содержания. Такой подход имел обратную силу – широкое использование его в развитом казенном секторе экономики Сибири. Эта важная сословно-социальная особенность низового государственного аппарата рассматривалась властью как вид государственной службы и в этом плане уравнивалась с фискально-полицейскими и управленческими функциями. Превращение части рекрутов и казачьих детей в заводских мастеровых, наличие тяглых казаков, выполнение казаками и солдатами казенных работ: солдатские пашни, мастеровые роты, обслуживание казаками казенных мельниц, строительство плотбищ для речных судов, добыча соли, транспортировка различных грузов – все это явления того же порядка. Формирующийся на основе интенсивной горизонтальной социальной мобильности новый служебный социальный слой по месту в системе общественного производства был переходным по отношению к тяглым трудовым сословиям и города, и деревни. Естественно, он являлся раскрытым и изнутри, и с наружи. Это обеспечивалось не только по установкам сверху, но и шло нелегально, или по местным нормам легитимно – снизу через архаический обмен сословным статусом между казаками, затабельными служилыми, солдатами и посадскими, крестьянами и даже деклассированными элементами. В последнем случае, например, через найм посельщика в рекруты.

Другой вектор-вертикальная социальная мобильность, позволявший через заслугу и выслугу с классного чина повысить прежний сословный статус, а с тем изменить социальную сущность, реализовывался лишь единицами. Серьезным препятствием был ущербный статус всех, кто служил за Уралом, особенно у сибиряков. У последних на выслугу первого классного чина в гражданском ведомстве уходило в 2,5 раза больше времени, чем у выходцев из Европейской России. Широко была распространена практика разрыва между чином должности и присвоенным общим рангом – чином. Особенно это касалось штаб – офицерского класса рангов. Виденный Жалованной грамотой

дворянству 1785 года статус личных или потомственных зауряд – дворян, был временным и давал лишь право носить мундир и быть свободным (с 1762 по 1797 и с 1801 года) от телесных наказаний. Даже выслужившие заветный ранг-чин восьмого класса по Табели о рангах, дававший потомственное дворянство, независимо от территориального происхождения не имели право владеть населенными землями, право суда равными и сословной корпоративной жизни. Среди разрядов служебного населения Восточной Сибири имелись свои отличия. Восточносибирские реалии жизни служебных слоев населения в XVIII. – начала XIX века углубили понимание выдвинутого нами ранее для дворянства понятия “статус”. Петровская Табель о рангах установила правила перевода его в общий, то есть служба могла изменить сословную принадлежность и сделать ее наследственной. Озабоченная чистотой дворянских рядов верховная власть во всей стране ослабляет эти связи через неполноценность общего статуса потомственных беспоместных дворян служилого происхождения, так как главным условием обладания полноценным дворянским статусом являлось владение населенными землями. В Сибири же связь между служебным и общесословным статусами вообще разрывается через запреты за Уралом частного землевладения и хозяйственно-предпринимательской деятельности, а для служебных слоев дворянского происхождения - через лишение права суда равными и права на корпоративную жизнь, через замедленное в Сибири чинопроизводство. По существу сословный статус за Уралом подменяется в XVIIIв. служебно-должностным, так как легализация частных интересов военно-бюрократического служебного населения могла осложнить, по мнению центра, решение задач как общегосударственного, так и классово-корпоративного характера.

Социально-классовая сущность, как известно, в первую очередь, даже в традиционном обществе – категория экономическая. В этом плане материальное положение подавляющей массы низового слоя служебного населения было сравнительно низким. Сказывалось скудное казенное

жалование, тяжелые службы, мешавшие заниматься своим хозяйством, наконец, сословные ограничения сверху. Казачья старшина городовых и даже пограничных казаков Восточной Сибири, как жалованная, так и служилая, получившая к концу XVIIIв. казачьи офицерские чины и классные гражданские ранги, не получила статуса российских дворян. В первую очередь они составляли малочисленную имущую верхушку низового звена служебного населения, которая через кабалу, то-есть экономическое насилие, могла лишь де-факто выступать эксплуататорами феодального (черными феодалами) и невольничьего типа, имея дворовых, холопов и крепостных крестьян. Однако единичные, нелигитимные помещичьего типа, хозяйства долго не могли существовать из-за нажима как сверху, так и сопротивления снизу. Причем центральная власть способствовала раскрепощению зависимых людей, лукаво объясняя, скрывая свои истинные цели, что их зависимость носила добровольный характер. В Сибири же мол нет “недвижимых имений”, ибо там не могло быть родовых земель и запрещено иметь “благоприобретенные” помещичьи имения.

Волевое регулирование властью имущественных отношений и хозяйственных интересов служебного населения, в том числе жесткий запрет перевода экономического насилия в частно-правовое – одна из особенностей его общего положения. В среднем, размеры доходов, как один из классовых критериев служебного населения Восточной Сибири, были таковы, что ему приходилось только мечтать даже о скромном дворянском образе жизни. В социальном плане они выступали низовым слоем министериалов, являясь в подавляющем большинстве одновременно тружениками. Вместе с тем как социальный слой и общественная группа служебное население в Сибири являлось диалектически противоречивым образованием – функционально это уже элемент нового, рационально формирующегося общества, а в организационном и статусном – модернизировано-феодальным. На наш взгляд это работает на концепцию Б.Н.Миронова, что российскому обществу эпохи

империи присуща социальная молодость, а не прогрессирующая отсталость.2.

1. В этом смысле можно говорить о процессе раскрепощения в XVIIIв. всех слоев населения российского общества, о чем пишет Б.Н.Миронов: см. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XXв) Том.1. – СПб., 2003. С.331-394. **2.** Миронов Б.Н. Указ. Соч. Т.2.С.299-302..

Список сокращений:

АГС – Архив Государственного Совета (г.Москва)

ВИ – «Вопросы истории»

ГААК – Государственный архив Алтайского края (г.Барнаул)

ГА ВМФ – Государственный архив военно-морского флота (г.Санкт-Петербург)

ГАИО – Государственный архив Иркутской области (г.Иркутск)

ГАКК – Государственный архив Красноярского края (г.Красноярск)

ГАКО – Государственный архив Костромской области (г.Кострома)

ГАРС – Государственный архив Республики Соха

ГАТО – Государственный архив Томской области (г.Томск)

ГАТО ТФ - Государственный архив Тюменской области. Тобольский филиал. (г.Тюмень)

ГАЧО – Государственный архив Читинской области. (г.Чита)

ГИМ ОПИ – одел письменных источников (г.Москва)

ГПБ РО – Государственная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел. (г. Санкт-Петербург)

ДРВ – Древняя российская вивлиофика.

ИВГО – Известия Всероссийского географического общества.

ИВСОРГО – Известия Восточно-Сибирского отделения Русского Географического общества.

ИГУ – Иркутский государственный университет

ККМ ОФ – Красноярский краеведческий музей. Отдел фондов.

ЛО АРАН – Архив Российской академии наук. Ленинградское отделение. (г. Санкт-Петербург)

ЛОИИ РО – Архив Ленинградского отделения института истории. Рукописный отдел. (г. Санкт-Петербург)

МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

НАИИ РАН – Научный архив Института истории Российской академии наук. (г.Москва)

ПД – Пушкинский дом. Институт русской литературы АН СССР (г. Санкт-Петербург)

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. СПб., 1832

ПСИ – Памятники сибирской истории

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. (г.Москва)

РГА МИДа – Российский государственный архив Министерства иностранных дел. (г.Москва)

РГБ РО – Российская государственная библиотека. Рукописный отдел. (г.Москва)

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (г.Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив. (г. Санкт-Петербург)

РДД – Рукопись докторской диссертации

РИО – Русское историческое общество

РКД – Рукопись кандидатской диссертации

СВМ – Сборник военно-исторических материалов

СЭ – «Советская этнография»

ЦНБ АН УССР – Центральная научная библиотека Академии наук Украинской ССР. (г.Киев)

Чтения ОИДР – Чтения Общества изучения древностей российских

Источники:

1. Андреев И. Домовая летопись Андреева.- ЧОИДР, 1870

2. Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1722 год. – Казань, 1882

3. Батеньков Г.С. Записка о разделе земель чиновникам в Иркутской губернии. - РГБ. Ф.20.Карт.2.№20.1820.

4. Батеньков Г.С. Подробная записка о разделе пустых земель для хозяйства в Иркутской губернии. – Там же.№19.

5. Блосфельдт Г.Э. Сборник законов о российском дворянстве. – СПб., 1907

6. Богданович Н.Ф. Географическое описание Мангазеи с уездом. 1783г. - ГАКО

7. Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1891

8. Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной (1758-1828). СПб., 1914

9. Воспоминания И.Ф. Парфентьева.- ККМ, о/ф., д. 7886/231

10. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. – СПб., 1854. Т.II.

11. Генеральное учреждение о сборе в государстве рекрут.- СПб., 1766

12. Герман И.Ф. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. Ч.2.- СПб., 1797

13. Герман И.Ф. Статистическое исследование относительно Российской империи./ О народонаселении.- СПб., 1819. Ч.1

14. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей.- СПб., 1776-1777. Ч. I-III

15. Гмелин И.Г. Предисловие к первому тому флоры Сибирской. СПб., 1749

16. Гмелин И.Г. Путешествие через Сибирь. 1733-1743.–Геттинген, 1752.(нем. яз.)

17. Голицын. Статистические таблицы Российской империи.- М.: Изд-во МГУ, 1980

18. Город у Красного Яра./ Документы и материалы по истории Красноярска. XVII-XVIII вв. Составители и авторы комментариев Г.Ф. Быконя, Л.П. Шорохов.- Красноярск, 1981

19. Город у Красного Яра. / Документы и материалы по истории Красноярска. Первая половина XIX в. Составитель и автор комментариев Г.Ф. Быконя-Красноярск, 1986

20. Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова простым слогом описанная с 1762 по 1794 год.// Русский архив, 1904. Кн.3.№10.

21. Записки капитана Филиппа Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Ч.1. Северная и Восточная часть Европы и Азии. – М.-Л., 1985.

22. Иркутск. Материалы по истории города XVII-XVIII столетий.-М.,1883

23. Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения.//РИО. Т.4. СПб., 1869

24. История Красноярска. Документы и материалы. XVII- первая половина XIX вв. \Сост. и автор Г.Ф. Быконя.- Красноярск, 2000

25. К истории Российско-Американской компании. Сборник документальных материалов. Красноярск, 1957

26. Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства .- М.: Наука, 1977

27. Кочрен (Cochreen). Путешествие в Камчатку// Московский телеграф.1825, №II; 1826 №XI.

28. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края. 1504-1893. Машинописная рукопись – См.: ККМ. 0/Ф. №7886

29. Кытманов А.И. Материалы для истории Енисейского округа// ИВСО РГО, Т.53. – Иркутск, 1914

30. Лосев А.И. Описание Иркутской губернии.- ГИМ ОПИ. Щукинское собрание. Ф.193.Д.49 Отд. IX, XIII.

31. Материалы для истории русского дворянства /Изд. Калачева. – СПб., 1885 Вып. II

32. Месяцесловы с росписью чиновников Российской империи.- СПб., 1769-1810

33. Новый и полный всеобщий стряпчий или судебный обрядник.- М., 1811. Ч.3
34. Описание Иркутского наместничества 1792 года. Новосибирск.: Наука СО, 1988
35. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства.- СПб., 1786. Ч.2.пол.2; Ч.3.пол1.
36. Приклонский В.Л. Летопись Якутского края. – Красноярск, 1896
37. Сборник военно-исторических материалов.- СПб., 1904. Вып.XVI Сенатский архив.- СПб., 1895. Т. VII
38. Семивский Н. Новейшая любопытныя и достоверныя повествования о Восточной Сибири. СПб., 1817
39. Сибирские города. Материалы для их истории в XVII-XVIII ст. Нерчинск, Селенгинск, Якутск.- М., 1886.
40. Соймонов Ф.И. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1761
41. Список армейский офицерам, по полкам и батальонам, март 1797.- СПб., 1797
42. Стрелов Е.Д. Акты архивов Якутской области (с 1650 до 1800 г.) Т.1.- Якутск, 1916
43. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 г.- М.: Изд-во МГУ, 1961
44. Указы Екатерины II за 1764 г. – М., 1765
45. Фальк Н.Г. Записки путешествия 1768-1774 гг.- СПб., 1824
46. Филимонов ?? Описание Иркутской губернии. 1797
47. Хвостов В.С. Описание Томской губернии . СПб., 1809
48.Шмалев Т.И. Краткое о Камчатке объяснение, 1773 г.
49. Штат Иркутской губернии на 1783 г.- СПб., 1783
50. Штрандман Г.Э. Сибирь и ее нужды в 1801г.// Русская старина, 1879, т.1; 1882.т.34.1884.т.35.
51. Щегорин.? Записка о китайской коммерции и какие она производит в

собственном государстве общие пользы и выгоды// Архив Государственного Совета, т.II. –СПб.1888.С.733-879.
52. Якоби И.В. Начертание к двойственному умножению польз с расширением пределов со стороны Китая, 1858

Литература:

1. Абрамов Н.А. О сибирских дворянах.// Этнографический сборник.- СПб., 1862, Вып. 5

2. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. (Енисейский край).- М., 1964

3. Алексеев А.И. Охотск – колыбель русского Тихоокеанского флота.- Хабаровск: Кн. изд-во, 1958

4. Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири. Т.4- СПб., 1887

5. Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии.- Якутск, 1966

6. Бахрушин С.В. Очерки истории Красноярского уезда в XVII в.// Научные труды. Т.IV.- М., 1959

7. Белявский М.Т. Крестьянский вопрос накануне восстания Е.И. Пугачева.- М.: Изд-во МГУ, 1965

8. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке.- М., 1958

9. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений.- М., 1983

10. Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого./ Провинция 1719-1727.- М., 1902

11. Булыгин Ю.С. Приписные крестьяне // Крестьянство в эпоху феодализма…

12. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.- Новосибирск: Наука СО, 1981

13. Быконя Г.Ф. Откупщик Д.И. Лобанов – рыцарь первоначального накопления капитала или субинфеодал второй половины XVIII века// Власть и общество: проблемы взаимодействия и противостояния/ Материалы научной конференции с международным участием.-Красноярск, 2007 С.14-20.

14. Быконя Г.Ф. Первая публичная библиотека.// Красноярск и красноярцы.- Красноярск, 1978

15. Быконя Г.Ф. Поземельные отношения русского населения Восточной

Сибири в XVII-XVIII вв./ Материалы к спецкурсу и спецсеминару.- Красноярск, 1979

16. Быконя Г.Ф. Проблема поземельных отношений русского трудового населения Сибири XVII-XVIII вв. в советской историографии//Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX-XX вв.) – Красноярск, 1976

17. Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв./Формирование военно-бюрократического дворянства. – Красноярск: КГУ, 1985

18. Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом. XVIII-XIX века.- Красноярск: Изд-во КГУ, 1990

19. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа н.Н. Сперанского в Сибири. – т.1. – Иркутск,1782.

20. Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк.- Чита, 1916

21. Ватин В.А. Восточная Сибирь в начале XIX века (На основании неизданного отчета иркутского губернатора Трескина). Отд. Оттиск. – Библиотека ИГУ. №326629.

22. Ватин В.А. Село Минусинское./Исторический очерк.- Минусинск, 1914

23. Власова И.В. Землепользование в Поморье и Сибири в XVII-XVIII вв. Традиции и практика.//Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX вв.- М., 1979

24. Водарский Я.Е. Численность русского населения в Сибири в XVII-XVIII вв.//Русское население Приморья и Сибири (период феодализма).- М., 1973

25. Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири./Географические особенности и проблемы.- Новосибирск: Наука СО. 1975

26. Герцен А.И. Собр. соч. в 30 томах – М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т.VII

27. Глущенко В.В. Казачество Евразии: зарождение, развитие, интеграция в структуру российской государственности. – М.: Вузовская школа, 2000.

28. Громыко М.М. К характеристике сибирского дворянства XVIII в.//Русское население Поморья и Сибири (период феодализма).- М.: Наука, 1973
29. Глиноецкий Н. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в русской армии.// Военный сборник за 1887г.- СПб., 1887. №4.Март
30. Годунов А.А. Введению в теорию управления. –М., 1967
31.Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соймонов.- М.: Наука, 1966
32. Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т.1.-М.1913
33. Греков В.И. Очерки истории русских географических исследований в 1725-1765 гг.- М., 1960
34. Данилова Л.В. Проблема формационной природы раннеклассовых обществ//Марксистско-ленинская теория исторического процесса/ Исторический процесс: целостность, единство, многообразие, формационные ступени.- М: Наука, 1983
35. Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII-XVIII вв.// Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.).- М., 1964
36. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа графа Кисилева. Т. 1.- М., 1946
37. Дэн В.З. Население России по пятой ревизии.- М., 1902
38. Емельянов Н.Ф. Население среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности).- Томск: ТГУ, 1980
39. Емельянов Н.Ф. Состав подушного населения Сибири по итогам подушной переписи и первой ревизии// Экономические и социальные проблемы истории Сибири.- Томск. Изд-во ТГУ, 1984
40. Ерошкин Н.П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800-1860 гг.) – М., 1985
41. Жеравина А.Н. Очерки по истории приписных крестьян кабинетного хозяйства Сибири (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) – Томск:

ТГУ, 1985
42. Жидков Г.П. Кабинетное землевладение. 1747-1917 гг.- Новосибирск: Наука СО. 1973
43. Зайганов Л.И. Социалистическое государство и законы экономики. М., 1971
44. Заусцинский П.Е. Кодификация русского военного права в связи с историей развития русского войска до реформы XIX века. СПб., 1909
45. Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири. (XVIII в.). – Новосибирск: Наука СО, 1981
46. Зуев А.С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск: Наука СО. 1991
47. Зуев А.С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв./ Рук-сь дисс… канд. ист. наук.- Новосибирск, 1989
48. Зуев А.С. Формулярные списки городовых казаков Западного Забайкалья последней трети XVIII – начала XIX в. как исторический источник// Массовые источники по истории Сибири./ Бахрушинские чтения 1989 г. – Новосибирск, 1989. С.108-120.
49. Иванов В.Ф. Историко-демографическое изучение Якутии XVII-XVIII вв.- М.: Наука, 1974
50. Ивонин А.Р. Самоуправлении казачьих городовых команд Западной Сибири XVIII – первой четверти XIX вв.// Казаки Урала и Сибири В XVII-XX вв. – Екатиринбург, 1993. С.88-92.
51. Изгачев В.Г. Нерчинские заводы и горно- заводские крестьяне в XVIII в. Маш. рукопись. Кн.2.-М.: НАИИ РАН. Ф.1.Д.107
52. Изгачев В.Г. Формирование рабочих кадров Нерчинских заводов.// Сборник статей по истории Дальнего Востока.-М., 1958
53. Илюшечкин В.П. Сословно- классовое общество в истории Китая./Опыт системно-структурного анализа. – М.: Наука, 1986
54. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVII- первой пол. XIX в.- М., 1963
55. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения

Восточной Сибири во второй половине XVIII в.// СЭ. 1966. №3.
56. Карцов В.Г. Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII – начале XIX вв.// Ученые записи Хакас. НИИЯЛИ.- Абакан, 1963. Вып.9
57. Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска. – Спб., 1908.
58. Ключевский В.О. История сословий в России.- Пг., 1918
59. Козьмин Н.Н. Казачьи земли. – Красноярск, 1917.
60. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири в XVII – начале XIX вв.- Новосибирск: Наука СО 1974
61. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVIIв. Земледелие, промышленность, торговые связи Енисейского уезда.- Новосибирск: Наука СО, 1965
62. Копылов Д.И. Итоги развития мануфактурной промышленности Сибири в XVIII в. (Размещение, структура, экономический строй).// Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Выпуск 1./ Сибирь в эпоху феодализма и капитализма. Темы докладов т сообщений Всесоюзной научной конференции (13-15 октябрь 1981г.) – Новосибирск: Наука СО, 1981
63. Корнилов Н.И. Замечания о Сибири.- СПб., 1828
64 . Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855 гг.- СПб., 1906
65. Красноярск: этапы исторического пути.- Красноярск, 2003
66. Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем отношений через Кяхту. – М. 1896
65. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. (XVII- первая половина XIX вв.) – Новосибирск: Наука СО., 1982
66. Кожухов Ю.С. Русское крестьянство Восточной Сибири в первой половине XIX в.- Иркутск, 1962
67. Кузнецов Д. Заметка о сибирском казачестве./Томские губернские ведомости, 1963, №38,41.
68. Куломзин Л. Государственные доходы и расходы в царствование Екатерины

II// РИО, Т.5 – СПб., 1870

69. Курц Б. Государственная монополия в торговле России с Китаем.- Киев, 1929

70. Лапаева В.В. Вопросы права в научном наследии К. Маркса.- М.: Юридич. литра, 1982

71. Лапин В. В. армия дореволюционной России в современной западной историографии// Государственные институты и общественные отношения в России XVIII-XX вв. в зарубежной историографии. – Спб., 1994. С.7-27

72. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898

73. Леонтьева Г.А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – начале XVIII вв. (По материалам Иркутского и Нерчинского уездов). ДКД.- М., 1972

74. Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в.- М.: Наука, 1968

75. Малахинов П.И. О двух типах аграрной эволюции в России – Улан-Удэ, 1962

76. Материалы для истории 41-го пехотного Селенгинского полка с 29 ноября 1796 по 29 ноября 1896 г.- Луцк, 1896

77. Международные отношения на Дальнем Востоке.- М.: Мысль, 1973

78. Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. Изд.2.- СПб., 1905

79. Милютин В.П. Енисейское казачье войско. – Новосибирск, 1996.

80. Миненко Н.А. Задачи изучения истории казачества восточных районов России на современном этапе// Казаки Урала и Сибири В XVII-XX вв. – Екатиринбург, 1993. С.3-12.

81. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX вв./ Историко-этнографический очерк.- Новосибирск: Наука СО, 1975

82. Министерство финансов. 1802-1902. Часть 1.- СПб., 1902

83. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII начала XX в.) Том 1.- СПб., 2003
84. Москвин И.С. Воеводы и начальники Якутской области и их действия.// Памятная книжка Якутской области за 1863г.- СПб., 1864
85. Никольский А.И., Чернощеков Н.А. Воинская повинность казачьих войск. Исторический очерк. – Столетие военного минестерства. 1802-1902. т.11.ч.3. – Спб., 1907.
86. Обозрение главных оснований местного управления в Сибири. – СПб., 1841
87. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России.-М., 1910
88. Палкин Б.Н. Русские госпитальные школы и их воспитанники. М., 1959
89. Пашков А.И. Развитие Лениным экономической теории социализма и коммунизма.//Ленинизм и экономические проблемы коммунистического строительства в СССР.- М., 1969
90.Переход от феодализма к капитализму в России/ Материалы всесоюзной дискуссии.- М.:Наука, 1969
91. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. т.I. – М.,1918; т.3.- М.,1919
92. Полянский Ф.Я. Вопросы политической экономии феодализма.-М.: Изд-во МГУ, 1980
93. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности.- Абакан, 1957
94. Прыжов И. История кабаков в России в связи с историей русского народа. – Спб., 1868.
95. Рафиенко Л.С. Компетенция сибирского губернатора в XVIII в.// Русское население Поморья и Сибири/Период феодализма.- Наука, 1977
96. Рафиенко Л.С. Управление Сибирью в XVIII в./ РКД. – Новосибирск, 1965
97. Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск: Наука, 1984
98. Рассадин Ст. Фонвизин.- М.: Искусство, 1980

99. Ржевский В.К. Взгляд на теорию бюрократической администрации// Русский вестник, 1860. Октябрь. Кн.2

100. Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX- начало XX вв.- М., 1987

101. Романович-Славатинский А.Д. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права.- СПб., 1870

102. Савельев А. Исторический очерк инженерного управления в России.- СПб., 1879

103. Сафронов Ф.Г. Из истории якутской ссылки первой половины XVIII века.// Учен. записки Якутского университета. Серия истории. Вып.14.- Якутск, 1963

104. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVIII- середине XIX вв.- М.: Наука, 1978

105. Сахаров А.М. Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI – XVII вв.// Проблемы развития феодальной собственности на землю. – М.: Изд-во МГУ, 1979

106. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т.2- СПб., 1901

107. Сергеев О.И. казачество на русском Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. – М.:Наука,1982.

108. Сибиряк. Забытые казаки// Вестник казачьих войск, 1901, №24.

109. Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке.- Иркутск, 1947

110. Ситников Л.А. Григорий Шелехов.- Иркутск, 1990

111. Сладковский ?.?. История торгово-экономических отношений России с Китаем.- М.:Наука, 1974

112. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн.1.- СПб., 1886

113. Смирнов Н.Н. Забайкальские казаки. ? 1995.

114. Соловьев С.М. История России с древнейших времен.- М.: Соцэкгиз, 1963

115. Ссылка и каторга в Сибири (XVIII- нач. XIX в.). – Новосибирск: Наука СО, 1975

116. Ссылка и общественно-политическая жизнь Сибири. XVIII – начало XX в.- Новосибирск: Наука СО, 1978
117. Степанов А.П. Енисейская губерния. Ч.П.-СПб.,1835
118. Столетие Военного министерства 1802-1902 . Т.4.- СПб., 1907.
119. Титлин Е.Ю. Дальневосточное казачество. – М.,1996.
120. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии.- М.: Наука, 1974
121. Троицкий С.М. Сибирская администрация в середине XVIII в.// Вопросы истории Сибири досоветского периода.- Новосибирск: Наука СО, 1966
122. Удо Г. История казачества в германоязычеой литературе.// Вестник МГУ. Сер.8. История. 1993.№1.С.69-76.
123. Хромов П.А. Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции.- М.: Наука, 1967
124. Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II.- СПб., 1906
125. Шепелев Л.Е. Отмененные историей чины, звания и титулы в Российской империи.- Л.: Наука, 1977
126. Шепукова Н.К. К вопросу об отмене десятинной пашни в Западной Сибири.// Экономика, управление и культура Сибири XVI – XIX вв.- Новосибирск: Наука СО, 1965
127. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т.1.- Иркутск, 1949
128. Шерстобоев В.Н. Обслуживание Второй Камчатской экспедиции крестьянами Ленско-Илимского края.// Сибирь периода феодализма. Вып.2.- Новосибирск: Наука СО, 1965
129. Шмулевич М.М. Троицко-Селенгинский монастырь (80-е гг. XVII – начало XX вв.) – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982
130. Щербачев А.А. Комиссия для исследования землевладения в Забайкальской области /Материалы. Вып.5. – Спб.,1898.С.13-56.
131. Щукин Н.С. Сибирские воеводы.// Дело. 1866, №1

132. Эпов Н.И. Как служили казаки за Байкалом до 1851 г.// Вестник казачьих войск, 1901.№10
133. Яснев В.С., Кручинин А.Г. Критика маоистских фальсификаций истории русско-территориального разграничения.// Китай в новое и новейшее время.- М.: Наука, 1981

Приложение 1.

Таблицы 1-35

1. Основные показатели Нерчинских заводов в XVIII веке.

	1722-1730 гг.	1773 г.	1784 г.	1794 г.	1800 г.
Число заводов	2	6	6	6	6
Плавильных печей	?	?	55	56	54
Среброразделительных горнов	?	14	17	11	?
Рудников в действии	?	?	?	23	32
Нужно: провианта (тыс.руб.)	?	33	50	?	?
быков (голов)	?	335	?	?	574
лошадей рабочих	?	684	?	?	447
Всего расход(тыс.руб) на заводы	?	96,8	?	?	200
Численность: администрации	5	225	267	?	390
военной команды	12	?	?	?	206
мастеровых	60	?	1151	?	1728
ссыльных	?	?	1129	?	1498
приписных крестьян	?	7807	6714	11910	12668
Крестьян в заводской пашне	?	?	?	1882	1882
Серебра выплавлено в год(пудах)	?	?	?	298*	325

Примечания: РГИА. Ф.468. Оп.20. Д.174. Л.1-8; Д.211. Л.29-46 об.; Д.349. Л.56-67; РГБ. Ф.178. №6049. Л.372-380; Герман И.Ф. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. Ч.2. – СПб., 1797. С. 277-281; Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. – М.: Наука, 1977. С.290-291.
* Средний показатель за 1788-1798 гг.

2. Смета расходов на реконструкцию Троицкого соляного завода и его штаты на 1785г.

Виды расходов	Количество	Сумма (руб.)
Строительство конторы и жилья	?	500 руб.
Строительство соляных магазинов на 30 тыс.пудов	6	150 руб.
Инструменты и трубы	?	200 руб.
Годовой запас дров	1934 сажени	425руб.48коп.
Покупка лошадей	3	45
Приобретение телег, саней, хомутов, упряжи	?	36 руб.
Поправка старого црена	1	570 руб.
Ежегодный ремонт жилья и производственных помещений	?	411 руб.
Годовое содержание штата завода:		
Смотритель при выварке соли	1	250 руб.
Подканцелярист соляной конторы	1	60 руб.
Копиист у упряжи	2	по 40 руб.
Соловары при 2 варницах	по 1	по 50 руб.
Водолеи, что и соль носят	12 чел.	по 17 руб.
Пристав при запасном магазине. IX класс-зауряд	1	250 руб.
Работники при магазине	2	по 21 руб. 86 коп.
Конюхи для подвозки дров	2	по 24 руб.
Канцелярский расход в год		40 руб.
Ремонт лошади	3	4 руб. 30 коп.
Фураж лошади	одной	12 руб.
Мешки для соли	?	7 руб.
Проганы		30 руб.
Строительство третьей варницы		900 руб.
Жалование ее работников и штат		364 руб. 90 коп.
Расходы на оборудование и транспорт		1534 руб.
ИТОГО:		15780 руб. 50 коп.

Примечание: ПСЗ. Т. XXII. № 16184. С. 340-341.

3. Объем караванной торговли России с Китаем в первой половине XVIII в.

Год	Комиссар (агент)	Число людей	Всего товаров	Прибыль (руб.)
1702	Саватеев И.П., гость	400	223319 руб.74коп.	100 тыс.
1703	Осколков	200	?	?
1705-1709	Худяков П.Л., гость	200	?	270 тыс.
1707-1711	Савватеев И.П., гость	?	142 тыс. руб.	223 тыс.
1709-1713	Худяков П.Л., гость	220	200 тыс.руб.	?
1711-1716	Осколков	220	?	?
1714-1719	Гусятников М.Я.	200	?	?
1718-1723	Истопников Ф.С.	200	?	?
1719-1735	Третьяков Е.М., купец	205	275403 руб.	убыток
1731-1738	Молоков И.	113	100 тыс.мехов	15 тыс.
1734-1740	Фирсов Е.	?	100,3 тыс.мехов	25 тыс.

Примечания: Составлено по работе: Курц Б. Государственная монополия в торговле России с Китаем. – Киев, 1929. С. 2-76.

4. Товарооборот Кяхтинской торговли (1744 – 1800) (в тыс. руб.)

Год	Стоимость товаров
1744	580
1755	840
1757-1761	1333
1760	1360
1770	2620
1769-1773	2251
1780	5400
1780-1784	6083
1792	4940
1798	5570
1800	8380

Примечания: Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем отношений через Кяхту. – М.1896; Курц Б. Государственная монополия в торговле России с Китаем. – Киев,1929. С. 2-76; Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX - началоXXв. /Рукопись канд. дисс. на соиск. канд. ист. наук. – М.,1987. С.132.

5. Государственные доходы и расходы по Иркутской губернии за 1781-1787 гг. в рублях)

Наименование доходов	Всего за 7 лет	За 1 год
Подушный	913542 руб.	130506 руб.
Питейный	1285173 руб.	183596 руб.
Таможенный *	2623653 руб.	524731 руб.
С казенных заводов**	188560 руб.	93280 руб.
Солеваренный	61585 руб.	8798 руб.
Ясачный	?	32605 руб.
Прочие доходы	?	6290 руб.
Итого доходов	5072513 руб.	979806 руб.
Из них расходы	2980880 руб.	425840 руб.

Примечания: ГБЛ РО. Ф.178. №6049. Л.380; Куломзин Л. Государственные доходы и расходы в царствование Екатерины II //РИО, Т. 5. – СПб., 1870. С. 219-294. Подсчет наш.

* За пять лет ибо в 1781 1787 гг. не было торга с Китаем.

**За 1782 и 1784 гг.

6. Государственные доходы по Иркутской губернии в первой четверти XIX века.

Годы	Подушные оброчные	Питейный сбор	Соляной сбор	Таможенный сбор	Всего доходов	Из них от регалий казны
1805	448465	26151	6945	11927	136868	45023
1806	44080	26347	6553	10181	121023	13081
1807	44454	34634	6882	9134	172122	50650
1808	48408	34203	7664	5523	266688	47390
1809	52597	35631	8100	8428	296759	52159
1810	82348	36747	14699	11185	256752	62631
1811	80645	75374	16452	15828	292278	107654
1812	87949	73292	14336	19315	331984	106943
1813	102823	75028	17781	31599	457861	124408
1814	118227	83835	19695	25848	480139	129378
1815	132798	100031	16228	26161	432736	142420
1816	132301	114629	18857	27397	436838	160883
1817	127002	109642	19781	43220	437103	172643
1818	129674	108958	19101	43558	444126	171617
1819	132832	155119	22046	43823	483682	220988
1820	132321	137281	21376	52483	478538	231140

Примечания: Составлено по работе: Министерство финансов. 1802-1902. Часть 1.– СПб.,1902. Прил. С.616-619.

В графу «Всего доходов» вошли также прочие обыкновенные доходы, обратные доходы и остаточные суммы с мест и ведомств, единовременные доходы (сбор за освобождение от рекрутчины, пожертвования на земские войска, капиталы учреждений и остаточные доходы городов, взятые в казну, стоимость конфискованных товаров, возмещения за военные издержки от других стран), а также внешние займы и суммы от кредитов. В графу «Из них от регалий казны» вошли суммы питейные, соляные и таможенные.

7. Сословный состав русского неподатного населения Восточной Сибири в XVIII - нач. XIX вв. (с членами семей)

	1710 г.	1719 г.	1737 г.		1762 г.		1783г.	1797г.	1823 г.	
	муж.	муж.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	муж.	муж.	жен.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Приенисейский край,										
всего	5108	6888	2510	?	<1567	?	2489	?	4024	<2972
Дворяне-чиновники	?	20	24	?	262	?	107	?	} 298	212
Приказные	?	43	?	?	?	?	44	?		?
Военные чины	-	-	1513	?	?	?	579	?	1205	938
Казачество	4789	6437	884	?	986	?	1129	?	1601	1305
Отставные всех чинов	?	?	89	?	?	?	26	?	415	451
Духовенство	?	378	200	?	316	460	504	?	505	615
Иркутская губерния,										
всего	6919	8060	9467	<9298	8792	<9850	<7106	5671**	22148	12487
Дворяне-чиновники	?	27	83	163	} 323	?	493	852	402	202
Приказные	?	64	66	18		372	393	} 2316	1326	1413
Военные чины	?	} 7529	} 8612	} 8676	} 7416	1250	3687		7009	2308
Казачество	6437					} 7430	?	898	11330	5981
Отставные всех чинов	?						1109	470	791	1170
Духовенство	488	440	506	541	711	798	1424	1335	1290	1413
Всего в	12027	14948	11293	<949	<1036	<985	<710	<5873	26172	15459

Восточной Сибири				8	9	0	6			
% от всего населения Сибири	9,2%	9%	?	?	4,5%	?	?	?	15%	9,1%

Примечания: В графе “1737 г.” данные по Приенисейскому краю за 1744г.
*Вместе с другими служебными категориями.
** Без детей муж. Пола.

8. Ведомственный состав служебного неподатного русского населения Восточной Сибири в XVIII – нач. XIX вв.

Ведомства	1724 г.		1763 г.		1783 г.		1797 г.	1805г.
	Всего	недворян	Всего	недворян	Всего	недворян	Всего	Всего
Общегражданское	134	99	142	110	360	163	278	168
Судебное	19	12	2	-	228	167	83	85
Полицейское	-	-	5	3	280	246	261	190
Финансовое	-	-	10	10	160	?	90	55
Таможенное	-	-	46	38	61	52	60	60
Горное	6	4	190	150	240	235	117	199
Почтовое	-	-	8	8	-	-	30	93
Медицинское	-	-	4	4	120	120	108	62
Просвещения	-	-	-	-	11	11	6	24
Городское самоуправление	-	-	-	-	164	159	?	48
Военное	2000	1950	8860	8646	4500	4100	ок.5500	ок.6000
Казачье	3942	3686	3387	3131	2536	2456	2140	1655
Духовное	524	-	1006	1006	11297	7297	2011	ок.2230
ИТОГО:	5661	5311	10167	9895	9594	8613	10684	10839

Примечания: См.: Быконя Г.Ф. Эволюция численности и состава неподатного русского населения Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. //Исторический опыт социально – демографического развития Сибири. Вып.1. – Новосибирск, 1989. С.59-61.

За 1783-1805 гг., кроме таможенного и горного ведомств, без внетабельных чиновников.

Показаны должностные лица без членов семей.

Численность духовенства за 1763 – 1797 гг. определена по количеству и штатам церквей и монастырей.

9. Штат губернской канцелярии 1763, 1783 гг.

Звание чинов	1763 год			1783 год		
	чин (ранг)	число	Годовое окладное жалование (в руб.)	чин (ранг)	число	Годовое жалование
Губернатор	III-IV	1	1875	III-IV	1	2250
Губернатора товарищ	V-VI	2	600	V-VI	2	750
Прокурор	VIII	1	450	VIII	1	600
Секретари	XП-XШ	3	300	XП-XШ	3	375
Протоколист	XIV	1	200	XIV	1	225
Регистратор	-	1	150	-	1	200
Архивариус	-	1	150	-	1	200
Канцеляристы	-	8	130	-	8	150
Подканцеляристы	-	10	100	-	10	130
Копеисты	-	10	60	-	10	100
Переплетчик	-	1	25	-	1	25
Ученик	-	1	18	-	-	-
Сторожи	-	3	18	-	2	18
Палач	-	1	12	-		
На канцелярские расходы		2	на всех 400		?	?
Переводчик для переводу иноверч.яз.	-	1	150	-	-	-
Толмачи	-	2	30	-	?	?
ИТОГО:		47	8284		41	9346

Примечание: РГБ.ОР. № 14302. Л. 45; ПСЗ-1. Т.16. № 11991; Т.44.Ч.2. С.68-69. Табл.1.

Протоколист в старшинстве был младше коллежского протоколиста. Регистратор как архивариус по рангу был против старшего коллежского канцеляриста. Переводчик с рангом регистратора.

10. Динамика штатного состава местных учреждений и чиновников Иркутской губернии в 80-х гг. XVIII - нач. XIX вв.

Названия учреждений и должностей по основным звеньям управления	Общее число учреждений или должностей в губернии			Количество чиновников в каждом учреждении			Из них назначенных в классных должностях			Общее количество чиновников в губернии			Из них назначаемых классных чиновников		
	1783 г.	1797 г.	1805 г.	1783 г.	1797 г.	1805 г.	1783 г.	1797 г.	1805 г.	1783 г.	1797 г.	1805 г.	1783 г.	1797 г.	1805 г.
№ колонки	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Намести и-ческое правление	1	-	1	4	-	9	4	-	9	4	-	9	4	-	9
Губернское звено:															
Губернское правление	1	1	1	5	4	5	5	4	5	5	4	5	5	4	5
Палаты уголовных и гражданск их дел	1	1	1	12	-	14	12	11	10	12	И	14	12	-	10
Казенная палата	1	1	1	18	13	13	18	13	13	18	13	13	18	13	13
Прокурор	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Стряпчий	2	-	2	2		2	2		2	2		2	2		2
Архитекто р	1	1		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Землемер	1	1		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Почтовая контора	1	1			2	3	-				2	3		2	3
Врачебная управа	1			-		6			3			6		-	3
Областное звено:															
Областное правление	3	1	3	2	4	8	2	4	68	6	4	24	6	4	22
Верхний надворный	1			12			12			12			12		

суд															
Совестный суд	4	-	1	7		5	3		3	28		5	12		3
Приказ общественного призрения	1	1	1	1	1		1	1		1	1		1	1	
Областное казначейство	2			1			1			10			2		
Магистрат	4	4	14	17			7			56			28		
Верхняя сельская расправа	4					7	7	-	-	68			28	-	-

№ колонки	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Почтовая часть			2	2		1	-		1			2			2
Уездное звено															
Канцелярия городничего (коменданта)	17	17	6	1	1	1	1	1	1	17	17	6	17	17	6
Нижний земский суд	17	15	6	6	4	4	4	4	2	102	60	44	68	60	32
Нижний надворный суд	1	-		8	-	-	8			8			8	-	-
Нижняя сельская расправа	17	15	8	6	4	6	4	4	4	102	60	48	68	60	32
Городской магистрат или ратуша	15	15	8	6	-	3-6				90		36		-	-
Казначейство	17	15	8	5	5	5	1	1	I	85	75	40	17	15	8
Стряпчий	17	15	8	1	-	1	1		1	17	15	8	17	15	8
Землемер	17	15	8	I	1	1	1	1	1	17	15	8	17	15	8
Медицинск	17	15	8	6	6	5-6	-			102	90	38		-	-

ие чины															
Почтовая контора и экспедиция		10	13	-	2-3	2-3		2	1-3	-	19	24		12	17
Троицко-Савская пограничная канцелярия	1	1	1	4	7	13	4	9	9	4	?	13	4	9	9
Кяхтинская таможня	I	1	1	14	11		9	10	1	14	11		9	10	?
Тельминская казенная суконная фабрика	]	1	1	1	ч	6	?	9	6	?	?	6	9	•)	6
ИТОГО:										765	389	338	345	231	186

Примечания: ПСЗ. Т.44. Ч. 2, табл. 1-У1. С. 93-95, 247-267, 357-358, 406-408; РГАДА. Ф. 248. Д. 6500. Ч. III. Л. 16-378; Сенатский архив, СПб, 1888. Т. I. С. 128-129.

Без местных учреждений с чисто ведомственным подчинением и без управ благочиния. Названия учреждений даны по штату 1783 г. Не указаны смотрители казенных солеварен, винокурен и провиантских магазинов, смотрители почтовых станций в классных должностях и чинах; канцелярские служители и прочие на службе, но не на классных должностях и все выборные (для 1783 г.) без казенного содержания. В совестных нижних земских и уездных судах за 1783 и 1805 гг. даны сельские заседатели, которые не имели классной должности, но были на казенном жалованье (76 чел.). В нижних земских судах 1805 г. в общем числе чиновников показаны 19 частных комиссаров и туруханский заседатель в обер-офицерских рангах. Итоговые данные без чиновников пограничной канцелярии, таможни и суконной фабрики. В 14, 15и 16 графы не вошли присяжные заседатели областных и уездных казначейств (в 1783 г. – 76 чел., 1797г. – 40 и в 1805 г. – 32 чел.), которые назначались, но не имели в Восточной Сибири классных чинов. Их, а также медицинских чинов, которых местные власти нанимали, следует иметь ввиду при определении числа выборных чиновников, получаемого из разницы между графами 11-13 и 14-16.

11. Сословное происхождение приказных чиновников Восточной Сибири во второй половине XVIII в.

Социальная принадлежность	1755г.			1772г.		1789-1790г.			1762-1799гг	Итого
родителей	Ени-сейск	Красно-ярск	Илимск	Селенгинск	Якутск	Ени-сейск	Туру-ханск	Ачинск	Иркутская губерния	в целом
Российские дворяне	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Обер-офицерские чины	-	-	-	-	-	1	-	-	3	4
Унтер-офицеры	-	-	-	-	-	1	1	1	-	3
Солдаты	-	-	1	-	-	1	-	-	1	3
Дворцовые служители Духовенство	-	-	1	-	-	2	2	-	-	5
Сибирские дворяне							1	5	1	7
Дети боярские	-	-		-	-	1	-	-	1	2
Казаки и казачья дети	8	10	11	18	10	1	-	1	2	61
Подъячие и приказные	7	2	4	1	6	7	2	5	19	53
Крестьяне	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
Посадские	-	-	1	-	-	-	-	-	2	3
Итого:	15	12	19	19	16	14	6	13	30	144
в том числе:										
из Западной Сибири	1	1	-	-	?	6	5	8	-	21
из Европейской России	-	-	4	-	?	-	-	1	1	6
Неизвестно	-	-	2	1	?	1	-	1	-	5

Примечания: РГАДА. ф.286. Оп.1. Д.424. Ч.2. Л.795-797;868-878;892-899об.; ф. 607. Оп. 2, Д.60. л.21-26; ГАТО ТФ. ф.341. Оп.1. Д. 159. л. 20об.-22об.;164, 167-170, 172, 174-175об., 182, 184, 321-330; ,РГИА, Ф.1349. Оп. 4. Д.

35. Л. 14об.- 15, 21об.-22, 28об.-30, 33об.-34, 39об.-42, 47об.-49, 51об.-53, 56об.-57, 58об.-61; 66об.-67, 71об.-72, 74об.-75, 88об.-89,93об. -94, 98об. -99,102об. -103, 109об. -110, 117об. -118; 122об. -123, 127об. -128, 130об. -131, 143об. 149об.

Кроме копиистов и подканцеляристов вошли секретари без классных чинов, а также «находящиеся не у дел», в том числе: в 1755 г. Илимску – 1, Селенгинску – 1 «бывший – подьячий», Якутску – 1, а так же 4 «сверх штата» в Якутске. В подьячие Илимска включен ссыльный из подьячих.

В графе «1762-1799 гг. Иркутская губерния» дана наша выборка из формулярных списков чиновников Иркутской губернии на классных должностях за 1799г. Обработаны данные по тому периоду их службы, когда они ещё не получили первого классного чина. Четверо из них оставались в ранге канцеляриста в 1799г. /два казачьих сына, сын боярский и сын мастерового, отмеченный среди посадских/.

12. Общая характеристика затабельных чиновников Восточной Сибири второй половины XVIII в.

Место и время учета	Всего приказных	Средний возраст /годы/	Стаж службы	В каком возрасте		Миграции	
				начали службу /годы/	минимум-максимум	Должностные /разы/	Территориальные /разы/
Красноярск, 1755	12	26,5	10,0	16,5	15-18	1,5	0,25
Енисейск, 1755	15	32,0	14,7	17,3	14-24	1,3	0,33
Енисейск, 1789-90	14	25,8	9,8	16,0	11-22	1,8	0,70
Илимск, 1755	19	30,2	13,7	16,5	13-33	?	?
Селенгинск, 1755	19	34,0	7,0	27,0	16-33	?	?
Якутск, 1755	16	36,0	16,5	15,2	11-18	?	?
Ачинск, 1790-91	13	26,8	12,2	14,6	11-20	?	?
Туруханск, 1789-90	6	23,7	4,6	19,1	14-26	?	?
Иркутская губ. 1762-99	30	33,0	18,3	14,7	8-24	?	?

Итого:	144	29,7	11,9	16,3	12,5-24,2	1,5	0,42

Примечания: источники см: Табл.№11. Графа «Миграции» дает сведения о количестве случаев, приходящихся на одного чиновника за время его службы. По Красноярску сведений подобного рода по восьми приказным из казаков в источнике нет. В годом позже составленной ведомости их вообще не показали. См.: РГАДА, Ф.286. Оп. 1. Д.446. Л. 188 об.

13. Штаты полков в XVIII веке

Состав полков по штату	Штаб- и обер-офицеры	Унтер-офицеры	рядовые	всего	в том числе офицеры, %
1	2	3	4	5	6
1711 г.					
Полевые:					
пехотный	40	80	1367	1487	2,7
драгунский	38	80	1210	1328	2,9
артиллерийский	73	285	3165	2523	3,0
гарнизонный пехотный	40	80	1363	1483	2,7
1720 г.					
Полевые:					
пехотный	44	88	1356	1488	3,0
драгунский	42	80	1131	1253	3,3
Гарнизонные:					
пехотный	32	72	1215	1319	2,4
драгунский	39	70	968	1077	3,6
1731 г.					
Полевые:					
пехотный	38 (39)	68 (69)	1400(1449)	1506(1557)	2,5
драгунский	35 (36)	80	978(1109)	1093(1225)	3,2 (3,0)
Гарнизонные:					
пехотный	27 (29)	52	1193 (1179)	1272(1260)	2,1 (2,3)
драгунский	34 (37)	70	951 (1074)	1055(1181)	3,2 (3,1)
отдельный батальон	13	26	584	623	2,1
отдельный драгунский эскадрон	18	35	446 (506)	449	4,0
1756 г.					
Полевые:					

пехотный	(70)	(132)	(2406)	(2608)	(2,7)
драгунский	(41)	(77)	(1014)	(1133)	(3,6)
1763 г.					
Полевые:					
пехотный	52	9	2041	2093	2,5
драгунский	32	65	835	932	3,4
Гарнизонные:					
пехотный	45	?	?	1819	9
драгунский	37	9	9	1180	9
батальон	?	9	9	772	9
1796 г.					
Полевые:					
пехотный карабинерский	39	9	1008	1047	3,2
драгунский гренадерский	60	130	1648	1838	3,3
егерский	60	9	1858	9	9
Гарнизонные:					
1	2	3	4	5	6
пехотный	9	9	1778	1838	9
драгунский	39	9	1080	1119	3,0

Примечания: ГАТО ТФ. Ф.341. Оп.1. Д.142. Л.48-52; РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 407. Л. 2об-6. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 41, 43, 45, 57-58, 61, 312, 318, 320.

Штат артиллерийских полков утвержден в 1712 г. По штатам 1731 и 1756 гг. в скобках отмечен личный состав военного времени.

14. Штат драгунского гарнизонного полка в Сибири 1731-1737 гг.

Чины	Число	Жалованья в год (руб.)
Полковой штат:		
Полковник	1	200
Подполковник	1	120
Премьер-майор	1	100
Секунд майор из капитанов	1	60
Квартирмейстер	1	40
Адъютант	1	40
Аудитор	1	27
Комиссар	1	40
Лекарь	1	80
Фискал	1	27
Полковой писарь	1	27
Полковой барабанщик	1	6,50
Полковой профос	1	7
Комиссарский подьячий	1	16
Трубачи	2	6
Литаврщик	1	9
Гобоист иноземец	1	32
Гобоист русский	7	52
Ротный штат:		
Капитаны	9	60
Поручики	10	40
Прапорщики	10	27
Вахмистры	5	12
Каптенармусы	10	10,10
Подпрапорщик	1	10,10
Драгуны	1040	9,12
Извозчики, денщики	74	4
ИТОГО:	1184	1061,82
в том числе офицеров	37	560

Примечания: ГАТО. ТФ. Ф.341. Оп.1. Д. 142. Л.48-52.

15. Штат гарнизонного батальона 4-х ротного состава 1798 г.

Чины	Полевого содержания		Внутреннего содержания	
	число	жалованье	число	жалованье
Подполковник	1	558	1	450
Майор	1	434	1	348,70
Штабс-капитан	2	340	2	250
Капитан	2	340	2	250
Поручик	4	237	4	150
Подпоручик, в т.ч. казначей и батальонный адъютант	6	200	6	125
Прапорщик	4	200	4	125
Фельдфебель	4	38	4	36
Подпрапорщик	4	17	4	15
Каптенармус	4	17	4	15
Младший унтер-офицер	36	14	36	12
Рядовые	720	9,50	600	7,50
Батальонный барабанщик	1	13	1	И
Ротный барабанщик	12	9,50	12	7,50
Нестроевые:				
Аудитор	1	200	1	125
Батальонный лекарь	1	242	1	192,70
Надзиратель больных	1	38	1	36
Унтер-офицерские чины:				
Батальонный фельдшер	1	24	1	24
Цирюльник	4	9,50	4	7,50
Лазаретный смотритель	8	9,50	8	7,50
Батальонный писарь	1	38	1	36
Казначея писарь	1	17	1	15
Аудитора писарь	1	17	1	15
Батальонный ложник	1	60	1	60
Ложники	4	9,50	4	7,50
Слесарь	1	60	1	60
Ученики слесаря	4	9,50	4	7,50
Плотники	4	9,50	4	7,50
Профос	1	8	1	7
Денщики (подполковника– 4, майора 3, капитана – 2, обер-офицера, аудитора и лекаря по 1)	31	7,30	31	6,30
ИТОГО:	866	14218	746	9891,70
в том числе офицеров	20		20	

Примечания: РГВИА. Ф.23. Оп.1/121. Д.1266. Л.7-8об., 121-150об. Кроме денежного содержания положен провиант унтер-офицерскому и рядовому составу на 724 чел. в год по3 четверти муки, крупы по 2 четверика и 2 гарнца каждому.

Офицерам, имеющим крепостных более 100 душ, вместо денщиков выдавать на них жалованье.

16. Штат мушкетерского пехотного полка 1801 г.

Чины	Число	Жалованье (руб.)	Рационы (руб.)	Всего жалованья с рационами
1	2	3	4	5
Полковник	1	836	204	1040
Подполковник	1	558	132	690
Майор	4	434	96	530
Капитан	5	340	60	400
Штабс-капитан	7	340	60	400
Поручик	14	237	48	285
Подпоручик	15	200	36	236
Прапорщик	13	200	36	236
Фельдфебель	11	38	-	38
Портупей-прапорщик	12	17	-	17
Подпрапорщик	12	17	-	17
Каптенармус	12	17	-	17
Мл. унтер-офицер	72	14	-	-
Гренадер	564	10	-	-
Мушкетер	1128	9,50	-	-
Музыкант	9	13	-	-
Полковой и батальонный барабанщик	3	13	-	-
Гренадерный ротный барабанщик	12	10	-	-
Мушкетерский барабанщик	24	9,50	-	-
Флейтщики	8	10	-	-
Нестроевые:				
Аудитор	1	20	36	236
Священник	1	110	36	146
Церковники	2	9,50	-	-
Полковой лекарь	1	306,70	36	342,70
Батальонный лекарь	1	206,70	36	242,70
Надзиратель больных УПТ	1	38	-	38

Ст. батальонный фельдшер	1	30	-	30
Мл. батальонный фельдшер	2	24	-	24
Цирюльник	12	9,50	-	9,50
Лазаретный служитель	12	9,50	-	9,50
Обозный унтер-офицер	1	38	-	38
Полковой писарь	1	60	-	60
Батальонный писарь	3	38	-	38
Квартальный и казначея писарь	2	17	-	17
Ложейный мастер	1	60	-	60
Ложники	12	9,50	-	9,50
Оружейный мастер	1	204	-	204
Ученики	6	9,50	-	9,50
Коновал	1	60	-	60
Кузнец	6	9,50	-	9,50
Плотник	12	9,50	-	9,50
Фурлейт в повозках	53	8	-	8
Профос	3	8	-	8
Денщик	94	7,30	-	7,30
Итого:	2160	38790		42126

Примечания: РГВИА. Ф.23. Оп.1/121. Д.1266. Л.34-36. Рационов: полковнику – 17, подполковнику – 11, майору – 8, капитану – 5, поручику – 4, прочим офицерам – по 3. За каждый рацион по 1 руб. 50 коп. в каждый из восьми месяцев. Денщиков положено : полковнику – 6, подполковнику – 4, майору – 3, капитану – 2, прочим офицерам а также аудитору, священнику, полковому и трем батальонным лекарям – по одному.

В чине поручика казначей и квартирмейстер. В чине подпоручика пять батальонных адъютанта. Среди гренадеров по три артельщика в каждой из четырех рот, а у мушкетеров – в каждой из восьми рот. Артельщикам ружья не положены. Провиант закупался на 2093 чел. из расчета на каждого в год по 3 четверти 2 четверика провианта и 2 гарнца круп.

16а. Численность расквартированных в Сибири частей регулярной армии в сер. XVIII в.

	1751 г.				1752г.				1753 г.				1754г.			
	По спискам		Недокомплект		По спискам		Недокомплект		По спискам		Недокомплект		По спискам		Недокомплект	
	Всего	в т. ч. офицеров	Всего	в т. ч. офицеров	Всего	в т. ч. офицеров	Всего	в т. ч. офицеров	Всего	в т. ч. офицеров	Всего	в т. ч. офицеров	Всего	в т. ч. офицеров	Всего	в т. ч. офицеров
В 5-ти полевых полках*	8160	205	189	13	8126	211	223	7	7884	200	465	18	3595	53	158	15
В 5-ти гарнизонных полках с отдельным батальоном	?	?	?	?	6607	161	213	14	6604	158	216	17	6659	150	161	25
В т.ч. в Якутском пехотном полку	1259	29	8	1	1244	29	23	1	?	?	?	?	1237	28	30	2

Примечание: РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.1164. Л.3, 25-31, 42об.-48, 49об.-50, 72, 105об.-106, 109об.-110, 236-237, 240об.-241.

* Переведены из Европейской России.

17. Число штатных казаков взятых по Восточной Сибири в солдаты в 1737 г.

Уезды	Кон. полк	казаки батальон	пеш. казаки		Всего взято	Осталось в штате				
			полк	бат.		Дворяне	дети боярские	кон. казаки	пеш. казаки	Итого
Енисейский	17	11	33	20	81	10	20	72	147	249
Красноярский	48	31	64	39	182		30	219	276	525
Мангазейский	21	13	?	?	34	-	4	96*	?	100
Иркутский	50	31	?	?	81	10	40	219*	?	269
Илимский	20	12	?	?	32	-	5	88*	?	93
Нерчинский	50	31	33	20	134	7	25	219	147	398
Селенгинский	25	15	16	10	66	2	2	110	74	188
В острогах этого уезда	31	20	?	?	51	-	-	140*	?	140
Якутский	60	65	?	?	125	-	50	1375*	?	1425
Итого по Вост. Сибири	322	229	146	89	786	29	176	2538	644	3387

Примечания: ГАТО ТФ. Ф.341. Оп.1. Д.142. Л.45-46.

* По Мангазейскому, Иркутскому, Илимскому, Якутскому уездам и острогам Селенгинского уезда конные и пешие казаки не выделялись. Они показаны в графе «конные казаки».

18. Сословно-социальное происхождение солдат и унтер-офицеров регулярных частей Восточной Сибири второй половины XVIII в.

Сословная принадлежность родителей	Гарнизонные части 1760-1780	Городовые команды		
		Якутска 1770-1781 гг.	Илимска 1785 г.	Туруханска 1793 г.
Российские дворяне	1	2	-	-
Обер-офицеры	3	3	2	-
Солдаты и рекруты	5	20	10	3
Сибирские дворяне и дети боярские	2	1	-	-
Духовенство	-	4	2	-
Подьячие и разночинцы	2	3	-	-
Посадские (мещане)	-	7	3	2

Казенные крестьяне	-	8	3	1
Экономические крестьяне	-	-	-	1
Новокрещеные ясачные	-	1	-	2
Крепостные крестьяне и дворовые	-	2	-	7
Поляки-выведенцы	-	2	-	-
ИТОГО	13	83	34	18

Примечания: РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.35. Л.37об.-38, 55об.-56,68об.-69,73об.-75,82об.-84,105об.-106,126об.-127,132об.-133,154; РГАДА. Ф.416. Оп.1. Д.3. Л.1-98; ГАТО ТФ. Ф.341. Оп.1. Д.244. Л.1-8; Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т.2.- г.Иркутск,1956. С.597.

В графе «гарнизонные части» показаны Якутский пехотный полк, где служило 2 человека из рекрут, Иркутский и Селенгинский пограничные батальоны (соответственно 6 и 2 чел.), Охотский батальон (1чел.) и Иркутская губернская рота (2 чел.), откуда оба переходили служить в Нерчинский заводской батальон и полевую армию. Неясно, почему назвали по происхождению рекрутами солдат Якутской команды – Андрея Куликова 41 года из Туринского уезда и в капральской должности 48-летнего в 1777 г. подпрапорщика Афанасия Данилова из Ишимского уезда.

19. Возрастной состав солдат и унтер-офицеров городовых команд Восточной Сибири конца XVIII в.

Возраст	Гарнизонные команды		
	Якутская 1770-1781 гг.	Киренская 1785 г	Туруханская 1793 г.
16-20 лет	10	9	-
21-25	12	1	-
26-30	3	-	-
31-35	3	11	1
36-40	8	-	-
41-45	12	8	2
46-50	8	-	6
51-55	16	-	2
56-60	8	5	4
61 и выше	3	-	-
ИТОГО	83	34	18

Примечание: Источники те же, что в табл. 18.

20. Характеристика неофицерских военных чинов Восточной Сибири в конце XVIII - нач. XIX вв.

Разряды служебного населения по месту службы	Год учета	Группы чинов рангов	Общее число	Сословное происхождение						Возраст	Начало службы	Общий стаж		Прибыло из-за Урала	Время выслуги первого чина	Число детей
				прир. дворяне	армия	казаки	дух-во	приказные	тяглые и пр.			всего	сибир.			
1-2 Селенгинские батальоны	1792	Сержанты	39	1	34	2	-	-	1	45,9	17,5	28,4	21,6	2	6,2	-
1-2 Иркутские пограничные батальоны	1792	Унтер-офицеры	45	-	38	-	1	1	5	28,4	17,1	11,3	10,2	2	8,1	10
1 Иркутский погран. бат-он	1792	Сержанты	30	-	18	2	-	-	10	47,7	19,3	22,0	14,3	-	9,0	3
Иркутский мушкетерский гарнизонный полк	1797	Унтер-офицеры	49	2	35	1	1	-	9	36,5	18,1	18,1	14,5	2	11,0	22
Нерчинский горный батальон	1785	Унтер-офицеры	12	-	11	-	-	-	1	8,6	14,7	23,9	?	6	7,3	-

Примечание: РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.1164. Л.3, 25-31, 42об.-48, 49об.-50, 72, 105об.-106, 109об.-110, 236-237, 240об.-241.

21. Состав и оклады городовых команд Сибири по штату 1763 г.

Чины, звания	Губернская		Провинциальная		Уездная		Пригородка	
	людей	Годовое жалование (руб.)	людей	Годовое жалование (руб.)	людей	Годовое жалование (руб.)	людей	годовое жалование (руб.)
Капитан	1	247,36	-	-	-	-	-	-
Поручик	1	151,78	1	151,78	-	-	-	-
Подпоручик	1	126,38	-	-	1	126,38	-	-
Сержант	3	15	2	15	1	15	1	15
Каптенармус	1	12	-	-	-	-	-	-
Капрал	6	11	4	11	2	11	1	11
Солдат	116	7,50	48	7,50	24	7,50	12	7,50
Фельдшер	1	7,50	1	7,50	-	-	-	-
Барабанщик	2	7,50	1	7.50	1	7,50	-	-
ИТОГО:	132	1541,22	57	600,78	29	350,88	14	116

Примечания: ПСЗ. Т. XLIV. Ч.2. Табл. VIII, IX. С.48-49, 70. К. № 11991 в т. XVI.

22. Состав и оклады городовых команд Сибири по штату 1801 г.

Чины, звания	Западная Сибирь				Восточная Сибирь			
	Губернская		Уездная		Губернская		Уездная	
	Люди	Жалование (руб.)	Люди	Жалование (руб.)	Люди	Жалование (руб.)	Люди	Жалование (руб.)
Капитан	1	267,36 1/4	-	-	1	401,08 1/8	-	-
Поручик	1	171,78 1/8	-	-	1	257,6 3/4	-	-
Подпоручик	1	146,38 1/8	1	146,38 1/8	1	219,57 1/4	1	219,571/4
Унтер-офицер	3	15	1	15	3	22,50	1	22,50
Унтер-офицер	7	12	3	12,08	17	18	3	18
Рядовой	116	8,50	28	8,50	116	12,75	28	12,75
Барабанщик	2	8,50	1	8,50	2	12,75	1	12,75
Фельдшер	1	8,50	-	-	1	12,75	-	-
ИТОГО:	132	1726 1/8	34	443,88 1/2	142	2589,04	34	665,82 1/4

Примечания: ПСЗ. Т. XLIV. Ч.2. Табл. IV. С.219-225, 227. В губернских командах 22 конных драгун. На «строение мундира» полагалось: пешим – по

6 руб. 78 коп., барабанщикам – по 7 руб. 9 коп., конным – по 8 руб. 22 коп.; на починку амуниции и оружия по рублю – пешему и 2 руб. – конному в год. На содержание одной лошади отпускали: на «ремонт» каждой – по 3 руб. 75 коп. в год и на фураж – по 1 руб. 50 коп. в течение каждого из 8-ми месяцев.

23. Численность служилого населения Восточной Сибири частей в конце XVII – первой четверти XVIII в.

Уезды	Дворяне и дети боярские				Военно-служилые люди				Разночинцы				Итого служилых				В % ко всему русскому населению		
	1699	1710	1710	| 1724	1699	1710	1710	1724	1699	1710	1710	1724	1699	1710	1710	1724	1699	1710	1724
	дв.	дв.	душ	душ	дв.	дв.	душ	душ	дв.	дв.	душ	душ	дв.	дв.	душ	душ	% служ.	% служ.	% служ.
Енисейск	45	50	246	198	444	342	1392	1738	25	17	35	45	514	409	1673	1981	25.0	20.0	19.0
Красноярск	37	41	153	294	635	515	2415	3458	24	18	48	200	696	574	2616	3952	78.4	60.0	67.3
Мангазея	8	8	25	29	143	142	428	296	14	15	47	179	165	165	500	504	71.4	73.5	47.6
Иркутск	13	37	117	264	939	727	2353	2014	8	6	20	51	960	770	2490	2329	66.0	35.7	23.5
Илимск	6	8	62	79	137	131	656	579	41	10	45	173	184	149	763	831	28.7	27.8	10.5
Нерчинск	19	39	90	155	432	401	1537	1659	13	9	43	7	464	449	1670	1821	94.0	11.8	36.3
Якутск	65	48	107	155	848	286	1330	2171	30	20	71	313	943	354	1508	2639	77.7	44.0	62.1
ИТОГО:																			
Енисейская пр.	90	99	424	521	1222	999	4235	5492	63	50	130	424	1375	1148	4789	6437	42.3	51.1	37.0
Иркутская пр.	103	132	376	653	2356	1545	5876	6423	92	45	179	544	2551	1722	6431	7620	67.0	35.7	28.2
Восточная Сибирь	193	231	800	1174	3578	2544	10111	11915	155	95	309	968	3926	2870	11220	14057	55.7	30.2	31.7
Вся Сибирь	769	889	2696	3222	9837	7264	37729	40442	1364	1233	5726	7798	11950	10036	46151	51462	51.0	32.3	30.9
% Восточной Сибири	25,1	26,0	29,7	36,4	36,4	35,0	26,8	29,5	11,4	7,7	5,4	12,4	32,8	28,6	24,3	27,3	51,6	33,3	8,4

Примечания: Водарский Я.Е. Численность русского населения Сибири в XVII-XVIII вв.//Русское население Поморья

и Сибири; Период феодализма.- М. Наука, 1977. С.194-213.

Группировка данных и подсчеты (без Верхотурского уезда) наши.

В графах «1724» включены выявленные при ревизии прописные, всего по Иркутской губернии 5410 рев. душ, в том числе 2148 рев. душ неподатных.

24. Состав неверстанных, отставных и части штатных служилых людей с семьями в Восточной Сибири, записанных в подушный оклад до указа 1725г.

	Красно-ярск	Ени-сейск	Ман-газея	Иркутск	Илимск	Нер-чинск	Якутск	Итого Средняя Сибирь	Итого Иркутская провинция	Итого Вост. Сибирь	Вся Сибирь
Дворяне	41	41	5	61	5	43	12	87	121	208	408
Дети боярские	75	44	9	70	21	29	38	128	158	286	831
Их дети и свойственники	178	113	15	133	53	83	55	306	324	630	2098
Пешие казаки	376	267	118	959	48	31	1223	761	2261	3022	5653
Пушкари	2	5	4	-	-	-	10	11	10	21	388
Конные казаки	2919	12	-	-	38	28	-	241	66	307	1530
Беломестные казаки	22	123	-	-	23	554	-	145	577	722	2043
Отставные казаки	88	82	10	147	18	22	41	180	228	408	1357
Казачьи дети	2743	1250	172	1004	452	144	876	4165	2476	6641	24229
Фискалы	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	50
Заплечные мастера	-	4	-	-	-	-	-	4	-	4	12
Плотники	-	14	-	-	82	-	4	14	86	100	116
Кузнецы и часовщики	-	2	-	-	-	7	4	2	И	13	24
ИТОГО:	3754	1957	333	2375	740	941	2263	6044	6319	12363	38739
Разница с числом казачества по 1-й ревизии	198	24	172	46	91	880	376	393	1301	1694	12723

Примечания: Таблица составлена по работе Н.Ф. Емельянова: Состав подушного населения Сибири по итогам подушной переписи и первой ревизии // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. - Томск. Изд-во Томского гос. ун-та, 1984. С.32-37. Табл.3. Последняя графа дана на основе материалов Я.Е. Водарского (см.табл.23). У детей боярских дети и родственники показаны отдельной графой. В числе мангазейских пеших казаков четыре толмача.

25. Динамика численности верстанного казачества в Восточной Сибири в XVIII - нач. XIX вв.

Уезды	По штату						Реально				
	Сибирского приказа	1720 г.	1725 г.	1737-1764гг.	1772 г.	1820 г.	1751 г.	1763 г.	1792 г	1795 г.	1810 г
Енисейский	364	330	249	249	215	88	231	177	96	136	102
Красноярский	849	730	525	525	495	552	536	398	176	261	536
Мангазейский	146	134	96	100	96	93	96	85	85	118	85
Иркутский	676	532	500	269	500	485	508	460	429	400	417
Илимский	111	125	125	93	-	137	120	121	22	7	65
Селенгинский	575	545	415	328	550	7	395	397	582	612	948
Нерчинский	517	532	532	398	550	99	486	523	513	563	103
Якутский	1435	1050	1500	1425	500	201	677	614	426	426	480
ИТОГО:	4673	3978	3942	3387	2916	1655	3049	2775	2450	2516	2818
в т.ч. в Средней Сибири	1359	1194	870	874	806	783	863	660	477	515	723
Вся Сибирь	9478	9031	8532	6666	?	3800	7050 *	7006	7299	?	?
% Восточной Сибири	49,3	44	46,2	50,8	?	43,5	43,2	39,6	35,6	?	?

Примечания: РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.1628. Л.20об.-27, 32об.-51; РГВИА. Ф.13. Оп.1/107. Св.132. Д.62. Л.236об.-242; Св.144. 4.2. Д.44. Л.17об.-39; Оп.2/110. Св.151. ЛД.151. 4.2. Л.227об.-228; Св.153. Д.12. Л. 30-30об.; РГИА. Ф.1264. Оп.1. Д.536. Л.1-12; ГАТО. ТФ. Ф.341. Оп.1.Д.142.Л.71-74.

Данные по Илимскому уезду после 1783 года взяты по Верхнеудинскому и Киренскому уездам, куда вошла территория бывшего уезда.

26. Динамика численности штатной казачьей старшины Восточной Сибири в XVШ в.

Уезды	1698	1703	1710	1724*		1725-1737		1763		1772		1792	
	Дворяне и дети боярские	Дворяне и дети боярские	Дворяне и дети боярские	Дворяне	Дети боярские	Дворяне	Дети боярские	Дворяне	Дети боярские	Дворяне	Дети боярские	Дворяне	Дети боярские
Енисейский	40	22	50	17	36	10	20	10	11	?	?	1	2
Красноярский	37	53	41	6	60	-	30	-	25	?	?	-	-
Мангазейский	6	8	8	-	12	-	4	-	2	?	?	-	-
Иркутский	12	48	37	?	58	10	40	5	28	8	13	10	40
Илимский	6	?	8	?	16	-	5	-	-	-	3	-	1
Селенгинский	-	-	-	?	16	2	2	2	2	-	-	1	-
Нерчинский	17	21	39	14	35	7	25	-	-	3	17	2	17
Якутский	63	46	48	?	74	-	50	6	33	?	50**		50
ИТОГО:													
Средняя Сибирь	83	83	99	23	108	10	54	10	38	?	?	1	2
Восточная Сибирь	181	198	231	?	344	29	176	23	101	?	?	14	110
Вся Сибирь	800	848	954	?	891	85	399	71	210	?	?	?	?
% Восточной Сибири	22,6	30,0	24,2	?	38,6	34,1	44,1	32,4	48,1	?	?	?	?

Примечания: РГАДА. Ф.24. Оп.1. Д.1. Л.14; Д.25. Л.22-36об.; Ф 214. Оп.1. Д.1354. Л.56-113; Ф.248. Оп.113. Д.1628. Л.16-51, 70-75; ТФГАТО. Ф.341. Оп.1. Д.142. Л.45-52; ГПБ РО. Д.238/6. Л.39; РГВИА. Ф.13. Оп. 1/107. Св.144. 4.2. Д.44. Л.18об.-35об.

*По уездам собственно Восточной Сибири «дети боярские» показываются вместе с дворянами.

** С 1772 г., до этого 20 дворян и 30 детей боярских.

27. Динамика состава казачества Иркутской губернии и их денежных окладов

	Дворяне		Сибирские дворяне		Дети боярские		Конные казаки		Пешие казаки		Всего	
	Число	оклад (руб.)	число	оклад (руб.)	число	оклад (руб.)	число	оклад (руб.)	число	оклад (руб.)	Дворян и Детей боярских	Казаков
Иркутская команда:												
Штат 1737 г.	3	17,625	7	8,81	40	7,475	219	6,165	-	-	50	219
Штат 1772 г.	3	17,625	7	8,81	40	7,475	200	6,165	200	4,405	50	400
Налицо в 1772г.	1	17,625	7	-	13	-	196	-	192	-	21	388
Илимск:												
Штат 1737г.	-	-	-	-	5	7,4325	88*	-	88	4,405	5	88
Штат 1772 г.	-	-	-	-	5	7,4325	-	-	-	-	5	-
Налицо в 1772 г	-	-	-	-	3	7,4325	-	-	-	-	3	-
Селенгинская команда:												
Штат 1737 г.	1	14,332	1	8,81	2	6,1675	110	6,165	74	4,405	4	184
Штат 1772 г.	1	14,332	1	8,81	2	7,6167	-	-	-		4	184
Налицо в 1772 г	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Нерчинская команда:												
Штат 1737 г.	2	30,837	5	13,215	25	7,475	219	6,165	147	4,405	33	367
Штат 1772 г.	2	30,837	5	13,215	25	7,475	50	6,165	50	4,405	33	100
Налицо в 1772 г	1	30,837	2	13,215	17	7,475	50	6,165	50	4,405	20	100
Верхнеудинск:												
Штат 1772 г.	-	-	-	-	-	-	50	6,165	50	4,405	-	100
Налицо в 1772 г	-	-	-	-	-	-	50	6,165	50	4,405	-	100
Якутская команда:												
Штат 1737г.	-	-	20	8,81	30	7,450	1375	6,165	-	4,405	50	1375

Штат 1772 г.	-	-	20	8,81	30	7,450	300	27	200	4,405	50	500
Налицо в 1772 г	-	-	-	-	17	-	-	-	-	-	-	-
В 8 крепостях в 1772, 1795	-	-	-	-	-	-	900	27	-	-	-	900

Примечание: РГВИА. Ф.13. Оп.2/110. Св.151. Ч.2. Л.229-230.

* Вместе с пешими казаками в 1737 г.

28. Численность казачества Иркутской губернии на 1799 г.

Городовые и пограничные команды	Служащих казаков	У них детей	
		всего	годных в службу
Иркутская	417	272	40
Якутская	480	284	50
Охотская	82	33	2
Верхнеудинская	50	25	23
Нерчинская	103	238	60
Нижнеудинская	65	36	8
Всего городовых казаков	1197	852	175
Пограничные казаки	898	1159	228
На поселении казаки	7	118	59
ИТОГО:	2095	1165	470

Примечания: РГВИА. Ф.13. Оп. 2/110. Св.151. Д.151. 4.2. Л.378об.-379.

Число детей у нижнеудинских казаков выведено из средних общегубернских данных.

29. Численность городовых казаков Сибири в 1820 г.

Название команд или полков	Старшин	Рядовых	Итого	Детей до 15 лет
Тобольская	33	153	186	32
Тобольская татарская	9	356	356	359
Тюменская	12	50	62	13
Тюменская татарская	8	121	129	118
Туринская	4	34	38	23
Пелымская	1	45	46	30
Тарская	6	30	36	10
Березовская	43	128	171	97
Сургутская	11	130	141	124
Всего Тобольской губернии	127	1047	1174	806
в т.ч. русских	110	570	680	329
Томская	34	112	146	31
Томская татарская	1	27	28	20
Кузнецкая	40	ИЗ	153	37
Нарымская	10	33	43	18
Красноярская	63	489	552	416
Енисейская	19	69	88	48
Туруханская	10	83	93	31
Всего Томской губернии	177	927	1104	621
Иркутский полк	8	477	485	367
Нерчинская	2	97	99	262
Верхнеудинская	1	136	137	126
Якутская (с охотскими)	1	200	201	123
ИТОГО:				
Средняя Сибирь	92	641	733	495
Восточная Сибирь	104	1551	1655	1383
Сибирь	316	2884	3200	2315
% Восточной Сибири	32,9	53,8	51,7	59,7

Примечание: РГИА. Ф.1264. Оп.1. Д.536. Л.36.

30. Штат и размеры жалованья городовых казаков Сибири

Должность	Проект Пестеля 1810г. Жалованье (руб.)	Штат полка 1820 г.		
		Жалованье (руб.)	Класс	Число вакансий
Войсковой атаман	650*	-	-	-
Полковой командир (атаман)	500**	400	IX	1
Есаул капитанского чина	406,1	-	-	-
Сотник в чине поручика	286,035	270	XII	6
Хорунжий	238,2975	240	XIV	6
Адъютант при атамане	200	-	-	-
Урядник сотенный	37,24	-	-	-
Пятидесятник	17,64	20	-	20
Младший урядник	14,7	12	-	33
Писарь	14,7	24	-	8
Мастеровой	-	24	-	8
Казак	6,165	6	-	600

Примечания: РГИА. Ф.1264. Оп.1. Д.536. Л.32, 39.

* На разъезды для осматривания войска дополнительно положить 600 руб. в год.

** На те же цели, что и атаману, отпускать по 200 руб. в год.

31. Сословный состав приборных казаков в гарнизонах Восточной Сибири в начале XVIII в.

Годы	Родственники служилых людей	Новокрещены	Гулящие и промышленные люди	Посадские	Прочие	Итого
Иркутск с уезд.						
1708	5	-	-	11	-	16
Нерчинск с уезд.						
1706-1707	22	2	3	8	-	35
1711-1712	45	5	-	-	-	50
1714	3	-	-	-	-	3
Селенгинск						
1706-1709	11	6	11	-	1	29
1710-	20	11	23	-	1	55

1713						
1714-1717	40	б	34	-	5	85
ИТОГО:	146	30	71	19	7	273

Примечание: Составлено по работе: Леонтьева Г. А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – начале XVIII вв./ По материалам Иркутского и Нерчинского уездов. РКД. – М., МГУ, 1972. С. 72-76.

32. Происхождение нерчинских казаков в середине ХУШ в.

«Ис каких чинов»	Дворяне	Дети боярские	Казаки	ИТОГО	
				чел.	%
Дворянские дети	2	1	2	5	0,9
Дети боярские	1	20	11	32	6,3
Казачьи дети	-	4	431	435	85,6
Улусные казачьи дети	-	-	7	7	1,5
Новокрещены	-	-	6	6	1,3
Разночинцы	-	-	9	9	1,7
Посадские	-	-	4	4	0,8
Крестьяне	-	-	5	5	0,9
Подьячие	-	-	1	1	0,2
«Присыльные»	-	-	2	2	0,4
«Пришлые» из	-	-	1	1	0,2
Устюга					
Неизвестно	1	-	1	1	0,2
ИТОГО	4	25	479	508	100

Примечания: Зуев А. С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти ХУШ – первой половине XIX в. / РКД – Новосибирск, 1989. Табл.6.

33. Характеристика казачества Восточной Сибири во второй половине XVIII - нач. XIX вв.

Казачьи команды и служебное положение	Год учета или отставки	Число		Средний возраст	Грамотные	Начало службы в среднем	Средний стаж	Семейное положение			Детей муж. пола		Возраст детей средний
		всего	из них местных					жена т	вдов.	хол.	всего	в т.ч. на одного казака	
Красноярская старшина	1763	12	12	37,7	12	14,6	25,6	12	-	-	5	0,4	12,0
Енисейская старшина	1763	9	9	35,3	9	17,4	16,8	9	-	-	11	1,2	9,1
Красноярская старшина	1795	39	38	36,1	39	17,2	18,8	32	-	7	20	0,5	7,5
Иркутская губернская старшина	1798	32	31	34,4	32	17,3	17,2	28	-	4	27	0,8	9,2
Охотская	1800	10	10	49,8	9	22,7	27,1	7	1	2	10	10	7,1
Охотские дворяне и дети боярские	1800	6	6	33,5	6	15,0	18,5	4	-	2	2	0,3	6,5
Отставные городовые:													
Красноярская	1794	52	51	58,6	5	19,6	39,0	?	?	?	?	?	?
Иркутская	1768-1769	12	11	62,2	-	35,7	26,5	7	2	3	?	?	?
Иркутская губернская	1770	22	21	52,2	4	20,5	31,7	17	2	3	27	1,2	16,2
Иркутская	1793	24	21	51,9	5	19,9	31,62	21	2	1	20	0,8	10,4
Верхнеудинская	1804	23	23	52,9	4	21,6	32,5	18	1	4	13	0,6	4,8

Якутская	1800-1804	38	38	53,0	28	20,7	32,7	29	7	2	22	0,6	5,9
Отставные пограничные:													
Акшинская	1793	26	26	40,9	10	20,5	29,4	24	1	1	34	1,3	9,2
Акшинская	1804	26	26	41,0	12	18,6	21,9	25	-	1	63	2,4	9,3
Троицкосавская	1803	12	11	45,9	4	16,6	29,3	8	-	4	14	1,2	10,0
Кударинская	1803	16	16	45,9	3	16,0	30,6	13	2	1	25	1,6	7,8
Тункинская	1803	32	31	51,7	8	18,6	33,0	28	2	1	28	0,9	7
Чиндантурукаевская	1804	28	28	47,0	8	18,6	28,6	25	2	1	59	2,1	11,2
Цурухайтуевская	1804	16	16	47,8	4	18,9	22,9	14	-	1	32	2,0	?
Горбичевская	1804	23	23	44,7	3	18,3	26,4	23	3	-	26	1,1	9,6
Нерчинская уездная	1804	40	40	48,2	19	19,6	28,4	33	1	6	70	1,8	9,3
ИТОГО:													
Старшина	1763-1800	102	100	36,7	101	17,3	19,7	88	-	13	73	0,72	6,2
Отставные городовые	1793-1804	171	165	55,1	46	21,4	33,3	92	14	13	82	0,77	11,9
Отставные пограничные	1793-1804	209	207	45,9	60	19,6	27,3	193	11	17	351	1,7	9,2

Примечания: РГВИА. Ф.13. Оп.1/107.Св.132. Д.61. Л494-500; Д.64. Л.424об.-427, 493-496, 499-500, 504-508; Св.147. Д.2. Л.445-451; Св.148. Д.1. Л.74об.-75, 80об.-85, 12. 90 об.-95, 97-103, 107-112, 114-120,311,336; Оп.2/110. Св.153. Д.12. Л.446-451; Св.176. Д.161. Л.5-44, 54-133; Ф.489. Оп.1. Д.3734. Л.1-12об.; Д.3042. Л.1-13.

Подсчет наш.

34. Численность поверстанных в казачество из тяглых сословий между I-II ревизиями

Уезды	В дворяне	В дети боярские	В казаки	Итого
Енисейский: всего	10	30	558	598
Красноярский:				
из разночинцев	-	25	233	258
из крестьян и прочих	-	-	-	-
Мангазейский: всего	?	?	?	?
Иркутский:				
из разночинцев	-	7	156	163
из крестьян	-	-	-	-
Селенгинский:				
из разночинцев	2	-	41	43
из крестьян и прочих	-	-	18	18
Нерчинский:				
из разночинцев	4	8	55	67
из крестьян	-	-	-	-
Якутский:				
из разночинцев	-	33	384	417
из крестьян	-	-	9	9
из посада	-	-	3	3
ИТОГО:	16	103	?	1576

Примечания: РГАДА. Ф.350. Оп.3. Д.1657. Л.1-95; Оп.2. Д.1058. Д.3068. Л.1-52об.; Д.4194. Л.1-116; Сибирские города. Материалы для их истории в XVII-XVIII ст. Нерчинск, Селенгинск, Якутск. – М., 1886. Подсчет наш. По Енисейскому уезду вместе с Мангазейским.

35. Сословное происхождение жен русского населения Восточной Сибири во второй половине XVIII - начале XIX вв.

	Год учета	Всего взрослых	У них жен	В том числе из			
				казаков	крестьян	мещан	прочих
Казаки, всего		160	132	44	37	21	30
Из них:							
Красноярская старшина	1795	39	32	10	15	5	2
Иркутская старшина	1798	32	28	5	6	9	8
Якутской области отставные	1800-1804	38	29	16	2	5	6
В.-Удинские отставные	1804	23	18	1	6	1	10
Чиндантурукаевские отставные	1804	28	25	12	8	1	4
Посадские:							
г.Иркутск	III рев.	в 100 дворах	348	137	92	102	5
г.Иркутск (выдано невест)	III рев.	в 100 дворах	206	75	49	76	6
Крестьяне, всего	III рев.	9	338	81	128	29	104
Итанцинский острог	III рев.	96	96	23	9	?	73
Уриковская слобода	III рев.	9	158	26	97	29	15
Чикойская слобода	III рев.	9	62	24	31	-	7
Кабанский острог	III рев.	26	22	9	4	-	9

Примечания: РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1058. Л.1-60, 609-686; Д.1069. Л.414-448; Д.307. Л.529-569об; Д.3073. Л.1-46об., 87-95. РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3042. Л.1-13; Д.3734. Л.1-10об.; Ф.13. Оп.2/110. Св.176. Д.161. Л.5-72, 74-79.

Приложение 2.

Басарев Д.

Данила Басарев, 1755 г. рождения, из солдатских детей, в 11-летнем возрасте с 1 декабря 1765 г. начал службу драгуном стоящего на юге Западной Сибири Луцкого полка. За семь лет службы он дошел до каптенармуса, став капралом в 1769 г. После расформирования в 1774 г. этого полка он попал в 12-ю легкую полевую команду в должность надзирателя больных. При переименовании в 1775 команды в Семипалатинский полевой батальон Басарев стал сержантом. Спустя восемь лет он переходит во второй пограничный батальон с производством в прапорщики. Эта часть оказалась в его 22 –летней армейской службе последней – через четыре года, в 1787 г., Басарев увольняется в отставку в том же чине. Через полгода он был принят в Колыванскую верхнюю расправу на несоответствующую его чину должность протоколиста. Как «рачительного в должности… и похвального поведения» чиновника через два года Басарева откомандировали в Красноярский нижний земский суд на освободившуюся должность секретаря. Иркутский и колыванский генерал-губернатор И.А.Пиль рапортом от 12 сентября 1789 г. просил Сенат Басарева «в сей должности навсегда и для поощрения к трудам наградить чином губернского секретаря». Сенат 25 января 1790 г. утвердил его в должности с окладом в 200 руб. в год, а о повышении чина велел «доложить впредь при будущем производстве».

Источник: РГАДА. Ф.286, Оп.1. Д. 786, Л.176-179.

Бейтоны

Матвей Яковлевич, иркутский сын боярский, с 20 июня 1736 г. по 22 января 1738 г. по назначению Иркутской провинциальной канцелярии был илимским управителем. Через два месяца после сдачи должности по заявлению Ф. Литвинцева началось следствие по различным его злоупотреблениям. М. Я. Бейтон обвинялся при допросах по 79 пунктам, преимущественно «во взятках лихоимственно с разного чина людей от

рекруцкого набору». Общая сумма претензий к нему и его помощнику Толстоухову составляла около 1500 руб. деньгами и товарами. По определению В. Н. Шерстобоева, этот «пройдоха, представитель длинной цепочки служилых людей фамилии Бейтонов, ряда поколений типичной паразитической семьи карьеристов, взяточников и насильников», сумел выкрутиться, благодаря умению лгать, ждать и подкупать, всемерно затягивая следствие. После судебного разбирательства, которое затянулось на 35 лет, с привлечением 94 свидетелей. М. Я. Бейтон уплатил через Илимскую уездную канцелярию истцам только 50 руб. 30 коп.

Сын Константин оказался достойным отца. В формулярных списках он писался московским дворянином, так как его предок, сосланный в середине XVII в. из Москвы в Иркутск, якобы был стрелецким головой. Службу К. М. Бейтон начал с 14 лет в 1768 г. учеником местной «геодезической школы», проходя после ее окончания чины: штурманский ученик – с 1773 г., унтер-офицер – с 1777 г., сержант – с 1778 г. В последнем чине «по болезни» был отставлен от службы иркутским губернатором Ф. Кличкой и "уехал в столицу добиваться официального признания своих дворянских прав на владение дедовской и отцовской деревней Бейтоновой с 31 ревизской душой крестьян. Доморощенный иркутский помещик, изо всех сил пробиваясь в ряды «благородного сословия», свое сомнительное с точки зрения Сената, дворянское происхождение, решил подкрепить личной службой. Срочно «выздоровев», К. М. Бейтон через И. В. Якоби, под началом которого служил, вышел на всесильного временщика Г. А. Потемкина и 18 марта 1781. г. определился в «Иллирический гусарский полк кадетом». Через год, с 31 мая 1782 г., он аудитор Таврического полка, а с февраля 1783 г. перешел в строй с переименованием в подпоручики. Вскоре, в том же 1783 г., по представлению И.В. Якоби Сенат перевел К.М. Бейтона в Иркутское наместничество к штатским делам с чином коллежского асессора. Три года новоиспеченный потомственный дворянин был дворянским заседателем в Иркутском нижнем

уездном суде, затем с июля 1786 г. десять лет пребывал в должности асессора второго департамента уголовного суда Иркутского верхнего надворного суда, получив в 1791 г. чин надворного советника VII класса. В 1796 г. Бейтона назначили киренским городничим.

Источник: Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII - начале XIX вв. /Формирование военно-бюрократического дворянства, - Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. С.88-89.

Бутусин М.С.

27 декабря 1791 г. енисейский казак Мирон Семенович Бутусин, 33 лет, родом из местных казаков, холостой, грамотный, ростом 2 аршина 5 ½ вершков, подал прошение в Тобольскую обер–комендантскую канцелярию, а та 28 февраля 1792 г. в Военную коллегию переслала его просьбу об увольнении со службы и по его словам «определили на собственное мое пропитание к родственникам моим. Я одержим с самого младенчества и поныне разными болезнями, а за выслугу лет и беспорочную службу награжден пятидесятничьим чином». В аттестате от 1 декабря 1791 г. города Енисейска в должности лекаря подлекарь Михайло Шумков указал, что Бутусин «одержим с младенчества своего в голове шумом, из ушей материя течет, и падучею болезнию страждет, а притом левая рука в локтю выставлена и всем корпусом нездоров, от каковых вышеписанных припадков неоднократно он, Бутусин, был пользован, но по повреждению в головном черепе вылечить неможно его». Однако Военная коллегия, несмотря на то, что Тобольск поддержал просьбу Бутусина, 14 апреля 1792 г. отказала ему в отставке, поскольку он «лет еще молодых, по коим еще и службу продолжать может». Медицинское же свидетельство вообще не было принято во внимание, очевидно из тех соображений, что Бутусин с этими болезнями прослужил 14 лет, ибо вступил в службу 30 октября 1778 г.

Источник: РГВИА. Ф.13. Оп.107. Св.144. Д.60. Л.199-203.

Галкин И.И.

Редким исключением является военная карьера 37-летнего красноярского исправника коллежского асессора Ивана Ивановича Галкина, который, будучи родом из сибирских дворян, 17-летним смог со 2 апреля 1790 г. попасть рейтаром в «лейб-гвардии конный полк», меньше чем за год дослужить до вице-вахмистра и уйти с 1 января 1791 г. в отставку по болезни в чине поручика, соответствовавшему XII классу чинов по «Табели о рангах». Этот представитель старинного казачьего рода попал вместе с отцом в гвардию благодаря тому, что в европейской России не знали, что почетное звание «дворянин сибирского списка» не давало статуса не только потомственного, но и личного дворянства. Через год после отставки Тобольское губернское правление назначило И. И. Галкина заседателем Туруханского нижнего земского суда, спустя семь лет около года он был на должности местного городничего, а затем еще два года – комиссара Туруханского уезда. В 1802-1804 гг. он поочередно заседатель нижнего земского суда в Енисейске и Красноярске. После введения должностей частных комиссаров с декабря 1804 г. он выполняет эту должность в Богучанском комиссарстве Енисейского уезда, но спустя полгода его переводят снова в Красноярск на должность исправника с присвоением ранга титулярного советника. Через четыре года на 19-м году своей службы в мае 1809 г. он достиг заветного ранга коллежского асессора, хотя его отец, долго занимая классные должности в 70-80 гг., так и не получил классного чина. С учреждением Енисейской губернии Иван Иванович стал главой Приказа общественного призрения, а позже – председателем Енисейского губернского суда и заслужил теплые отзывы губернатора А.П. Степанова и знавших его декабристов.

Источник: Быконя Г.Ф. Русское неподатное население… С.88-89; Красноярск: этапы исторического пути. – Красноярск, 2003. С.56-59.

Калашников Т.П.

Тимофей Петрович Калашников (1762-18 ?), сын приказного во втором поколении. Его отец, нерчинский казачий сын, был определен в местную канцелярию копиистом и по указу 14 октября 1755 г. оказался в «штате». Любопытна и весьма характерна его судьба. Отправленный вскоре после рождения в 1762 г. сына Тимофея, автора «Записок», в Иркутскую губернскую канцелярию со счетными книгами за 1719 – 1744 г. он там и умер в 1768 г., не успев за 5 лет полностью выполнить служебное поручение.

Семья его, где было четверо детей, после отъезда кормильца оказалась в тяжелом положении. Однако его жена, неграмотная, но энергичная и работящая женщина, с помощью многочисленных родственников, среди которых были и местные мещане, и казаки, и священник, и вдова прапорщика, вырастила детей. Хотя она смогла затратить на обучение сына всего 50 коп., но способный мальчик у частного учителя, старика Почекунина, за неделю одолел азбуку и научился читать по часослову. При этом он дважды отведал розг, хотя не был баловным. 10-ти летнего мальчика, как сына приказного, обязанного идти по родительским стопам, чтобы оставить неподатным, определили на вакантное, после смерти старика – чиновника, место копииста с годовым окладом в 30 руб. Сначала его приставили к переписке бумаг, затем благоволивший ему воевода Овсянников стал давать ему более серьезные поручения. Выполнял он, видимо за особую плату, частные или, как тогда говорили, «партикулярные» поручения – писал письма, скопировал однажды по заказу воеводы, которому хотелось угодить одному купцу, трактат о мире России с Турцией 1774 г. Шло время, и прилежный молодой копиист набирался опыта. В 1775 г. в связи с открытием Верхнеудинской провинции, его в числе четырех лучших местных чиновников воевода М.В. Тевяшов, назначенный верхнеудинским провинциальным воеводой, забирает с собой. Кругозор чиновника – подростка расширился, дела пошли сложнее и разнообразнее, чем в уездном

Нерчинске. Он, в частности, оказался свидетелем и участником последнего этапа, поразившего всю Сибирь, похода начальника Нерчинских заводов Л.Н. Нарышкина к Иркутску, которого арестовал, не поддавшись гипнозу его чина, верхнеудинский воевода, майор артиллерии М.В. Тевяшов.

Калашников вел протоколы арестованных с Л.Н.Нарышкиным различных чиновников, составлял общий экстракт по его делу. С 1774 по 1776 гг. он был в качестве секретаря М.В. Тевяшова, назначенного временно командиром Нерчинских заводов.

Представление о дальнейшем прохождении службы этого незаурядного сибиряка, отца сибирского писателя Ивана Калашникова, дает его паспорт, выданный 24 марта 1818 г. «на выезд в города Российской империи». Из паспорта на выезд в города явствует: «Объявитель сего, коммерции асессор Тимофей Петров сын Калашников, который, как по формулярному списку значится, в службу вступил из приказнослужительских детей в Нерчинскую воеводскую канцелярию копиистом 1772 июня 16, из оной переведен в Верхнеудинскую провинциальную канцелярию 1775 сентября 25, подканцеляристом -776 апреля 21; с 31 декабря 776 по 17 августа 777г. находился при делах начальника Нерчинских заводов, а потом в упомянутой провинциальной канцелярии по 24 августа 783 и исправлял в оной в 782 и 783 годах должность протоколиста; канцеляристом произведен 777 сентября 21; перемещен в Иркутск в канцелярию по части винной и соляной бухгалтером с чином губернского регистратора 783 сентября 1; определен в ту экспедицию секретарем 786 января 11; городовым секретарем 792 декабря 31. В 1797 г. июня 10 определен секретарем камерной части, губернским секретарем произведен 797 декабря 31; 1800 г. мая 16 - секретарем же в казенной палате, коллежским секретарем произведен 1800 г. декабря 31. Сверх секретарской исправлял должности: февраля с 1 по 9 октября 1808 г. – губернского казначея; 803 с 17 октября 804 по 31 марта – и.о. ассесора в ревенной части, и в другой раз – 804 с 13 июля, 805 по 13 апреля. Асессором

по ревенной части определен 805 октября 15. Будучи же асессором, исправлял должность хозяйственной экспедиции советника с 18 октября по 17 ноября 805 и в 807 году с 26 января по 29 мая, коллежским асессором произведен по И. в. указу 807 декабря 31, от должности асессора уволен 814 марта 26 по собственному желанию и по обстоятельствам дел казенной экспедиции». Таким образом, через 11 лет службы он стал личным, а через 35 лет – потомственным дворянином.

Источник: ПД. Т.120. (Архив И.Т.Калашникова). Д.199. (Акты и и материалы к биографии Г.П. К-ва); Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 год. //Русский архив. – СПб. 1904. Кн.3. №10. С.147- 183.

Корякин В.

«С 1803-го года июля дня мы, нижеподписавшиеся, обязуемся родственника своего , просящегося в отставку, казачья урядника Валерия Корякина, в рассуждении старости ево лет, дабы он иногда (вероятно никогда – Г.Б.) не мог скитаться по миру, по смерть ево пропитывать и отнюдь не допуская до оного, в чем подписуемся: Оленского нижняго земского суда канцелярист Федор Корякин; в вышеписаном подписуюсь: оленской купец Василий Санников. Дворянин Андрей Поротов».

Из его формулярного списка узнаем, что Корякину было в 62 года, «мерою с 2 аршин, 7 вершков; имеет следующие приметы: лицом смугловатый, глаза карие, по голове волосы темнорусые, говорит твердо».

Уроженец Якутска, он 25-ти летним, с 5 апреля 1766 г. вступил в казачью службу, а в 50 лет стал урядником. В разных походах и «у дела против неприятелей» не бывал…, российской грамоте читать и писать умеет, в штрафах, под судом и в домовых отпусках не был. Женат на казачьей дочери Марфе, но детей не имел.

Источник: РГАДА. Ф.286. Оп.1. Д.766. Л.124-125об.

Кривошапкин Л.В.

Лев Васильевич Кривошапкин, родом из якутских детей боярских, вступил в службу в 1764 г. казаком. Год ходил в караулы, а в 1765 – 1766 г. был послан к сбору ясака в Жиганское зимовье в качестве пищика и целовальника. Грамотного и усердного молодого казака заметили, и в 1769 г. Иркутская губернская канцелярия его определила в дети боярские. В этом звании он выполнял более сложные поручения , тем более что выучился якутскому языку. С 1769-1770 г.он занимался покупкой «семенного жита» для разведения хлебопашества на Камчатке, порученного на этот раз «студенту Ивану Рыжкову», а затем в качестве комиссара руководил доставкой отряда Рыжкова с грузом в 12 тыс. пудов в Охотск. В 1771 г. Кривошапкин был «у подушного сбора комиссаром и у словесного суда в Якутске. С 1773 по 1775 г. назначался уже ясачным комиссаром в отдаленных трех Ковымских и Алазейском зимовьях и одновременно командиром имеющейся в них крепостцах нерегулярной команды для «обережи ясачных от немирных чукоч и бунтующих коряков». Три следующих года, 1776-1778 гг., Кривошапкин находился в Среднековымском комиссарстве управителем, причем в последний год помогал лекарю Илевецкому, как толмач, «к склонению ясачных к прививке оспы». Прослужив очередной год комиссаром у подушного сбора, он с 1780 г. оказывается в порученцах у иркутского вице-губернатора Цеддельмана, который за «отменную рачительность» объявил ему «перед дворянским обществом… похвальную рекомендацию» с занесением ее в послужной список. С 1781 г. Кривошапкина подключают к организации доставок силами якутов казенного провианта в Охотск. Энергичный сын боярский получает в свое заведывание станки по тракту от Якутска на Охотск до Верхоянска, которые обслуживались за счет якутов, выступает посредником между якутами в притрактовой полосе и прочими, обязанными поставлять первыми «станошный скот». В 1786-1787 г. он был переводчиком и немало сделал, чтобы к сроку доставить грузы и

продовольствие секретной морской экспедиции Биллингса. В частности, именно Кривошапкин договаривался с якутами Якутского и Аленского уездов о доставке и выплачивал им прогонные деньги. 7 января 1788 г. якутским комендантом полковником А.Маркловским он был представлен к награждению обер-офицерским чином, о чем соответствующий «аттестат» был послан к И.В.Якоби в Иркутск. Однако Сенат на прибывшее представление И.В.Якоби по всей видимости ответил, что для получения офицерского чина необходимо послужить. Кривошапкин определяется в том же 1788 г. рядовым в лейб-гвардии Семеновский полк. 1 января 1789 г. капрал Кривошапкин по болезни уходит в отставку «с награждением за добропорядочную службу», как дворянин, «от армии прапорщицкого ранга». Интересно, что представление И.В.Якоби к офицерскому чину было использовано Кривошапкиным как доказательство своего дворянского происхождения. При этом он естественно не распространялся насчет специфичности статуса сибирских дворян. Через несколько месяцев 16 января новоиспеченный отставной прапорщик получил от полковой канцелярии паспорт «для свободного, где он пожелает , житья». Получив заветный офицерский чин, Кривошапкин 30 декабря 1789 г. подает прошение об определении его на гражданскую службу в Якутск, «где мой дом, жена, дети и все семейство находится», а также за «двадцатичетырехлетнюю и беспорочную мою службу, приняв в уважение вышеизъясненные мои ревностные труды, наградить чинами». К прошению он приложил красноречивое описание своей доармейской службы. Кривошапкин подчеркивал, что находясь и казаком, и вместе с якутскими дворянами на солдатском жалованье, ему приходилось выполнять разные должности, «каковые по образу нового правления несут городничий, земский капитан-исправник и прочие чины»; что в разъездах за тысячи верст… на оленях и собаках… по тамошним пустыням, тогда никем не обитаемым…, и великим снегам… случалось за усталостью и гибелью лошадей претерпевать крайную

отягощающую человечество нужду; что верст по тысяче и более один принужден идти пеш и по тамошнему воздуху нести на себе запасную одежду, обувь и съесные припасы, а иногда по недостатку хлеба питаться лиственишнею и сосновою корою и разными кореньями». Однако даже такое красноречие не помогло получить новый чин, хотя должность ему определили VIII класса. На общем присутствии Сената его назначили в Иркутскую казенную палату на свободную вакансию асессора, с выдачей вперед одной трети годового жалования и прогонов на одну лошадь.

Хлопоты и заботы, связанные с поступлением в штатную службу, не прошли для Кривошапкина даром. Он слег от обострения «прежних и жестоких почечуйных и других болезней». После лечения у лекаря лейб-гвардии Измайловского полка Ивана Отто Кривошапкин, чтобы отбыть на место службы, 1 сентября 1791 г. обратился в Герольдмейстерскую контору с просьбой выдать вместо старого просроченного паспорта новый, приложив как оправдательный документ, медицинское заключение лекаря.

Источник: РГАДА. Ф.286. Оп.1. Д.876. Л.62-67.

Курбатов П.А.

Петр Афанасьевич Курбатов родился в 1744 г. и был из казачьих детей. Одиннадцатилетним он поступил копиистом в Илимскую воеводскую канцелярию, в которой через пять лет получил ранг подканцеляриста. После перевода центра уезда в Киренск, он продолжал служить в воеводской канцелярии до ее закрытия в 1784 году, причем почти два года (с 25 сентября 1779 по 17 мая 1782г.) исполнял классную должность ее секретаря. Именно на этой должности он попался на лихоимстве – во время взыскания с крестьян Криволуцкой слободы вместо «доимочного провианта» денег, взял с них 46 рублей, за что 30 апреля 1780 г. по указу Иркутской губернской канцелярии был «содержан в (Киренской - Г.Б.) канцелярии на хлебе и воде неделю, да без выпуску месяц». Деньги же были взысканы и возвращены крестьянам. Однако эта служебная провинность не помешала его дальнейшей

карьере. 11 июня 1783 г. Курбатов получает ранг канцеляриста, а спустя полгода назначается в эту же должность в новоучрежденную счетную экспедицию Иркутской губернской канцелярии. В связи с тем, что в Киренске уездный казначей, подпоручик Тюфелинов, за взятки и вымогательства (с крес-тьян и ясачных взял за покормежную и с обмена ассигнаций 1 руб.10 коп. и рыбу красную стерлядь) был отдан под суд, то на его место генерал-губернатор И.В. Якоби определил секретаря местной нижней расправы Карабаневского, который уже 10 лет находился в одной должности, а на место последнего назначил Курбатова. В своем рапорте в Сенат от 2 февраля 1788 г. об утверждении этих служебных назначений Якоби, в частности писал, что в нижнюю расправу к безостановочному течению ея дел поместил оного канцеляриста Курбатова на окладе, званию его свойственному».

Женат был Курбатов на дочери крестьянина Киренского Троицкого монастыря Шитицына.

Источник: РГАДА. Ф.286. Оп.1. Д.766. Л.126-132об.

Львов Е.М.

«Сын боярский Егор Михайлов Львов, 75 лет отроду, из казачьих детей; 1756 году марта 12 дня в бывшую Якутскую воеводскую канцелярию определен копиистом, где находился по 1760 год; в том году в сентябре месяце командирован в Москву за отвозом ясашной мягкой рухляди при сыне боярском Алексее Данилове пищиком в бывший Сибирский приказ. По указу бывшего Сибирского приказа в 1761 году марта 26 дня из того приказного чина выключен и определен по причине предков моих по городу Якутску в дети боярские.

С определения в дети боярские находился: в 1762 году командирован в Майское, Тонторское и Бутальское зимовья за сбором ясака ж, где и находился по небытию ясашных к платежу ясака по 1765 год; по прибытии в Якутск в том же году в сентябре месяце командирован на Усть-Майскую пристань над поселенными казаками и каторжными командиром по 1767 год.

В том же году в июне месяце командирован в Верхоянское и Устьянское зимовья за сбором ясака, где находился по 1769год. В 1770 году у канцелярских мелочных припасов комиссаром; в 1771 году – над дворянами и детьми боярскими старшиною и у почтмейстерской должности. В том же году в ноябре месяце командирован за отвозом в Москву под ведомством Кабинета экспедиции высоких цен ясашной мягкой рухляди отвощиком, отколь и прибыл в 1774 году. В 1775 году - у сочинения ведомостей в здешней канцелярии; в 1777 году –приходчиком и расходчиком ясашной мягкой рухляди и денежной казны; в 1778 и 1779 годах – при оной канцелярии у письменных дел; в 1780-м у артиллерийских припасов комиссаром; с 1781 го по 1785 год – при оной же канцелярии у письменных дел. В подушной оклад не положен. В том же году по открытии Якутской области с протчими находился в Якутской верхней расправе у письменных дел в 1786 году мая по 1-е число. В том же году января 16 дня по данному от господина подполковника и коменданта Мариловского паспорту в силу полученного им того же году января 14 дня от его превосходительства господина генерал-майора иркутского губернатора и кавалера Лампа (Ламба – Г.Б.), доставленному к нему от его высокопревосходительства господина генерала-поручика, правящего должность генерал-губернатора Иркутского и Колыванского и разных орденов кавалера Якобия в сходство свидетельства штаб-лекаря Кривецкого за переломом левой ноги и правой руки, коими, как в руке, так и в ноге свободного владения не имеет, а посему и оставлен вовсе по городу Якутску на собственное его пропитание.

Проживает Мегинском улусе, в Умсайской волости. Покосными местами владеет с1786 года по отводу Якутского нижнего земского суда в силу насланного в оный суд того же году от 14 августа за №181 из Якутской нижней расправы указу в Умсайской волости на островах Бегуре, Бестяхе, Мастыре и Куякане, Арытыне, Басе, всего 16 десятин по причине предков моих в природном своем поместье; тех моих предков из иноверцев по городу

Якутску (определили - Г.Б.) в дети боярские 1677-го февраля от 27 и 1705 годов от ноября месяца, бывшими тогда стольниками и воеводами Фомой Ивановичем Бибиковым, Юрием Федоровичем да Михаилом Юрьевичем Шишкиными. С присланных с Москвы грамот точные копии, на благорассмотрение при сем подносятся. А скотоводства имею конного и рогатого скота больших и малых, всего сорок (голов – Г.Б.)».

В связи с отставкой Львов стал хлопотать о юридическом закреплении за собой потомственных земельных угодий. Из двух свидетельств, подписанных пятью якутскими князцами видно, что дед Егора, «иноземец Леонтий», имел покосов на «шесть стогов кошенного сена», однако после его смерти Спасский монастырь захватил половину угодий. Отец Егора отсудил их у монастыря, но с 1779 года часть сенокосов «усильно занял князец Хататов». Через два месяца разбирательств 20 марта 1786 г. Якутская нижняя расправа со ссылкой на «Соборного уложения 1649г. главу 10-ю статьи 211,233,286,287; главу 16-ю статьи 27, 28, 41, 42, 44, 53; на Межевую инструкцию от 25 мая 1766 г. 4-й главы пункты 12, 13, 14,21; главы 21, пункты 10, 11 и главы 27, пункты 3, 7, 9 (рассудила – Г.Б.) отдать в вечное потомственное владение просителю Львову землю, а с Хататова взыскать в пользу Львова за каждую десятину по 30 коп. ежегодно за 1779-1786 годы. С этим предложением нижняя расправа вошла в верхнюю расправу с обширной мотивировкой. Она констатировала, что по «Якутской области всеми здешними землями дворяне и дети боярские, и ясашные иноверцы, утвердительных крепостей не имевши, владеют». Сама она не имеет права ни отводить, ни цену назначать на землю согласно пункта 28 Межевой инструкции и Приложения к ней от 25 сентября 1765 г., в которых вся Иркутская губерния с её провинциями вообще не упомянута. Нет также «законного положения» по губернии о продаже земли и ценах на различные угодья. Между тем в «российских городах, где можно купить земли за единовременный оброк, положили хорошие угодья в 50 коп., а разные

непахотные и бестравные сухие и леса – в 25 коп.». Мотивируя тем, что «в вечное и потомственное владение с дачею утвердительного указа может больше принести казенной пользы, нежели четырехлетняя отдача оных сенных угодий за оброки», нижняя расправа просила утвердить свое предложение.

Якутская верхняя расправа, в обход явного запрета купли-продажи земель в Сибири и раздачи их в поместное владение, пошла навстречу и отдала покосы Львову, ссылаясь на именной указ от 23 июля 1762 г. Сенату о том, что «где есть пустые еще земли, засеки, порожжие в дачах небывалые», то их с лесами и прочими угодьями дворянам продать.

Не известно, взяли ли с Егора Львова деньги за отведенные 16 дес. сенокосов, но и в 1811 г. просимая земля была в его распоряжении.

Источник: ЦГАРС. Ф.4. Оп.1. Д.28. Л.1-8 об, 86-86 об.

Михалев П.А.

Иркутский сын боярский Михалев Петр Анисимович, 1751 г. рождения, выслужил первый класс - чин коллежского регистратора через 30 лет службы, начав ее 1769 г. Через год с «1 янв. 70 г. он губернский эконом, 771 г. – 772-у приему из казенного соляного заводу и отдаче в г. Иркутске казенной соли и у приему ж из Иркутской рентереи и отдачи в Кяхтинскую комиссию мяхкой рухляди. С 20 декабря того же года – у приему из Иркутской рентереи и отвозу в Санкт-Петербург в разныя правительства денежной казны серебряной и золотой монеты; с января 1773 г. в Иркутске рентмейстером;». Через год к прежним обязанностям прибавились сбор и расходование собранных на рекрут «складочных денег»; в следующем году он принимал и доставлял из Иркутской рентереи деньги для Нерчинского горного начальства; затем это же он делал в отношении Якутска. С осени 1776 г. был смотрителем при Новоямской слободе казенных пильной и хлебной мельниц и у «бережения лесов». С 26 февраля 1778 г. он стал сибирским дворянином. Через 3 года 7 мая 1781 г. Михалев оказывается верхневилюйским

комиссаром в Якутской области, а через год «поступил в Умский острог командиром», где находился до середины 1785 г. Затем через 2 года отдыха с 1 сентября 1787 г. он - соляной пристав в Аленске. Пробыв в этой должности до осени 1791г., он 24 августа 1792 г. назначен дворянским заседателем в местном нижнем земском суде, и через год 31 декабря 1793 г. произведен был Сенатом в чин коллежского регистратора.

За время своей службы он не был судим, не замечался в подозрениях. Женат, 4 сына: Иван-14, Петр – 7 лет, Дмитрий – 4-х лет и Алексей 3 –х лет., которые находились в 1799 г с отцом.

Источник: РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.35. Л.108об.-109.

Обеднин Г.

Верхоленский казак Гаврила Обеднин родился 1719 г., родом из местных отставных казаков, сумел не служить до 46 лет. За «укрывательство от службы» он был «бит плетьми в 12 дней в четыре собрания» казачьей команды и определен 11 октября 1765 г. в её штат. Однако уже через три года в послужном списке этого вдового казака записали, что он «имеет в голове шум и ломоту, к тому ж и глух, и корпусом слаб, и по немолодости ево лет службу продолжать более не в силах». Не исключено, что Обеднин сам организовал свою отставку, получив от лекаря Якутского полка нужного характера медицинское заключение. По крайней мере об этом косвенно свидетельствует запись послужного списка о том, что по непрестарелым ево летам желает быть (сам Обеднин – Г.Б.) в подушном семи и шести гривенном окладе и на пашне с платежем в казну оброчного провианта». Таким образом труд и положение хлебопашца для Обеднина оказались предпочтительней, нежели казачий статус.

Поручителями его стали братья его родные Верхнеленского острога казак Василий и разночинец Веденей Обеднины.

Источник: РГВИА. Ф.13. Оп.1/107. Св.132. Д.67. Л.494об.-495.

Пелымские.

Некоторые обрусевшие потомки сибирских «князцов» добивались статуса российских дворян и соответствующих служебных назначений. Очень показательна в этом плане история братьев, тобольских дворян Ивана и Василия Яковлевичей Пелымских. В 1752 г. они обратились в Сибирский приказ с челобитной «дабы за службы предков их, князей Пелымских, и для отменной природы против прочих сибирских дворян, кои де дворянство собою заслуживают подобно как военнослужащие, а не предками издревне заслуженное», им возобновили прежнюю жалованную (их прапрадеду, крещеному вогульскому князю Александру) грамоту на княжение и представили к классным чинам. В подтверждение древности своего рода они, кроме справки из Сибирской губернской канцелярии о службах прадедов, дедов и отцов, даже ссылались на 4-ю главу опубликованной в 1750 г. «новосочиненной профессором Миллером Сибирской истории». После проверки представленных материалов Сибирский приказ обратился в Сенат с тем, чтобы согласно 50-й главе Генерального регламента и 1-го и 16-го пунктов «Табели о рангах» Пелымских «по той их отменной от сибирских дворян, кои определяютца по службам ис тамошних казаков, княжеской природной фамилии, и за немалыя от предков их и от них самих... службы не могли обретатца в силе состоящих по тому городу тобольского дворянского чину в равенстве, напротив оных имели преимущества, и отменность» признать «против российских дворян», наградить чинами и дать дворянскую грамоту. 9 марта 1753 г. Сенат, повторив в указе аргументы нижних инстанций, велел старшему Ивану дать чин поручика, а Василию - прапорщика. Через 4 месяца братья получили из Военной коллегии офицерские патенты. Ивана Сибирский приказ направил на место умершего коллежского асессора Фирсова при Кяхтинской таможне, но в конечном итоге он оказался воеводой в Березове, а Василия отправили в распоряжение Сибирской губернской канцелярии для определения к делам в острог или

дистрикт управителем. Через два года в 1755 г. Иван Яковлевич Пелымский, «поручик и князь», получил назначение в Красноярск товарищем уездного воеводы. С 1758 г. он стал воеводой, пробыв в этой должности 25 лет до отмены в Сибири воеводского управления. При отставке И. Я. Пелымского возвели в ранг коллежского асессора VIII класса чинов.

За время казенной службы Иван Пелымский нажил значительное состояние, которое, судя по объявленным капиталам красноярских купцов, было самым крупным в городе. По исповедной росписи 1769 г. он имел 12 дворовых трудоспособного возраста, а с членами их семей – 32 души. Надсмотр за ними воевода поручил тоже дворовым людям. Их трудом обслуживалась заимка в семи верстах от города под началом «приказчицы Настасьи и мужа ее Михаила Сафьянова». Кроме сельскохозяйственного производства, И. Я. Пелымский с братом, отставным прапорщиком, занимался винными откупами. Не исключено, что через своих родственников, енисейских купцов и мещан Самойловых, он участвовал и в торговых операциях. По крайней мере, средства у него для этого были. Так, в декабре 1788 г. неизвестные воры, которых не остановили запоры на двух каменных кладовых и замки устюжской работы на сундуках бывшего воеводы, унесли только деньгами 10 тыс. рублей, в том числе 7 тысяч «золотыми империалами». За три года до кражи И. Я. Пелымский въехал в новый первый в городе, частный каменный двухэтажный дом из девяти покоев с каменным же подвалом, оцененный в 1804 г. в 700 рублей (ныне на его месте здание гостиницы на Стрелке, пр. Мира 2). Своего сына Федора отец определил в Якутский пехотный полк солдатом (штаб в Селенгинске); с 1762 г. он участвовал в работе Первой ясачной комиссии капитана Щербачева в чине сержанта (г. Якутск); с 1764 г. в чине прапорщика переводят в новообразованный, из выведенных из Польши раскольников, Селенгинский драгунский полк; с 1769 г. полк под командованием И. В. Якоби выведен в Крым в театр военных действий против Османской империи; в сентябре 1775

г. полк вернулся в Сибирь, и князь Федор уже в чине капитана побывал дома в Красноярске; в начале следующего года ему удается уйти в отставку и вернуться домой, но семейная трагедия вынуждает его покинуть Красноярск и определиться на гражданскую службу в Иркутск, в местное коммерческое комиссарство комиссаром. В 1782 г. в связи с масштабными административными преобразованиями новый иркутский губернатор И. В. Якоби представил Сенату кандидатуру Ф. Пелымского на должность капитан-исправника в глухом Олекминском уезде. Сенат назначает его в 1783 г. судьей Олекминской нижней сельской расправы, которой были подсудны все крестьяне уезда, но Якоби самовольно все же определяет Федора в исправники «по его особливой расторопности и знанию тамошних всех обычаев». Через два года князь Федор пытается уйти со службы. 25 декабря 1785 г. И. В. Якоби подал рапорт в Сенат о том, что в Иркутск прибыл олекминский земский исправник, капитан князь Пелымский и поданным прошением просится «за болезями в нем имеющимися для излечения уволить в дом его, в город Красноярск». Как обычно ему предложили пройти медицинское освидетельствование. Иркутский штаб-лекарь Кратц дал письменное заключение о том, что «Пелымский имеет застарелую головную с шумом болезнь и частое корчение в желудке, и что по сей его болезни не уповательно, чтобы он прежде трех или четырех месяцев совершенно вылечен мог быть». Ссылаясь на медика, И. В. Якоби просит Сенат разрешить четырехмесячный отпуск Ф. Пелымскому. Через 2,5 месяца Сенат дает согласие и велит выдать паспорт для проезда, но с вычетом жалования за время отпуска и взятием подписки о возвращении на прежнюю должность.

В конце концов Ф. И. Пелымскому все же удается вернуться в Красноярск. От второго брака у него родился сын Варфоломей, который, войдя в возраст, сразу пошел служить по гражданскому ведомству и сделал для сибиряка хорошую карьеру. Сравнительно быстро, через шесть лет после поступления на службу копиистом в Красноярский земский суд, он получил

там должность секретаря и ранг колежского регистратора XIV класса, а с ним – права личного дворянина.

Чиновники Пелымские служили и в начале XX в. в Иркутской губернии, а Ольга Гавриловна Пелымская, литературовед по образованию, была в 60-х – начале 70-х гг. ректором Красноярского государственного педагогического института.

Источник: Быконя Г.Ф. Русское неподатное население… С.88-89; Красноярск: этапы исторического пути…С.56-59.

Поротовы.

16 февраля 1790 г. якутский сын боярский Тимофей Поротов подал местному коменданту, полковнику Григорию Алексеевичу Козлову – Угренину прошение о переводе его во дворяне, ибо по указу 22 января 1709 г. его отец, родом из казаков, был переведен из якутских детей боярских с жалованием 10 руб., пять юфтей хлеба и три пуда соли во дворяне по московскому списку с жалованием в 16 руб. из убылых окладов. На свое место Тимофей просил поверстать брата Ивана, который служил с 1700 г. (?) в Якутске и на Камчатке. Повышение отец получил за «сбор ясака в излишек» в 1706-1707 гг. в Батурской волости и Верхневилюйском зимовье. Челобитчик подчеркивал при этом, что в поданной им копии жалованной грамоты, выданной на якутского воеводу Траурнихту сказано, что дворянство по московскому списку дается наследственно, то есть «по смерти ево, на ево место быть сыну ево, Василью». Челобитчик в связи с этим предоставил особую родословную «Род Поротовых», в которой схема была прокомментирована. Из нее видно, что отец служил все время по штату. Его дети: Иван – служит в Охотской области унтер – офицером; Авраам – слеп, потому не в службе; Тимофей – проситель; Андрей – в Якутском дворянском штате сын боярский. Кроме того, у Ивана был сын Алексей, находившийся в казачьей службе в Охотской области, а Александр и Андрей – «мальцы»; у Тимофея и Андрея были сыновья Федор и Кирилл, которые обучались

«российской грамоте».

Столь позднее свое обращение по поводу законного статуса Тимофей объяснял тем, что после отца они остались малолетние, сам же в службу вступил в 1772 г. и «по незнанию» молчал. Якутский комендант направил прошение и приложенные к нему материалы в Иркутск генерал – губернатору Пилю, однако получил в ответ выговор, что не им этот вопрос решать, а высшему начальству. Тогда Якутск послал запрос в Герольдмейстерскую контору о том, точно ли была жалованная грамота Поротову. На это 19 ноября 1792 г., то есть через 2,5 года, пришел положительный ответ. Вместе с тем подняли материалы о службах Поротовых, что привело к значительной задержке в решении этого вопроса. Выяснилось, что еще в 1770 г. иркутский губернатор генерал – майор Иван Адамович Бриль якутского сына боярского Ивана Поротова за утрату собранных ясачных денег предписал выключить его из штатных списков, наказать кнутом и отправить в ссылку с семьей в Охотск на почтовый станок №7 на реке Амге, записав в разночинцы с платежем подушного оклада, с отводом под строение, скотский выпуск и пашню угодий в размерах, определенных новой Межевой инструкцией 1766 г. Якутская воеводская канцелярия возложила ответственность по выселению семьи Ивана Поротова на канцеляриста Аржакова, а по причислению в подушный оклад – на подканцеляриста Расторгуева, который заведывал подушным повытьем. Показательно, что Первая ясачная комиссия за «весьма малые взятки с ясачных» аналогичное наказание, только с принудительным поселением в новоучрежденный город Алдан, а также и в работы на Нерчинские заводы, назначила в 1768 г. 12 якутским казакам, в том числе одному сыну боярскому, и одному из бывших посадских.

Возможно наказанный Поротов не был прямым родственником просителя Поротова, либо наказания удалось ему избежать, в связи с чем имел место в декабре 1770 г. выговор А.И. Бриля Якутской воеводской канцелярии о том, что сам воевода ответственен за спущенное сверху

решение.

Как бы то ни было, Поротовы продолжали добиваться льготного статуса. Первого февраля 1795 г. Тимофей вновь сделал запрос о судьбе своего прошения «об утверждении меня с братьями и детьми в наследственном нашем дворянстве, а у высшего начальства просить награждения обер–офицерским чином». Интересно, что брат его Андрей и даже слепой Авраам тогда же запросили себе копии с жалованной грамоты деду, что хранилась в «Якутской архиве».

Настойчивость Тимофея Поротова была все же вознаграждена, но уже в правление Александра I. В 1810 г. он показан дворянином с 14 классом по Табели о рангах».

Источник: ЦГАРС. Ф.1. Оп.1. Д.117. Л.1-18; Ф.4. Оп.1. Д.28. Л.27об.-28.

Самойловы.

Свой род енисейские Самойловы вели от Карпа Самойлова, якобы русского дворянина, прибывшего из Москвы в Сургут в 1649 г. с двумя дворовыми на службу, стрелецким и казачьим головой. С 1660 г. он служит в Енисейске, получив в счет жалования землю на ближнем от города Подтесовском острове. После него остались сыновья Тимофей, Семен и Василий, все в звании детей боярских. Внук от первого сына, Алексей Тимофеевич, в окладе сибирского дворянина долго был местным казачьим головой и, используя свое положение, превратился в довольно крупного земле – и холоповладельца Средней Сибири. Он округлил свои владения в окрестностях Енисейска, где кроме старой Подтесовской деревни (она же Дурнино и Кекурская), завел две новых (Черменину и Самойлову). Кроме того, в 1736 г. А. Т. Самойлов купил у дворян Истопниковых соседнюю со своими землями «на лугу в кулиге» деревню Трескину с двумя семьями крепостных крестьян, всего 10 душ обоего пола. Из содержания купчей на деревню, точнее заимку, видно, что крепостные, кроме своего хозяйства, обрабатывали хозяйскую пашню и пасли хозяйский скот. За 170 рублей были

проданы «хоромного и дворового строения изба с клетью, да два амбара деревянные, да крепостных наших людей мужска и женска полу русской породы... и с их собственными пожитками и со всяким скотом» . Старшему сыну Ефиму 1745 г. отец передал свою должность казачьего головы и звание сибирского дворянина. Остальных же четырех сыновей (Петра, Степана, Антона и Константина) он, дальновидно, учитывая явное снижение престижности казачьего сословного статуса, записал в торгово-ремесленное сословие. Все они, кроме Константина, в 1775 году, когда ввели три гильдии купцов, не вошли в купечество. Движимое имущество, деньги и по третьей ревизии в 1762 г. 86 человек дворовых и крестьян раздробились среди многочисленных членов клана Самойловых, а большую часть земли казна в 80-х гг. отобрала для помещения ссыльных. Младший Константин начинал рядовым промышленником, как обычно получая полпая «упромышленной пушнины» или 50 рублей в год, и стал самой крупной фигурой среди жителей Приенисейского края, участвовавших в промысловом освоении Северной Америки. Широко известно и трижды публиковалось (1944, 1948 и 1989 годы) «Наставление»... ему Колумба Российского, Григория Шелихова, данное в заливе Чугацком на Кадьяке 4 мая 1786 г. Однако о самом Самойлове все авторы говорят только в связи с этим документом, что вряд ли оправдано по отношению к первому управителю Северо-Восточной американской компании, предшественнику Е. И. Делярова и А. А. Баранова. По данным Л. А. Ситникова, автора интересной биографии Г. И. Шелихова, К. Самойлов еще в 70-е гг. руководил промысловыми партиями шелеховских компаний совместно с Лебедевым-Ласточкиным. В добротной монографии Р. В. Макаровой находим, что он был передовщиком артели, которая в 1777 г. из Охотска отправилась к Алеутским островам на судне «Андрей Первозванный» компании курского купца Ивана Голикова и Г. И. Шелихова. Экспедиция была трудной: первую зиму пришлось провести у Камчатского берега в районе современного города Петропавловска-Камчатского, на

обратном пути с о. Атту из-за бури не удалось забрать часть артели, а у о. Беринга судно, шедшее от о. Амчитка, потерпело крушение. Тем не менее компания получила мехов на 133150 руб. Взял Г. И. Шелихов К. А. Самойлова и в свое первое крупное плавание в 1783—1786 гг., предпринятое на трех кораблях: «Три святителя», «Симеон и Анна», «Архистратиг Михайл». Две зимовки на Командорах (1784) и на Кадьяке протекали тяжело. Часть промышленников запьянствовала, другие пытались бунтовать, недовольные строгой дисциплиной, запретом частной торговли, мягким обращением с алеутами и индейцами-«конягами», смертностью от цинги, непрестанной военной угрозы от немирных племен. В преодолении этих всех тягот правой рукой Г. И. Шелихова стал К. А. Самойлов. Из 132 человек команды двух кораблей он оказался самым подходящим, чтобы возглавить начатое дело, когда весной 1786 г. Г. И. Шелихов отправился на «Симеоне» обратно в Охотск за подкреплением. В специальном, данном по этому случаю «Наставлении» Константин Алексеевич назван главным управителем, чьи труды, помимо обычного контракта должны вознаграждаться еще двумя паями. По настоянию Г. И. Шелихова на общем сходе промышленники выбрали его и «передовщиком» вместо проштрафившегося Сакулина, и мореходом, то есть ему подчинялись как промысловые партии, так и судовая команда «Трех святителей». «Наставление» было перспективной программой утверждения русских в Северной Америке. Как доказательство своих государственных планов копии этой инструкции Г. И. Шелихов подавал иркутскому генерал-губернатору И. В. Якоби и самой Екатерине П. С выходом в 1792 г. книги Г. И. Шелихова о его странствованиях из Охотска к американским берегам, вся читающая Россия узнала о высоких деловых качествах К. А. Самойлова. «Колумб Роский» называл его человеком, на которого во всем можно было положиться. К. А. Самойлову не суждено было полностью реализовать «Наставление». Годы и напряженная деятельность подорвали его здоровье. Поэтому в 1787 г. К. А. Самойлова сменил Е. И.

Деляров, однако последнему указывалось, что Константин Алексеевич, если позволит здоровье, остается ему во всем помощником и советчиком. Это явно высокая оценка Самойлову на должности главного управителя. Одно распоряжение ему от Г. И. Шелихова находится в Юдинском собрании документов по истории РАК в Госархиве Красноярского края.

40-60 гг. XVIII в. были пиком расцвета клана Самойловых. Степан после иркутского погрома коллежским асессором Крыловым, исполнял должность президента Иркутского провинциального магистрата. Енисейцы его выбрали депутатом в Уложенную комиссию 1767 г., в которой он рьяно отстаивал интересы имущей верхушки горожан Сибири. Три сына Ефима тоже пошли по военной линии, выслужили первые офицерские чины, как и старший сын Степана Михаил. В начале 90-х гг. они перешли в гражданское ведомство, став дворянскими заседателями в Ачинском уезде Тобольской губернии и Мологском уезде Ярославской губ., в Енисейском и Нарымском нижних земских судах. В 60—80-х гг. XVIII в. у клана Самойловых числилось более 100 чел. дворовых и крепостных крестьян. Несмотря на запретительные указы верховной власти, Самойловы, используя дворянский статус двоих своих членов клана, до 1861 г. сохранили значительные земли, всего до 150 тыс. лес. и десятки крепостных.

О нравах, бытовавших в верхушке тогдашнего провинциального общества, свидетельствует история невестки последнего в истории Красноярска воеводы, в девичестве Самойловой. Петр Алексеевич Самойлов породнился с воеводой И. Я. Пелымским, выдав в 1766 году свою 24-летнюю дочь Матрену за воеводского сына Федора, прапорщика Селенгинского полка. Последний даже не догадался, что его нареченая вышла за него, будучи беременной, и тайно родила, когда он находился по месту службы. Супруги редко бывали вместе, так как Федор «немалое время по заводам и по разным селениям имел отлучку». Матрена же после смерти свекрови Анны в 1773 году оказалась в воеводском доме полной хозяйкой. По ее собственному

признанию «по попущению судьбы, и по действу дьявольскому, будучи пьяной, впала в прелюбодеяние с домовым свекора управителем Петром Березкиным». Имея с ним «скрытую любовь», тайно родила на заимке девочку, которую с помощью приказчицы Настасьи и ее мужа Михаила Сафьянова, подкинула в д. Заледеевской к солдатихе-вдове. Приемная мать крестила девочку, но та вскоре умерла от озноба. Третьи же роды в феврале 1776 года Матрене не удалось скрыть, ибо некстати нагрянувший после отставки муж застал ее с младенцем на руках, «счел месяцы» от последнего своего приезда домой и обнаружил, что жена не доносила три месяца, если бы ребенок был его. Федор, по его словам, «по одному моему любопытству, которое однако было без всякой грубости», допытался обо всех грехах жены. Считая ее «ложью наполненной, потерявшей честь женщиной», он решил развестись. Чтобы избежать огласки и позора, Ф. Пелымский вместе с духовником придумывают подходящую версию. Матрена согласилась «выступиться одержимой» и написать «ложное прошение о разводе» под давлением, по ее словам, «немыслимых угроз, бедности и страха». Однако через полтора месяца, 8 октября тобольский епископ Варлаам отказал в разводе, поскольку «нет таких правил» и велел вернуть взятые 50,5 коп. пошлины с челобитья. Федор Пелымский все же стоял на своем. Он вернул жене часть приданого и выгнал из дома, предварительно заставив ее подать новую челобитную, но уже в Иркутскую консисторию, ибо служил в Иркутске. Прошло 2,5 года прежде чем иркутский епископ Михаил разрешил ему развод и повторный брак. Все это время Матрена жила в Канском остроге у брата, енисейского мещанина» Николая Петровича Самойлова. Узнав о готовящемся втором браке Федора, она решает помешать ему. Канские родственники (двоюродная ее сестра была замужем за отставным капитаном Чувачевым, ведавшим казенным хлебным магазином) тоже недоумевали, не зная подлинных мотивов разрыва супругов, как можно при живой жене вновь вступать в брак. Брат даже написал от имени Матрены обращение в суд в

Иркутск (февраль 1780) и челобитную тобольскому епископу Варлааму (5 июля). Мешая правду с ложью, они обвинили во всем Пелымского. Мол он, не любя ее, насильно заставил писать ложное челобитье о разводе. Она же об этом даже не помышляла, так как еще молода и здорова. Епископы снеслись друг с другом, и Варлаам велел заказчику Красноярского духовного правления Михайловскому провести расследование. С Федора, который приехал в Красноярск, чтобы получить от отца благословение на второй брак, затребовали письменное объяснение. Он подал его 9 января 1782 года, где истинной причиной развода объявил нелюбовь жены и ее распутство. Он, в частности, писал: «Ныне уже пятый год жену свою не признаю, бещестие и стыд скрыл (и велел — Г. Б.) удалиться для уединения куда только пожелает». Федор утверждал, что отдал даже часть своего имущества, надеясь на ее раскаяние, она же всячески досаждала ему и отцу его, воеводе. Под давлением улик Матрена через месяц, 5 февраля, подает «извинительное доношение», в котором писала, что после обвинений мужа «почувствовала я в совести своей по справедливости страх и суд божий и признание чистосердечно объявляю». В результате Ф. Пелымский 11 марта получил все же разрешение и от Тобольска на второй брак, хотя позже Синод его аннулировал, ссылаясь на то, что брак не расторгают по обету, или из-за болезни. Тогда же консистория велела капитаншу Матрену, «чтоб она впредь не могла учинить какого грехопадения, исполнять семилетнюю епитимью в Енисейском девичьем монастыре под присмотром игуменьи и в той церкви священника, а на пропитание свое просить от бывшего мужа». Матрена прибыла в монастырь через 2,5 месяца, «но содержание муж не дал», как доносила игуменья Улита. Сохранилось любопытное «Расписание, каким образом Матрене Петровой чрез семь лет епитимью исполнять: Два года плакатися, стоя вне церкви и вне притвора, и каждого входящего в церковь молить со слезами, припадая молиться за нее. Два же года слушать божественных писаний, стоя против царских дверей церковных в притворе,

не входя в церковь. Два ж года припадать, стоя внутрь церкви от задния стены амвона до святого евангелия, по святым же евангелии, егда возгласит диакон елицы оглашении изыдите исходить и ей со оглашенными и пребывати вне церкви до скончания божественной службы. Един же год стоять с верными внутрь церкви до окончания божественной службы, и по совершении стояния с верными сподобить ее святаго причастия. Между же тем, в случае смертнаго часа а силу Перваго вселенского Собора 13 правила сподоблять ее святаго причастия, а когда уздравляет, то паки до окончания означенных лет до оного не допущать, а велеть исполнять определенную епитимью, и будучи ей под епитимиею, кроме литургии в церковь входить, и где она похощет стоять на утренях и вечернях не возбранять, а во время литургии поступать по предписанному росписанию». Вместе с тем эту несчастную женщину ждали и другие, не менее горшие испытания. 30 сентября 1782 года Матрена просит Красноярское духовное правление отбывать епитимью в Красноярске, так как в Енисейске «находятся родные и двоюродные братья и прочие свойственники, из них некоторые, забыв справедливость честной совести, наносят мне всекрайнейшия преобидности, ругательства и поношения (из-за того – Г. Б.), что я не подаю иск на воеводу Ивана Пелымского о возвращении приданого на 7 тыс. рублей». Через 3,5 месяца, 13 января 1783 года, Тобольская консистория удовлетворила ее просьбу[5].

Образ жизни Матрены Пелымской был во многом типичен для жен материально обеспеченных офицеров и чиновников в обер-офицерских чинах и рангах. Они не ездили с мужьями по их многочисленным назначениям: по нашим подсчетам, каждые 4 года менялось место жительства и каждые 5 лет-должности.[6] Наоборот мужья стремились изо всех сил служить по месту проживания своих семей. Однако в Сибири была хроническая нехватка управленческих кадров и офицеров. Поэтому центральная власть чинила всяческие препятствия для реализации дворянством указа 1762 года о праве самим решать служить им или не служить. Показательны в этом плане

службы Федора Ивановича Пелымского.

Источник: Быконя Г.Ф. Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII-XVIIIвв./ Материалы к спецкурсу и спецсеминару.- Красноярск, 1979.С.96; Ситников Л.А. Григорий Шелехов.- Иркутск,1990. С.151-152; Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века.- М.: Наука, 1968. С. 76-77, 185; Быконя Г. Ф. Русское неподатное население … С. 238—240, 156,180-182, 204-205. Табл.17; Быконя Г. Ф., Федорова В. И., Бердников Л. П. Красноярск в дореволюционном прошлом. XVII—XIX века.-Красноярск: Изд-во КГУ, 1990, с. 59); Громыко М. М. К характеристике сибирского дворянства XVIII века //Русское население Поморья и Сибири. - М., 1973, С. 361; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1, Д.. 739. Л. 353-354 об; ТФ. ГАТО. Ф.150, 1777 год, Д. 108, Л. 1-48.

Сенотрусов.

Сенотрусов родился в 1754 г. в семье иркутского приказного. Службу он начал 13 лет с 28 ноября 1787 г. - копиистом в Иркутской губернской канцелярии, через 10 лет получил подканцеляриста. С открытием в 1783 г. наместнического правления был взят в ее канцелярию и пожалован 19 апреля 1784 г. канцеляристом. С открытием в Охотской верхней расправе секретарской вакансии в октябре 1788 г. правитель Иркутского наместничества М. Арсеньев направил в Департамент герольдии Сената рапорт, где представил на эту должность Сенотрусова, который по его словам «в настоящем чине состоит уже пятый год и потому в поощрение его к дальнейшему продолжению службы и в сравнение сверстников, поступивших в обер-офицерские чины». Правитель наместничества просил утвердить «Сенотрусова в сем звании с награждением по месту секретарским чином».

Через полтора месяца 22 декабря 1788 г. Сенат утвердил представление Арсеньева, но поскольку секретарям верхних расправ положен 12 класс и 375 руб. годового жалования, то велел быть Сенотрусову «секретарем зауряд…, а

о награждении его чином доложить впредь при будущем производстве».

В момент представления канцелярист был женат на дочери «церковного служителя» Литвинцева Христине и детей не имел.

Источник: РГАДА. Ф.286. Оп.1. Д.766. Л.231-234.

Сиротинины.

На их судьбе хорошо прослеживается процесс превращения потомственных красноярских казаков в крестьян, чьи потомки до сих пор живут в Красноярском крае.

Среди первожителей Красноярска Сиротининых нет. Очевидно их предок попал в этот опасный для жизни острог – крепость после 1667 г., когда гарнизон чудом уцелевшего Красноярска вновь основательно пополнили. По крайней мере, по подворной переписи населения Красноярского уезда 1671 г. в городе жил семьей конный 5-тидесятник Иван Андреевич Сиротинин, 26 лет с восьмилетним сыном «Родькой». Скорее всего он был первым из Сиротининых на красноярской земле, иначе его отец Андрей, как и многие казаки красноярского гарнизона, обзавелся бы отдельной заимкой или перешел жить в деревню. Двор Сиротинина находился сразу за южной стеной малого Красноярского острога близ Енисея (начало совр. ул. Каратанова). Еще в конце 30-х годов XVIII в., судя по ответу на девятый вопрос Татищевской анкеты в Красноярске имелся «Сиротинин своз». С 1675 г. до конца столетия в «крестоприводной и шертовальной верстальной и разборной, а также писцовой книгах» по Красноярску числился ещё пеший казак «Елейка Сиротинин», очевидно брат Ивана. Последний до 1689 г. последовал примеру старожилов и где то в конце XVII в. переселился в подгороднюю Торгашинскую деревню, основанную еще до 1647 г. казаком Торгашиным. В начале XVIII в. к нему перебрался и Елейка, ставший конным казаком. Братья обжились и завели хлебопашество. Так в писцовой книге 1702 г. у двух братьев, конных казаков Сиротининых, отмечено 2 2/3 дес. пашни, причем данную на эту заимочную землю они не

предъявили, отговорившись нечаянной утратой. Ландратская подворная перепись 1713 г. среди 20 дворов д. Торгашино называет двор конного казака Ивана Сиротинина, где кроме его жены и сына находилась бездетная «дворовая баба». Скорее всего это была вдова его холопа из татар, который еще в 1680 г. вместе с хозяином участвовал в походе против енисейских киргизов.

С окончательным закреплением русских в Северном Присаянье Сиротинины приняли активное участие в массовой сдвижке жителей старожильческого района на юг. Тем более, что с введением подушной системы обложения с 1724 г. многих казаков не оставили в штате на службе, а записали разночинцами, обязанными, как крестьяне, нести денежные подати и натуральные службы. Мало того, после отставки казаков до 1787 г. записывали в тяглое состояние, что, кстати позволяло проследить судьбу их потомства, если их не верстали тоже в службу. В конных казаках остались, судя по списку Красноярского казачьего войска 1741 г. и материалам второй переписи трое Сиротининых Дмитрий, Михаил и Степан. Последний, как младший, оставался в д. Торгашино. В 1734 г. он в качестве 5-ти десятника руководил отправкой казенного провианта в Илимск для нужд Второй Камчатской (Великой Сибирской) экспедиции знаменитого командора Витуса Беринга. По второй ревизии 70-тилетний Степан числился уже разночинцем, а его семья показана в Торгашино и по третьей ревизии 1762 г. Конный казак Дмитрий Сиротинин с семьей перешел из Торгашино в деревеньку из пяти дворов Сыдинскую (первое упоминание о ней в 1712 г.). После его смерти в 30-х гг. всех записали разночинцами, причем сразу же сына Льва взяли в рекруты. По второй переписи и ревизии 1747 - 49 гг. главой семьи являлся сын Иван 37 г., у которого было семь сыновей (Мирон – 17 лет, Семен – 14 лет, Демид – 6 лет, Михаил – 3 г., Григорий – 3 г., Федор -2 г. и Федор же – 20 дней). У него же жил, доставшийся по семейному разделу со Степаном, дворовый человек Афанасий, которого записали тоже разночинцем, так как

по Сенатскому указу перед переписью 1744 г. тяглое население не имело право владеть людьми. Тогда же, и тоже из Торгашино, в лежащую южнее д. Ербу (первое упоминание в 1720 г.) перешел сын умершего конного казака Михаила Сиротинина, разночинец Алексей 46 лет с братьями: женатым Родионом – 43 лет (сыновья его Андрей – 13-ти лет и Иван – 3 г.), Василием – 41 г. и Никитой – 27 лет. У главы же этой семьи Алексея, состоящей, не считая душ женского пола (их не указывали), из 11 душ муж. пола, живших одним подворьем, Алексея, было пять сыновей: Андрей – 20 лет, Алексей – 15 лет, Степан – 8 лет, Иван – 5 лет и Афанасий – 3 г. В тот же район, в котором наиболее близко сходились бассейны Енисея и Оби через Чулым, переселился в д. Медведево (она же Убей, основанная в 1720г.) казачий сын Иван Сиротинин с семьей. По второй ревизии он числился разночинцем 60 лет с четырьмя сыновьями (Тимофеем – 31 год, Федором – 29 лет, Дмитрием – 26 лет, Андреем – 18 лет) и четырьмя же внуками (у Тимофея – Семен – 10 лет, Степан – 7 лет, Иван – 4 недели; у Федора – Алексей – 4 недели). Судя по месту выхода и именам, все они явно были потомками Андрея Сиротинина.

Подушные переписи и ревизии не учитывали неподатное население. Поэтому трудно что-то сказать о тех Сиротининых, что оказались поверстанными в штатное число казаков после 1741 г. Между тем они могли быть. Об этом свидетельствует тот факт, что отмеченный по первой переписи старший сын конного казака Михаила Иван, по второй переписи не показан с братьями – разночинцами и в д. Ербе, ни в Торгашино, ни в книге убылого населения между первой и второй ревизиями. Правда, со временем и они с отставкой оказывались разночинцами,которых по третьей переписи перевели сразу в потомственных крестьян. Так, среди жителей Красноярска по исповедным росписям 1769 г. и штатным спискам Красноярского казачьего войска 1794 г. Сиротинины не числились. Зато к концу XVIII в. они проживали минимум в десяти селениях на территории земских изб Минусинска и Караульного острога. В основанной ими деревеньке Курья в

1775 г. встречаются в источниках Дмитрий, Федор, Андрей, а к 1796 г. у первого были еще сыновья Иван, Тихон, Алексей; да кроме того жил Иван Григорьевич; в д. Сисим (в 1775 г. – Дмитрий и Егор); с. Кривошеинском (в 1786 г. – Михаил); в д. Брагиной (в 1786 г. – Егор с братом); в д. Сыдинской продолжали жить в 1796 г. – 9 рев. душ в одном дворе; в д. Койской – семья тоже из 9 рев. душ; в д. Ерба продолжали жить целых 18 рев. душ Сиротининых, причем самая крупная семья в деревне у них состояла из 7 рев. душ. По семейным воспоминаниям потомков Сиротинины проживали также в дд. Куртак, Новоселово и Карелка.

Все они показаны крестьянами. Судя по их участию в поставках сотен пудов хлеба, сотен фунтов пеньки и «пряди льняной» для Колывано – Воскресенских заводов на Алтае, они были крепкими хозяевами. Один из них подряжался в артель для строительства речных судов – дощаников для тех же заводов. Заметны Сиротинины и в крестьянском самоуправлении. Так, в январе 1796 г. один из Сиротининых из д. Койской отбыл в Барнаул в качестве заседателя верхней сельской расправы, судебного аппеляционного органа для крестьян всей Колыванской губернии, куда относился до 1797 г. весь Красноярский уезд.

Источник: РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.2242. Л.86; Д.5176. Л.54.; Ф.1019. Оп.1. Д.54. Л.2об.,8; Ф.350. Оп.3. Д.945. Л.153об., 751; ГАКК. Ф.592. Оп.1. Д.26. Л.1-50; ГААК. Ф.1. Оп.1. Д.721. Л.241об., 244,245; Оп.2. Д.147. Л.52, 82,93об.; Ф.169. Оп.1. Д.323. Л.149об.; Ватин В.А. Село Минусинское. – Минусинск, 1914, С.30,32,51; Бахрушин С.В. Очерки истории Красноярского уезда в XVII в. //Научные труды. Т.IV. – М., 1959. С.68,143, 218.

Солдатов К.И.

Командир казачьей команды Нижнее-Ковымской крепости сотник Солдатов Козьма Иванович (1746 - ?) подал в отставку 54 лет в 1800 г. Он был из казачьих детей, начал служить в 16 лет с 20 июля 1762 г. Как он сам

показал, «со вступления в службу находился в Якутске в караулах и в разных командирациях до 765, а с 765 командирован господину морского флота 1-го ранга капитану Креницыну в морской секретный вояж, где и продолжал службу по 1769-й год за матроса, а с 1768-го и 1769-го г. находился в Якутске при казацкой команде в караулах и в разных командирациях; а в 770-м г. по выбору Якутской казацкой команды отряжен с сыном боярским Ильей Кобяковым в приемщики ясашной мягкой рухляди, которая и доставлена благополучно в Санкт-Петербург до Кабинету, а за дальностию дистанции места награждены ис Кабинета не в зачет жалованья денежным награждением. А с 1774 г. прибыли обратно в Якутск и находился с 1771-го по 1774 г. в караулах и разных командирациях; а 1774-го отдан был из оной казацкой команды провиантскому подрятчику Киселеву для понуждения и доставки казенного подрядного провианта в Охотский порт, где находился до 1777-го; а в 1777-м г. командирован был с господином полковником Кирсановым в Ковымские крепости для препровождения и переводу якутского разговору, равно и от него ж, господина полковника, командирован был из Ковымска с командою для описания вновь изысканного тракта к Якутску; а со оного году по 781-й г. находился при Якутской казачьей команде в караулах и разных командирациях; а на 1781 г. выбран был казацкой командою приходчиком и расходчиком казенному провианту, где и находился по 1782 г.; а с 1782 по 1783 г.находился в караулах; а 1783-го февраля 11-го числа командирован по Охотскому тракту до урочища Кем – Чаю для приисканию прежде посланной и утраченной сержантом Бреховым почты с колодником Магарской волости якутом Степаном Семеновым с товарищи; а во оном году отправлен по ордеру Якутской казачьей команды в Нижнековымскую крепость к команде начальником, где и поныне находится при казачьей команде; а в 1788-м и в 1793-м гг. по повелению начальств к принятию чукотского народа произведены с командою строения покоев с обнесением оных вокруг лежачим заплотом по рекам Большому и Малому

Атоям при урочищах Ангаке и Островном, о чем имеет от начальства повелениев, також и по бытию ево в Н-Ковымске по разным прежним повелениям в командирациях бывал, в чем от бывших господ Зашиверской округи земского исправника, бергешворена Баннера, равно и прапорщика Гуляева имеет аттестаты, с которых при сем приложены точные копии».

Солдатов по формулярному списку был ростом 2 аршина и 6 вершков, лицом смугл и ряб, нос прямой, глаза серые, брови светлорусые, волосы на голове темнорусые с небольшой сединой, на правой стороне ниже губы от порубу рубец. За 38 лет службы Солдатов дошел только до сотника.

Еще до поездки с полковником Кирсановым его произвели 25 февраля 1777 г. в капралы, после удачно найденной почты он стал с 22 июля 1783 года урядником и получил под свою команду Н-Ковымскую крепость. В сотники был произведен 24 октября 1784 года и 16 лет пробыл без повышения.

Солдатов был женат на «казацкой дочери Палагее Федотовой», вырастил двух сыновей, которые оба к 1800 г. были казаками.

Подав в отставку, он попал 30 марта 1800 г. к освидетельствованию у зашиверского лекаря Малиновского, который дал заключение о том, что «Солдатов страдает чахоткою, лихорадкою, слабое имеет и болезненное зрение и глухоту, которые болезни по причине старости его лет суть неизлечимы, а почему он, Солдатов, впредь к продолжению службы своей совершенно неспособен».

Источник: РГВИА. Ф. 13. Оп. 2/110. Св.176. Д.161. Л.63-65об. Формулярный список от 14 апреля 1800 г.

Турчанинов А.П.

Губернский землемер IX класса Андрей Петрович Турчанинов 1741 г. рождения, из казачьих детей, женат. 29-летний сын Василий находился почтальоном в Иркутской почтовой конторе. Сам службу начал «навигатским учеником 1 августа 1754 г., через 6 лет – штурманским учеником. В этом

звании был командирован из Охотского порта в 1760 г. в морской вояж; отбыл со вновь найденными черными и черно-бурыми лисицами в 1763 г. в Москву, а по возвращении в 1764 г. по указу Сената 17 апреля 1764 г. прикомандирован к купцу Шалаурову в морской вояж; потом находился в г. Якутске за описанием земель и сочинения планов, також и при бывшей там навигатской школе учителем в 1765 г. С 29 июля 66 г. – у описания границы реки и положения Туруханского и Жиганского уездов». За труды 1 апреля 773 г. произведен геодезии старшим сержантом, а в марте 1796 г. – уездным землемером.

В этом звании был в командировках: 1792г. – для «снятия» почтовых дорог в пределах Якутской области. Прапорщиком произведен в 1792 г. 14 декабря. Прибыв в Иркутск, делил леса на лесосеки. Затем с 1797 г. был у межевания Биликтуйской станции к Тельминской суконной фабрике в одну окружную сторону и сочинения оным планов. По И. у. 11 января 1797 г. переименован городовым секретарем. На следующий год обмежевывал волости по Иркутскому уезду. По Сенатскому у. 2 декабря 1798 г. произведен в титулярные советники со старшинством с 1797 г. 31 января.

В 1799 г. был у обмежевания к монастырю и волостям земель; с 28 декабря 1800 г. назначен губернским землемером. Затем в 1801 г. был занят описанием и размежеванием г. Иркутска выгона; снятием о. Ольхон на план, куда Тельминскую суконную фабрику переносить собирались. В 1802 г. еще ездил для подыскивания около Китайской границы в В-Удинском уезде к населению астраханских крестьян удобных земель. Ныне находится у дел в губернской чертежной».

В рубрике о служебной пригодности отмечено, что «пригоден, достоин (к повышению), но по старости лет безсилен продолжать службу».

Источник: ЦГИА. Ф.1349. Оп.6. Д.573. Л.230-230об.

Старостин Е.И.

Якутский дворянин Ефим Иванович Старостин, 1762 г. рождения, 26 лет, женатый, два сына – Василий – 6 лет и Иван 4 лет; аттестуется хорошо. Интересно, что в графе о происхождении и из каких чинов и когда в службу вступил, отмечено, что он «из детей дворянских», хотя его отец в это время был сыном боярским. По предложению губернатора Ф.Н. Клички возведены сразу в дворяне 9 марта 1780 г., то-есть 18-ти летним. Тогда же он видимо и начал служить, ибо в графе о прохождении службы отмечено: «с определения во дворяне находился в 1780 г. у смотрения якутских питейных сборов при винных подвалах, в 1783 г. – в Верхоленске в должности соляного пристава; в 1785, 786 и 787 гг.- в нижнем земском суде в должности дворянского заседателя».

Старостин И.С.

Якут, дворянин Иван Степанович Старостин родился 1730 г., из казачьих детей, вступил в службу 11-летним, в 1741 г., стал сотником через 11 лет в 1752 г., а на следующий год оказался «по указу Сибирского приказа во дворянах». Он не был в подушном окладе, женат, нет детей, хорошо аттестуется.

В графе о службах записано: «С определения находился в караулах: в 1742 г. – в Батуринском улусе за сбором подводных лошадей; в 1743 и 744 г. – в Верхневилюйском зимовье при комиссарах у ясачного сбору; в 1746 г. – в Кангаласском улусе толмачем при ясашном сборе; в 1747 и 748 – в Средневилюйском зимовье у сбору ясака при комиссаре; в 1749 г. – в том же зимовье счетчиком; в 1750 г. – в Верхневилюйском зимовье для отправления подводных лошадей ясаулом; в 1753 г. – отправлен в Москву в бывший Сибирский приказ с нужнейшими делами; в 1754 г. – по указу Сибирского ж приказа в дети боярские; в 1755 г. – в полиции за полицмейстера; в том же году в Жиганском зимовье за сбором ясака комиссаром; в 1756 г. – в Москву за отвозом высоких цен ясашной мягкой рухляди; в 1758 г. – за сбором

подводных лошадей; в 1759 г. – в Верхневилюйском зимовье за сбором ясака, комиссаром; в 1760 г.- за отвозом в Охотск денежной казны, двоенного и простого вина; в 1764 г. – провиантмейстером при Якутских магазинах; в 1766 г. – в Олекминском остроге за сбором ясака комиссаром; в 1767 г. – в разных городовых службах; в 1768 г. – при бывшей в Якутске комиссии и отправлен в Тобольск с господином коллежским советником Черкашениным; в 1769 г. – пожалован во дворяне и отправлен от Главной о ясаках комиссии над ясашным народом опекуном; в 1770 г. – в Якутской воеводской канцелярии в должности воеводского товарища, от которой должности сменен; в 1771 г. – находился над ясашными опекуном же; в 1773 г. – над дворянским штатом старшиною и над казачьей командой командиром; в 1780 г. – в Верхоянском комиссарстве в должности комиссара; в 1782 г. – за отвозом в Иркутск ясачной мягкой рухляди; в 1783 и 784 г. – в Верхневилюйском комиссарстве в должности комиссара; в 1786 г. – над дворянским штатом старшиною; 1787 г. – в должности винного пристава.

Источник: РГАДА. Ф.286. Оп.1. Д.782. Л.4.

Уваровский Я.М.

Якутский дворянин Яков Михайлович Уваровский 44 лет, родом из казачьих детей, стал казаком в 21 год в 1759 году. В 1763г. Сибирский приказ его сделал сотником, на следующий год Д.И. Чичерин произвел в дети боярские, а в 1782 г. Кличка присвоил ему звание якутского дворянина.

В отличие от Старостина казачья служба Уваровского не расписана подробно:

«в 1765 г. – в Наменском улусе, а 1766 г.- в Среднековымском зимовье за сбором ясака комиссаром; 1769 г. – у прихода и расхода денежной и товарной казны рентмейстером и над дворянским штатом старшиной; 1769 г. – за отвозом в Охотск казенного провианта;

1770 г.- за исправлением станков до Витимской слободы и по Охотской дороге до Алдану управителем; 1773, 1774 и 1775 г. – в Олекминском остроге

в хлебопашестве смотрителем;

1776 и 1777 г. – командиром в том же остроге и у приходу-расходу рентмейстером;

1778 и 1779 – у закупки лосинных кож; с 1780 г. – за отвозом в Иркутск ясашной казны;

1781, 1782 г. – в Олекминском комиссарстве рентмейстером; 1783 г. – в Амгинской слободе над крестьянами в хлебопашестве смотрителем; 1784, 1785 г.- в губернском магистрате у приходу и расходу канцелярской суммы и денежной казны; 1786 г. – за сбором на экспедицию подводных лошадей; 1787 г. – в нижнем земском суде в должности дворянского заседателя».

Источник: РГАДА. Ф.286. Оп.1. Д.782. Л.6. 1788г.

Яковлев Г.

О боевом пути Селенгинского полевого пехотного полка свидетельствует послужной список прапорщика Григория Яковлева, который присланный в Сибирь 30-ти летним, из города Бердичева из вольно вступивших конфедератов. 10 марта 1764 г. он начал в нем службу рядовым. Полк с 6 марта 1769 г. до 1770 г. был в походе «с китайской до крымской границы», в том же 1770 г. принял боевое крещение «в Крымской компании под Перекопом, отколь возвращаясь к своим границам по особливому повелению к стороне города Кинбурна до Урочища Конфилов против Кизи – Кермена; в 1771 г. в Крымской же кампании (участвовал – Г.Б.) и при штурме Перекопской линии, и при взятии городов Перекопа и Кафы; в 1773 и 1774 гг. (действовал – Г.Б.) в Кубанской степи до города Копыла и за реку Кубань и до самых лежащих к горам черных лесов; в 1783-м октябре 7-го у усмирения бунтующих в горах народов в сражениях находился; в 1787 в январе месяце для усмирения бунтующих в кавказских горах каскалыков и акссаевцев, того ж года октября со 12 ноября по 5-е за реками Кубанью, Лабой и до самых ущелий гор для усмирения бунтующих кубанцев».

В начале 1786 г. 1 февраля по расформированию полка Яковлев был

переведен в Кубанский 1-й егерский батальон в том же чине сержанта. В ходе русско – турецкой войны он выслужил капральский чин (1 сент. 1774 г.). Через 10 лет его возвели в курьеры, а в новую часть он вступил сержантом.

Источник: РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.6211. Л.782об.-783.